МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УНИВЕРСИТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ДИПЛОМАТИИ

Ш.Ш. Таджиев

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Монография

ТАШКЕНТ – 2023

УДК: 711.62(58)
ББК: 38.71(54)
Т 12

Таджиев Ш.Ш. Центральная Азия в условиях трансформации мирового порядка: методологические и концептуальные подходы [Текст] / Ш.Ш. Таджиев. – Ташкент: "Complex Print", 2023. – 295 с.

Монография рекомендована к печати на заседании Ученого совета Высшей школы стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан (протокол № 143 от 29 декабря 2022 г.)

Ответственный редактор: **Ш.М. Абдуллаев,** докт. истор. наук, проф.

Рецензенты: **Б.А. Абдухалимов,** докт. истор. наук, проф. (Академия наук Республики Узбекистан),
К.А. Джураев, докт. полит. наук, доцент (Олий Мажлис Республики Узбекистан)

Автор выражает глубокую благодарность
директору Высшей школы стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан доценту ***М.И. Атаеву*** *за всемерную поддержку в подготовке данной работы.*
Отдельная благодарность научному консультанту автора докт. юрид. наук, проф. ***И.И. Бобокулову***

В монографии всесторонне рассматриваются вопросы трансформации миро-вого порядка в контексте процессов современного регионального строительства в Центральной Азии. Анализируются теоретико-методологические подходы к изу-чению категории «мировой порядок», изложено авторское видение эволюции принципов Вестфальской модели в условиях глобализации и предложена трансформационная модель мирового порядка с позиции теоретического плюрализма. Исследованы особенности, условия и факторы трансформации современного мирового порядка через призму региональных процессов в Центральной Азии.

Изложены авторские концептуальные подходы к проблемам регионализма и регио¬нального порядка в Центральной Азии в условиях трансформации современной международно-политической системы. Подробно анализируются внешняя политика государств региона в контексте их национальных стратегий развития и позиции внерегиональных акторов в отношении центральноазиатского регионализма. Особое внимание уделено системообразующей роли Республики Узбекистан в Центральной Азии в свете реализации собственной новой внешнеполитиче-ской доктрины.

Монография предназначена для магистрантов, докторантов, преподавателей и научных сотрудников, а также студентов бакалавриата по направлению «Международные отношения и политические науки». Она будет полезна также читателям, интересующимся международными отношениями и внешней политикой.

© Ш.Ш. Таджиев 2023
© in Science. 2023
ISBN: 978-9943-9041-8-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие **5**
Введение **8**

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА

1.1. Научно-теоретические подходы к изучению категории «мировой порядок» 18
1.2. Эволюция принципов Вестфальской системы в условиях глобализации 39
1.3. Концепции и модели мирового порядка с позиции «теоретического плюрализма» 56

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ, УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

2.1. Трансформация мирового порядка: проблемы реформирования институциональной и правовой основ 79
2.2. Возрастающая роль негосударственных акторов в системе международных отношений 97
2.3. Основные условия и факторы развития миропорядка в контексте роста современных вызовов и угроз безопасности 117

ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛИЗМ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА

3.1. Регионализм в Центральной Азии: вопросы концептуализации и современное состояние 138
3.2. Региональный порядок в Центральной Азии в условиях трансформации современной международно-политической системы 158

ГЛАВА 4. ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

4.1. Внешняя политика и национальные стратегии развития государств Центральной Азии в контексте современных мирополитических процессов.....185
4.2. Геополитический плюрализм как основа стабильности Центральной Азии: интересы и влияние внерегиональных акторов на процессы регионализма.....213
4.3. Системообразующая роль Республики Узбекистан в Центральной Азии в свете реализации новой внешнеполитической доктрины.....233

Заключение.....251
Список использованной литературы.....258
Приложение.....288

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы мы становимся свидетелями тектонических сдвигов в системе международных отношений, которые выражаются в изменении глобального баланса сил, эрозии устоявшихся международных норм и институтов, усугублении культурно-цивилизационных и политикоидеологических конфликтов, нарушении сложившегося мирового экономического порядка. Большинство народов мира на себе испытывают негативные последствия энергетического и продовольственного кризисов, социального и технологического неравенства, инфляционного давления и неконтролируемой миграции. На мирополитические процессы неизбежно влияют проблемы изменения климата, деградации окружающей среды и истощения природных ресурсов.

Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев в своем выступлении в ходе Диалога высокого уровня по вопросам глобального развития в формате «БРИКС плюс» в июне 2022 г. отметил, что «современный мир переживает глубинную трансформацию, сопровождае-мую рядом тревожных тенденций. Всё более усиливается международная напряжённость и проявляются призна-ки системного экономического кризиса». В этих непростых условиях, когда меняется сам характер глобализации и происходит геополитическая фрагментация международного ландшафта, во многих частях мира растет естественная потребность в региональной или субрегиональной консолидации как ответ на текущую всеобщую турбулентность. Естественным образом такие же процессы протекают и в нашем регионе.

Ввиду позитивной динамики регионализма и регионализации в Центральной Азии, которая стала возможной во многом благодаря политическому лидерству и последовательному курсу Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева, возникает необходимость во всестороннем анализе состояния и перспектив регионального строительства, особенностей современных внешнеполитических стратегий и установок государств региона в увязке с процессами трансформации мирового порядка, воздействия внерегиональных акторов на ситуацию в реги-оне, а также в комплексном научном обобщении текущих мирополитических процессов и их влияния на цен-тральноазиатский регион.

В этой связи выбранная доктором политических наук (DSc), доцентом Ш.Ш. Таджиевым тема, связанная с выработкой методологических и концептуальных основ исследования современных политических

процессов в Центральной Азии в контексте трансформации миропорядка и национальных интересов Республики Узбекистан, представляется весьма актуальной.

Поставленные автором научные задачи имеют междисциплинарный характер. Сложность рассматриваемой темы обусловлена широким охватом проблем международного и регионального уровней, что требует применения в ходе исследования различных классических и современных теорий международной науки, рационального и плодотворного использования соответствующих методологических подходов.

Автору удалось на высоком теоретическом уровне выявить качественно новые параметры функционирова-ния международной среды в условиях глобализации и обосновать эволюцию принципов традиционной формы Вестфальского порядка к гибридной пост Вестфальской системе с выработкой сценариев развития политической организации мира. Разработана трансформационная модель мирового порядка с выявлением его широ-ких особенностей и структурных элементов в условиях глобализированного мира; на базе синергетического подхода классифицированы политически мотивированные и естественные вызовы и угрозы мировому порядку в контексте интересов государств Центральной Азии и перспективного формирования автономной региональной системы безопасности.

Отдельного внимания заслуживает успешная попытка автора концептуализировать феномен регионализма в Центральной Азии, а также предложить концепт регионального порядка в условиях трансформации современной международно-политической системы на основе комплексного анализа внешней политики государств региона во взаимосвязи с их национальными стратегиями развития и влияния внерегиональных акторов на процессы регионализма.

На базе теоретизации и систематизации эмпирических данных автор определил системообразующую роль Республики Узбекистан в Центральной Азии в свете реализации новой внешнеполитической доктрины.

В рамках исследования автору путем системного подхода к рассматриваемой научной проблеме удалось сбалансированно представить глобальный политический контекст в различных измерениях и региональные тренды в Центральной Азии. В частности, рассмотрены различ-ные аспекты международной и региональной безопасности, дано научное обоснование центральноазиатской «регионности», сгруппированы способствующие и препятствующие регионализму факторы, показаны растущее значение и стабилизирующая роль нашего региона в процессе формирования современного мирового порядка.

Автор предлагает собственное мнение относительно таких научно-практических вопросов, как современное мироустройство, глобальные мегатренды, деформация глобального управления, кризис международных норм и институтов, состояние либерального мирового порядка, изменение полярности, диффузия власти, баланс сил и интересов, феномен исламской концепции мирового порядка, культурно-цивилизационная, региональная и национальная идентичность, политический ислам и его влияние на Центральную Азию, исламские и тюркские ценности как фактор формирования центральноазиатского порядка.

Автор взаимно увязал научное рассмотрение глобальных и региональных процессов по принципу «от общего к частному». Исследование проведено на базе теорий и концепций порядка, полярности, «жесткой» и «мягкой» силы, неделимости и дилеммы безопасности, геополитического плюрализма и геокультуры, взаимосвя-занности, корреляции между внутренней и внешней политикой, «нового» регионализма и других признанных подходов к анализу международной среды. Обращает на себя внимание тот факт, что автор отошел от свойственного для нашей регионалистике рассмотрения центрально-азиатских процессов лишь через призму секьюритизации и однобокового анализа их проблемных аспектов.

В практическом плане в рамках исследования автором разработаны предложения к концептуальным документам в сферах внешнеполитической деятельности и обеспечения национальной безопасности Республики Узбекистан в части оценки ключевых аспектов формирования современного международного порядка, а также формулирования и классификации современных вызовов и угроз.

Убежден, что предлагаемая научная работа, выполненная в Высшей школе стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан, вызовет живой интерес у бакалавров, магистров, докторантов, соискателей и всего молодого поколения международников, позволит понять сложнейшие тенденции мировой и региональной политики, использовать в научной и практической деятельности предлагаемые автором методологические и концептуальные подходы к оценке места и роли Центральной Азии в мировой политике.

М.И. Атаев,
доцент, директор Высшей школы
стратегического анализа и
прогнозирования Республики Узбекистан

ВВЕДЕНИЕ

Мировой порядок, установившийся тридцать лет назад после окончания холодной войны и характеризуемый понятием «однополярного момента», под воздействием комплекса объективных и субъективных факторов подвергается значительной трансформации. Система международных отношений находится в точке бифуркации или критическом положении, при котором возникает неопределенность – станет ли состояние системы еще более хаотичным или она перейдет на новый уровень упорядоченности. Например, высокая негативная динамика мирополитических и геоэкономических трендов обусловлена неприятием глобального доминирования США и западно-центричного миропорядка такими центрами силы, как Китай и Россия, а также изменчивым характером глобализации со стремительным научно-техническим прогрессом и сжатием социального пространства.

Расширяются тенденции регионализма с ростом влияния малых и средних государств, происходит диффузия и разбалансированность силы, возник феномен пост-Вестфалии. Налицо системные политико-идеологические, экономические и культурно-цивилизационные конфликты с расширением всего спектра угроз и вызовов безопасности. Эрозия устоявшихся структур глобального управления ведет к пересмотру, вольному толкованию либо игнорированию ранее незыблемых норм международного права. Проблемы экологии и изменения климата, пандемии, дефицит ресурсов и другие присущие ойкумене естественные факторы оказывают прямое давление на международный порядок.

Как подчеркивал Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев, «сегодня человечество находится на переломном этапе своего развития, кардинально меняется характер международных отношений»[1].

Ведущие научные и исследовательские центры, отдельные ученые ведут комплексные изыскания по проблемам международного порядка, регионализма и их корреляции, а также по вопросам о роли и значении Центральной Азии в системе международных отношений. В частности, научными кругами в основном затрагиваются такие актуальные вопросы, как эволюция современного мирового порядка с периодов установления биполярного мира и окончания холодной войны, развитие Вестфальской системы в условиях глобализации, концептуализация моделей

[1] Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, 21 сентября 2021 г. // https://president.uz/ru/lists/view/4632.

международного порядка, влияние на миропорядок негосударственных акторов и современных угроз, реформирование институциональной и нормативной основ глобального порядка.

Некоторые работы посвящены анализу внешней политики государств Центральной Азии, влиянию внешних акторов на общерегиональные процессы, состоянию и перспективам регионализма, оценке геополитической роли этого региона.

Государства Центральной Азии за тридцать лет своего независимого развития стали неотъемлемой и важнейшей частью системы международных отношений. Регион за этот период перешел от стадии пассивной территории (общности) в положение активного политического субъекта, вносящего заметный конструктивный вклад в формирование евразийского и международного порядка в различных измерениях.

Узбекистан занимает срединное положение в регионе, с которым связаны его долгосрочные и жизненно важные интересы. Трансформация мирового порядка и любое изменение центральноазиатского контекста оказывают непосредственное влияние на интересы нашего государства.

Благодаря политической воле руководства Республики Узбекистан, определившего «главной задачей превратить Центральную Азию в процветающий и устойчиво развивающийся регион, пространство доверия и дружбы»[2], в последние годы здесь произошли фундаментальные позитивные изменения, способствующие заметному укреплению регионализма и регионального порядка. Тем самым представляется актуальным объективное научное осмысление и обобщение новейших мирополитических и региональных процессов в контексте их тесной взаимосвязанности и взаимозависимости. В этом плане одними из приоритетных направлений «Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 гг.» определены «подход к глобальным проблемам, исходя из национальных интересов» и «ведение открытой, прагматичной и активной внешней политики»[3].

Данное исследование в определенной степени служит реализации поставленных задач в Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан, Оборонной доктрине Республики Узбекистан, Указах Президента Республики Узбекистан № УП-60 от 28 января 2022 г. «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы», №УП-5400 от 5 апреля 2018 г. «О мерах по коренному совершенствованию системы

[2] Там же.
[3] Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022 – 2026 годы. Утверждена Указом Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 г. № УП-60 // https://lex.uz/ru/docs/5841077.

Министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности за реализацию приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности», а также в других регламентирующих данную сферу нормативно-правовых актах.

Системные исследования проблем Центральной Азии, мирового и регионального порядка, международной безопасности, регионализма и геополитики осуществляются в ведущих зарубежных университетах, научно-исследовательских и аналитических центрах, в том числе Brookings Institution, Atlantic Council, Rand Corporation, Morgan Stanley Research, Centre for Strategic and International Studies, Council on Foreign Affairs, Central Asia-Caucasus Institute, Silk Road Studies, Caspian Policy Center (США); International Institute for Strategic Studies, Chatham House (Великобритания); ИМЭМО и Институтом востоковедения РАН, Российским советом по международным делам, Дипломатической академией МИД РФ, Московским государственным институтом международных отношений, Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», Международным дискуссионным клубом «Валдай» (Россия); Китайской академией современных международных отношений (Китай); Institute for Political and International Studies (Иран); Islamabad Policy Research Institute (Пакистан); Institute for Russian, East European, and Eurasian Studies (Республика Корея); Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (Казахстан); Таджикским национальным университетом (Таджикистан); Central Asian Bureau for Analytical Reporting (Кыргызстан)[4].

В рамках современных исследований, посвященных проблемам мирового порядка, позиционированию Центральной Азии и Узбекистана в системе международных отношений, были получены следующие результаты. Разработаны международно-правовые основы укрепления регионального и международного сотрудничества в целях обеспечения мира, стабильности и устойчивого развития в Центрально-Азиатском регионе (ООН); предложены концептуальные подходы к международному порядку в XXI в., которые обосновывают перспективы «глобального концерта великих держав» в новой исторической версии в качестве

[4] Обзор зарубежных научных исследований по изучаемой теме: http://www.brookings.edu; https://www.atlanticcouncil.org; https://www.rand.org; https://www.morganstanley.com; https://www.csis.org; https://www.cfr.org; https://www.silkroadstudies.org; https://www.caspianpolicy.org; https://www.iiss.org; https://www.chathamhouse.org; https://www.imemo.ru; https://www.ivran.ru; https://russiancouncil.ru; https://www.dipacademy.ru; https://mgimo.ru; https://www.hse.ru https://ru.valdaiclub.com; http://www.cicir. ac.cn; https://ipis.ir/en; https://ipripak.org; https://rusins.snu.ac.kr/en/node/46; https://kisi.kz; https://tnu.tj/index.php/ru/glavnaja; https://cabar.asia/ru.

двигателя укрепления стабильности (Georgetown University's Walsh School of Foreign Service, Chatham House, and the Council on Foreign Relations, Великобритания); разработана концепция «Большая Центральная Азия», которая предусматривает самостоятельную субъектность региона и идею взаимосвязанности Центральной и Южной Азии (The Central Asia-Caucasus Institute, США); изучены теоретические и практические аспекты регионализации в Центральной Азии (казахстанские авторы под эгидой Фонда Ф. Эберта, Казахстан и ФРГ); исследованы место и роль Центральной Азии в современных мирополитических процессах (Дипломатическая Академия МИД РФ, Россия); выявлены особенности геополитического значения Центральной Азии в условиях глобальной трансформации (Казахстанский институт стратегических исследований, Казахстан); представлена концепция трансформации международной системы и геополитической идентичности Узбекистана, разработаны теоретические и практические аспекты формирования международной субрегиональной системы в Центральной Азии (Университет мировой экономики и дипломатии, Институт стратегических и межрегиональных исследований, Узбекистан); исследованы вопросы теории и практики международно-правовых аспектов региональной безопасности, а также регионального порядка в Центральной Азии, реализации политики «мягкой силы» Узбекистана (Высшая школа стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан).

Привлекают внимание результаты научных исследований, посвященных воздействию острой геополитической напряженности на мировой порядок, перспективам эволюции либерального порядка и глобализации, выработке новых моделей международного порядка, состоянию международного права и стратегической стабильности в контексте противодействия новым вызовам и угрозам. Актуальными остаются вопросы научного осмысления соотношения регионального и мирового порядка, будущего регионализма в Центральной Азии, стратегий ведущих мировых держав в отношении региона и внешней политики центральноазиатских государств в период международной турбулентности. Растет научный интерес к оценке геополитической роли и значения Узбекистана.

Вопросы трансформации мирового порядка и импликации этой категории на отдельные региональные системы и субсистемы продолжают оставаться одной из актуальных задач политологии, науки о международных отношениях, социологии и геополитики.

Феномен мирового порядка в контексте регионализма с позиций различных школ теории международных отношений концептуально разработан в научных трудах таких ученых, как Х. Булл, А. Харрелл, Г. Киссинджер, С. Хантингтон, Дж. Айкенбери, Дж. Миршаймер и И Валлерстайн[5] и других. Их работы в целом носят фундаментальный характер, вместе с тем авторы предлагают полезный методологический инструментарий для объективного научного анализа международных и региональных процессов современности на базе «теоретического плюрализма».

Проведенные исследования по данной теме можно условно разделить на следующие три группы: ученые и эксперты зарубежных стран, государств СНГ и Узбекистана.

Проблемы закономерностей генезиса мирового порядка, состояния Вестфальской системы и международного права, новых концепций миропорядка, феномена «ревизионизма» в международных отношениях, глобального соотношениях сил и полюсности, корреляции между внутренней и внешней политикой, регионализма, а также эволюции глобального управления, диффузии силы исследованы в работах таких ведущих зарубежных ученых, как К.Н Уолтц, А. Вендт, Р. Блэквил и Т. Райт, С. Хоффман, Дж. Розенау, Р. Арон, К. Краутхаммер, Р. Купер, П. Портер, К. Бут, А.-М. Слотер, Р. Кохейн, Дж. Най, Л. Миллер, Л. Моита, Р. Фальк, С. Стрендж, С. Краснер, Р. Розекранс, Р. Саква, Д. Родрик и С. Волт, Р. Хаас, Л. Джонс, Дж. Вейсс, Н. Ролланд, Хуашэн Чж, И. Херд, Р. Вейранен, Г. Аллисон, М. Барнетт, М. Туриньо, А. Кули, Чанг Фанг и Шинг-Хон Лам, А. Купчан, Х.Р. Джаббаринасир, Б. Бузан и О. Уэвер, Б. Хеттне, А. Пааси6 и многих других.

[5] Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. – New York: Colombia University Press, 1977; Hurrell A. On Global Order: Power, Values, and the Constitution of International Society. – New York: Oxford University Press, 2007, Hurrell A. Regionalism in Theoretical Perspective // Regionalism in World Politics: Regional Organizations and Inernational Order / Ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995; Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2016; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003; Ikenberry J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. – Princeton: New Jersey, 2001, Ikenberry G. J. Why the Liberal World Order Will Survive // Ethics and International Affairs, 32, no. 1, 2018, Ikenberry J. A World Safe for Democracy: Liberal Internationalism and the Crises of Global Order. – New Haven: Yale University Press, 2020; Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: W.W. Norton, 2014, Mearsheimer J. Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. – London: Yale University Press, 2018, Mearsheimer J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security, 2019, 43 (4); Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М.Кудюкина. Под общей редакцией Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001.

[6] Waltz K. N. Theory of International Politics. – Boston: Addison-Wesley, 1979; Wendt A. Why a World State is Inevitable // European Journal of International Relations, 2003, 9, no. 4; Blackwill R. and Wright T. The End of World Order and American Foreign Policy. – New York: Council on Foreign Relations, 2020; Hoffmann S. Foreword: Revisiting 'The Anarchical Society'. – Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. – London: Macmillan Press Ltd., Hoffmann S. Primacy or World Order: American Foreign Policy Since the Cold War. – New York: McGraw-Hill Education, 1980; Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity.

Предметное поле регионализма, геополитических аспектов ситуации в Евразии и Центральной Азии, в том числе в контексте мирополитических процессов, а также внешней политики Узбекистана исследованы такими зарубежными авторами, как Чжан Хэнлун, С.Е. Корнелл и Ф. Старр, Ф. Буранелли, М. Файсал, Мариа А. Блэквуд, Дэн Хао, Е. Румер, Р.Копли, Н. Хатсон[7] и другими.

– Princeton: Princeton University Press, 1990; Арон Р. Мир и война между народами. – М.: Nota Bene, 2000; Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign Affairs, 1990/91, vol. 70, no. 1; Cooper R. Is there a New World Order? // Prospects for Global Order. – Ed. by S. Sato, T. Taylor, S. Heiva, London, 1993. – Vol. 2; Porter P. The False Promise of Liberal Order: Nostalgia, Delusion and the Rise of Trump. – New York: Polity, 2020; Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics. – London: Palgrave Macmillan, 2008; Slaughter A.-M. International Law and International Relations Theory: A Dual Agenda // The American Journal of International Law, April 1993, Vol. 87, No.2, Slaughter A.-M. A new World Order. -Princeton: Princeton University Press, 2004; Keohane R.O. The Promise of Institutionalist Theory // International Security, Summer 1995, Vol. 20, No.1; Joseph S. Nye Jr. No, the Coronavirus Will Not Change the Global Order //Foreign Policy, April 16, 2020 // http://foreignpolicy.com/2020/04/16, Най Дж. Уцелеет ли либеральный порядок? // Россия в глобальной политике, 2017. Т. 15, № 2 // https://globalaffairs.ru/articles; Miller L.H. Global Order: Values and Power in International Politics. – Boulder: Westview Press, 1998; Moita L. A critical review on the consensus around the "Westphalian system" // Janus.Net e-journal of International Relations, 2012; Falk R. Revisiting Westphalia, Discovering Post-Westphalia // The Journal of Ethics 6, 2002; Strange S. The Westfailure System // Review of International Studies, No. 25 (3), 1999; Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. – Princeton: Princeton University Press, 1999; Rosecrance R.N. The rise of the virtual state: wealth and power in the coming century. – New York, 1999; Саква Р. Либеральный интернационализм против консервативного интернационализма // Россия в глобальной политике, 2019, №3; Rodrik D., Walt S. How to Construct a New Global Order // Faculty Research Working Paper Series, May 2021. – Harvard Kennedy School; Walt S.M. The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy. – New York: Farrar Straus & Giroux, 2018. – Chapter 2; Хаас Р. Международный беспорядок. – М.: АСТ, 2019; Haass R. The Pandemic Will Accelerate History Rather than Reshape It // Foreign Affairs, April 7, 2020 // http://foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07; Johns L. The Diverging Theory and Practice of International Law in William R. Thompson, ed., Encyclopedia of Empirical International Relations Theory. – London: Oxford University Press, 2018; Weiss J.C. and Wallace J.L. Domestic Politics, China's Rise, and the Future of the Liberal International Order // International Organization, 2021; Rolland N. China's Vision for a New World Order // WA: National Bureau of Asian Research, Seattle 2020. – Special Report No. 83; Хуашэн Чж. Мировой порядок: фрагментация, сосуществование или соперничество? // Россия в глобальной политике. – М., 2020; Hurd I. How to Do Things with International Law. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017; Väyrynen R. Models of a New World: towards a Synthesis. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 2019, vol. 12, no 3; Аллисон Г. Обречены воевать. – М.: АСТ, 2019; Barnett M. International Progress, International Order, and the Liberal International Order // The Chinese Journal of International Politics, 2021, Vol. 14, No. 1; Tourinho M. The Co-Constitution of Order // International Organization 75, Spring 2021; Кули А., Нексон Д. Как заканчивается гегемония // Россия в глобальной политике. – М.: 2020, № 5; Fung C.J. and Shing-Hon Lam. China Already Leads 4 of the 15 U.N. Specialized Agencies–and Is Aiming for a 5th // Washington Post, March 3, 2020; Anchoring the World. International Order in the Twenty-first Century. – Essays from the Lloyd George Study Group on World Order. – Edited by Charles A. Kupchan and Leslie Vinjamuri, April 15, 2021; Джаббаринасир Х. Р. Факторы трансформации политического ислама в мировой политике: возникновение насилия и терроризма // Полития. – М.: 2021, №3 (102); Buzan B. and Wæver O. Regions and Powers. The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Hettne B., Innotai A., Sunkel O. Globalism and the New Regionalism. – London: Palgrave Macmillan, 1999; Paasi A. The Region, Identity, and Power // Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2011. Vol. 14, no. 1.

[7] Чжан Хэнлун. Стратегия постпандемического восстановления мировой экономики: роль институтов развития // https: //ru.valdaiclub.com/a/highlights; Starr S.F. A Greater Central Asia Partnership for Afghanistan and Its Neighbors. – Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2005; Cornell S.E., Starr S.F. Modernization and Regional Cooperation in Central Asia: A New Spring? // Silk Road Paper published by the

Тот же круг проблем, в том числе с позиций интересов России и региона, рассматривается такими российскими и центральноазиатскими учеными, как А. Айбекова, Б. Ауелбаев, В.Ф. Артюшкин, А.А. Казанцев и В.М. Сергеев, Э.Я. Баталов, Б.Х. Бахриев, А.Д. Богатуров, Т. Бордачев, Р. Бурнашев, Л.С. Воронков, К. Гаджиев, Ю.П. Давыдов, А.А. Дынкин, И. Звягельская, М. Иманалиев, А. Кортунов, С.В. Кушкумбаев, М. Лаумулин, М.М. Лебедева, Д.Б. Малышева, Ф.Б. Мирзоев, К. Молдашев, Н. Мураталиев, Г. Нурша, В.В. Наумкин, А.И. Никитин, Дж. Оторбаев и др., Р.Ю. Паламаренко, Ю. Саямов, Н.М. Сирота, В.А. Смоляков, А.В. Торкунов, Р.Р. Чукалова, Т.Т. Шаймергенов, Т.А. Шаклеина, З. Шаукенова, В. Щипков, П.А. Цыганков[8] и многими другими.

Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, Joint Center, 2018; Buranelli F.C. Central Asian Regionalism or Central Asian Order? Some Reflections // Central Asian Affairs. Online Publication, 28 June 2021 // https://brill.com/view/journals/caa/8/1/article; Faisal M. Asia and Competing Visions of Regional Order: Free and Open Indo-Pacific and Belt and Road Initiative // Strategic Studies, Institute of Strategic Studies, Islamabad, January 27, 2021 // https://issi.org.pk; Maria A. Blackwood. Central Asia: Background and U.S. Relations September 24, 2021 // Congressional Research Service // https://crsreports.congress.gov; Дэн Хао. Трансформация Центральной Азии под влиянием внешних и внутренних факторов – китайская экспертная оценка, 20 апреля 2021 // https://www.caa-network.org/ archives/21730; Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. Политика США в Центральной Азии 3.0, 18 марта 2016 // https://carnegie.ru/2016/03/18/ru-pub-63019; Copley R. Gregory. Uzbekistan re-emerges as the strategic “Heartland of the Heartland” // Международные отношения. – Ташкент, 2019, №3-4; Hutson N., Marsha McGraw Olive. Uzbekistan rising as Central Asian integration catalyst, Feb 8, 2021 // https://eurasianet.org.

[8] Айбекова А. Гражданское общество, НКО в Центральной Азии / А. Айбекова, А.А. Толобек, S. Guo // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история: Сб. ст. по материалам VIII Международной научно-практической конференции «Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история», № 2 (6). – М., «Интернаука», 2018; Ауелбаев Б. Центральная Азия–2020: четыре стратегических концепта / Б. Ауелбаев, С. Кушкумбаев, К. Сыроежкин, В. Додонов // Аналитический доклад Казахстанского института стратегических исследований [под редакцией Е. Карина]. – Астана, КИСИ, 2015; Артюшкин В.Ф., Казанцев А.А., Сергеев В.М. Соотношение сил между великими державами в «Группе 20»: анализ при помощи метода многомерного шкалирования // Полис. Политические исследования. М.: 2021, № 2; Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. –М., 2003, №7, Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. – М.: РОССПЭН, 2005; Бахриев Б.Х. Центральноазиатское направление социально-гуманитарной деятельности негосударственных акторов (на примере Организации Ага Хана по развитию) // Международные отношения, М.,2019; Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Международные процессы. – М., 2003, Т. 1, № 1; Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль, 1996, № 2; Бордачев Т. Общество мирового уровня // Россия в глобальной политике // https://globalaffairs.ru/articles/obshhestvo-mirovogo-urovnya; Бурнашев Р. Новый региональный курс Узбекистана и конструирование Центральной Азии, 2021 г. // Central Asian Bureau for Analytical Reporting // https://cabar.asia/ru; Воронков Л.С. Международные и неправительственные организации в системе международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2018; Гаджиев К. Слово в защиту верховенства Вестфальских принципов // Международная жизнь. – М., 2018, № 11; Давыдов Ю. П. Норма против сил. Проблема мирорегулирования. – М.: Наука, 2002; Россия и мир: 2016. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2015; Звягельская И. Взаимосвязанность Центральной и Южной Азии: конференция в Ташкенте оценила вызовы и возможности межрегионального сотрудничества // www.kp.ru/daily/28314.5/4455759; Иманалиев М. Геополитическое значение Центральной Азии в условиях евразийского проектирования // Центральная

Вопросы применения системного подхода к изучению международных отношений всесторонне исследованы отечественным авторским коллективом УМЭД9. Ш.М. Абдуллаев, И.И. Бобокулов, А.А. Захидов, И.Р. Мавланов, Р. Махмудов, А. Неъматов и А. Каримов,

Азия в условиях глобальной трансформации: Материалы XV Ежегодной конференции КИСИ при Президенте РК по безопасности (г. Астана, 2 июня 2017 г.) / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Астана: КИСИ при Президенте РК, 2017; Кортунов А. Неизбежность странного мира // Российский совет по международным делам, 2016 // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments; Центральноазиатское LEGO: кто конструирует регион. – Под редакцией С. Кушкумбаева, Алматы, 2016; Лаумулин М. Внешняя политика РК: достижения и перспективы // https://strategy2050.kz/ ru/news; Лебедева М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. – М., 2020, №4, Лебедева М. М., Боришполец К. П., Иванова Н. А., Чепурина М. А. Центральная Азия: Социально-гуманитараное измерение. – М.: «Аспект Пресс», 2016; Малышева Д.Б. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии // Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. – М., 2020, т. 13, № 2; Мирзоева Ф.Б. Влияние геополитических факторов на безопасность государств Центральной Азии в конце XX – начале XXI вв.: Дисс. … канд. истор. наук. Душанбе: ТНУ, 2021; Молдашев К., Нурша Г. Негосударственные акторы в центральноазиатской регионализации. – Регионализация в Центральной Азии. Стратегия Казахстана; Мураталиева Н. Материалы Международной конференции «Проблемы региональной безопасности Центральной Азии после августа 2021 г.» // Фонд А.М. Горчакова и Международный институт Центральной Азии (Узбекистан), 14 декабря 2021 г.; Наумкин В.В. Влияние «арабской весны» 2011 г. на глобальную международную систему // Ближний Восток в мировой политике и культуре (избранные статьи, лекции, доклады 2009 – 2011 гг.). – М.: Институт Востоковедения РАН, 2011, Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. – М., 2020, № 4; Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования. – М., 2018, №6; Оторбаев Дж., Бордачёв Т., Белоус Ю., Жиенбаев М., Королёв А. Железный каркас Евразии: достижения, проблемы и перспективы континентальной связанности // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», сентябрь 2021; Паламаренко Р.Ю. ООН в XXI веке: проблемы реформирования: Автореф. дисс. … канд. полит. наук. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2018; Саямов Ю. Вестфальский мир и его принципы. Вчера и сегодня // Век глобализации. – М., 2018; Сирота Н.М. Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016; Смоляков В.А. Взаимосвязь внутренней и внешней политики: проблемы теории и методологии: Автореф. дисс. … доктора полит. наук. – Владивосток, 2006; Торкунов А.В. Современные международные отношения и мировая политика. – М.: Просвещение, 2004; Сирота Н.М. Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016; Чукалова Р.Р. Военно-политическое сотрудничество Республики Казахстан со странами СНГ в свете новых вызовов: Дисс. … доктора философии (PhD) по полит. наукам. – Астана: Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2019; Шаймергенов Т.Т. Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Вероятные сценарии на 10 лет вперед // Шаймергенов Т.Т., Абишева М.А., Рахимжанова А.Ж. и др. – Астана: Библиотека Первого Президента РК – Елбасы. – 2017; Шаклеина Т.А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т. А. Шаклеиной и А. Б. Байкова. – М.: Аспект Пресс, 2013, Шаклеина Т.А. Роль великих держав в структурировании мирополитического пространства в XXI веке // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / под. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: «Аспект Пресс», 2016; Шаукенова З. 30 лет независимости Казахстана // Kazakhstan journal of foreign studies. – Астана, 2021, № 1-2; Щипков В. Регионализм как идеология глобализма. Монография. – М.: МГИМО-Университет, 2017; Цыганков П.А. Относительность расхождений и пределы совмещения реализма и либерализма в трактовке вопросов миропорядка // Политическая наука. – М., 2017, спецвыпуск, Цыганков А.П. Эпоха полураспада: от миропорядка к миропереходу // Россия в глобальной политике. – М., 2019. Т. 17, № 2; Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / Багаева А.В., Бродовская Е.В., Вдовиченко Л.Н. и др.; под общей ред. профессора П.А. Цыганкова. – М.: Горячая линия – Телеком, 2017; Коллектив авторов. Регионализация в Центральной Азии. Стратегия Казахстана. – Алматы: Фонд Ф. Эберта, 2019.

[9] Системный подход к изучению международных отношений. Коллективная монография. – Ташкент: УМЭД, 2020.

З.С. Пулатходжаев, М.А. Рахимов, Ф. Толипов, Т.М. Турсунмуратов, У.А. Хасанов, Б.А. Хужанов[10] проводят комплексные изыскания по проблемам регионального и глобального плана, позиционирования Центральной Азии в международной среде, региональной безопасности, рассматривают новейшие и исторические аспекты взаимосвязанности региона с соседними пространствами и современные тенденции во внешней политике Узбекистана.

Не умаляя вклад отечественных и зарубежных ученых в рассматриваемую тему, следует отметить, что в условиях динамичных международных процессов со значительным ростом конфликтогенности возникает потребность в их постоянном системном исследовании в контексте эволюционирующего регионализма и регионального порядка в Центральной Азии, а также через призму обеспечения национальных интересов Узбекистана во внешней среде.

В предлагаемой монографии предпринята попытка выработки научно обоснованных предложений и рекомендаций по укреплению регионализма и регионального порядка в Центральной Азии в условиях трансформации миропорядка и в контексте национальных интересов Республики Узбекистан.

[10] Абдуллаев Ш.М. Трансформация международной системы и геополитическая идентичность Узбекистана // Международные отношения. – Ташкент, 2017, № 70, Абдуллаев Ш.М. К вопросу об историко-культурных и геоцивилизационных взаимосвязях стран Центральной и Южной Азии // Международные отношения. – Ташкент, 2021, № 1-2; Бобокулов И.И. Международно-правовые аспекты региональной безопасности: вопросы теории и практики. – Ташкент: Университет мировой экономики и дипломатии, 2010; Зохидов А.А. Совершенствование механизма эффективного управления транспортной системой Центральной Азии: Автореф. дисс. … докт. экон. наук. – Ташкент: ТГЭУ, 2018; Мавланов И.Р. Научные подходы к исследованиям тенденций развития региона Южной Азии и его интересов к Центральной Азии // Международные отношения. – Ташкент, 2021; Махмудов Р. Внешняя политика современного Узбекистана. Россия и новые государства Евразии, 2021, № I (L) // https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-1-121-134; Неъматов А., Каримов А. Новый Узбекистан – новая модель внешней политики, 1 января 2020 г. // https://isrs.uz/ru/maqolalar; Пулатходжаев З. С. Процессы формирования международной субрегиональной системы в Центральной Азии: Автореф. дисс. … докт. филос. (PhD) по полит. наукам. – Ташкент: ТГИВ, 2021; Рахимов М.А. Новейшая история Узбекистана в системе взаимосвязи региональных и глобальных процессов. Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии: сб. статей / вступ. ст., подгот., отв. ред.-сост. А.К. Аликберов, М.А. Рахимов / Российская акад. наук. Ин-т востоковедения. Ин-т истории АН РУз. – М.: Институт востоковедения РАН, 2018; Толипов Ф. Эмансипация Центральной Азии: эклектика, синтетика и органика регионализма // В Ташкенте обсудили перспективы сотрудничества стран Центральной Азии // Central Asian Bureau for Analytical Reporting // https://cabar.asia/ru; Турсунмуратов Т.М. Влияние евроатлантического фактора на национальную безопасность Республики Узбекистан в условиях глобального технологического развития: Автореф. дисс. … докт. наук (Dsc.) по полит. наукам. Ташкент: УМЭД, 2019; Хасанов У.А. Политика добрососедства как модель регионального развития // Международные отношения. – Ташкент, 2021; Хужанов Б.А. Узбекистон ташки сиёсати: ахил кушничилик ва янгича тенденциялар // Системные исследования. – Ташкент, 2021, № 3.

Для достижения поставленной научной цели изучены научно-теоретические подходы к изучению категории «мировой порядок». Посредством классификации качественно новых параметров функционирования международной среды в условиях глобализации обоснована эволюция принципов традиционной формы Вестфальского порядка к гибридной пост-Вестфальской системе с выработкой сценариев развития политической организации мира.

Предлагается трансформационная модель мирового порядка с выявлением его широких особенностей и структурных элементов в новых условиях глобализированного мира.

Рассмотрены проблемы реформирования институциональной и правовой основ мирового порядка и влияния негосударственных акторов на систему международных отношений.

На базе синергетического подхода классифицированы политически мотивированные и естественные угрозы и вызовы мировому порядку в контексте интересов государств Центральной Азии и перспективного формирования автономной региональной системы безопасности.

Через выявление и систематизацию способствующих и препятствующих процессу регионализма в Центральной Азии факторов обоснован его переход от состояния регионального комплекса к региональному сообществу с особыми целями и задачами в политике и экономике, идентичностью и идеологией.

На основе комплексного анализа внешней политики государств региона во взаимосвязи с их национальными стратегиями развития и влияния внерегиональных акторов на процессы регионализма предложен концепт регионального порядка в Центральной Азии в условиях трансформации современной международно-политической системы.

Обоснована системообразующая роль Республики Узбекистан в Центральной Азии в свете реализации новой внешнеполитической доктрины.

ГЛАВА 1.
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА

1.1. Научно-теоретические подходы к изучению категории «мировой порядок»

В теории международных отношений проблема мирового порядка занимает одну из стержневых позиций. В данной категории сконцентрированы ключевые аспекты понимания и осознания содержания и принципов взаимодействия субъектов мировой политики. По мысли одного из ведущих современных исследователей широкого предметного поля, каковым является «мировой порядок», Дж. Айкенберри, «…центральной проблемой международных отношений является проблема порядка – как он устроен, как он разрушается и как восстанавливается»[11].

Возникновение в конце 70-х годов XX в. концепта или феномена «мировой порядок» в международных исследованиях обусловлено стремительным развитием и углублением взаимозависимости в эпоху глобализации, попыткой осмыслить складывающуюся систему международных отношений в контексте конкретных исторических реалий.

Особый интерес к этой исследовательской проблеме отмечен в начале XXI в., что вполне обоснованно, если принять во внимание разрушение биполярной системы после завершения холодной войны и интенсивный поиск новых парадигм в понимании мирополитических процессов в «постбиполярный период».

На волне протекающих тектонических сдвигов в политическом устройстве мира возникла объективная необходимость выстроить в сознании ученых и политиков, по выражению Самюэля Хантингтона, некие «простые модели глобальной политики» со «скрытыми допущениями, предубеждениями и предрассудками, которые определяют восприятие реальности, видение фактов и суждения об их важности и сущности». Как он справедливо отмечал, «нужны явные (эксплицитные) или неявные (имплицитные) модели, которые позволили бы систематизировать и обобщать реальность, показывать, каким путем двигаться, чтобы достичь наших целей»[12].

[11] Ikenberry J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. – Princeton: New Jersey, 2001. – P. 22.
[12] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – С. 28-29.

Не менее важным представляется практическая востребованность обобщения и осознания мирополитических процессов для разработки общих подходов к формированию нового мирового порядка в жестких условиях усиливающейся хаотизации глобального ландшафта, непредсказуемости поведения ключевых элементов международной системы, возникновения доселе не наблюдавшихся политико-экономических и социальных явлений.

В этой связи представляется актуальным проанализировать основные научно-методологические подходы к исследованию предметного поля мирового порядка, их особенностей и типологии, научному определению и соотношению понятий «мировой» и «международный» порядок.

1. Всестороннюю теоретическую разработку понятия «мировой порядок» традиционно связывают с работами выдающегося представителя английской школы в науке о международных отношениях Хедли Булла. В своей наиболее значительной монографии «Анархическое общество: изучение порядка в мировой политике» (The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. London, 1977) ученый одним из первых проанализировал международное общество в системе категорий анархии, международной (межгосударственной) системы, международного и мирового порядка.

В унисон с идеями американских реалистов-классиков Х. Булл признает анархию ведущей силой развития международных отношений. «Анархия» трактуется как отсутствие мирового правительства, единой верховной власти при взаимодействии государств. При этом анархия не абсолютна и имеет ряд ограничений, а периоды мира в анархичных по своей природе отношениях между странами не случайны. Безграничная хаотическая природа взаимодействия стран сдерживается как самими государствами, так и международной системой[13].

Порядок, как ведущий концепт работы Хедли Булла, поддерживается изменениями во внутренней природе государств, сообществ государств и международного общества. «Государство» интерпретируется в соответствии реалистической гобссианской парадигмой. По его мысли, государства – это «независимые политические сообщества, каждое из которых имеет правительство и утверждает суверенитет в отношении значительной части территории и населения, и являются юридически независимыми из вне»[14].

Порядок, по определению Хедли Булла, предполагает существование корреляции между рядом элементов, при которой существенное изменение одного из них влечет за собой изменение остальных и в конечном счете

[13] Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. – New York: Colombia University Press, 1977. – P. 8–10.
[14] Ibid. P. 8.

порядка в целом. Отличительными же свойствами порядка как родового феномена являются устойчивость и динамический характер существующих между элементами связей, придающих порядку стационарность, а также пространственная природа порядка, когда упорядочивание элементов возможно лишь в рамках замкнутого пространства.

Особенность подхода к системности в концепции Хедли Булла проявляется в том, что наличие системы не только не исключает хаоса в международных отношениях, но и противопоставляется понятию международного общества. Система в международных отношениях формируется усилиями государств и появляется тогда, когда два государства или более имеют существенные контакты между собой и значительно зависят от решения другого как части целого. Система есть результат роста и интенсивности межгосударственных взаимодействий. Система формируется на базе общих интересов, ценностей и политической культуры стран[15].

Тем самым Хедли Булл идет дальше реалистского подхода Раймона Арона. Французский ученый еще в 1965 г. поставил вопрос о международном порядке в следующем плане: «при каких условиях люди или общества, разделенные самым различным образом, смогут не просто избежать разрушения, но и жить вмести относительно хорошо на одной планете?»[16]. Для Раймона Арона жить «относительно хорошо» *(relatively well)* рассматривается с определенно минималистских позиций, а порядок понимается «как минимальные условия сосуществования», которых можно добиться в анархической системе государств. Это понимание порядка избегает какие-либо дискуссии об общих ценностях или необходимых условиях для продвижения совместного видения того, как глобальное общество могло быть идеально организовано[17].

Параллельно существует понятие *«международное общество» (сообщество государств)*, отличное от международной системы. Международное общество образуется тогда, когда группа стран, осознавая общность базовых *интересов и ценностей, формирует сеть общих правил, норм и институтов.* Международное общество предполагает международную систему, но последняя может существовать и без международного общества. Например, Османская империя была частью международной системы с момента ее появления, но стала участником

[15] Ibid. P. 10.
[16] Raymond Aron, as reported in Stanley Hoffmann. Rapporteur of the conference «Conditions of World Order». – Daedalus, 95/2, 1966. – P. 456.
[17] Hurrell A. On Global Order: Power, Values, and the Constitution of International Society. – New York: Oxford University Press, 2007. – P. 2-3.

международного общества только после Первой мировой войны[18]. По той же аналогии республики советской Средней Азии в составе СССР определенно можно было рассматривать в качестве несамостоятельной, но все же части международной системы, однако полноправными участниками международного общества они стали после обретения ими государственной независимости в 1991 г. Тем самым международное общество оказывается более узким понятием, чем международная система, но имеет более динамичные внутренние характеристики. В нем формируются правила и нормы, определяющие своеобразие международного порядка в ту или иную эпоху.

Хедли Булл развернул характеристику международного общества до уровня общей концепции английской школы[19]. «Международный порядок» складывается как сумма осознанных общих целей внутри системы и общества. К таковым целям он отнес следующие: самосохранение; поддержание независимости; сохранение мира как общий императив всех заинтересованных в порядке участников; общие ценности общественной жизни, например, свобода и безопасность; стабилизация межгосударственных отношений и другие[20].

Термин «международный порядок», по Буллу, также следует отличать от понятия «мировой порядок». Под последним имеется в виду не только порядок среди государств, но и порядок внутри государств, порядок в низовых общественных уровнях, например на муниципальном. При этом Булл с философских позиций отдает приоритет мирового порядка над международным. Таким образом, под мировым порядком английский ученый понимает модель (или характер) человеческой деятельности, которая поддерживает исходные (или основные) задачи социальной жизни человечества в целом[21].

Тем самым в английской школе в отличие от общепризнанных постулатов американского реализма несколько иначе оценивается содержание концептов анализа международного взаимодействия, а отношения в международной системе рассматриваются через призму «более долговечных» понятий, тогда как «порядок» охватывает не только государства, но и сообщество всего человечества. Такое отличие

[18] Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. – New York: Colombia University Press, 1977. – P. 13–14.
[19] Миронов В.В. Английская школа международных отношений: формирование и эволюция научного сообщества: Автореф. дисс. … докт. ист. наук. – Томск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», 2019. – С. 27.
[20] Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. – New York: Colombia University Press, 1977. – P.17– 20.
[21] Ibid. P. 22.

проявляется и в современных условиях. Например, американские ученые Р. Блэквилл и Т. Райт, определяя мировой порядок как «общее понимание между великими державами о необходимости ограничить потенциал серьезной конфронтации», утверждают, что настоящие «мировые порядки» в истории наблюдались редко[22].

Несмотря на то, что Хедли Булл выдвинул свою концепцию мирового порядка пятидесяти лет назад, по нашему мнению, его методологические подходы все еще остаются востребованными по следующим причинам.

Во-первых, как отмечает большинство современных ученых, для английского автора мировой порядок не детерминируется лишь войнами, доминированием одной или нескольких центров силы или поведением (властью) государств. Действительно, по нашему мнению, в условиях глобализированного мира сотрудничество и взаимное признание интересов, хотя и не без аномалий в связи с эрозией значимости международных институтов и непризнанием невыгодных с точки зрения национальных интересов норм права, становятся очевидными факторами международной системы и соответственно мирового порядка.

Во-вторых, Х. Булл в развитие теорий реалистов Г. Моргентау, К. Уолтца и Р. Арона вводит в научно-теоретический оборот понятие «сообщество государств». Тем самым в международной системе нормы и ценности «сообщества государств» играют исключительную роль в распределении власти и регулировании отношений между ее сильными и слабыми субъектами.

В-третьих, с ростом в наше время влияния и силы новых центров власти актуально звучит тезис о признании баланса сил как необходимого инструмента поддержания международного порядка. На наш взгляд, с учетом очевидного распределения (или диффузии) силы в системе международных отношений между государствами и негосударственными акторами, мировыми державами и новыми государствами-центрами, а также во множестве других комбинациях баланс сил как отношения государств, при которых ни одна страна не в состоянии доминировать и навязывать свою волю другим может быть операбельна в текущих условиях международных отношений. Однако здесь возникает сложный вопрос соотношения силы (power) и правил (rules)[23], которое может интерпретироваться государствами на основе собственных эгоцентричных постулатов.

[22] Blackwill R. and Wright T. The End of World Order and American Foreign Policy. – New York: Council on Foreign Relations, 2020. P. 5.
[23] Hoffmann St. Foreword: Revisiting 'The Anarchical Society'. Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. London: Macmillan Press Ltd. – P. vii-xii.

В-четвертых, Х. Булл характеризует международное право как «высший нормативный принцип политической организации человечества»[24], что, безусловно, может служить одним из императивов в построении широко обсуждаемого ныне нового мирового порядка. Этот принцип особенно громко звучит на фоне нивелирования уникальной ценности международного права в постбиполярную эпоху. В политическом дискурсе великих государств неизменно звучит тезис о том, что нормативный аспект нынешнего мирового порядка в свое время (в основном после Второй мировой войны) создавался именно ими, что дает непреложное право им же менять ее на базе трансформировавшихся национальных интересов и внешней среды.

В-пятых, выводы ученого о том, что силовые методы поддержания международного порядка в обществе вариативны, а основными для государств в условиях второй половины XX в. выступали сохранение общего баланса сил; избежание или контроль над кризисами; ограничение методов и средств ведения войны; использование локального доминирования; распределение сфер влияния; совместные действия, в основе которых лежали идеи концерта или кондоминиума[25], вполне современны и для нынешнего этапа развития международных отношений. В том же русле следует рассматривать идеи Хедли Булла о том, что в качестве основных социологических силовых форм одностороннего поддержания порядка в истории были *доминирование, первенство и гегемония.* При этом к числу способов ограниченно силового взаимодействия между великими державами Х. Булл относил *разграничение сфер интересов, влияния и ответственности*[26]. Заметим, что и на всем протяжении начала XXI века ведущие центры силы, в реальности определяющие векторы преобразования мирового порядка, ведут себя именно в рамках этих трех основных поведенческих типов.

Столь подробный анализ творческого наследия Х. Булла в контексте осмысления сущности международных отношений связан с нарастающей турбулентностью в мировой политике (по Дж. Розенау[27]) и исключительно полезен в период фактического кризиса западноцентричного (либерального) мирового порядка, который строится на комплексе правил, норм, ценностей, институтов, соглашений о безопасности и иных механизмах, способствующих доселе мирному взаимодействию государств и других политических сил, разрешению конфликтов и споров между ними.

[24] Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. – New York: Colombia University Press, 1977. – P. 140.
[25] Ibid. P. 207.
[26] Ibid. P. 219.
[27] См.: Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. – Princeton: Princeton University Press, 1990.

2. Труд английского ученого Х. Булла был бы невозможен и весьма оспариваем критиками, если бы не период разрядки международной напряженности 70-х годов XX в., в конструировании которого сыграл важную роль Генри Киссинджер. В своей работе «Мировой порядок» (World Order, 2014) американский ученый и политический деятель, используя понятийный аппарат Х. Булла в оценке «ускользающей от общего понимания концепции мирового порядка», констатирует, что «международное сообщество» не в состоянии согласовать или договориться об однозначном и непротиворечивом комплексе целей, методов и ограничений[28]. По мнению американского политика, конструирование мирового порядка, длившееся не одно поколение, во многих отношениях свершилось, что выражается в существовании множества независимых суверенных государств, распространении демократии и принципов представительного управления, функционировании в режиме реального времени сети глобальных коммуникаций и финансовых систем[29], многих других всеобщих аспектов жизнедеятельности по сути международного общества. Однако ключевой вопрос при построении мирового порядка неизбежно затрагивает сущность объединяющих его принципов – в которых и состоит кардинальное различие между западными и незападными подходами к миропорядку[30]. Поэтому важными представляются мысли автора о Вестфальской системе международных отношений, «наиболее приемлемых правил и принципов международного порядка в современную эпоху»[31].

В общей струе со сторонниками реализма Г. Киссинджер обращается к теме воздействия на любой международный порядок двух тенденций, «посягающих на его связанность: либо перераспределение легитимности, либо значительное изменение в балансе сил»[32]. Первая связана с коренным изменением ценностей, заложенных в основу международных договоренностей, что, на наш взгляд, имеет место, если оценивать значительные различия в мироощущении различных культур и цивилизаций. Вторая причина кризиса международного порядка возникает, когда он оказывается не в состоянии приспособиться к значительному изменению соотношения сил. По сути, на наш взгляд, возвышение Китая представляет собой в XXI в. значительную структурную проблему для баланса сил, что дает основание многим ученым-международникам рассуждать о новой биполярности в составе США и КНР.

[28] Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2016. – С. 10.
[29] Там же. С. 469.
[30] Там же. С. 471.
[31] Ikenberry G. J. Why the Liberal World Order Will Survive // Ethics and International Affairs, 32, no. 1, 2018. – PP. 17-29.
[32] Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2016. – С. 474-476.

В прогностическом плане трудно не согласиться с выводом Г. Киссинджера о том, что ни одна страна в одиночку не в состоянии сформировать мировой порядок. Для установления подлинного мирового порядка его элементы, сохраняя собственные ценности, нуждаются во второй культуре, которая является глобальной, структурированной и правовой[33].

3. Фрагментация мировой политической системы по культурно-цивилизационному признаку подробно проанализирована в известной работе Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций». В методологическом контексте рассмотрение автором глобальной политики как многополюсной и полицивилизационной, его посыл о возникновении мирового порядка, основанного на цивилизациях, когда общества, имеющие культурные сходства, сотрудничают друг с другом и попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую оказываются бесплодными, а страны группируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций, имеет особую ценность для анализа современных мирополитических процессов[34]. Цивилизационный подход С.Хантингтона оригинален прежде всего благодаря обширным эмпирическим данным, которые можно дополнять на фоне современных мегатрендов и событий в международной политике.

Генеалогию идей С. Хантингтона обычно связывают с работами А. Тойнби[35] и Б. Льюиса[36]. Помимо произведений С. Хантингтона необходимо отметить две значительные работы по проблеме конфликта цивилизаций. Это труд Али Тарика «Столкновение цивилизаций»: крестовые походы, джихад и современность»[37], а также работа Дж. Сакса «Достоинство различия. Как избежать столкновения цивилизаций»[38], в которой анализируется феномен многообразия национальных, социальных, вероисповедных, культурных и других человеческих сообществ и рассматривается возможность снижения угрозы столкновения цивилизаций через диалог между ними.

По нашему мнению, выраженная научно-теоретическая актуальность и социально-практическая значимость концепции столкновения цивилизаций при анализе и прогнозировании порядка в мировой политике

[33] Там же. С. 484.
[34] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – С. 15.
[35] См.: Тойнби А. Дж. Постижение истории. -М., 1991.
[36] См.: Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. – М., 2003; Льюис Б. Ислам и Запад. – М., 2003.
[37] См.: Али-Тарик. Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. – М., 2006.
[38] См.: Сакс Дж. Достоинство различия. Как избежать столкновения цивилизаций. – М. Иерусалим, 2008.

могут быть плодотворно спроецированы на структурирование локального (или регионального) порядка в Центральной Азии как важного элемента международной системы. Такой подход, возможно, даже строго востребован с учетом геополитического значения и геокультурных особенностей региона на перекрестке цивилизаций, которые отягощают и одновременно представляют огромные возможности для расположенных здесь государствнаций в процессе укрепления их роли и влияния в международном обществе.

4. В постбиполярную эпоху после укрепления на мировой арене новых политических акторов и в связи с начавшимися процессами внутренней трансформации вновь актуальным стал системный подход в изучении как политики, так и международных отношений. В современных международных исследованиях и практико-аналитических разработках системный подход представляется одним из дискуссионных методов исследования и прогнозирования международных отношений, при применении которого достигается бóльшая результативность, всестороннее и наиболее полное понимание «феномена» исследования.

Традиционно применение системного подхода в международных отношениях (*system analysis approach*) связано с теоретическими разработками американских исследователей М. Каплана (Morton A. Kaplan) «идеальных» типов международных систем, Р. Розекранса (Richard Rosecrance) исторических моделей международных систем, К. Уолтца (Kenneth Waltz) концепции трёх уровней структуры системы, Р. Гилпина (Robert Gilpin) системных изменений на уровне международной системы и государств, С. Хоффмана (Stanley Hoffmann) системных внутренних и внешних ограничений внешней политики, К. Дойча (Karl W. Deutsch) сообществ безопасности и информационных систем, И. Валлерстайна (Immanuel Wallerstein) концепции «мир-системы», Дж. Модельски (George Modelski) длительных/длинных циклов в мировой политике, Р. Арона (Raymond Aron) гомогенных и гетерогенных международных систем.

Значительное влияние на эволюцию/развитие системного подхода в политической науке оказали исследования американского социолога Т. Парсонса (Talcott Parsons), немецкого социолога Н. Лумана (Niklas Luhmann), американского политолога Д. Истона (David Easton).

В ходе исследования предметного поля мирового порядка и системы международных отношений весьма полезными представляются такие принципы системного исследования, как целостность изучаемой системы; наличие в системе двух или более типов (системообразующих) связей; наличие структуры и организации; наличие «горизонтальной» и

«вертикальной» уровней системы и иерархии этих уровней; способы регулирования многоуровневой иерархии, выраженные в управлении системой; постановка цели и целесообразного характера поведения систем; фактор самоорганизации (преобразование системы и её функций), наличие у системы множества характеристик; проблема соотношения функционирования и развития системы при соответствующих механизмах[39].

Например, пользуясь синергетическим подходом, можно выдвинуть предположение о том, что за последние тридцать лет система международных отношений после периода холодной войны и биполярного мира в своем стремительном развитии под воздействием глобальных процессов достигла точки бифуркации. Тем самым система международных отношений находится в критическом состоянии, при котором становится неустойчивой относительно флуктуаций и возникает неопределенность – станет ли состояние системы еще более хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности[40].

5. Американским ученым, представителем школы неомарксизма Иммануэлем Валлерстайном было положено начало созданию теоретической модели мир-системного подхода с задачей объяснить современные процессы мирового развития с помощью выведения причинно-следственных связей в исторической ретроспективе. Онтологические основания по Валлерстайну представляются как категориальная сеть: «мир-система», «мир-экономика», «мир-империя», «время-пространство», «ядро» (высокоразвитые страны) «периферия» (страны, специализирующиеся на добыче ресурсов со слабой политической системой – страны «третьего мира»), «полупериферия» (страны модернизации «второй волны»).

Единственным видом социальной системы является мир-система, которая определяется как общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Двумя разновидностями исторических систем выступают мир-системы с общей политической системой и без нее, соответственно «мир-империя» и «мир-экономика». «Мир-экономика»» по сути представляет собой систему, именуемую капитализмом. «Миры-экономики» трансформировались в «миры-империи» ввиду исторически присущим им нестабильным структурам, которые приходили к дезинтеграции и/или завоеванию одной группой[41].

[39] См.: Системный подход к изучению международных отношений. Коллективная монография. – Ташкент: УМЭД, 2020. – С. 8-16.
[40] Таджиев Ш. «Мягкая сила» во внешней политике Республики Узбекистан на современном этапе. – Ташкент: УМЭД, 2020. – С. 62.
[41] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М.Кудюкина. Под общей редакцией Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. – С.24.

На наш взгляд, в рамках исследования проблем современного мирового порядка, в том числе в контексте места и роли в нем региона Центральной Азии, полезным представляется использование категории И. Валлерстайна «геокультура». Понятие геокультуры рассматривается им в контексте мир-системной концепции и связанных с ней глобальных геополитических и геоэкономических проблем. Он определяет это понятие как культурный способ организации мирового пространства. В нем ученый выделяет общества, входящие в цивилизационное ядро существующего мира, общества, которые оказываются на периферии, а также общества, которые занимают позиции так называемой полупериферии. Геокультура им рассматривается в качестве синонима культурного давления индустриального центра капиталистической мир-системы на ее аграрную периферию, в частности, давления, обеспечивавшего легитимность мирового глобального порядка посредством внедрения в глобальном масштабе модернизационной установки на национальное развитие[42].

6. Учеными выделяются три ключевых подхода к прикладному анализу мирового порядка: реалистический, социально-конструктивистский и институциональный[43]. Первый из них берет начало в трудах политических реалистов (Г. Моргентау[44], Р. Арон[45], К. Уолтц[46]), которые уделяют первостепенное внимание соотношению потенциалов акторов мировой политики, особенно ведущих мировых держав. *Реалистский подход* доминировал в политическом дискурсе в эпоху холодной войны с акцентом на военный фактор как определяющий элемент баланса сил. На современном этапе, по нашему мнению, данная парадигма получила превосходное развитие в терминах и категориях структурной теории «наступательного реализма» Дж. Миршаймера[47].

У истоков второго – *социально-конструктивистского подхода* стояли политологи Р. Гилпин[48], Л. Миллер[49], Р. Купер[50]. Они постулируют приоритетную значимость норм, которым следуют или осознанно

[42] Там же. С. 188-190.
[43] Торкунов А.В. Современные международные отношения и мировая политика. – М.: Просвещение, 2004. – С. 49; Сирота Н.М. Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. – С. 18-20.
[44] Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. – Second Edition, Alfred A. Knopf: New York, 1955.
[45] Арон Р. Мир и война между народами. – М.: Nota Bene, 2000.
[46] Waltz K. Theory of International Politics. – New York: McGraw Hill, 1979.
[47] Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: W.W. Norton, 2014.
[48] Gilpin R. War and Change in World Politics. – Cambridge: University Press, 1981. – P. 102.
[49] Miller L.H. Global Order: Values and Power in International Politics. – Abingdon: Routledge, 1985. – P. 50.
[50] Cooper R. Is there a New World Order? // Prospects for Global Order. – Ed. by S. Sato, T. Taylor, S. Heiva, London, 1993. Vol. 2. – P. 8.

нарушают субъекты мировой политики при выстраивании взаимных отношений. При этом смена правил и принципов международного взаимодействия приводит к трансформации мировых порядков. Данный подход в нашем понимании актуален в современных условиях, когда общепризнанные нормы и принципы биполярной системы международных отношений подвергаются заметной коррозии ввиду их вольной интерпретации ведущими государствами мира и новыми центрами силы. Другим примером может служить вступление на мировую арену технологических мега-корпораций, которые беспрецедентным образом занимают традиционные ниши государств во внутренней и внешней политике, влияют на общественно-политические процессы.

Институциональный подход, представителем которого является, в частности, Дж. Айкенберри[51], делает акцент на инструменты регулирования мирополитических процессов с главной ролью международных институтов как механизмов сотрудничества суверенных государств, способных корректировать поведение отдельных стран в интересах международного сообщества. Дж. Айкенберри и ряд других американских авторов являются яркими приверженцами концепции либерального мирового порядка[52].

На наш взгляд, данный посыл может быть корректен, если основные игроки на мировой арене, отбросив национальный эгоцентризм, в условиях превалирующего взаимного противостояния по всем траекториям глобального развития смогут договориться относительно делегирования политической власти международным институтам хотя бы в части стратегической стабильности.

7. К. Бут и Н. Уилер предлагают собственную оригинальную и достаточно операбельную в наши дни типологию подходов к исследованию мирового порядка с разделением взглядов ученых на три группы – фаталистский, посреднический и трансцендентный[53].

Сторонники *фаталистского подхода* рассматривают мировой порядок как неизменную базовую переменную глобального мироустройства на основе принципов игры с нулевой суммой, когда

[51] Ikenberry J.G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. - Princeton: University Press, 2000. – P. 7.
[52] См.: Ikenberry J.G. After Hegemony: Institutions, Strategic Restraint, and the Building of Order after Major Wars. – Princeton: Princeton University Press, 2000, Ikenberry J.G. A World Safe for Democracy: Liberal Internationalism and the Crises of Global Order. – New Haven: Yale University Press, 2020; Simmons A. and Goemans H.E. Built on Borders: Tensions with the Institution Liberalism (Thought It) Left Behind // International Organization, 2021; Porter P. The False Promise of Liberal Order: Nostalgia, Delusion and the Rise of Trump. – New York: Polity, 2020.
[53] Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics. – London: Palgrave Macmillan, 2008. – P. 10.

государства и группы государств состоят главным образом в отношениях конфронтации друг с другом, а характер их взаимодействия задает расстановка сил на международной арене. Приверженцы фаталистского подхода (Г. Моргентау и Зб. Бжезинский) постулируют, что формирование нового мирового порядка в XXI в. будет напрямую зависеть от возвышения одного или нескольких центров сил, различных по потенциалам своего международного влияния. Конечный облик мирового порядка в видении фаталистов будет определяться конфигурацией сил на мировой арене (однополярность, многополярность или новая региональная биполярность), а также характером взаимоотношений между великими державами («мировой концерт» наций и маловероятно, хотя не исключается, – новая межблоковая конфронтация).

Представители *посреднического подхода* (институционалисты, функционалисты, конструктивисты) рассматривают мировой порядок как игру с ненулевой суммой, в которой государства делегируют часть своего суверенитета нескольким десяткам международных институтов. Соблюдение коллективно выработанных норм внешнеполитического поведения будет способствовать снижению градуса неопределенности в мировой политике и содействовать избежанию перерастания такого недоверия в открытое противоборство. Сторонники посреднического подхода расходятся во мнениях относительно оснований такой вовлеченности государств. Конструктивисты считают обязательным условием сотрудничества стран через многосторонние институты их коллективную идентичность, базирующуюся на общих ценностях[54]. Институционалисты постулируют, что формирование мирового порядка является результатом совместных усилий государств по выработке и закреплению в международных договорах общих норм поведения[55]. Функционалисты говорят о важности наличия у государств общих интересов, подталкивающих их к кооперации даже при условии, что у них могут быть несовместимые системы ценностей[56].

В частности, на наш взгляд, продление Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) и готовность ведущих ядерных держав – США и России

[54] Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // The American Political Science Review, June 1994, Vol. 88, No.2. – P. 386; Ruggie J.G. What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge // International Organization, Autumn 1998. Vol. 52, No.4. – P. 872-873.
[55] Slaughter A.-M. International Law and International Relations Theory: A Dual Agenda // The American Journal of International Law, April 1993, Vol. 87, No.2. – P. 211; Keohane R.O. The Promise of Institutionalist Theory // International Security, Summer 1995, Vol. 20, No.1. – PP. 45-46.
[56] Keohane R.O. International Institutions: Can Interdependence Work? // Foreign Policy, Spring 1998, No.110. P. 85; Martin L.L. Interests, Power, and Multilateralism // International Organization, Autumn 1992, Vol. 46, No.4. P. 767.

к серьезным и основательным переговорам по всему спектру ядерных вызовов и угроз вне СНВ-3 могут дать основания ученым рассматривать такие положительные тенденции в мировой политике как с точки зрения фаталистского (облик мирового порядка определяют мировые державы на основе равновесия сил), так и посреднического подхода (заключение обязательных для исполнения договоров и разработка общих норм поведения). Например, формирование по инициативе Узбекистана в Центральной Азии единственной в Северном полушарии зоны, свободной от ядерного оружия, стало многозначительным свидетельством приверженности новых независимых государств региона к коллективной идентичности на базе общих для международного сообщества ценностей.

А.-М. Слотер выявила на стыке тысячелетий еще один важнейший феномен, названный ею «трансгосударственностью», когда государства при помощи комплекса различных межгосударственных связей образуют «межправительственные сети» (“government networks”)[57]. По ее мысли, национальное государство сохранило за собой статус наиболее важного игрока на международной арене, но начало фрагментироваться на составные институциональные структуры, которые напрямую контактируют с аналогичными институтами других государств через национальные границы, одновременно придерживаясь и представляя интересы своей страны. Государства сохранили механизмы «реагрегации» интересов отдельных институтов, что позволяет им при необходимости взаимодействовать друг с другом в качестве целостных акторов. Сети же функционируют параллельно или в рамках традиционных межправительственных организаций[58].

Представляется, что феномен «трансгосударственности» ярко проявляется на постсоветском пространстве и в регионе Центральной Азии, когда ввиду исторических предпосылок динамично развиваются сетевые связи институциональных структур параллельно с множественными прямыми контактами негосударственных акторов.

Сторонники *трансцендентного подхода,* к которым относятся неомарксисты, феминисты, федералисты, анархисты[59], трактуют мировой порядок как архаизм, на смену которому с течением времени придет новое, гуманное мироустройство. Мировой порядок будущего в их понимании «конец игры» суверенных государств друг с другом, так как он будет

[57] См.: Slaughter A. A new World Order. – Princeton: Princeton University Press, 2004.
[58] Ibid. P.18.
[59] Permanyer I. On the Measurement of Gender Equality and Gender-Related Development Levels // Journal of Human Development, March 2008. Vol. 9, No.1. – PP. 87-108; Boardman R. Environmental Discourse and International Relations Theory: Towards a Proto-Theory of Ecosation // Global Society: Journal of Interdisciplinary International Relations. Vol. 11, No.1. – PP. 31-44.

основан на идее объединения всего человечества в глобальную транснациональную общность. Трансценденталисты имеют отличающиеся подходы к сущностным характеристикам прогнозируемого или воображаемого мироустройства. Одни выступают за создание всемирной федерации, другие – за упразднение института государства как такового, но все едины в своей убежденности в необходимости и возможности осуществления глобальных структурных изменений в мировой политике. Действительно, пандемия коронавируса, накрывшая всю систему международных отношений в начале 2020 г., стала историческим триггером в деле трансформации социальных отношений на национальном, региональном и международном уровнях. Ограничение социальных свобод личности, прямая угроза от вируса национальной безопасности практически всех государств мира, объективное торможение транснационализации и рост национального эгоцентризма, – все это можно оценивать как временный кризис трансцендентного подхода в оценке перспектив формирования нового мирового порядка.

8. Мировой порядок также можно описать в категориях сущего, должного и желаемого. В связи с этим, как отмечает видный российский ученый П.А. Цыганков, мировой порядок можно рассматривать как объективную реальность (эмпирический миропорядок), как деятельность по управлению и изменению этой реальности под влиянием нормативно-правовых и ценностных требований (нормативный миропорядок) и как теоретические конструкции, отражающие видение лучшего мироустройства (воображаемый миропорядок). Профессор П.А. Цыганков выделяет следующие структурные характеристики миропорядка: социетальная структура дает представление о том, к какой сфере общественной жизни имеет отношение исследуемый мировой порядок (в этой связи выделяют экономический, правовой, информационный и другие виды мирового порядка); горизонтальная структура обусловливает состав акторов мировой политики, которыми помимо суверенных государств являются и другие международные игроки; вертикальную структуру образуют существующие центры силы (их количество определяет конфигурацию мирового порядка и его полярность) и степень иерархичности в распределении военно-политической, экономической, культурной и идеологической власти между акторами; институциональную структуру миропорядка составляют международные межправительственные и неправительственные организации, а также источники норм международного права (международные договоры, многосторонние соглашения и т.п.); нормативная структура является, по сути, производной от

институциональной структуры и отражает существующие правила и традиции регулирования отношений между участниками международных отношений и мировой политики, которые последние соблюдают добровольно или по принуждению других, более влиятельных, игроков; символическая структура акцентирует внимание исследователя на культурно-идеологическом компоненте международной жизни, на значении универсальных и частных (национальных, этнических и пр.) ценностей для организации мирового политического процесса[60].

В нашем понимании в научно-методологическом плане структурные характеристики мирового порядка российского ученого позволяют исследователю более точно сконцентрироваться на конкретных аспектах рассматриваемого феномена, рационально и плодотворно использовать теоретический инструментарий при описании и обобщении порой трудно осмысляемых новых событий и трендов на политической арене мира.

Российский политолог профессор Т.А. Шаклеина выдвигает важную научно-методологическую особенность при изучении проблем мирового порядка, говоря о том, что строительство и закрепление нового мирового порядка является самым главным мегатрендом XXI в. Под мегатрендами мировой политики Т.А. Шаклеина понимает «крупномасштабные, долгосрочные процессы мирового развития, определяющие качественное содержание текущего этапа эволюции миросистемы»[61]. При этом в рамках самого порядкообразующего мегатренда она выделяет такие глобальные тренды, как изменение политической структуры мира, заключающееся в его деполяризации и полицентризации, расширение группы ведущих мировых держав, общая территориальная фрагментация мира (заключающаяся в фрагментации отдельных государств, появлении непризнанных и частично признанных стран), тренд по созданию новых норм, регламентирующих поведение игроков на международной арене и обеспечивающих их выполнение международными институтами, а также новая территориальная структуризация мирового и регионального пространств[62].

Важную лепту в исследования современной мировой системы вносит российский ученый М.М. Лебедева, которая предлагает подход, согласно которому современную политическую организацию мира следует

[60] Международные отношения и мировая политика: Учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Юрайт, 2016. – С. 199.
[61] Шаклеина Т.А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т.А. Шаклеиной и А.Б. Байкова. – М.: Аспект Пресс, 2013. – С. 7, 69.
[62] Шаклеина Т.А. Роль великих держав в структурировании мирополитического пространства в XXI веке // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: «Аспект Пресс», 2016. – С. 314-315.

рассматривать как глобальную систему, состоящую из трех взаимозависимых уровней: Вестфальской системы, системы международных (межгосударственных) отношений и политических систем отдельных государств. Российский исследователь показывает, что все три уровня подвержены глубокой кардинальной трансформации и это порождает эффект «идеального шторма». При этом в силу ряда причин наиболее «слабым звеном», т.е. тем звеном, где указанные процессы проявляются с наибольшей отчётливостью, стал Ближневосточный регион[63]. По нашему мнению, полезным представляется научный подход автора с диалектической взаимоувязкой трех уровней политического ландшафта мира, оказывающих в наши дни детерминирующее значение при оценке общей мирополитической картины.

9. Как показывает наш анализ, научно-методологическая база исследования проблемного поля «мировой порядок» остается достаточно обширной и по некоторым параметрам противоречивой. Разнообразие и многоаспектность методологических подходов обусловлены диверсифицированностью традиций политологических школ и направлений, различием мироощущения и философского восприятия окружающего мира, определенной идеологической константой в работах западных и незападных политологов. Сложным представляется поиск научно обоснованного и консенсусно принятого порядка в международных отношениях, когда турбулентность на всех уровнях политического устройства государств, регионов и в мировом масштабе становится главной характеризирующей особенностью современности.

Наиболее заметная линия «водораздела» в оценке его современного состояния и желаемого будущего проходит между сторонниками политического реализма и приверженцами либеральных подходов[64].

В этом плане заслуживает внимания китайская интерпретация теории международного общества. Известный китайский ученый Цинь Яцин считает ценным данный концепт для анализа международных отношений, но не согласен с учеными английской школы в том, как определять и понимать его. Апеллируя к мирному подъему Китая в последние три десятилетия, к его политике реформ и открытости, автор выдвинул процессный подход с использованием китайского способа мышления и философской традиции. Он видит общество и акторов,

[63] Лебедева М.М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2016, № (2(47)). – С.125-133.
[64] Цыганков П.А. Относительность расхождений и пределы совмещения реализма и либерализма в трактовке вопросов миропорядка // Политическая наука, спецвыпуск. – М., 2017. – С. 235.

связанных друг с другом в непрерывном процессе. Данный подход интерпретирует международное общество как сеть динамических и трансформирующихся отношений, строительства и реконструкции акторов, который производит новые синтезы в рамках межгосударственных субъектных и межконтекстных практик. В таком процессе меняются не только особенности общества, но также идентичности акторов. И нет вопроса о том, что статический актор гонится за меняющими институтами[65].

10. Именно поэтому вполне объяснимо, что в политологическом дискурсе не существует общепринятого или канонического определения категории «мировой порядок».

Оксфордский словарь английского языка определяет «мировой порядок» как систему контролирующих действий в мире, прежде всего комплекс договоренностей на международном уровне в целях сохранения глобальной политической стабильности[66].

В дополнение к приведенным выше определениям данной категории отметим, что с позиции власти в мировой политике Г. Киссинджер представляет ее как «схему организации и распределения власти, которая считается справедливой каким-либо актором мировой политики и пригодной для всего мира»[67]. Американский политолог Л. Миллер рассматривает мировой порядок как «состояние наличия определенной системы норм, задающих параметры соперничества международных акторов друг с другом за власть и влияние»[68].

А.-М. Слотер определяет мировой порядок в качестве системы глобального управления, которая институционализирует международное сотрудничество и предотвращает конфликты в степени, достаточной для всех наций для достижения ими большего мира и процветания, лучшего распоряжения имеющимися ресурсами и обеспечения хотя бы минимальных стандартов человеческой жизни и достоинства[69].

Российский ученый Э.Я. Баталов трактует мировой порядок как систему коррелятивных связей между субъектами мирового политического процесса, к которым он причисляет государства, международные правительственные и

[65] Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / Багаева А.В., Бродовская Е.В., Вдовиченко Л.Н. и др.; под общей ред. профессора П.А. Цыганкова. – М.: Горячая линия – Телеком, 2017. – С. 225-226.
[66] См.: Oxford English Dictionary.
[67] Kissinger H. World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. – London: Penguin Books, 2015. – P. 9.
[68] Miller L.H. Global Order: Values and Power in International Politics. – Boulder: Westview Press, 1998. – P. 11.
[69] Slaughter A.-M. A new World Order. – Princeton: Princeton University Press, 2004. – P. 166.

неправительственные организации, индивидов и их групп, способными благодаря имеющимся у них политическим, экономическим и иным ресурсам оказывать существенное влияние на мировую политику[70].

Аналогичным образом определяет понятие «мировой порядок» Ю.П. Давыдов как «состояние системы международных отношений, соответствующим образом запрограммированное на ее безопасность, стабильность и развитие, и регулируемое на основе критериев, отвечающих нынешним потребностям прежде всего самых влиятельных субъектов данного мирового сообщества»[71].

В соответствии с государственно-центричным подходом Х. Буллом под международным (мировым) порядком «понимается характер (состояние) или направление внешней активности, обеспечивающей незыблемость тех целей сообщества государств, которые являются для него, с одной стороны, элементарно необходимыми, с другой – жизненно важными, с третьей – общими для всех». Тем самым фундаментальные основания любого социального порядка сводятся к закреплению *трех базовых принципов в отношениях между его участниками: право на жизнь, право на собственность, обязательность исполнения договоров*[72].

В том же русле российский ученый А.Д. Богатуров под этим термином понимает систему межгосударственных отношений, которая регулируется принципами внешнеполитического поведения, согласованными на их основе установлениями и признаваемыми легитимными санкциями за их нарушение, потенциалом уполномоченных стран и образованных ими межгосударственных институтов такие санкции осуществить, а также политической волей стран этим потенциалом воспользоваться[73].

К.С. Гаджиев трактует понятие «мировой порядок» в двух ипостасях. В широком формате оно рассматривается как «мировое сообщество в его тотальности, включая всех без исключения акторов». В узком смысле – это «система взаимоотношений наиболее активных акторов мирового сообщества, основанная на определенном комплексе неофициальных и официальных правил и норм поведения, закрепленных в международном праве, а также созданных на их базе институтов, организаций, союзов и т.д.»[74].

[70] Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. – М., 2003, №7. – С. 31.
[71] Давыдов Ю. П. Норма против сил. Проблема мирорегулирования. – М.: Наука, 2002. – С. 39.
[72] Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. 3rd ed. – Columbia Univ. Press, 2002. – PP. 4, 16.
[73] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт – МОНФ, 1997. – С. 40.
[74] Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. – М.: Экономика, 2007. – С.12.

Более обобщенный подход можно найти у А.И. Никитина, который пишет: «В простейшем выражении «миропорядок» есть относительно устойчивое и достаточно стабильное, хотя и ограниченное в историческом времени состояние международной системы, характеризующееся господством признаваемых большинством акторов (государственных и негосударственных) правил поведения на международной арене и основанное на балансе сил и интересов ведущих мировых держав и политических сил»[75].

Тем самым, по нашему мнению, различные определения феномена «мировой порядок» концентрируются на осмыслении признанных норм, правил, ценностей, институтов и организаций, основных субъектов международных отношений и их взаимодействия в определенный исторический период, а также множестве других параметров, комплексное сведение которых в общую систему дает основание для обобщенного представления или видения политического устройства мира. Мы рассматриваем мирополитические процессы в тесной взаимосвязи и взаимозависимости от главенствующих социальных и политических трендов как внутри и между субъектами международных отношений, особенно великих держав, так и вне регуляции государств как носителей власти в глобализирующейся ойкумене.

11. С методологической точки зрения следует также обратить внимание на соотношение понятий «мировой порядок» и «международный порядок». Данный аспект проблемы присутствует в западном и российском научном дискурсе[76]. Согласно Х. Буллу, мировой порядок шире и «исконнее» международного порядка, поскольку он регулирует взаимоотношения на уровне государств и социальные связи других типов. Он обладает моральным приоритетом в сравнении с международным порядком ввиду того, что упорядочивает отношения в человеческом обществе в целом.

С. Хоффман и Дж. Айкенберри придерживаются мысли о том, что понятие «мировой порядок» шире по отношению к «международному порядку», поскольку регулирует отношения на всех уровнях общества в целом, предполагает их упорядоченность.

[75] Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования. – М., 2018, №6. – С. 32-36.

[76] Hoffmann S. Primacy or World Order: American Foreign Policy Since the Cold War. – New York: McGraw-Hill Education, 1980. – P. 29; Ikenberry J.G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. – Princeton: University Press, 2000. – P. 88; Bull H. The Anarchical Society. – New York: Columbia University Press, 1977. – P. 8-22; Сирота Н.М. Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. – С. 16; Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Международные процессы. Т. 1, № 1. – Москва, 2003. – С. 6; Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, 2003. – С. 474.

А.Д. Богатуров утверждает, что мировой порядок сегодня не носит глобальный, всеохватывающий характер, из чего следует, что по охвату он уже международный порядок. При этом именно мировой порядок, по убеждению ученого, выражает желаемый вектор эволюции мировой системы, суть которого – в разрастании мирового порядка до масштабов международного.

П.А. Цыганков говорит о том, что международный порядок составляет ядро мирового порядка, но к нему не сводится все содержание последнего. Он призывает не отождествлять эти две категории, но и не абсолютизировать их различия. Международный порядок автор соотносит с межгосударственным и говорит о возможности его существования при отсутствии мирового порядка. Вместе с тем мировой порядок не мыслится при отсутствии особого международного порядка, в котором созданы действенные механизмы и процедуры межгосударственного сотрудничества, способствующие реализации общих целей и культивированию общих ценностей граждан таких государств.

По нашему мнению, полное отожествление этих двух категорий является нецелесообразным редуцированным применением понятийного аппарата в исследуемой области. Поэтому мы полагаем, что международный порядок больше соотносится с межгосударственным взаимодействием в международной системе. Одновременно мировой порядок охватывает более широкие процессы и феномены на международной арене, где, помимо государств с их интересами, балансом сил между ними и иными государственно-центричными категориями, появляются государства с несформировавшейся внешнеполитической идентификацией, растет влияние негосударственных акторов, происходят зримые изменения во внутриполитических и внутрисоциальных установках, обостряются различные коллизии на культурно-цивилизационном уровне. Однако эти понятия все же близки друг к другу в содержательном плане и семантически имеют схожую смысловую нагрузку.

Тем самым есть основания полагать, что научно-методологические подходы к исследованию концепции «мирового порядка» в рамках различных научных школ отличаются широкой вариативностью, однако в целом исходят из общего понимания анархичности и одновременно взаимосвязанности элементов сложившейся системы международных отношений.

Ввиду явно трансформационного (турбулентного) и динамичного характера текущего состояния мирового порядка при научном анализе мирополитических процессов, их объективном осознании, обобщении и прогнозировании продуктивным представляется использование межпарадигмального подхода на базе теоретического плюрализма.

1.2. Эволюция принципов Вестфальской системы в условиях глобализации

Исследование предметного поля мирового порядка и в целом международных отношений, осмысление эволюции современной государственно-национальной системы с фиксированными территориальными границами непосредственно соприкасается с феноменом «Вестфалии», или Вестфальскими договорами 1648 г. (Оснабрюкский и Мюнстерский).

В дискурсе главенствующих реалистской и либеральной парадигм сложился определенный консенсус относительно значительной, фундаментальной роли Вестфальского мирного договора в формировании ныне функционирующей системы международных отношений, где заложены «все атрибуты общепринятой формулы: общество + государственная политическая организация + суверенитет + территория»[77].

В традиционном понимании Вестфальский мир, который положил конец Тридцатилетней войне в Западной Европе и санкционировал распад Священной Римской империи на 355 самостоятельных государств, «сделал территориальное государство краеугольным камнем современной государственной системы»[78], формально признал «систему суверенных государств»[79] и тем самым представляет собой некий «портал, ведущий из старого мира в новый мир»[80].

До этого времени, как подчеркивал выдающийся российско-эстонский юрист-международник Ф. Мартенс, международные отношения характеризовались разобщенностью их участников, бессистемностью международных взаимодействий, главным проявлением которых выступали кратковременные вооруженные конфликты или длительные войны[81].

Архаичная международная жизнь может быть словами английского политического философа XVII в. Т. Гоббса описана как «война всех против всех», а системность предполагает устойчивость и предсказуемость контактов между государствами.

Качественное отличие Вестфальской системы от всех прежних систем, в которых, как правило, главную роль играли династические интересы, состояло в том, что она заложила основы формирования и

[77] Moita L. A critical review on the consensus around the “Westphalian system” // Janus. Net e-journal of International Relations, 2012. Vol. 3, N 2.
[78] Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. – New York: McGraw-Hill, 1985. – P. 294.
[79] Spruyt H. The Sovereign State and Its Competitors. – New Jersey: Princeton University Press, 1994. – P. 27.
[80] Gross L. The Peace of Westphalia, 1648-1948 //American Journal of International Law. Vol. 42: 1, 1948. – P. 28.
[81] См.: Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. – СПб: Тип. М-ва пут. сообщ., 1895.

институционализации национальных государств как главных субъектов международных отношений. Утвердился принцип, согласно которому условием притязаний каждого отдельно взятого государства на верховную власть на территории, подпадающей под его юрисдикцию, является признание и за другими государствами равных прав на ведение дел в соответствии с их национальными интересами *(raison d'etat)*[82].

Вестфальский мир, завершив наиболее кровопролитную и длительную войну до трагедии Первой мировой войны XX в., создал условия для формирования системы международных отношений в результате осознания правителями европейских государств необходимости упорядочить правила поведения между собой на европейском пространстве и на мировой сцене.

В хрестоматийном понимании основными принципами Вестфальской системы международных отношений стали взаимное признание национального государственного суверенитета и равноправия государств. По истечении 370 лет эти принципы нашли глобальное распространение и сохраняют свое значение в качестве основополагающих для международных отношений до настоящего времени.

Данные принципы подразумевают следующее:

– обеспечение государственного суверенитета как «права на территорию и верховенство»;

– приоритет национального интереса;

– принцип баланса сил;

– приоритет государств-наций;

– невмешательство во внутренние дела государств;

– равенство прав государств;

– обязательство выполнять заключенные договоры;

– признание международного права и применения дипломатии в международных отношениях.

Следует упомянуть, что в научной литературе по теории международных отношений и истории дипломатии проблема «Вестфальской модели» разработана достаточно глубоко и подробно. Вестфальский мир и подписанный участниками этого исторического процесса базовый документ оцениваются как переломная точка в становлении международного права, на базе которого получил свое развитие институт международно-правовых гарантий. На его основе была впервые сформулирована декларативная теория международно-правового

[82] См.: Гаджиев К. Слово в защиту верховенства Вестфальских принципов // Международная жизнь. – М., 2018, № 11. – С. 138-154.

признания государств, согласно которой достаточно самого факта провозглашения нового государства для возникновения у него международной правосубъектности[83].

Как показывает анализ, «Вестфальская модель» не представляла из себя некий целостный и неизменный набор принципов формирования международного порядка, переживший многовековые перипетии исторического развития. Более того, по признанию выдающегося американского юриста-международника Ричарда Фалька, «Вестфалия» одновременно используется для обозначения события, идеи, процесса и нормативного оценочного принципа.

Как событие «Вестфалия» относится к мирному урегулированию, заключенному в конце Тридцатилетней войны (1618-1648), которое послужило установлению структурной основы для сохранения мирового порядка, который время от времени претерпевал изменения, до настоящего времени.

Как идея «Вестфалия» относится к государственно-центричному характеру мирового порядка, основанному на равном участии членов, предоставляемом исключительно территориально расположенным суверенным государствам.

Как процесс «Вестфалия» относится к меняющемуся характеру государства и государственного управления с такими важнейшими вехами, как колониализм и деколонизация, появление новых видов вооружений, создание международных институтов, рост глобальных рыночных механизмов и появление глобального гражданского общества.

Как нормативный оценочный принцип «Вестфалия» относится к сильным и слабым сторонам основанной на суверенитете системы в зависимости от исторических обстоятельств, защищая репрессивные государства от ответственности и подвергая слабые и экономически неблагополучные государства интервенциям и острым формам материальных лишений[84].

Для решений, принятых в рамках Вестфальского мира, использовалось творческое наследие голландского юриста, философа и государственного деятеля Гуго Гроция (1583–1645), который известен как отец международного права и основатель классической теории международных отношений, заложивший основы новых международно-правовых подходов в своем труде «О праве войны и мира»[85].

[83] Саямов Ю. Вестфальский мир и его принципы. Вчера и сегодня // Век глобализации. – М., 2018. – С.95-105.
[84] Falk R. Revisiting Westphalia, Discovering Post-Westphalia // The Journal of Ethics. 6, 2002. – P. 311-352.
[85] Гроций Г. О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994.

По нашему мнению, «Вестфальская система» все же имеет во многом западноцентричный и региональный характер, если принять во внимание, что «правила игры», принципы, ценности и идеи перманентно видоизменялись в прошлом и динамично трансформируются в наше время в основном под воздействием или влиянием глобальных держав. По признанию Г. Киссинджера, по-настоящему глобального «мирового порядка» не существовало и то, что признается ныне таковой, сложилось в Западной Европе и его основы были сформулированы в немецкой области Вестфалия, причем без участия – или даже внимания – большинства стран на других континентах и большинства иных цивилизаций. При этом, согласно Г. Киссинджеру, в истории были предложены различные разновидности мирового порядка: европейская (Вестфальская система или модель), китайская (иерархическая модель с китайским центром), исламская (модель на основе религии). Вестфальская система распространилась по всему миру в качестве «каркаса» межгосударственного и международного порядка, охватывающего различные цивилизации и регионы[86].

Если Вестфальская система ознаменовала конец римско-католического универсализма и Священной Римской империи, то основанная на ее принципах система баланса сил была заложены Венским конгрессом 1815 г. после разрушения наполеоновской империи. По итогам Первой мировой войны возникла Версальско-Вашингтонская система с окончательным распадом Австро-Венгерской и Оттоманской империй и урезанием Российской империи. Двухполюсный миропорядок сформировался по итогам Второй мировой войны и фактического распада Британской, Французской, Голландской, Португальской империй, получив название Ялтинско-Потсдамской системы.

В соответствии с принятым в академической среде топонимическим подходом мировые порядки получили свои названия по месту подписания международных документов, в которых закреплены их фундаментальные принципы. Данная типология охватывает вышеперечисленные мировые порядки, существовавшие с 1648 г. после подписания Мюнстерского и Оснабрюкского мирных соглашений. Российский ученый Э.Я. Баталов замечает, что, строго говоря, мировыми являются лишь Версальский, Ялтинско-Потсдамский и современный порядок, условно называемый постбиполярный. Остальные же так называемые «мировые» порядки являются на деле региональными, а точнее европейскими, параллельно которым в разные исторические периоды существовали другие международные порядки. В XIX в. таких порядков было как минимум три:

[86] Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2016. – С. 11–17.

первый определял отношения между европейскими нациями, второй устанавливал принципы и правила взаимодействия в Западном полушарии, третий предписывал конкретные образцы внешнеполитического поведения отдельным азиатским странам[87].

Во многих исследованиях мирового порядка произошло фактически отожествление двух систем: с одной стороны, Вестфальской системы как системы принципов, которые заложены по итогам Традцатилетней войны, где центральным стал принцип суверенитета; а с другой – системы межгосударственных отношений как некой конфигурации государств на международной арене и правил взаимодействия, определенных международными договорами[88]. Безусловно, признание нетождественности этих двух категорий могло бы содействовать решению ключевой проблемы современности – формированию контуров нового мирового порядка.

В нынешних исторических реалиях, сложившихся после окончания тридцать лет назад холодной войны и характеризующихся крушением биполярной системы с установлением условно постбиполярного периода, наблюдаются коренные изменения конфигурации межгосударственных отношений. Одновременно есть основания утверждать, что современная мировая политика переживает важный исторический этап их серьезного переформатирования с возвышением на глобальной авансцене новых влиятельных государственных и негосударственных центров силы, а также все более заметную фазу жестких «войн» за установление правил поведения и определение повестки дня на международной арене.

Тем не менее, по нашему мнению, формально такие трансформационные процессы не затронули фундаментальное наследие Вестфальской системы – доминирование великих держав, механизмы баланса сил, многосторонние нормы и институты все еще сохраняют свою экзистенциональную значимость для контроля устойчивости международной системы. Как указывает А. Цыганков, «любой мировой порядок предполагает наличие баланса сил среди основных участников международной системы и признание ими определенных правил поведения»[89].

Параллельно можно наблюдать кризис наметившихся ранее процессов формирования и функционирования институтов и систем глобального управления[90], как результат высокого уровня межгосударственной конфликтности и различий в подходах к траектории глобализации.

---

[87] Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 110.

[88] Лебедева М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования, №4. – М., 2020. – С. 27.

[89] Цыганков А.П. Эпоха полураспада: от миропорядка к миропереходу // Россия в глобальной политике. – Т. 17, № 2. – М., 2019. – С. 20-31.

[90] См.: Brühl T., Rittberger V. From international to global governance: Actors, collective decision-making, and the United Nations in the world of the twenty-first century // Semantic scholar, 2002.

Именно такие неоднозначные флуктуации переживает система международных отношений. Первенство в этом соперничестве сулит критические преимущества в распределении власти и влияния, занятии более высокого положения в международно-политической иерархии.

На фоне стремительно развивающихся современных мегатрендов на мировой арене, интенсивных и разнонаправленных процессов глобализации (интернационализации) актуальным представляется рассмотрение проблем состояния и перспектив Вестфальской системы международных отношений. Насколько устойчива и легитимна Вестфальская система в новейшую эпоху односторонних действий? Можно ли считать сегодня Вестфальские принципы основой отношений между государствами? Наблюдается ли провал Вестфальской системы – так называемый *Westfailure*[91] – с последующей драматичной хаотизацией мирового порядка или происходит лишь глубокая трансформация межгосударственных отношений?

По нашему мнению, мировой порядок в качестве организационного и функционального феномена, определяющего сущностные характеристики международной среды и системного взаимодействия, является динамичной и эволюционирующей конструкцией. Особенностью нынешнего этапа является переход от общепринятой или традиционной формы Вестфальского порядка к его будущей форме с качественно новыми особенностями. Эту форму зачастую называют пост-Вестфальским порядком. Такой процесс перехода будет означать смену параметров Вестфальской системы на параметры пост-Вестфальского порядка.

С учетом подобного допущения можно предположить, что качественно новые параметры организации и функционирования международной среды сосуществуют с характеристиками традиционно понимаемой и признаваемой Вестфальской системы политического мироустройства. Подобное сосуществование детерминирует определенные характеристики современного этапа развития международных отношений, гибридное или комбинированное решение в оценке нового состояния мирополитической системы. Иными словами, нынешнюю динамику и изменения в международных отношениях можно расценить как некий поздний этап Вестфальского порядка.

Говоря об общепризнанной эрозии Вестфальской системы, следует учитывать, что ход международных событий свидетельствует о создавшейся к настоящему времени глобальной «стратегической пустоте» с характерным для нее всеобщим беспорядком. Тем самым мы имеем дело

[91] Strange S. The Westfailure System // Review of International Studies, No. 25 (3), 1999. – PP. 345–354.

не с гомогенным феноменом, а с гибридным или комбинированным, что значительно усложняет анализ базовых структур, состава субъектов и привычных испокон веков процессов международных отношений, а также форм, средств и в целом пространства мировой и внешней политики.

В этой связи имеет смысл попытаться осмыслить в классифицированной форме проблемные политические и социальные аспекты Вестфальских принципов, вышедшие на поверхность вследствие ряда объективных и субъективных процессов глобализации (интернационализации) и, следовательно, имеющих далеко идущие последствия для мирового порядка. Тем самым, возможно, откроется возможность прогноза основных существенных черт трансформирующегося мирового порядка (см. приложение № 1).

Во-первых, анализируя Вестфальский принцип суверенитета государств, обратимся к четырем категориям значений этого понятия по С. Краснеру:

– внутренний суверенитет *(domestic sovereignty),* оправдывающий и обеспечиваемый государством социальный порядок;

– суверенитет взаимозависимости *(interdependence sovereignty)*, ассоциируемый с глобализацией и относящийся к способности государства регулировать то, что происходит внутри и за пределами границ;

– международный правовой суверенитет *(international legal sovereignty)* предполагает признание государства в качестве члена международного сообщества;

– Вестфальский суверенитет *(Westphalian sovereignty)* имеет отношение к иммунитету от внешнего вмешательства во внутренние дела государства[92].

Через призму этих категорий в реалии практически сложно найти государство, обладающее полным объемом суверенитета в классическом или академическом понимании. Принцип ООН «о суверенном равенстве всех ее членов» или автономности и равенстве государств вне зависимости от размеров их территории, объема экономики и военной мощи, несмотря на формальное его признание, неоднократно нарушается в угоду достижения узконациональных интересов в основном великих и региональных держав.

Внутренние и внешние факторы также ограничивают суверенитет государств, если учесть делегирование части национального суверенитета международным организациям и принятие многосторонних обязательств относительно внутринациональных вопросов (например, обеспечение

[92] Krasner Stephen D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – PP. 11-24.

гендерного равенства или искоренение детского труда), а также децентрализацию внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности внутри государств за счет усиления роли регионов и иных субъектов.

К конфликтогенности приводит противоречие одного из основных принципов современного международного права – принципа самоопределения народов и наций с двумя другими основными принципами – суверенного равенства государств и их территориальной целостности.

Другим примером является действие примата института прав человека над институтом суверенитета, который самым активным образом продвигается на международной арене через мобилизацию общественного мнения и инструменты многосторонних организаций. Тем самым за последние два-три десятилетия сложилось международное гуманитарное право, которое существенно ограничивает власть государства над его гражданами, но в то же время соблюдается государствами либо избирательно, либо вовсе игнорируется и вызывает этим разноплановые конфликты.

С реалистских позиций межгосударственное сотрудничество и международные законы скорее всего никогда не обеспечат стабильный и всеобъемлющий мир. В лучшем случае они могут смягчить конфликты, которые вероятно возникнут вследствие существования множественности суверенитетов[93].

Во-вторых, в современном мире развитых информационных технологий и «социального инжиниринга» получил широкое распространение феномен вмешательства во внутренние дела других государств под различными политическими и идеологическими предлогами. Методы влияния на исход национальных выборов с целью смены неугодных правительств или изменения их поведения на внешнем поле используются как сильными государствами в отношении более слабых, так и великими державами друг против друга. Для переформатирования внутренней политики государств-наций в соответствии с представлениями и ценностями, а зачастую экономическими и геополитическими интересами внешних акторов используются разнообразные рычаги, в том числе многосторонних и государственных институтов развития, например Международный валютный фонд, а также методы за пределами международного права в форме «цветных революций».

[93] Hurrell A. On Global Order: Power, Values, and the Constitution of International Society. – New York: Oxford University Press, 2007. – P. 3.

В-третьих, распад колониальной системы после Второй мировой войны, возникновение на политической карте мира около 200 суверенных государств различных культур и цивилизаций и, соответственно, распространение через институты ООН Вестфальских принципов на глобальную плоскость скорее усложнил их применение в первозданной форме. Кроме того, распад биполярного мироустройства не был закреплен каким-либо общепризнанным международным договором, который определил бы правила поведения в период пост-биполярного порядка. Это, в свою очередь, по истечении тридцати лет и привело к исключительной хаотизации международных отношений и продемонстрировало историческую бесперспективность утверждения «глобальной гегемонии» одной великой державы, охарактеризованной Джоном Миршаймером в категориях концепций «наступательного реализма»[94] и «либеральной гегемонии»[95]. Как отметил американский ученый из Гудзонского института (США) Б.П. Джексон, «мы не увидели триумфа Запада и появления глобальной системы международного порядка»[96].

Внутри же Вестфальской системы стали формироваться три группы государств, по-разному относящихся к самой объединяющей их системе:

– первую группу составляют Вестфальские государства, или государства модерна, для которых характерна ориентация на вопросы суверенитета государств, территориальной целостности и т.п.;

– во вторую группу входят пост-вестфальские государства (государства постмодерна), для которых типичны построение наднациональных органов, стирание политической системы государств, граней между внутренней и внешней политикой, и взаимоконтроль;

– третья группа представлена довестфальскими государствами (государствами пре-модерна) и характеризуется ориентацией на клановые и/или религиозные отношения во внутренней политике. При этом очевидно, что любое государство обладает в той или степени особенностями всех трёх групп[97].

Тем самым налицо некая плюрализация или фрагментация Вестфальской модели под эволюционным воздействием его широкого распространения на конкретную национальную и культурно-цивилизационную почву.

---

[94] См.: Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: W.W. Norton, 2001.
[95] См.: Mearsheimer J. Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. – London: Yale University Press, 2018. – P. 328.
[96] Джексон Б.П. Эпоха странных заблуждений // Россия в глобальной политике, №6. – М.: 2018. – С. 27.
[97] Лебедева М.М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» // Вестник МГИМО-Университета, № 2 (47). – М.: 2016. – С. 127.

В-четвертых, принцип приоритета государств-наций подвергается как минимум двухстороннему давлению: с одной стороны, ввиду появления «акторов вне суверенитета», повсеместно ослабляющих власть национальных правительств, с другой стороны – на микроуровне вследствие появления феномена ключевого значения влияния индивидов на международные отношения[98].

Несмотря на существование явных цивилизационных особенностей государств и регионов, процессы глобализации размывают национальную идентичность стран, которая формирует основу национального суверенитета. При этом ценностные предпочтения или борьба политических лидеров, высокий уровень пассионарности конкретной личности может иметь решающее значение в деле переформатирования мирового и регионального порядка. Вкупе с вышеописанными трендами растет количество так называемых несостоявшихся государств *(failed states)*, которые вследствие неспособности выстроить собственную национальную государственность, жизнеспособную экономическую и социальную системы, де-факто утрачивают статус полноценного суверенного государства и подпадают под «внешнее управление».

В-пятых, процессы глобализации привели к возникновению взаимодействий и связей, которые не ограничены традиционными понятиями территории. Это также подтверждает гибридное или комбинированное состояние Вестфальской системы. Концепции места, дистанции и границ, основанные на понятии «территория», не вполне адекватно описывают, например, феномены киберпространства, глобального потепления или трансграничных потоков капитала и информации[99].

Тем не менее в условиях глобализации так называемое «сжатие» («компрессия») пространства и механизмы «детерриториализации» социальных процессов, оказывающих все большее влияние на мировой порядок и систему международных отношений, не умоляют важности территориального фактора. Традиционные горячие войны между великими державами за завоевание территорий отошли в историческое прошлое ввиду невозможности победы в ядерной войне. Однако потребность в расширении территории с увеличением населения, на фоне этнических конфликтов, имеющих территориальное измерение, в целях производства продовольствия, требующего площади и пространства[100], остается важнейшим фактором в международных отношениях и внешней политике.

---

[98] См.: Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – P. 94.

[99] Scholte J.A. Beyond the Buzzword: Towards a Critical Theory of Globalization. – Globalization: Theory and Practice, eds. E. Kofman, G. Youngs. – London, 1996. – P.16.

[100] Rosecrance R.N. The rise of the virtual state: wealth and power in the coming century. – New York, 1999. – P. XIV.

Начавшаяся в 2020 г. пандемия нового коронавируса, имея глобальное измерение, принесла с собой серьезные последствия для международной политики, подстегнув процессы укрепления суверенитета и внешних границ даже в черте открытых доселе интеграционных пространств, суверенизации экономик и систем безопасности. По этой причине процессы глобализации полностью не нивелировали важность расстояний и территориальных границ в международных отношениях, но обогатили их дополнительным «надтерриториальным» пространством и новым измерением, например, в форме киберпространства[101], где «невозможно установить правила поведения»[102].

В-шестых, глобализация как фактор качественных изменений, детерминирующих возникновение позднего этапа Вестфальской системы, обусловлена многими переменными. При их рассмотрении следует учитывать так называемый «синергетический эффект» от воздействия политических, экономических, технологических, экологических и психологических сил. В этом плане особое значение имеют технологический и политический факторы, создавшие новое качество социальной жизни.

Беспрецедентное развитие технологий, «сжимающих» пространство и время, представляет собой объективный и необратимый процесс, и самое важное – во многих случаях не зависит от решений и действий лидеров конкретных государств и аффилированных с ними политических элит.

В последние десятилетия мир переживает эпоху «технокапитализма»[103] с доминирующей ролью интеллектуальной собственности, где основными ценностями являются нематериальные активы – новые знания и творчество. По мнению Дж. Розенау, спутниковое телевидение, интернет и оптико-волоконная связь сократили расстояния до миллисекунд, позволяя словам, идеям и картинкам достигать миллиардов людей и ускоряя процессы организации и функционирования социальной жизни. В результате изменяется структура мировой экономики и растет экономическая взаимозависимость, эволюционируют политические тренды, возникают новые вызовы для национально-культурной обособленности, появились беспрецедентные возможности для коммуникации и миграции. Например, по существу новое «великое переселение народов» стремительно разрушает идентичность сложившихся национальных государств[104].

---

[101] Scholte J.A. The Globalization of World Politics. – The Globalization of World Politics. An Introduction to International Relations, eds. J. Baylis, S. Smith, Oxford 1998. – P.18.
[102] Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2016. – С. 451.
[103] См.: Suarez-Villa L. Technocapitalism: A Critical Perspective on Technological Innovation and Corporatism. – Philadelphia: Temple University Press, 2009.
[104] См.: Кортунов С. В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка // Мировая политика / Под ред. С. В. Кортунова. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007.

Подобные ускорители интернационализации приводят к развитию в дополнение к традиционным иерархичным структурам горизонтальных сетевых структур[105], в первую очередь за счет транснациональных организаций в сфере защиты прав человека или окружающей среды. Таким образом, изменяется соотношение внутри трех типов ресурсов с позиций становления так называемого глобального общества государств: материальные или физические возможности; социетальные или структурные; нематериальные или моральные характеристики. На фоне изменения структуры силы в международных отношениях появляется понятие «социальная сила», «такой не имеющей непосредственной материальной основы социальный капитал, как востребованность международным сообществом»[106].

По нашему мнению, было бы ошибкой интерпретировать процессы глобализации и продуцируемые ими качественные изменения социальной жизни через призму технологического детерминизма. Технологии прежде всего являются инструментами и механизмами, позволяющими осуществлять трансграничные потоки и «компрессировать» пространство, однако они не влияют на содержание процессов глобализации.

Именно государства через одностороннюю и многостороннюю политическую деятельность создают условия и задают тональность развития мирового рынка, деятельности транснациональных корпораций и негосударственных организаций, тем самым добровольно размывая строгие догмы традиционного суверенитета. При этом суверенитет при всех перипетиях глобализации скорее всего сохраняется в качестве ключевой ценности, разделяемой абсолютным большинством государств, а политический и все чаще геополитический фактор в международных отношениях значительно преобладает над иными детерминантами организации и функционирования международной среды.

В-седьмых, структура акторов международной среды указывает на то, что государственно-центричность Вестфальской модели подвергается постепенной эрозии с возникновением «транснационального социального пространства». Развитие транснациональных субъектов привело к признанию анархичной природы международных отношений[107]. Хедли Булл называл процесс возникновения транснациональных акторов развитием «новых Средних веков»[108], а М. Шоу признал вхождение в век пост-

[105] Rosenau J.N. The Study of World Politics. Theoretical and Methodological Challenges. Vol. 1. – New York, 2006. – P. 7-8.
[106] Бордачев Т. Общество мирового уровня // Россия в глобальной политике // https://globalaffairs.ru/articles/obshhestvo-mirovogo-urovnya.
[107] Clark I. Globalization and International Relations Theory. – Oxford, 1999. – P. 4.
[108] Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. – London: Palgrave Macmillan, 1977. – PP. 254–255.

международных отношений, где негосударственные акторы не должны восприниматься как «нарушители международной среды»[109]. Поэтому в современных условиях международные политические отношения не могут быть интерпретированы сугубо в категориях государственно-центричности, так как структура связей между государствами дополняется структурой связей между транснациональными акторами. По словам Р. Хааса, «власть находится во многих руках и во многих местах»[110].

Тем самым наличие и функционирование транснациональных акторов наряду с государствами является элементом процесса бифуркации структуры акторов международной среды и происходит, по выражению Дж. Розенау, смена «государственно-центричного мира» на «мультицентричный мир»[111].

К последнему относят, помимо государств, легальные транснациональные корпорации (или второй сектор международных отношений), негосударственные организации (или третий сектор международных отношений), освободительные движения (или четвертый сектор), религиозные организации, международные политические движения. К нелегальным – международные террористические организации и оргпреступные сообщества, действия которых на локальном и глобальном уровнях влияют на формирование регионального и мирового порядка.

В-восьмых, еще одним подтверждением нового качества феномена поздней Вестфальской системы является изменение характера, форм и участников вооруженных конфликтов. Практически на всем протяжении действия Вестфальской системы международных отношений мир сталкивался с «войнами Клаузевица» – вооруженными конфликтами между централизованными государствами как центрами силы, которые обращались к использованию организованного насилия против четко идентифицированного врага[112]. Вестфальская система, основанная на идее территориального суверенитета, предусматривала конфликты за территории и суверенитет над ними. Войны считались средством политики и служили ключевым способом для реализации политических интересов и амбиций, а также укрепления и роста централизованных государств-наций. Как писал американский ученый Чарльз Тилли, «войны создали государства, государства создали войны»[113].

[109] Shaw M. Global Society and Global Responsibility: The Theoretical, Historical and Political Limits of "International Society" // Millennium: Journal of International Studies, 1992, no. 3. – P. 431.
[110] См.: Haas R.N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs, 2008, May/June.
[111] Rosenau J. N. Global changes and Theoretical Challenges: Towards a Postinternational Politics for the 1990s. – New York, 1989. – P. 8.
[112] См.: Richmond O.P. Maintaining Order, Making Peace. – New York: Palgrave Macmillan, 2002.
[113] Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. – М.: Территория будущего, 2009. – С. 40.

В наше же время военные конфликты имеют отличные от классических мотивы, средства ведения, характер участников и даже пространственное измерение. При этом широко применяются такие формы интернационализированного насилия, как «прокси-войны», «гуманитарные интервенции», «политика ограниченного суверенитета», «управляемые конфликты», «принуждение к миру», «международные миротворческие операции», «концепт всеобщей юрисдикции», «превентивные удары», «санкционные войны», «кибервойны».

Например, понятие «кибервойна» фактически вошло в политический дискурс и реалии политической борьбы, а этнические вооруженные конфликты, гражданские и религиозные войны стали доминирующими на геополитической карте мира. При этом подобные вооруженные противостояния в отличие от «вестфальских войн» не всегда имеют конечной целью завоевание территории одного государства другим с географической точки зрения, а возникают и протекают в латентной форме «на земле» и/или в киберпространстве.

Наибольшую озабоченность вызывает риторика политических элит о возможности развязывания «ограниченной ядерной войны». Как справедливо утверждает профессор Университета мировой экономики и дипломатии (Узбекистан) Ш.М. Абдуллаев, сегодня, когда возобновилось жесткое соперничество великих держав, когда военно-политическое противостояние достигло апогея, в чем зримо проявляется смена миропорядка, когда великие державы делают упор на военно-силовое решение международных проблем вплоть до возможности применения ядерного оружия, когда на европейском театре военных действий идут конфликты с ожесточением в масштабах, не виданных со Второй мировой войны, исчезает само понимание «ядерного сдерживания». В мире исчез страх перед ядерным оружием как в массовом сознании, так и в сознании политических элит.

Действительно, наблюдаемые «санкционные войны» между великими державами не только причиняют урон их национальной безопасности, но и расшатывают стратегический баланс сил и существующий международный порядок, «серьезно подрывая стабильность в мире и негативно отражаясь на глобальном развитии»[114].

С учетом разнообразия сторон в ходе конфликтов и их ярко выраженного регионального и глобального измерения или проникновения появились понятия «конфликт постмодерна», «конфликт низкой

[114] Глава МИД КНР: санкции Вашингтона против Пекина дестабилизировали ситуацию в мире // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10943307.

интенсивности», «приватизированные» или «неформальные войны», имея в виду вовлеченность в них негосударственных военизированных формирований местных полевых командиров, криминальных структур, полицейских сил, наемников, иностранных советников, международных поставщиков оружия и регулярных воинских подразделений[115].

В плане ведения, предотвращения, регуляции и разрешения военных конфликтов в современном мире особое значение приобретает инструментарий надгосударственных институтов ООН и международного права, сформировавших после Второй мировой войны комплекс норм и правил в данном по сути силовом сегменте международных отношений и гуманизирующих ход и последствия конфликтов на базе правозащитных императивов. Исключительную роль в эпоху глобализации имеет информационное (фактически онлайн) сопровождение вооруженных конфликтов, а также присутствие гуманитарных межгосударственных и негосударственных организаций в зонах вооруженного противостояния, что интернационализирует конвенционные войны.

Тем самым формирующаяся «глобальная международная система»[116], состоящая из широкой палитры акторов, наряду с укоренившимися инструментами и механизмами коллективной безопасности, вносит серьезный вклад в предотвращение мировых военных конфликтов, амортизирует наметившееся острое противостояние великих держав и предотвращает множество потенциальных региональных вооруженных конфликтов.

В-девятых, деидеологизация международных отношений, когда Вестфальский мир уравнял в правах католиков и протестантов, и в результате Тридцатилетняя война стала последней религиозной войной в истории Европы, в реалии не прошла испытание историей, особенно в XX и XXI веках. Идеологическое противостояние времен холодной войны, доминирование после краха коммунизма идей и ценностей западной либеральной демократии, затем рост конфликтов на религиозной почве на фоне активизации интернационализированного исламского фактора после террористических атак на Нью-Йорк в 2001 г., и, наконец, нынешний глобальный спор вкупе с начавшимся в 2020 г. коронакризисом о превосходстве моделей и ценностей «демократии» или «авторитаризма», – являлись и остаются важнейшей константой при формировании архитектуры нового мирового порядка.

[115] Kaldor M. New and Old Wars. Organized Violence in a Global Era. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 1–8.

[116] См.: Наумкин В.В. Влияние «арабской весны» 2011 г. на глобальную международную систему // Ближний Восток в мировой политике и культуре (избранные статьи, лекции, доклады 2009 – 2011 гг.). – М.: Институт Востоковедения РАН, 2011. – С. 288–307.

Примечательны в этом плане итоги стратегического диалога в марте 2021 г. представителей США и КНР в американском Анкоридже (Аляска). Именно в политико-идеологической и несколько шире – в культурно-цивилизационной плоскости следует рассматривать официальные заявления китайской стороны о том, что «США сами по себе не представляют общее мнение международного сообщества», и «если исходить из населения или существующих мировых тенденций, Запад не может представлять мнение всего мира», а «во время разговора об универсальных ценностях или общественном мнении американской стороне следует задумываться над тем, уверена ли она в своих словах, так как она не представляет весь мир». По мнению Пекина, подавляющее большинство стран мира «не согласятся с тем, чтобы правила, придуманные небольшой группой людей, служили основой всех международных отношений»[117].

Со своей стороны, официальный Вашингтон обвиняет Китай в «экономическом и военном принуждении», якобы используемом КНР в отношении некоторых других государств, «атаке на базовые ценности»[118], нарушении прав меньшинств и в целом прав человека в собственной стране, а также ряда международных норм и правил, что «угрожает основанному на правилах порядку, который поддерживает глобальную стабильность».

По мнению американской стороны, «эта система не является абстракцией, а помогает государствам урегулировать разногласия мирным путем, эффективно координировать многосторонние усилия и участвовать в международной торговле с гарантией того, что все будут соблюдать одни и те же правила». «Альтернативой порядку, основанному на правилах, является мир, в котором право на стороне сильного, а победители получают все, а это гораздо более жестокий и нестабильный мир»[119].

Тем самым международные дискуссии о новом мироустройстве получают качественное развитие и переносятся на проблемы формирования и согласования общих ценностей, интерпретации действующих норм и правил поведения на мировой арене. Важнейшим фактором в этом процессе является проецирование внутриполитических повесток и детерминантов на внешнюю среду.

В этой связи просматриваются следующие три сценария развития политической организации мира.

[117] В Китае заявили, что США и Запад не могут выражать мнение всего мира // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10942689.
[118] США заявили, что не ищут конфликта с КНР, но будут отстаивать в диалоге свои принципы // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10942491.
[119] Блинкен рассказал о темах переговоров с Китаем в Анкоридже // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10942439.

Первый сценарий – пессимистичный и наименее реалистичный. Дальнейшая бесконтрольная эрозия Вестфальской системы и усиление конфликтогенности в отношениях между глобальными державами и их коалициями приведут к разрушению устойчивости системы международных отношений. Поведение «выпавших» из системы субъектов станет основными триггерами антагонизмов. Опасная фаза хаотизации и укрепление тезы «помоги себе сам» перерастут в серьезные региональные войны и военные конфликты в «слабых точках» международной системы с прямым или опосредственным вовлечением в них мировых держав. На военно-политической карте мира будут увеличиваться конфликтные точки и произойдет нивелирование принципов неприменения силы при разрешении международных споров. С учетом невозможности победы в неизбежной в таком случае ядерной войне и исходя из инстинкта самосохранения и принципа рациональности, возникнет необходимость в согласовании новых правил поведения, норм и режимов в международных отношениях. Основные принципы и параметры такого порядка пока неизвестны и будут определяться на условиях «права сильного».

Второй сценарий – реалистичный и предпочтительный. Вестфальская система международных отношений продолжит свою эволюцию под воздействием двух нелинейных процессов: (а) способности ключевых государств договориться между собой в плане иерархии и баланса сил в международной системе и (б) влияния жизненно важных мегатрендов вне регуляции государственных акторов, прежде всего на основе общих угроз и общих интересов. В этом случае главные категории Версальской системы – суверенитет, баланс сил и государственно-центричность – получат дальнейшее развитие, а межгосударственные отношения, как это имело место в истории, будут традиционно трансформироваться в хаотичном и в целом в мирном русле. Изменится характер и содержание суверенитета. Государственные акторы как основные субъекты системы продолжат взаимодействие в той степени, в которой оно отвечает их интересам и соответствует пониманию общих ценностей, принципов обеспечения безопасности и мироустройства. Удастся исключить неуниверсальные ценности из международных отношений, поскольку по ценностям в многообразном мире невозможно достичь договоренностей. Будут обеспечены принципиальные соглашения относительно обеспечения стратегической стабильности. Межгосударственные институты и нормы подвергнутся долгосрочной ревизии и выборочному использованию в период трансформации. Тем самым найдет оправдание мысль Н. Макиавелли о том, что устойчивый миропорядок может сохраняться только при относительном равенстве сил ведущих государств или союзов государств и недопущении чрезмерного усиления одного из них.

Третий сценарий – оптимистичный и наиболее предпочтительный. Мировое сообщество на базе политической ответственности и осознания серьезных последствий дальнейшей хаотизации и деструкции архитектуры системной политической организации приступает к решению задачи формирования основ нового мирового порядка. Ключевые характеристики этой системы будут, безусловно, включать проверенные временем и историей элементы Вестфальской системы, учитывать сложившиеся реалии современного состояния международных отношений, взаимозависимость и взаимосвязанность мира. Укрепится нормативная и институционально-организационная основы международной системы. Политические, политико-идеологические, военно-политические, экономические разногласия и конфликты будут решаться путем их конструктивного рассмотрения в рамках реформированных под реальные нужды международного общества наднациональных платформ или путем двусторонней дипломатии на базе новых взаимоприемлемых норм и принципов. Идея глобального управления на основе гармонизации интересов будет реализована на практике. «Белые пятна» Вестфальской системы на политической карте мира будут постепенно заполнятся цивилизованными нормами поведения.

Таким образом, научно-прикладные исследования многоаспектных проблем Вестфальской системы приобретают особую актуальность в свете стремительных процессов трансформации системы международных отношений, протекающих в период «четвертой индустриальной революции», выхода на поверхность серьезных конфликтов межкультурного и межцивилизационного характера и, как следствие, изменения социальной картины мира.

1.3. Концепции и модели мирового порядка с позиции «теоретического плюрализма»

Концептуализация мирополитической системы представляет собой одну из наиболее сложных и одновременно актуальных задач в теории международных отношений. Многие исследователи и эксперты практически единодушны в том, что современное мироустройство носит переходный характер. Научный анализ проблематики миропорядка не поддается односторонним интерпретациям, требуя преодоления свойственного теории международных отношений фрагментарного подхода к своему объекту[120].

[120] Цыганков П.А. Относительность расхождений и пределы совмещения реализма и либерализма в трактовке вопросов миропорядка // Политическая наука, спецвыпуск. – М., 2017. – С. 242.

Если рассматривать международную систему в виде трехэтажной конструкции: институты международного управления – государства – гражданское и политическое общество, социальные движения[121], то нарастающая хаотизация современного мира выражается в неоспоримых изменениях на всех трех уровнях политической организации мира, а именно:

а) прослеживаются кризисные явления в регуляции мирополитических процессов посредством глобальных институтов и норм;

б) межгосударственные отношения выпадают из структурированной системы с усилением феномена «межправительственных сетей»[122] и все больше обретают самостоятельный или автономный характер;

в) национальные социально-политические процессы развиваются нелинейно, в постепенном отрыве от постулируемых Западом идей либеральной демократии и тем самым находятся под воздействием существующих в современной ойкумене особых культурно-цивилизационных и ценностных установок.

Именно поэтому видится продуктивным обратиться к различным видениям современного мирового/международного порядка и на базе «теоретического плюрализма», абстрагируясь от жестких постулатов различных школ и направлений теории международных отношений, попытаться ответить на следующие злободневные вопросы: какова нынешняя политическая картина мира и есть ли обоснованные прогнозы ее развития; какие основные элементы и принципы мирового порядка функционируют в рамках осмысляемой системы международных отношений; как выглядят перспективы либерального мирового порядка, структурные и иные особенности складывающегося международного порядка.

По признанию большинства политологов, существующий глобальный политико-экономический порядок не сохранит свою устойчивость в нынешних формах[123]. С политической точки зрения наблюдается снижение мощи США с сопутствующим ростом Китая, независимым поведением России и нарождающейся концепцией «стратегической автономии» Европы; просматриваются тренды эрозии «плюралистической однополярности»[124] и укрепления модели новой биполярности или многополярности в глобальной системе, где после окончания холодной войны прослеживалась доминанта

[121] См.: Саква Р. Либеральный интернационализм против консервативного интернационализма // Россия в глобальной политике. – М., 2019, №3 // DOI: 10.31278 / 1810-6374-2019-17-3-8-31.
[122] См.: Slaughter A.-M. A New World Order. – Princeton University Press, 2005.
[123] Rodrik D., Walt S. How to Construct a New Global Order // Faculty Research –Working Paper Series, May 2021. – Harvard Kennedy School. – P.1.
[124] Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль, 1996, № 2. – С. 25-36.

США и их союзников. Несмотря на активные усилия администрации Дж.Байдена по консолидации рядов традиционных союзников под лозунгом «Америка вернулась» после противоречивого изоляционистского периода президентства Д. Трампа, все еще сохраняются сомнения в долгосрочном доминировании США на международной арене[125], наблюдается отход от либеральной парадигмы вне зон влияния «коллективного Запада», который сам отягощен множественными проблемами внутреннего порядка.

С экономической точки зрения финансовые и продовольственные кризисы, наступающий протекционизм, изменения в структуре мирохозяйственных отношений, связанные с торговыми, инвестиционными и технологическими противоречиями между ведущими экономиками мира, передача части суверенитета государств в пользу региональных или макрорегиональных интеграционных объединений нивелируют установившуюся в 90-х годах прошлого века модель «гиперглобализации»[126]. Нормативно слабо регулируемые на международном уровне передовые технологии, особенно в цифровой области, представляют новые возможности и одновременно создают нетрадиционные вызовы в экономической и политической сферах. Сложным представляется спрогнозировать долгосрочное влияние коронакризиса на процесс поиска новых форм мирового порядка[127], хотя планетарный эпидемиологический кризис, лишь ускорив трансформацию мирополитических отношений, не изменил саму их природу и сущность.

Во-первых, *исторически политические порядки формируются за счет ряда компонентов (элементов) на различных уровнях абстракции и конкретности.* На наиболее общем уровне порядок зависит от коллективного признания статуса его ведущих членов. Эти основополагающие нормы определяют, кто являются ключевыми акторами на основе общепризнанного комплекса нормативных и/или эмпирических критериев (бесспорный контроль над территорией, легитимность, признание другими и т.д.).

В сегодняшнем мировом порядке, например, государства признают друг друга в качестве верховной власти над конкретным географическим пространством. Норма суверенного равенства ставит их на одинаковый

[125] См.: Walt S.M. The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy. – New York: Farrar Straus & Giroux, 2018. – Chapter 2.
[126] См.: Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики: пер. с англ. – М.: Ин-т Гайдара, 2014.
[127] Haass R. The Pandemic Will Accelerate History Rather than Reshape It // Foreign Affairs, April 7, 2020 // http://foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07/ pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it; Joseph S. Nye Jr. No, the Coronavirus Will Not Change the Global Order //Foreign Policy, April 16, 2020 // http://foreignpolicy.com/2020/04/16/coronavirus-pandemic-china-united-states-power-competition.

уровень с другими государствами, несмотря на огромную разницу в мощи и богатстве, и предоставляет привилегии, которыми не обладают другие акторы международных отношений. Некоторые крупные транснациональные компании имеют обороты во многом превосходящие годовые объемы ВВП некоторых государств, однако не имеют права вести войны для защиты или продвижения своих интересов и расширения рынков. Легитимность ЕС, АСЕАН или ЕАЭС признается на международном уровне, но спектр распространения их власти ограничен и не идет в сравнение с таковой признанных международным сообществом государств. Тем самым базисными элементами (принципами) нынешнего мирового порядка являются государствоцентричность и признание иерархии в системе. В то же время в ходе исторического развития основополагающие нормы в своем содержании и значении не являются постоянными. К примеру, в отличие от прежних веков сегодня правительства признают ограничения своей власти над гражданами на собственной территории с учетом эволюции ключевых принципов суверенитета[128].

По мысли американского политолога Дж. Миршаймера, в мире территориальные государства и политические порядки различаются в соответствии с 1) количеством участников и 2) шириной и глубиной распространения конкретного порядка. По его теории, (а) международные порядки *(international orders)* включают в себя все великие державы и в идеале покрывают весь мир, (б) ограниченные порядки *(bounded orders)* не включают в себя все великие державы и обычно ограничены границами определенных регионов[129]. Гибкие порядки *(thin orders)* вбирают в себя сравнительно мало институтов или правил, ограничивающих поведение их членов, а всеобъемлющие порядки *(thick orders)* предусматривают плотный массив правил и институтов, охватывающий широкий круг экономической деятельности и вопросов в сфере безопасности[130]. Американский автор утверждает, что типы порядков детерминируются в зависимости от того, является ли мир однополярным, биполярным или многополярным, и каков внутренний характер лидирующих держав, которые влияют на тип порядка, соответствующий их устремлениям. При этом типы порядков могут сосуществовать параллельно и/или иерархично.

[128] См.: Johns L. The Diverging Theory and Practice of International Law in William R. Thompson, ed., Encyclopedia of Empirical International Relations Theory. – London: Oxford University Press, 2018; Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. – Princeton: Princeton University Press, 1999.

[129] Ограниченные порядки могут быть также реалистическими (мотивированы, в первую очередь, соревнованием с нулевой суммой между великими державами), идеологическими (объединять государства со схожими внутренними институтами) или агностическими (включать в себя государства с различными внутренними системами).

[130] Mearsheimer J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security, 2019, 43 (4). – PP. 9–16.

По нашему мнению, теория Дж.Миршаймера исключительно полезна в определении различных видов порядка, однако не объясняет формирующие его специфические правила или пути их изменения. Например, если взглянуть на пространство СНГ в качестве ограниченного порядка с участием лишь одной великой державы в лице России, то как оценить эволюционирующие правила и институты внутри этой системы с учетом входа/выхода из него некоторых государств под давлением комплекса обстоятельств и существования в данном порядке характеристик «гибкого порядка» (само СНГ) и всеобъемлющего порядка (ОДКБ, ЕАЭС, Союзное государство России и Беларуси).

Во-вторых, порядки отличаются в зависимости от *принципа их функционирования,* в соответствии с которым поддерживаются отношения и принимаются решения. Ключевым моментов здесь представляется то, осуществляются ли отношения на двусторонней или многосторонней основе (на базе определенных общих правил). Например, послевоенный капиталистический порядок во главе с США был многосторонним, так как все его участники формально подчинялись одинаковому комплексу правил[131]. Вместе с тем США в сфере безопасности и до сих пор опираются на многосторонний механизм НАТО и одновременно поддерживают систему союзов в Азии на двусторонней основе. Американские партнеры на обоих континентах в этой системе не несут таких же взаимных обязательств. На постсоветском пространстве Россия выстраивает региональный порядок в составе государств-членов ОДКБ и ЕАЭС, но, например, с Узбекистаном и Азербайджаном в неформальной подсистеме постсоветского пространства поддерживает экстенсивные двусторонние отношения в экономике и в сфере безопасности стратегического характера, и параллельно продвигает международные форматы в рамках ШОС, БРИКС и РИК.

Кроме того, в рамках конкретного порядка коллективные решения могут требовать консенсуса или обычного большинства; некоторые члены порядка могут пользоваться формальными или неформальными привилегиями[132]; некоторые порядки решают спорные вопросы через формальные механизмы или на основе принципа ad hoc; часть функций может быть передана от политических институтов (субъектов) рыночным силам или неправительственным организациям.

[131] См.: Ruggie J.G. Multilateralism: Anatomy of an Institution // International Organization, Summer 1992, no. 3. – PP. 68–69.

[132] Например, США, Россия и Китай пользуются особыми привилегиями в рамках институтов международного и регионального порядков, могут проигнорировать или изменить правила в соответствии со своими интересами.

В-третьих, существующие порядки предполагают *правила и режимы,* регулирующие определенные сферы деятельности. Такие правила могут быть неформальными, однако обычно формализуются в соглашениях, договорах, конвенциях и в рамках международных организаций. Разработка таких правил традиционно требует длительных и спорных переговоров, так как их участники осознают, что условия соглашений будут иметь значительные последствия и сохранять свою силу после изменения обстоятельств, при которых они первоначально были приняты[133]. Иными словами, международные институты являются «вязкими»[134].

В-четвертых, международные порядки неизменно отражают лежащий в их основе *баланс сил,* потому что ведущие государства будут добиваться положения, которое сохраняет или улучшает их позиции, и противостоять состоянию, которое, по их мнению, приведет в перспективе к ослаблению или сделает уязвимее.

Одним из ярких признаков изменения баланса сил в мире, отражающееся на мировом порядке, является открытое сопротивление Китая и России его ключевым до последнего времени элементам, особенно в части привилегированного положения западных концепций прав человека и либерального акцента на индивидуальные политические свободы[135]. Одновременно устойчивое восстановление Китая в постпандемийный период представляет ему преимущества, но автоматически не ведет к однозначному долгосрочному изменению глобального баланса сил, которое зависит в большей степени от фундаментальных экономических и иных форм национальной мощи[136]. Действительно, китайский профессор Чжао Хуашэн признает длительность процесса изменения мирополитического устройства и прогнозирует три возможных его типа[137]:

фрагментация, когда предстоящий международный порядок не будет целостным, а анархичным, что обусловлено неспособностью крупных держав достичь компромисса и сформировать относительно централизованную структуру;

---

[133] Франция и Великобритания являются членами Совета безопасности ООН с правом вето, хотя их международное положение отличается от того периода, когда был подписан Устав ООН.

[134] Ikenberry J. Institutions, Strategic Restraint, and the Persistence of American Postwar Order // International Security, Winter, 1998–1999. Vol. 23, no. 3. – PP. 43–78.

[135] Weiss J.C. and Wallace J.L. Domestic Politics, China's Rise, and the Future of the Liberal International Order // International Organization, 2021; Rolland N. China's Vision for a New World Order // WA: National Bureau of Asian Research, Seattle 2020. – Special Report No. 83. – PP. 14, 24–25.

[136] Cimmino J., Katz R., Kroenig M., Lipsky J., Pavel B. A Global Strategy for Shaping the Post-COVID-19 World // Atlantic Council Report, 2020. – P. 12.

[137] Хуашэн Чж. Мировой порядок: фрагментация, сосуществование или соперничество? // Россия в глобальной политике. – М., 2020 // https://globalaffairs.ru/ articles/mirovoj-poryadok-fragmentacziya-sosushhestvovanie-ili-sopernichestvo.

многостороннее сосуществование, которое характеризуется упорядоченным сосуществованием множества фрагментов. Россия и Китай считают необходимым сформировать инклюзивную международную систему и порядок, в которых различные элементы будут интегрированы в символическое сосуществование и мирное объединение с общими правилами, но при сохранении различий. Порядок плюралистичного сосуществования – самый рациональный и реалистичный вариант с учётом происходящих в мире изменений, но трансформация не произойдёт естественным образом;

структурное соперничество в отличие от фрагментированного международного порядка не хаотично, а имеет четкую поддерживающую структуру. В узком смысле структурным соперничеством можно назвать поляризацию между Китаем и Соединенными Штатами, в широком – системное противостояние США и международных сил в лице Китая и России. Порядок структурного соперничества нельзя считать равноценным противостоянию Востока и Запада в период холодной войны, однако в определенной степени все же напоминает ее.

В-пятых, любой *порядок представляется незавершенным* и не в состоянии предусмотреть каждое возможное непредвиденное обстоятельство или предопределить какой-либо исход международных процессов. Любой порядок со временем трансформируется. Государства и негосударственные акторы адаптируются к системе существующих правил, переформатируют действующие нормы для продвижения своих интересов. Международное право – это «не набор зафиксированных, нейтральных правил, которым государства следуют или нет, его лучше понимать в качестве набора инструментов и/или норм, на которые государства ссылаются для оправдания собственного поведения, убеждения других в легитимности своих действий и реализации других конкретных целей»[138].

В-шестых, *ни одна держава не в состоянии сформировать и поддерживать общие правила в каком-либо порядке в одиночку*, если учесть, что даже средние и малые государства имеют способность противостоять диктату (гегемонии) и имеют определенные переговорные рычаги. И в эпоху империй, и в период биполярности, и во времена 90-х годов прошлого столетия и нулевых 2000-х нынешнего столетия власть распределялась между великими и небольшими государствами. Тем более, в современных условиях диффузии силы в вертикальном и горизонтальном плоскостях единоличная и глобальная гегемония становится фактически невозможной и нерациональной.

[138] Hurd I. How to Do Things with International Law. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017. – P. 3.

В этом плане плюралистическое понимание международных проблем выражено в современной концепции британского профессора Ричарда Саквы, который предлагает компромисс между моделями миропорядка. На базе постулатов английской школы он выделяет первичные институты мирового сообщества (суверенитет, территориальная целостность, баланс сил, война, международное право, дипломатия, национализм), и на этой основе выделяет четыре модели глобального порядка[139]:

– *либеральный международный порядок* во главе США, зародившийся в начале XX в. и затем изложенный Вудро Вильсоном в терминах приверженности атлантическому универсалистскому устройству. Либеральный порядок включает военный, экономический и политический (нормативный) подвиды, у каждого из которых собственная динамика, но все нацелены на создание полиморфного и активного миропорядка;

– *трансформационный (революционный) интернационализм*. Второй тип глобализма до 1991 г. представляли СССР и его союзники, в число которых в 1950-е гг. входил и Китай. После распада советского блока в 1991 г. угроза революционного интернационализма практически исчезла. В то же время появились новые источники возрождения трансформационной международной системы – прежде всего чрезвычайная ситуация в области климата. Трансформационная модель глобализма имеет глубокие корни в гражданском обществе и способствует изменениям в государствах и институтах глобального управления;

– *меркантилистский национализм* – это транзакционный и меркантилистский подход, используемый различными популистскими движениями. Блага глобализации распределились чрезвычайно несправедливо: миллионы людей в Китае перестали быть бедными, но в развитых капиталистических демократиях уничтожены индустриальные центры, а прибыль досталась самым богатым. Кроме того, волна культурного протеста поднялась не только против глобализации, но и против оголтелого космополитизма, с которым она стала ассоциироваться;

– *консервативный (суверенный) интернационализм.* Данный тип глобализма сегодня ассоциируется с Россией, Китаем и их союзниками по ШОС и БРИКС. Эта модель консервативного интернационализма придает особое значение суверенным решениям национальных государств, но в то же время признает важность интернационализма.

Если рассуждать о **широких особенностях и структурных аспектах мирового порядка** в новых условиях глобального мира, то следует выделить несколько его элементов, которые будет сложно изменить в фундаментальном плане.

[139] Саква Р. От гегемонии к гармонии? // Россия в глобальной политике. – М., 2019, №5 // https://globalaffairs.ru/articles/ot-gegemonii-k-garmonii.

1) *Территориальные государства* (государства-нации) останутся в среднесрочной перспективе базовым структурным элементом глобального политического ландшафта, хотя будущий мировой порядок неизбежно будет учитывать интересы транснациональных корпораций, социальных движений, международных НПО и иных акторов. Наличие этих акторов усложняет мирополитическую систему; создает множественную палитру интересов, которая не признает государственный суверенитет; снижает потенциал государств, однако создает благоприятные возможности для достижения социально-экономических задач без опоры на монопольную силу правительств. Тем не менее функционирование и легитимность международных организаций, банков, корпораций и НПО все еще будет зависеть от политической воли и мощи национальных государств, а народы при экстремальных событиях (войнах, эпидемиях, кризисах) могут рассчитывать на их помощь и защиту. Наряду с лояльностью индивидов в отношении работодателя, религии, этнической группе, племени и клану, *национализм* сохранится в качестве мощной и устойчивой формы политической идентичности[140]. Различные национальные и этнические группы будут стараться укрепить и/или получить независимость для обеспечения своей безопасности и автономности.

Таким образом, происходит некий синтез трех альтернативных мировых порядков: биполярный принцип со времени холодной войны – американское влияниес ростом негосударственных субъектов – неомедиевский мир с возрождением некоторых центральных принципов феодализма с новым типом экономической биполярности (США-КНР) и вторичным проявлением в военных отношениях[141].

2) Наиболее широкие споры в политологическом дискурсе ведутся относительно того, какое из государств – США или Китай – станут наиболее могущественными в предстоящие десятилетия[142]. В то же время имеется широкий консенсус среди ученых-международников о том, что именно эти две страны будут обладать превосходящей другие силы мощью в системе международных отношений. Именно эти государства будут центрами глобальной гравитации[143].

[140] См.: Ikenberry G. J. Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment By Francis Fukuyama // Foreign Affairs, January/February 2019 // https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/2018-12-11/identity-demand-dignity-and-politics-resentment.

[141] Väyrynen R. Models of a New World: towards a Synthesis. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 2019. Vol. 12, no 3. – PP. 189–206 // DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-189-206.

[142] Аллисон Г. Обречены воевать. – М.: АСТ, 2019. – С. 8-9.

[143] См.: Артюшкин В.Ф., Казанцев А.А., Сергеев В.М. Соотношение сил между великими державами в «Группе 20»: анализ при помощи метода многомерного шкалирования // Полис. Политические исследования. М.: 2021, № 2. – С. 125-138.

Соответственно, по нашему мнению, структура совокупной материальной мощи в обозримой перспективе будет либо *биполярной* с США и Китаем в качестве двух полюсов, либо *мягко многополярной*, где Россия, Япония, Индия, страны Европы и возможно некоторые другие государства будут занимать менее сильные позиции среди основных держав. Следовательно, характер будущего мирового порядка во многом будет зависеть от взаимоотношений между США и Китаем и от характера их взаимодействия с остальными значимыми игроками. При этом любой другой порядок, который адекватно не соответствует данной оси не может быть мировым или глобальным порядком. Это, тем не менее, не означает второстепенность других государств: существует множество важнейших измерений и сфер, сотрудничество по которым должно включать большинство, если не все государства международной системы. В первую очередь Россия, Индия, Бразилия и Евросоюз ввиду комплекса объективных и субъективных причин будут играть независимую роль по критически важным проблемам международного и глобального плана.

В классических работах по теории международных отношений моделирование полярности представлено довольно широко. Рассуждая о полярности мира, японский исследователь А. Танака предложил концепцию мирового порядка, которая в наше время очевидным образом уже не отражает значительные изменения в плане иерархичности и баланса сил в системе. Современный мир, по его убеждению, является трехслойной сферой, пласты которой взаимно проецируются, определяя общую конфигурацию мирового порядка и место каждого государства в его координатах. Мир в его представлении является одновременно одно-, трех- и многополярным: однополярным потому, что только Соединенные Штаты Америки по своей комплексной государственной мощи обладают абсолютным превосходством; трехполярен, если иметь в виду соотношение экономических потенциалов США, Японии и Германии; многополярен в организационно-политическом отношении и его полюса образуют государства – постоянные члены Совета Безопасности ООН, обладающие опытом принятия судьбоносных для других стран решений[144]. Теоретик К. Уолтц также прогнозировал, что к началу XXI в. до статуса великих держав смогут вырасти Германия (или сформировавшееся «Западноевропейское государство»), а также Китай и Япония[145].

[144] Tanaka A. Is There a Realistic Foundation for a Liberal World Order? // Prospects for Global Order, 1993, vol. 2. – P. 25–37.
[145] Waltz K.N. The Emerging Structure of International Politics // International Security, Fall 1993. Vol. 18, no. 2. – P. 50.

И. Валлерстайн утверждал, что вплоть до 2025–2050 гг. «постбиполярный беспорядок» будет медленно упорядочиваться с неуклонным упадком международного влияния США и к середине XXI в. фундамент мирового порядка будут составлять три центра силы – США, Западная Европа и Япония[146]. Ч. Купчан предложил модель трехполюсного мира, в которой каждый из трех полюсов силы представлен более чем одной державой с соответствующим ядром: Северная Америка (ядро – США), Европа, ведомая Германией и Францией, а также Восточная Азия (лидеры Китай и Япония). Такую модель мирового порядка он охарактеризовал как «региональную однополярность» или «мягкую однополярность» в противовес существовавшим в дискурсе о международных отношениях концепциям «агрессивной однополярности» (американской гегемонии)[147].

К «гибридным» моделям можно отнести следующие:

– теоретическую модель Р. Роузкранса о «би-мультиполярной системе», объединяющей достоинства биполярной и мультиполярной систем и избавленной от их недостатков: «биполярные силы не будут непосредственно противостоять одна другой, мультиполярные силы не будут развиваться в неизменных антагонизмах между собой», причем предполагалось сдерживание конфликтов как внутри каждой сферы, так и между ними[148];

– «одно-многополярную систему» с одной сверхдержавой и несколькими великими державами С.Хантингтона[149];

– концепцию «бесполярного мира» Р. Хааса, то есть международную систему с многочисленными центрами со значительной силой[150].

Эти модели, имея под собой эмпирические основания, все же выдвигались в различные исторические этапы и в целом отражают политические парадигмы, стратегические интересы тех или иных государств, а также постулаты определенных политологических школ и направлений. Именно поэтому трудно себе представить некую общепризнанную формулу или алгоритм оценки прошлых или нынешних политических систем мира.

3) Следует предположить, что формирующийся мировой порядок будет чрезвычайно *взаимозависимым*:

[146] Wallerstein I. Foes as Friends? // Foreign Policy, Spring 1993, no. 90. – P. 145–157.
[147] Kupchan Ch. A. After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity // International Security, Fall 1998. Vol. 23, no. 2. – PP. 49–55.
[148] Rosecrance R. Bipolarity, Multipolarity, and the Future // Journal of Conflict Resolution, 1966. Vol. 10, no. 3. – PP. 19, 327.
[149] Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs, 1999. Vol. 78, no. 2. – PP. 35–49 // https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower.
[150] Haass R.N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs, May/June 2008 // http://www.foreignaffairs.com/articles/63397/richard-n-haass/the-age-of-nonpolarity.

– несмотря на осознанно вводимые ограничения во взаимоотношениях по различным антагонистическим политическим осям и вызванные коронакризисом тренды изменения векторов в рамках дихотомии глобализация – суверенизация, большинство государств сохранят заинтересованность в развитии международной торговли и инвестиций, культурно-цивилизационном взаимообогащении;

– государства будут стремиться к совместному решению общих проблем, связанных с загрязнением окружающей среды и патогенами, изменением климата, экстремальными политическими событиями и вооруженными конфликтами, природными катаклизмами, которые не признают государственных границ;

– в нынешней системе международных отношений ни одно из государств не готово и не в состоянии полностью изолироваться от остального мира;

– между обществами и индивидуумами будут нарастать «параллельные связи» или социальные сети вне государственной регуляции.

Теоретически *сложная взаимозависимость* (помимо этого, власть в международных отношениях, «мягкая сила», модель многоуровневого мира) является одной из основных категорий концепции американских политологов-транснационалистов Роберта Кохейна и Джозефа Ная. Под взаимозависимостью они понимали ситуацию взаимодействия государств и других международных акторов. Сложная взаимозависимость проявляется в трех аспектах-характеристиках: (а) общества взаимодействуют через сложно структурированные каналы; (б) отсутствует строгая иерархия между проблемами, теряет свое значение деление вопросов на внутренние и внешние; (в) государства не применяют в отношении друг друга военную силу, если речь идет об одном регионе или в ситуации, когда сложная взаимозависимость этих государств преобладает. Все три характеристики неразрывно связаны друг с другом[151]. Однако приграничный конфликт весной 2021 г. между Таджикистаном и Кыргызстаном из-за распределения водных ресурсов на фоне их взаимозависимости все же указывает на преобладание в некоторых обстоятельствах интересов над иными элементами международных отношений. В данной ситуации важнейшая роль главы Узбекистана Ш.М. Мирзиёева по умиротворению сторон служит подтверждением того, что в Центральной Азии сложная внутрирегиональная взаимозависимость является основой мира и безопасности.

[151] Keohane O. R., Nye S.J. Power and interdependence. – New York: Longman, 2001. – P. 7–9.

В рамках своей концепции американские ученые разделяют мировую систему на три параллельно существующих уровня, «три шахматные доски»[152]. На первом, военном уровне доминируют Соединенные Штаты с подавляющим потенциалом. Второй уровень – это сфера глобальной экономики, здесь действуют мощные экономические игроки – США, Япония, Европейский союз. Третий уровень – это уровень транснациональных отношений, где действуют негосударственные транснациональные акторы. Диффузия власти на этом уровне настолько сильна, что выявление каких-либо полюсов и выстраивание четкой структуры фактически невозможно. Однако, по нашему мнению, реалии современного мира требуют включения в первый уровень этой модальности России и Китая, а во второй – как минимум Китая.

4) Международные события свидетельствуют о том, что построение будущего мирового порядка будет протекать в условиях, когда *различные государства и негосударственные акторы придерживаются отличных друг от друга видений относительно организации и управления обществами.* Как постулируется в западном политическом дискурсе, демократии и автократии (либеральные и нелиберальные государства[153]) будут сосуществовать, несмотря на разногласия по ключевым политическим принципам. Поэтому, по нашему мнению, конструирование стабильного мирового порядка не может зависеть от взаимного согласия и тем более полного консенсуса мировых держав и других государств мира в плане принятия, адаптации или движения в сторону схожих политико-экономических моделей.

Более того, в понятийный аппарат гуманитарной науки вошла *бинарная конструкция: государство-цивилизация vs государство-нация.* Понятие «государство-цивилизация» или цивилизационизм можно считать, по нашему мнению, некой рефлексией в отношении «либерального гегемонизма». Это антипод стирающего культурные различия универсализма[154] и ассоциируется с такими государственными единицами, как Индия, Китай, Россия и в более широком понимании может распространиться на арабский и тюркский мир.

В том же контексте еще одной политико-цивилизационной парадигмой, которую не могут игнорировать ни на Западе, ни на Востоке, и тем более в регионах исламского ареала, куда входят Центральная Азия и

[152] Nye S.J. The paradox of American power. Why the world's only superpower can't go it alone. – New York: Oxford University Press, 2002. – P. 39.
[153] Ikenberry G.J. The future of the liberal world order: internationalism after America // Foreign Affairs, 2011, 90: 3 – P. 56.
[154] Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. – М., 2020, № 4. – С.78-91.

часть постсоветского пространства, является *исламская концепция мирового порядка*[155]. Радикальные движения на Ближнем Востоке и далеко за его пределами открыто призывают к восстановлению халифата и их мировоззрение отрицает Вестфальский мировой порядок. Пуристская версия ислама определяет, что (а) государство не может быть основой международного порядка, (б) невмешательство во внутренние дела других государств не может быть руководящим принципом политики, ибо национальные лояльности суть отклонения от истинной веры, (в) джихадисты обязаны превратить Дар аль-харб («территория войны») в Дар аль-ислам («территория ислама», царство мира), (г) истинная вера, а не стабильность – руководящий принцип данной концепции мирового порядка[156]. Тем самым государственно-центричность нынешней системы параллельно с последствиями глобализации подвергается системному давлению со стороны достаточно воинственной и энергичной силы деструктивного исламизма.

На базе этих *четырех особенностей* мы можем предположить, что возникающий мировой порядок будет постепенно и последовательно отходить от периода «однополярного момента»[157] с четким доминированием либеральных принципов, и в силу вышеуказанных трендов не подлежит унификации и жесткой централизации[158].

На мировом уровне соглашения о сотрудничестве будут ограничиваться конкретными сферами, а глубина и институционализация соответствующих норм и правил будет определяться соперничеством и/или конфликтом по линии США-КНР и США-КНР-РФ в разной конфигурации и с различной степенью интенсивности. В некоторых областях, например, в деле обеспечения военного превосходства и преимущества в высоких технологиях, это соперничество будет практически с нулевой суммой. Разработка и принятие общих международных норм и режимов в сфере кибербезопасности потребует минимального консенсуса. В рамках этого в целом реалистского по характеру мирового порядка США, Китай и Россия, возможно, будут создавать и управлять собственным порядком на основе взаимоприемлемых принципов, куда будут включены группы государств с каждой стороны, которые, в свою очередь, устанавливают между собой правила и строят широкие отношения взаимозависимости. Определенные государства останутся вне этой системы и будут стараться поддерживать отношения со всеми полюсами (центрами) силы.

---

[155] См.: Жданов Н.В. Исламская концепция мирового порядка. – М.: Международные отношения, 1991.
[156] Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2016. – С. 162-163.
[157] Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign Affairs, 1990/91, vol. 70, no. 1. – PP. 23-33.
[158] Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. – М.: 2020, №4. – С. 31.

По нашему мнению, несмотря на коренные различия в видении будущего мирового порядка со стороны различных акторов международной политики и *развернувшуюся борьбу* за *формулирование глобальной повестки и международных правил,* новая мирополитическая система будет конструироваться на базе существующих и во многом оправдавших себя формах глобального управления, принципах и целях, а также структурах, институтах, нормах и режимах. Ключевыми элементами международной системы останутся государства, негосударственные акторы и международные организации. Важнейшей особенностью этого процесса будет оставаться эволюционная составляющая политической организации мира. Если сегодня доминирующим актором выступает Запад, прежде всего США, в дальнейшем многое будет зависеть от сопротивления других акторов[159].

На фоне значительных различий в мировосприятии и невозможности полной аккомодации принципов политической системы того или иного государства в других культурно-цивилизационных площадках и, следовательно, нереальности конструирования мирового порядка на основе ценностей и правил одного полюса силы (либеральных демократий либо социализма с китайской спецификой) **в прогностическом плане следует ориентироваться на следующие выводы:**

– сохранение таких принципов, на которых основываются структуры и нормы либерального порядка, как (а) рациональность – как некая обобщенная сумма различных интересов, (б) нормативность – единые для всех участников стандарты и нормы, и открытость – не изоляционизм[160]. Ни Россия, ни Китай как основная оппозиция американскому видению современного мира не ставят под сомнение принципы Вестфальской системы, зародившиеся на Западе и распространившиеся в основном после Второй мировой войны на весь мир, хотя в настоящее время ведутся ожесточенные дискуссии относительно их интерпретации и форм практического применения. Иными словами, «хотя гегемонистское положение США, возможно, снижается, однако характеристики либерального международного порядка – открытость, правила, многостороннее сотрудничество, глубоко укоренились и, скорее всего, устоят»[161]. При этом *ценности и принципы западного либерального мирового порядка* в рамках широких понятий демократии, прав человека, свободной торговли и глобализации имеют несколько иное прочтение в конгломерате незападного мира;

[159] Там же. С. 32.
[160] Кортунов А. Неизбежность странного мира. – Российский совет по международным делам, 2016 // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ neizbezhnost-strannogo-mira.
[161] Ikenberry G. J. Why the Liberal World Order Will Survive // Carnegie Council for Ethics in International Affairs. Ethics & International Affairs, 2018, 32, no. 1. – PP. 17-29.

– *маятник силы* в трехмерной плоскости будет двигаться в сторону новых центров, а именно – государств с растущими материальными/нематериальными ресурсами и негосударственных акторов, нарастивших мощь в период «однополярного момента». Данный мегатренд неизбежно ведет к переформатированию принципа суверенитета и «угрожает мировому порядку»[162] в нынешней форме, требуя эффективного урегулирования. Новый мировой порядок «во многом будет зависеть от глобального распределения власти»[163];

– исходя из классификации К. Уолтца о «полярности актора»[164] в международной системе, можно предположить, что будущий мировой порядок будет либо (а) *жестко биполярным* с соперничеством США и КНР практически по всем измерениям человеческой жизнедеятельности, разводом их национальных экономик, формированием параллельных коалиций в составе государств-единомышленников в военной, политической и экономической сферах. Каждый полюс будет продвигать собственное идеологическое и нормативное видение и пытаться дискредитировать друг друга, и это будет ограниченное и хрупкое сотрудничество между двумя блоками с нулевой суммой; либо (б) возможно формирование *мягкой биполярности,* когда США и КНР будут соперничать по ряду направлений, продолжат взаимную торговлю и инвестирование, не будут угрожать легитимности национальных политических порядков друг друга, сотрудничать по отвечающим их интересам ключевым вопросам, разработают конкретные правила поведения для минимизации опасных военных конфликтов; либо (в) реалистичным представляется вариант *нестабильной многополярности* в составе нескольких великих держав (или региональных блоков) с неравными потенциалами, связанных посредством гибких экономических связей и сотрудничества в сфере безопасности. При этом возрастет влияние средних и малых государств, играющих благодаря своему отдельному и формально равноправному месту в международной системе активную роль, при выстраивании коалиций или блоков; либо (г) в отдаленной перспективе не исключается

[162] Най Дж. Уцелеет ли либеральный порядок? // Россия в глобальной политике, 2017. Т. 15, № 2. С. 72–82 // https://globalaffairs.ru/articles/uczeleet-li-liberalnyj-miroporyadok.
[163] Mearsheimer J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security, 2019, 43 (4). – P. 7.
[164] Waltz K. N. Theory of International Politics. – Boston: Addison-Wesley, 1979. P.131. С реалистских позиций характеристиками «полярного актора» обладают государства, которые (а) располагают значительным уровнем ресурсов или возможностей для достижения своих целей; (б) превосходят другие государства по каждому элементу государственной мощи, условно определяемой размерами населения и территории, природных ресурсов, экономическим потенциалом и военными силами, а также организационно-институциональной «компетенцией».

возникновение более совершенных и влиятельных глобальных институтов в целях содействия всем государствам в решении проблем контроля над вооружениями или купировании катастрофических последствий изменения климата[165], а затем и *мирового правительства*, что сегодня представляется достаточно фантасмагорично.

Однако следует помнить, что политические институты в мире в историческом прошлом были достаточно разнообразны и их субъекты могли даже не знать о существовании друг друга: когда европейский гетерономный феодальный строй постепенно перерос в систему абсолютистских территориальных монархий и затем в государства-нации, Центральная Азия состояла из разделенных между собой империй и местных властителей, Китай доминировал на Дальнем Востоке и зыбко управлял подчиненными территориями, западное полушарие вбирало в себя разнообразный массив городов, империй, местных общин и кочевых племен, Ближний Восток управлялся местными властителями под косвенным господством Османской империи, а Африка состояла из королевств, родовых систем и протогосударств[166]. Последующие периоды были отмечены колонизацией, деколонизацией и созданием системы государств-наций, сформировавшейся в нынешнем виде после Второй мировой войны, затем борьбой двух антагонистических систем – капитализма и коммунизма.

Соответственно в определенные исторические эпохи и в различных местах сосуществовали разнообразные порядки, однако их объединяло то, что они состояли из политически организованных субъектов и были движимы во взаимоотношениях между собой собственными *интересами*. Резкие противоречия в интересах акторов или значительное нарушение *баланса сил* приводили к революционным или эволюционным изменениям порядка. Взаимоотношения основывались на сосуществовании через анархию, войны, союзы, торговлю, миграцию и другие подобные феномены, которые были присущи всем им. Различие состояло в том, что некоторые порядки были успешнее других: коммунистическая система не пережила либеральный строй, бреттон-вудская система оказалась значительно эффективнее политико-экономической системы на базе решений Парижской мирной конференции 1919 г.[167];

[165] См.: Wendt A. Why a World State is Inevitable // European Journal of International Relations, 2003, 9, no. 4.
[166] См.: Kaufman S.J., Wohlforth W.C., and Little R. The Balance of Power in World History. – New York: Palgrave, 2007; Kang D. East Asia Before the West: Five Centuries of Trade and Tribute. – New York: Columbia University Press, 2010; Tilly C. The Formation of National States in Western Europe. – Princeton: Princeton University Press, 1975; Ehret C. The Civilizations of Africa: A History to 1800. – Charlottesville: University of Virginia Press, 2002.
[167] Rodrik D., Walt S. How to Construct a New Global Order // Faculty Research Working Paper Series, March 2021. – Harvard Kennedy School. – P.3.

– различные теоретические школы концептуализируют порядок через анализ сравнительного баланса (соотношения) между *принуждением и согласием.* Реалистская теория делает ставку на принуждении, рассматривая гегемонию и баланс сил в качестве наиболее важных формирующих механизмов порядка[168]. Институционализм признает комбинацию принуждения и согласия: государства могут создать институты, которые могут вызвать равновесие[169]. Эти институты являются неким добровольным контрактом между рациональными акторами. Допущением является то, что акторы свободны в участии и отвержении таких контрактов и социальных обязательств. В случае достижения соглашений они ограничены его условиями, а механизмами их выполнения являются созданные государствами институты, которые могут обладать функциями принуждения.

Английская школа также предлагает смесь принуждения и согласия: государства с совпадающими интересами в сфере безопасности создают международное общество, объединенное институтами и правилами (суверенитет, дипломатия, баланс интересов и даже война[170]). Конструктивисты, марксисты и феминистская теория представляют более сложное видение соотношения принуждения и согласия в конструировании порядка ввиду концептуальной и эмпирической сложности в оценке «согласия»[171].

Поэтому *легитимность* является критически важным элементом любого политического, в том числе международного, порядка. Легитимность – это «обобщенное восприятие или допущение того, что действия субъекта являются желательными, правильными и соответствующими в рамках какой-либо социально сконструированной системы норм, ценностей, верований и определений»[172]. Легитимность – это не то, чем обладают актор или порядок, а то, что предоставляется другими[173]. Значит, легитимные порядки больше

[168] См.: Ikenberry G.J. and Nexon D. Hegemonic Studies 3.0: The Dynamics of Hegemonic Orders. – Security Studies, 2019. Vol. 28, No. 3. – PP. 395–421; Little R. The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
[169] См.: Shepsle K. Studying Institutions: Some Lessons from the Rational Choice Approach // Journal of Theoretical Politics, 1989. Vol. 1, No. 2. – PP. 131–47; Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. – Princeton: Princeton University Press, 1984.
[170] См.: Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. – New York: Columbia University Press, 2002; Hurrell A. On Global Order: Power, Constitution, and the Values of International Society. – New York: Oxford University Press, 2008.
[171] Barnett M. International Progress, International Order, and the Liberal International Order // The Chinese Journal of International Politics, 2021. Vol. 14, No. 1. – PP. 1–22.
[172] Suchman M.C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches // The Academy of Management Review, 1995. Vol. 20, No. 3. – P. 574.
[173] Reus-Smit C. Power, Legitimacy, and Order // Chinese Journal of International Politics, 2014. Vol. 7, No. 3. – P. 345.

опираются на согласие, нежели принуждение, а решения в их рамках воспринимаются как результат правильного (справедливого) процесса и как соответствующие ценностям сообщества.

Интересным в этом плане представляется циркуляция в научной среде понятия «суверенной обязанности», означающей «обязанности правительства перед другими правительствами и, через них, перед гражданами других стран», которое соотносится с легитимностью на современном этапе развития международных отношений[174].

При анализе мирополитических процессов нельзя также игнорировать фактор *соотношения понятий «сила» и «мораль»*[175];

– на фоне множественных и противоречивых изменений мирового политического ландшафта под воздействием глобальной пандемии, климатических изменений, беспрецедентного экономического спада, технологической революции, суверенизации аспектов социальной и экономической жизни, растущего национализма, меж- и внутрирелигиозных трений предстоящий период будет характеризоваться *усилением взаимосвязи между внутренней и внешней политикой.* В новое время такие исторические сдвиги, как развитие гражданского общества, массовизация политической жизни и возникновение чувств национальной идентичности и лояльности к своему государству провели, с одной стороны, четкую границу между внутренней и внешней «политиками», а с другой – способствовали усилению взаимосвязей между ними[176]. Императив – «роль государства (в мире) зависит от силы и жизнеспособности дома»[177] превращается в некую константу в политических стратегиях государств, а ее игнорирование сулит ослабление международного влияния. Тем самым нынешняя турбулентность в международной среде во многом обусловлена фактором внутренней политики;

– важнейшей особенностью будущего миропорядка можно считать *противопоставления,* основанные на специфической пространственной структуре в масштабах мира: The West and The Rest (Запад и все остальные), Глобальный Север против Глобального Юга, центр против периферии. По утверждению И.Валлерстайна, «современная миросистема вступила в эпоху «перехода» и эволюционирует к новому структурному порядку»[178] и,

[174] Хаас Р. Международный беспорядок. – М.: АСТ, 2019. – С. 214–2017.
[175] См.: Бордачев Т. Мораль и реализм внешней политики // Россия в глобальной политике. – М.: 2020, № 1. – С. 8–17.
[176] См.: Смоляков В.А. Взаимосвязь внутренней и внешней политики: проблемы теории и методологии: Автореф. дисс. … доктора полит. наук. – Владивосток, 2006.
[177] См.: Renewing America's Advantages. Interim National Security Strategic Guidance // https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf.
[178] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкой. – СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 15–16, 347–348.

по нашему мнению, указанные дихотомии будут играть и уже играют детерминирующую роль в этом процессе. Данные противопоставления американского социолога указывают на исключительную сложность современной мир-системы и многомерность ее структуры, если учесть наличие и других значимых линий разлома в системе, например, по *межцивилизационному или идеологическому признаку*.

Таким образом, осмысление нынешнего во многом динамичного по своей сути и форме состояния мирового порядка, обоснованное прогнозирование его характера в среднесрочной перспективе представляются достаточно сложной политологической задачей ввиду того, что за последние два-три десятилетия и особенно после террористической атаки на г. Нью-Йорк в 2001 г., мирового экономического кризиса 2008 г. и военного конфликта в Украине в 2022 г.:

– многозначно усложнилась структура политической организации мира, меняется баланс сил, число и качество влиятельных международных акторов;

– появляются современные и купируются прежние конфронтационные оси, а стратегии сдерживания и противостояния повышают уровень геополитической напряженности, обретая политико-идеологический окрас;

– мир становится многомерным, перестраивается его политическая иерархия с сопутствующим ростом конфликтогенности;

– деформируется устоявшаяся система глобального управления, дискредитируются существующие международные и региональные институты и нормы, в ответ на новые вызовы формируются различные порядки и режимы (см. приложение № 2).

Как справедливо отмечал профессор Университета мировой экономики и дипломатии МИД Республики Узбекистан Ш.М. Абдуллаев, сегодня меняется само представление о реальности. Если ранее реальность во внешней среде носила характер относительной статики, когда была ясна диспозиция основных сил и иерархия игроков, то теперь под реальностью следует понимать нарастающую динамику распадающегося на сегменты континуума международных отношений, которые возникают и рассыпаются в диспозиции, иерархии и на ситуационные союзы.

В этой связи правильная оценка мирополитических процессов и предвидение хода их генезиса имеют исключительно важное значение для разработки стратегических планов устойчивого национального развития и обеспечения безопасности, принятия конкретных практических мер на внешнем поле для защиты и продвижения национальных интересов.

* * *

1. Несмотря на многоаспектность методологических основ исследования предметного поля мирового порядка, данное понятие соотносится с совокупностью принципов взаимодействия взаимозависимых акторов, могущих оказывать влияние на мирополитические процессы. Речь идет о: (а) наличии центров силы и власти и их конфигурации на международной арене с акцентом на государственно-центричность политической организации мира; (б) действии легитимных и общепризнаваемых правил и норм поведения государственных и негосударственных акторов на определенном историческом этапе, которые позволяют поддерживать стабильность, предсказуемость международных отношений и предотвращать фатальное развитие событие в мире; (в) функционировании организаций и институтов, диссеминирующих формализованные и неформальные правила и нормы поведения среди участников международных отношений и являющихся площадкой для аккомодации их интересов; (г) существовании общепринятой и неоспариваемой системы ценностей, сдерживающих систему международных отношений от неприемлемой и угрожающей большинству акторов хаотизации.

2. Мировой порядок поддерживает полустабильное равновесие *(semi-stable equilibrium)* в системе отношений между взаимозависимыми государствами (негосударственными субъектами), когда ни один из главных акторов не имеет оснований и стремления для одностороннего нарушения установившегося статус-кво. Полустабильный по своей сути порядок все же нарушается всеми или частью участников системы, так как основные его особенности подвержены флуктуации и могут изменяться с течением временем. Процесс изменения «полустабильного порядка» может протекать путем постепенной и в целом мирной трансформации или/и в результате больших войн, насилия и конфликтов. Принципиальная особенность нынешних изменений «полустабильного порядка» заключается в гибридизации применяемых основными акторами форм и методов для изменения установившихся норм и институтов, продвижения собственных интересов и ценностей.

3. Анализ ключевых аспектов и характеристик пост-Вестфальской системы международных отношений позволяет сделать следующие выводы:

– современное политическое мироустройство на базе принципов и ценностей Вестфальской системы переживает этап бифуркации, когда качественно меняются сущностные характеристики международной среды и системного взаимодействия вследствие естественного изменения межгосударственных отношений, соотношения сил между ними и глобальных мегатрендов. Особенностью нынешнего этапа развития системы международных отношений является гибридное или комбинированное состояние, с одной стороны, традиционных Вестфальских принципов и идей и с другой – качественно новых параметров состояния мирополитической системы пост-Вестфальской эпохи, формирующихся под воздействием глобализации;

– несмотря на эволюцию и иногда качественную смену параметров Вестфальской системы, ее основополагающие и пока безальтернативные принципы суверенитета, баланса сил и государственно-центричности, которые все же подвержены определенным флуктуациям, остаются экзистенциально важными для поддержания глобальной стабильности и безопасности, удержания международной системы от дальнейшей критической хаотизации;

– с увеличением числа государств-субъектов международных отношений в ходе деколонизации и затем развала социалистического лагеря, их разнородности с политической и культурно-цивилизационной точек зрения Вестфальская модель имеет различную степень распространенности в мировом масштабе, имея плюралистический и фрагментарный характер;

– процессы интернационализации: диффузия власти и силы, появление влиятельных надгосударственных и международных акторов вне регуляции государств, возникновение «транснационального социального пространства», а также развитие современных технологий, появление трансграничных природных и техногенных угроз и вызовов, изменения в формах и целях военных конфликтов и войн, являются одними их определяющих детерминантов трансформации классической Вестфальской системы;

– военно-политические, экономические и политико-идеологические противостояния, борьба ведущих государств мира за установление правил поведения и определение международной повестки, постепенное движение к формированию биполярного мироустройства (США и КНР) будет определять перспективы дальнейшей эволюции Вестфальской системы. Однако векторы трансформации мирового политического устройства будут определяться не только великими державами, но и при активном участии новых центров силы в лице малых/средних государств и негосударственных акторов.

4. Авторский прогнозный подход к рассмотрению перспектив политической организации мира показывает, что миропорядок развивается в рамках пессимистического и реалистичного сценариев. Опасная фаза хаотизации и укрепление тезы «помоги себе сам» перерастают в серьезные региональные войны и военные конфликты в «слабых точках» международной системы с прямым или опосредственным вовлечением в них мировых держав. Вместе с тем главные категории Версальской системы – суверенитет, баланс сил и государственно-центричность – получают дальнейшее развитие, а межгосударственные отношения, как это имело место в истории, трансформируются в труднопредсказуемом русле.

5. Комплексный анализ принципов функционирования действующих правил и режимов, состояния баланса сил и интересов международных акторов, феномена незавершенности порядка, неспособности ни одной державы сформировать и поддерживать общие правила в каком-либо порядке в одиночку, а также рассмотрение таких элементов и особенностей порядка, как государственно-центричность и признание иерархии в системе, модели полярности, взаимозависимость, видение акторов относительно организации и управления обществом, категорий легитимности, взаимосвязи внутренней и внешней политики, противопоставления дают основания для вывода о том, что современный мировой порядок имеет трансформационный характер и не сохранит свою устойчивость в нынешних формах.

ГЛАВА 2.
ОСОБЕННОСТИ, УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

2.1. Трансформация мирового порядка: проблемы реформирования институциональной и правовой основ

В научном дискурсе существует определенный консенсус относительно ключевой роли и значения международных межправительственных организаций как транснациональных объединений в обеспечении функционирования системы международных отношений. Принято считать, что феномен международного сотрудничества путем институционального оформления и нормативного регулирования внегосударственной среды берет отсчет с Венского Конгресса 1815 г. и создания первой организации межправительственного типа – Центральной комиссии по судоходству на Рейне (дата основания – 9 июня 1815 г., документ – Заключительный акт Конгресса). С 1804 г. существовала организация на основе соглашения между Францией и Германией, а в 1815 г. она официально утвердилась как международная организация межправительственного типа[179]. Международные организации по типу административных союзов со специальной компетенцией просуществовали целое столетие.

С тех пор процессы интернационализации международного и впоследствии глобального пространства за счет политического, социального и экономического «сужения» ойкумены предопределили процессы превращения межправительственных институтов с определенными признаками[180] в полноценных акторов. Лига Наций и ее Совет (1919 г.) и затем Организация Объединенных Наций, созданные по итогам двух опустошительных мировых войн в XX в., стали первыми глобальными международными организациями, которые с переменным успехом взяли на себя функции регулирования общемировой политики и обеспечения коллективной военно-политической безопасности.

Множественные прогрессивные глобальные и во многом нелинейные и разнородные тренды в политике и экономике, интенсивные социальные и локальные события второй половины XX в. и начала XXI в., увеличившие

[179] Зайцева О.П. Возникновение и развитие межправительственных организаций // Вопросы истории, 1976, № 12. – С. 58–74.
[180] Ziring L., Riggs R.E., Plano J.C. The United Nations: International Organization and World Politics, 3rd ed. – Orlando, Fl.: Harcourt College Publishers, 2000. – P. 7.

взаимосвязанность и взаимозависимость участников международных отношений, привели к значительному росту числа международных межправительственных и неправительственных организаций, укреплению их устойчивости, легитимности и влияния. Среди факторов, придавших значительный импульс расширению сети международных организаций, можно выделить следующие: создание новых видов оружия, прежде всего средств массового поражения; ускоряющийся научно-технический прогресс; холодная война между непримиримыми идеологическими блоками; противоречия между глобальным Севером и глобальным Югом в результате крушения колониальной системы; развитие интеграционных процессов; возникновение трансграничных вызовов и угроз. По данным Союза международных организаций, который начал свою деятельность с 1907 г., к 2021 г. в мире насчитывается 74000 международных организаций в 300 странах и территориях, а 42000 из них являются активно действующими. Это число включает в себя как международные межправительственные организации (ММПО), так и международные неправительственные организации (МНПО), при этом каждый год появляются около 1200 новых организаций этих двух типов[181].

Такие организации практически пронизывают сложную ткань жизнедеятельности народов и государств и тем самым могут рассматриваться в качестве исторической данности или константы в современной системе международных отношений. Речь идет о межправительственных (или межгосударственных) организациях, интеграционных объединениях, международных форумах, конференциях и других платформах диалога и принятия коллективных решений, в анализе деятельности которых применяется также термин «международный (или многосторонний) институт».

В науке о международных отношениях накоплен весьма значительный объем исследований по данной теме, сформировались широкие представления о концептуальных подходах для ее анализа с точки зрения основных теоретических школ и направлений[182]. Приверженцы функционализма считают, что взаимозависимость ведет к глобализации международных структур управления. Либеральный институционализм связывает международный мир с экономическими и социальными институтами и объясняет бурный рост международных организаций во

[181] The Yearbook of International Organizations. Union of International Organizations // https://uia.org/yearbook.

[182] См.: Воронков Л.С. Международные и неправительственные организации в системе международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2018; Паламаренко Р.Ю. ООН в XXI веке: проблемы реформирования: Автореф. дисс. … канд. полит. наук. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2018.

второй половине XX в. социальными изменениями в мире. Сторонники критической теории полагают, что в будущем международные организации станут основными институциональными формами взаимодействия государств[183].

Тем не менее научно-прикладной анализ (а) нынешнего состояния ведущих международных межправительственных институтов в период зримых изменений в геополитической конфигурации мира, (б) перспектив реформирования глобальных и влиятельных региональных организаций на фоне ужесточения конкуренции и соперничества ведущих держав, а также (в) роли государств Центральной Азии в контексте изменений международной среды в рамках многосторонних институтов представляется весьма актуальным с теоретической и практической точек зрения.

Не ставя под сомнение высокую степень акторности межгосударственных институтов в мировой (региональной, межрегиональной) политике, их полезность для продвижения национальных интересов государств как основных субъектов международного порядка и поддержания баланса сил (интересов), выделим некоторые функции изучаемого объекта «как зеркала, отражающего палитру государственных интересов», с использованием базовой классификации американских ученых Р. Кохейна, Дж. Ная и Ст. Хоффманна[184]:

– функция влияния на международные процессы суверенными государствами и самими организациями;

– площадка согласования интересов и выработки общих, долгосрочных и устойчивых норм и правил международного права и режимов;

– функция ослабления одних организаций другими организациями или взаимодействия друг с другом;

– информирование (коммуникация) о целях и намерениях государства;

– функция задания ориентиров при формировании собственной политики государствами на основе принятых декларативных документов межгосударственных организаций;

– формирование базисных принципов, от которых государства исходят в своих дальнейших действиях.

[183] Дробот Г.А. Роль международных организаций в мировой политике: основные теоретические подходы // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология, 1999, № 1. – С. 140-142, 148.
[184] См.: Keohane R.O., Nye J. S., Jr. and Hoffmann S. After the Cold War: International Institutions and State Strategies in Europe, 1989-1991. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

По мнению автора, международные институты, оставаясь ключевыми инструментами и механизмами поддержания международного порядка, на современном этапе выполняют такие основные функции, как выработка и координация стратегий государств-участников в противодействии вызовам и угрозам; диссеминация и контроль среди государств-членов совместно выработанных нормативных, политических, технических и иных правил и стандартов; легитимация и признание на международной арене субъекта отношений; посредничество при рассмотрении международных конфликтов и в целом роль диалоговой площадки для обсуждения совместных действий; содействие мерам доверия; защита и продвижение ценностных, культурно-цивилизационных и политико-идеологических установок.

Государства-нации в рамках межгосударственных организаций берут на себя определенные обязательства и тем самым отказываются от части своего суверенитета, делегируют наднациональным структурам решение властных вопросов.

Рассматривая соотношение между нормами и институтами, мы исходим из того, что нормы являются едиными стандартами «должного» или «правильного» поведения, тогда как институты являют собой коллективные усилия по структурированию, взаимоувязке и защите норм. Нормы могут существовать без институтов, а институты не могут быть созданы до принятия норм, хотя они оба усиливают друг друга при использовании в тандеме[185].

Таким образом, разветвленную сеть межгосударственных организаций, которые первично характеризуются участием трех и более субъектов (государственных и/или негосударственных), следует рассматривать не только как инструмент и механизм продвижения эгоистичных интересов государств-наций, обеспечения их влияния и превосходства, «громоотвода» и фактора силы в перманентном конфликте великих держав, но и как конгломерат институтов для решения общих и локальных задач устойчивого развития и обеспечения безопасности. Наиболее важным базисным ориентиром при их создании и функционировании является следование принципам и нормам Устава ООН, что является непременным условием их легитимности и признания другими акторами в системе международных отношений.

Тем самым в центре упомянутого конгломерата межправительственных организаций находится Организация Объединенных Наций, играя «центральную роль в международных отношениях»[186].

[185] Finnemore M. and Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization, 52, No. 4, Autumn, 1998. – P.891.

[186] Выступление Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 19 сентября 2017 г., г.Нью-Йорк // https://uza.uz/ ru/posts/prezident-uzbekistana-shavkat-mirziyeev-vystupil-na-72-y-ses-20-09-2017.

На современном этапе своего развития всемирная организация, включающая в свою систему ЭКОСОС, Всемирный банк, Международный валютный фонд, ВТО, международные суды и другие ключевые глобальные институты, представляет собой уникальную и единственную всемирную площадку многостороннего сотрудничества и диалога. Совет безопасности ООН, будучи в последнее время объектом серьезной и всесторонней критики за неэффективность в решении многих проблем современности, тем не менее уже многие десятилетия сквозь все перипетии истории выполняет свою главную задачу содействия сохранению глобального мира и поддержания коллективной безопасности. Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека, Цели в области устойчивого развития ООН до 2030 года, конвенции, статуты, декларации и иные документы составляют нормативную основу международного порядка практически во всех сферах жизнедеятельности человечества[187].

Созданная на исходе Второй мировой войны ООН воплотила в себе видение либерального мирового порядка американского президента Вудро Вильсона, что предопределяет настойчиво демонстрируемые государствами Запада собственные преимущества и лидерство в процессе международной дискуссии о будущем мирового порядка. В то же время следует отметить, что существует целый пласт научной литературы, в которой оспаривается монополия США и их союзников в разработке основополагающих принципов, норм и правил международного поведения, подчеркивая значимую роль неанглосаксонских государств-наций в их формировании[188].

Одновременно, априори считая действующие принципы на международной арене либеральными, Дж. Айкенберри полагает, что новые центры силы Востока и Юга лишь стремятся к получению большего влияния на мировые политические процессы. Это обусловлено тем, что, во-первых, либеральные структуры – ООН, ВТО и другие уже выстроены и в них включены незападные государства, а во-вторых, незападным государствам для усиления своего влияния в мире важна возможность использования этих структур[189].

[187] В отчете Кевина Радда от 2016 г. «ООН 2030: Восстановление порядка в раздробленном мире. Отчет Председателя независимой комиссии по мультилатерализму (ICM)» приводятся следующие глобальные достижения ООН: недопущение еще одной мировой войны; накопление массы международных правовых норм; внедрение системы механизмов разрешения международных споров; развитие сети международных регулирующих институтов; регулирование распространения оружия массового поражения (ОМП); наложение санкций; разворачивание миротворческих операций и политических миссий; сокращение глобальной бедности; согласование новой программы устойчивого развития; оказание гуманитарной поддержки; содействие правам человека; распространение концепции прав человека на всех; борьба за гендерное равенство; действия по изменениям климата; борьба с разрушением озонового слоя; защита биоразнообразия // International Peace Institute, 2016 // www.ipinst.org.

[188] См.: Tourinho M. The Co-Constitution of Order // International Organization 75, Spring 2021. PP. 259–281 // doi:10.1017/S0020818320000466.

[189] Ikenberry G.J. The End of Liberal International Order? // International Affairs. Vol. 94, Issue 1, January 2018.- PP. 7–23 // https://doi.org/10.1093/ia/iix241.

В начале 90-х годов прошлого столетия порядок холодной войны сменился активным расширением пространства действия норм либерального мирового порядка, что повлекло за собой переформатирование международных институтов: увеличение числа государств-членов ООН, НАТО и ЕС, укрепление роли Всемирного банка и МВФ как плодов Бреттон-Вудских соглашений, создание ВТО и ОБСЕ, формирование новых организаций (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ, ЭКО) и укрепление влияния АСЕАН, ОИС, ЛАГ, Африканского союза, Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна, других ведущих многосторонних институтов в различных регионах. Соотношение совокупной мощи на международной арене и геополитическая инициатива были на стороне США и их союзников, что вкупе с рядом других причин удерживало Китай и Россию от жесткого противодействия политико-идеологическому, экономическому и военно-стратегическому наступлению Запада в период «однополярного момента». Естественным образом, установившийся баланс сил в мире проецировался на уровень влияния государств на повестку межгосударственных институтов, пропорцию их представленности в исполнительных органах.

В последующий период начались ожесточенные споры, опосредованные и прямые конфликты, прежде всего на площадках международных организаций, относительно степени нарушения США, Китаем, Россией и другими державами международных норм и права, прежде всего Устава ООН. В частности, в случаях с Косово и Ираком Соединенными Штатами соответственно в 1999 и 2003 г.; Россией в Грузии (2008 г.), Украине (2014 и 2022 гг.) и Сирии (2015 г.); Китаем в Южно-Китайском море, на Тайване и посредством напористого геоэкономического поведения. Ученые и политики до сих пор ведут дискуссии об эквивалентности или различии этих эпизодов мировой политики, а также насколько они свидетельствуют об эрозии мирового порядка. Параллельно возникают вопросы о способности международных институтов разрешить множащиеся проблемы регионального и глобального характера и наличии политической воли мировых держав найти пути к формированию стабильного и приемлемого геополитического равновесия.

Наряду с этим мультилатерализм, как краеугольный камень международных отношений за последние 75 лет, подвержен эрозии под весом множественных общих вызовов – изменения климата, миграции, идеологической конфронтации, терроризма и коронакризиса[190].

[190] Ministers in Security Council Stress Need to Adapt, Reform Ancient United Nations Structures, as Multilateralism Erodes under Weight of Multiple Challenges // https://www.un.org/press/en/2021/sc14513.doc.htm.

Обобщение исторических по своей значимости событий и процессов, трансформировавших архитектуру послевоенного мирового порядка, свидетельствует о значимых геополитических изменениях, нарушении сложившей архитектуры политического устройства мира и баланса сил и, как следствие, заметной деструкции либерального международного порядка в понимании государств Запада. Параллельно проходит институционально-нормативное закрепление этих политических трендов, трансформируя мировую матрицу международных организаций и в целом негативно влияя на общую стабильность и безопасность. Каковы основные особенности этих изменений?

Во-первых, в западном политическом дискурсе созданная в 2011 г. на фоне последствий глобального экономического кризиса 2008 г. группа государств БРИКС в составе Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки расценивается как объединение авторитарных или полуавторитарных государств, естественным образом бросающих вызов неформальному клубу «Большой семерки».

Саммит формата «G7» в 2021 г. в Великобритании и последующие встречи после начала военной операции РФ в Украине были отмечены двумя нелинейными процессами: (а) демонстрацией единства государств клуба после прихода к власти в США Дж. Байдена после четырех лет неоднозначной и по сути изоляционистской внешней политики Д. Трампа, в первую очередь, для двойного сдерживания Китая и России и (б) моментом неполного доверия союзников США к будущему стратегическому поведению Вашингтона с учетом роста взаимозависимости и взаимосвязанности Европы и Японии с Китаем и Россией[191]. Последующие события 2021-2022 гг., связанные с созданием по сути антикитайского оборонного партнерства США, Великобританией и Австралией (AUKUS), без предварительного уведомления континентальных европейских союзников Вашингтона указывают на его ставку и далее укреплять «англосаксонский» «глобальный центр»[192].

Присоединение Россией Крыма в 2014 г. расценивается как первое территориальное «приобретение» в нарушение международных норм после Второй мировой войны. При этом государства БРИКС – Бразилия и Индия в ООН воздержались при голосовании по вопросу осуждения этого

[191] Европа продвигает концепцию стратегической автономности и выстраивает прямые связи с Китаем, прежде всего в сфере торговли, а Япония участвует в Транстихоокеанском партнерстве (13% ВВП мира) и Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) (30% всей мировой экономики) с участием Китая. США пока не участвуют в этих торговых режимах.

[192] См.: Павленко В.Б. Институциональные аспекты глобального управления политическими процессами: Автореф. дисс. … докт. полит. наук. – М.: Российский государственный социальный университет, 2008.

акта[193], что свидетельствует о сдвиге в глобальном распределении власти. Схожая ситуация в рамках ООН сложилась после начала российской военной операции на Украине в феврале 2022 г. и присоединения ряда областей Украины как ответ на игнорирование Западом российских озабоченностей в сфере безопасности.

На этом фоне наблюдалось сплочение рядов Североатлантического альянса под влиянием украинского кризиса, вылившееся в беспрецедентную гибридную атаку на Россию, ее международную изоляцию с негативными политическими и экономическими последствия как для Центральной Азии, так и для всего мира.

В политико-историческом плане необходимо признать незавершенность процесса размежевания на постсоветском пространстве и начало нового этапа соперничества мировых центров силы за регион. В условиях болезненной трансформации мирового порядка данная ось противостояния может нести реальную угрозу независимости, территориальной целостности и суверенитету нашего государства, а также стабильности всей Центральной Азии.

Последствия специальной военной операции России в Украине и последующая реакция на нее государств Запада, в первую очередь в рамках международных межправительственных организаций, будет иметь значительное влияние на международно-политические процессы и эволюцию многосторонних институтов.

Например, контент-анализ Совместного заявления РФ и КНР «О международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии» от 4 февраля 2022 г. показывает, что в документе семь раз упоминается слово «миропорядок» и «порядок» в контексте критики западного видения современных международных отношений[194].

Острые дискуссии государств Запада и России происходят в рамках Совета безопасности ООН по сирийской и украинской проблемам, зачастую парализуя работу этого ключевого органа. В целом западный прессинг на Россию и Китай отражается на дееспособности этого ключевого международного органа и ведет к координации позиций последних по ключевым проблемам международной жизни (например, по введению санкций в отношении Венесуэлы и Йемена).

[193] Blackwill R.D. and Wright T. The End of World Order and American Foreign Policy // The Council on Foreign Relations' Special Report, No. 86, May 2020. – P. 9.
[194] Совместное заявление РФ и КНР «О международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии» от 4 февраля 2022 г. // www.kremlin.ru/supplement/5770.

В Генеральной Ассамблее ООН с 2006 по 2018 г. Китай и Россия голосовали одинаково в 86 из 100 случаев – это чаще, чем в 1991–2005 гг., когда процент согласованных позиций во время голосований равнялся 78. Для сравнения: с 2005 г. КНР и Соединенные Штаты соглашались только в 21% случаев. Россия и Китай выдвигают инициативы в ООН по продвижению новых норм, особенно в сфере киберпространства, «ограничивают доктрину «ответственность защищать» (R2P) и нивелируют резолюции по правам человека, предлагаемые Западом»[195].

Во-вторых, государства Запада расценивают создание Китаем в течение последнего десятилетия в Южно-Китайском море искусственных островов как нарушение международного права, неправомерные территориальные претензии и попытку установить контроль над стратегически важными мировыми морскими маршрутами[196]. Формируемый Вашингтоном в ответ на активную внешнюю политику Пекина в Азии Четырёхсторонний диалог по безопасности (Quadrilateral Security Dialogue, QSD, Quad) с проведением встреч на высшем уровне и военных учений, а также стремление превратить НАТО в альянс с глобальными функциями вне пределов Евроатлантического пространства можно считать этапным событием в процессе формирования несущих элементов нового мирового порядка[197].

Китай становится значительно активнее в рамках международных организаций якобы для нивелирования критики в свой адрес в вопросах соблюдения прав человека и ослабления международных норм в сфере правозащиты, транспарентности и подотчетности[198] и, более того, создает собственные международные платформы для продвижения идеи о переформатировании в своих интересах системы глобального управления. Политическим посылом китайской стороны является то, что нынешние правила мироуправления были созданы в основном в 40–50-х годах прошлого столетия без участия Компартии Китая. Тем не менее китайские

[195] Кули А., Нексон Д. Как заканчивается гегемония // Россия в глобальной политике. – М., 2020, № 5. – С. 143.
[196] См.: Morris L.J. Time to Speak Up About the South China Sea // RAND Corporation, March 20, 2019 //http://rand.org/blog/2019/03/time-to-speak-up-about-the-south-china-sea.html; Poling G. and. Glaser B.S. How the U.S. Can Step Up in the South China Sea: The Right Way to Push Back Against Beijing // Foreign Affairs, January 16, 2019 // http://foreigna%airs.com/articles/china/2019-01-16/how-us-can-step-south-china-sea.
[197] Лидеры 30 стран НАТО на саммите в Брюсселе в июне 2021 г. приняли два ключевых решения: начать процесс разработки нового базового документа – Стратегической концепции альянса, которая была утверждена в 2022 г. на саммите в Мадриде, а также впервые в истории определили Китай как потенциальную угрозу для безопасности альянса. Участники саммита приняли и несколько инновационных решений, в частности, решили бороться с потеплением климата, повышая энергоэффективность своих армий и снижая производимые ими углеродные выбросы.
[198] Piccone T. China's Long Game on Human Rights at the United Nations // Brookings Institution, September 2018 // http://brookings.edu/research/chinas-long-game-on-human-rights-at-the-united-nations.

представители руководят четырьмя из пятнадцати агентств ООН[199]. Китаем создана целая сеть многосторонних институтов в различных регионах мира для расширения своего присутствия и влияния, в том числе с государствами Восточной и Центральной Европы, арабского Востока, Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является площадкой для апробации новых приоритетов в рамках международных норм и правил поведения с уклоном на защиту суверенитета и безопасности, экономическое и социальное развитие, а не парадигму прав человека по либеральным лекалам.

Государства Центральной Азии, находясь на перекрестке геополитического столкновения великих держав, несут ответственность в рамках ОБСЕ со сбалансированными приоритетными «четырьмя корзинами» и соответствующими политико-ценностными ориентирами, заложенными еще в основополагающем Хельсинском заключительном акте (1975 г.). Одновременно эти страны являются членами ШОС и участниками Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, где также в последнее время усилилось влияние китайской стороны.

В ходе исторического по своему значению саммита ШОС в г. Самарканде в 2022 г. стало известно, что десять стран арабского мира и Юго-Восточной Азии (ЮВА) проявляют интерес к повышению своего статуса в Организации. Среди них представители арабского мира – Сирия, Египет, Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ. Из ЮВА речь идет о Мьянме, Камбодже и Непале, из ближнего зарубежья – Армении и Азербайджане. Подобный высокий интерес к участию в ШОС, которая не является блоковым объединением и в качестве диалоговой площадки преследует инклюзивные цели и задачи, продиктован повышением геополитической роли Центральной Евразии и его географического ядра – Центральной Азии. Высокая динамика протекающих в регионе политических и экономических процессов, возможность присоединения к альтернативным западным институтам многостороннего сотрудничества, близость к России и Китаю, а также расширение транспортно-коммуникационных коридоров и перспективных рынков становятся основными мотиваторами сближения этих государств с ШОС.

В свою очередь, ОБСЕ на фоне деструкции архитектуры европейской безопасности переживает наиболее сложный этап в своей деятельности с периода ее создания в 1995 г. Поляризация внутри организации не позволила ей играть существенную роль в разрешении украино-

[199] Fung C.J. and Shing-Hon Lam. China Already Leads 4 of the 15 U.N. Specialized Agencies – and Is Aiming for a 5th // Washington Post, March 3, 2020 // http://washingtonpost.com/politics/2020/03/03.

российского конфликта, однако ОБСЕ вносит вклад в урегулирование различных конфликтов на евразийском континенте, востребованной остается деятельность Бюро по демократическим институтам и правам человека и верховного комиссара по делам национальных меньшинств Организации. ОБСЕ осуществляет деятельность по вопросам контроля над вооружениями посредством Венского документа о мерах доверия и безопасности, который позволяет государствам-участникам наблюдать за военными учениями и деятельностью друг друга.

В-третьих, как постулируется на Западе, Пекин в силу накопленного экономического и технологического потенциала старается действовать вне рамок западноцентричного международного экономического порядка, игнорируя стандарты Всемирного банка и МВФ, создав Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и продвигая инициативу «Один пояс, один путь» с объемом инвестиций в 1 трлн долларов[200]. Тем самым происходит «глобальная трансформация и изменение ориентированного на Вашингтона порядка, превалировавшего с 1945 г.»[201]. В ответ лидеры «Большой семерки» в ходе саммита в июне 2022 г. сообщили о запуске пятилетней инвестиционной программы на общую сумму 600 млрд долларов для развивающихся стран, чтобы противостоять растущему влиянию Китая.

В-четвертых, США и их союзники оценивают как нарушение «международного порядка, основанного на правилах», приписываемое России вмешательство в выборы в США в 2016 г. и кибератаки, активность РФ в Арктике, «вакцинную дипломатию» Китая и России в период пандемии COVID-19[202], распространение Китаем телекоммуникационных стандартов 5G, «преследование уйгуров», одностороннее «использование китайской стороной ВОЗ» и других организаций в своих интересах и другие действия, идущие вразрез их интересам, ценностям и устоявшемуся после 90-х годов прошлого столетия статус-кво. Более того, критике подвергается движение от нормальности Венгрии (за якобы отход от демократических норм), Турции (за самостоятельность во внешней политике) и Саудовской Аравии (за независимую позицию в сфере энергетики). Подобный нарратив вполне вписывается в стремление Вашингтона сохранить и укрепить сформировавшуюся после холодной войны конструкцию международного порядка с собственным доминирующим положением[203].

[200] Russel D.R. and Berger B. Navigating the Belt and Road Initiative // Asia Society Policy Institute, June 2019, 7 // http://asiasociety.org/sites/default/files/2019-06/ Navigating the Belt and Road Initiative_2.pdf.
[201] Calder Kent E. Super continent: the logic of Eurasian integration. – Stanford: Stanford University Press, 2019. – P. 48.
[202] Боррель призвал Евросоюз реагировать на «вакцинную дипломатию» России // https://ria.ru/20210711/borrel-1740770830.html.
[203] См.: Renewing America's Advantages: Interim National Security Strategic Guidance // https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf.

В-пятых, Россия и Китай в официальном и экспертном дискурсе, выступая за мультилатерализм, в то же время защищают Вестфальскую систему мирового порядка и фактически модель «концерта наций» XIX в. с балансом силы, национальным суверенитетом и сферами влияния[204] и противостоят американской модели гуманитарных интервенций, продвижения демократии и прав человека, укрепления союзов и собственной либеральной концепции мироустройства.

В политической риторике Москвы и Пекина появляются понятия «основных интересов» и «красных линий», означающие недовольство политикой Запада по вмешательству во внутреннюю политику и наступлением на их экзистенциальные интересы на внешнем поле. Например, Россия не приемлет инициативу президента США Дж.Байдена о созыве ограниченного по своему составу «саммита за демократию» или британскую идею о формате «D10» в составе государств функционирующего клуба «G7» плюс Австралия, Индия и Республика Корея на базе парадигмы либерального мирового порядка. Со своей стороны, Китай, как и Россия, в рамках ООН настаивает на том, что правила должны основываться на международном праве, согласованном и применимом ко всем странам, при этом «не должно быть места для исключительности или двойных стандартов», а «разделение мира по идеологическим линиям является историческим регрессом»[205].

Россия и Китай, говоря о новых разделительных линиях в мировой политике, имеют в виду продвигаемую США идею дихотомии «демократии» и «авторитаризма», расценивают односторонние санкции Запада как проявление «запугивания и гегемонии»[206].

В том же русле российской стороной рассматривается подписанная в 2021 г. лидерами США и Великобритании Дж. Байденом и Б. Джонсоном новая Атлантическую хартия, которая была презентована в качестве актуализированной версии подписанного Франком Рузвельтом и Уинстоном Черчиллем в 1941 г. документа с аналогичным названием, сыгравшим тогда важную роль в поиске контуров послевоенного мироустройства. К «первоначальной» хартии 80 лет назад присоединились СССР и ряд европейских правительств в изгнании, благодаря чему

[204] Blackwill R.D. and Wright T. The End of World Order and American Foreign Policy // The Council on Foreign Relations' Special Report, No. 86, May 2020. – P. 10.
[205] Ministers in Security Council Stress Need to Adapt, Reform Ancient United Nations Structures, as Multilateralism Erodes under Weight of Multiple Challenges // https://www.un.org/press/en/2021/sc14513.doc.htm.
[206] Считаем недопустимыми шаги по насаждению тоталитаризма в мировых делах // https://www.kommersant.ru/doc/4802278?from=four_mir.

впоследствии она стала одной из программных основ антигитлеровской коалиции и считается одним из правовых «прообразов» Устава ООН. Новая же Атлантическая хартия, по мнению министра иностранных дел России С. Лаврова, тоже задумана как своего рода «отправной пункт» для строительства мирового порядка, но исключительно по западным «правилам», заряжена на углубление водораздела между «либеральными демократиями» и всеми остальными государствами, призвана легитимизировать «порядок, основанный на правилах». По мнению российской стороны, естественной площадкой для выработки общеприемлемых договоренностей является «группа двадцати»[207], объединяющая старые и новые ведущие экономики, включая как «семерку», так и БРИКС. Предлагается формирование Большого евразийского партнерства, а также через сопряжение усилий всех стран и организаций континента созыв саммита лидеров «пятерки» постоянных членов СБ ООН[208].

В-шестых, несущей конструкций мирового порядка, безусловно, являются международные нормы в области стратегической стабильности, прежде всего нераспространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения (ОМУ). На фоне прекращения действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), Договора по открытому небу позитивным событием стало продление Россией и США Договора СНВ-3 и российско-американское заявление по стратегической стабильности[209].

Однако в проблемное поле стратегической стабильности входят не только вопросы в компетенции двух крупнейших ядерных держав, но и иранское и северекорейское ядерное досье, доступ террористических групп к ОМУ, степень участия Китая в разоруженческих процессах и другие.

Обнадеживающим фактором в этом контексте можно рассматривать наметившуюся готовность великих держав к конструктивному диалогу по кодификации новых международных норм в сферах изменения климата как «экзистенциального кризиса»[210], противодействия пандемиям, кибербезопасности, освоения космического пространства и регулирования

[207] Например, в 2021 г. в рамках формата G20 достигнуто принципиальное согласие по поводу введения глобального минимального налога на корпорации в размере 15%, совместных действий против пандемии нового коронавируса и обеспечению продовольственной безопасности.
[208] Лавров С. О праве, правах и правилах // Газета «Коммерсантъ» №109/П от 28.06.2021 // https://www.kommersant.ru/doc/4877702.
[209] Совместное заявление президентов России и США по стратегической стабильности // http://kremlin.ru/supplement/5658.
[210] Keohane R.O. Understanding Multilateral Institutions in Easy and Hard Times // The Annual Review of Political Science, 2020, 23:1–18 // https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050918-042625.

технологий искусственного интеллекта. Данные направления, хотя и прерванные вследствие украинского кризиса, могут стать перспективными и примиряющими стороны площадками многостороннего сотрудничества и многостороннего нормотворчества на базе парадигмы следования нормам международного права.

В-седьмых, мировые финансово-экономические кризисы последних десятилетий выявили несовершенство функционирования современного валютно-финансового порядка, неспособность таких международных организаций, как МВФ и Всемирный банк, обеспечить стабильное функционирование валютно-экономических отношений в мире. Это, в свою очередь, ставит вопрос о выработке единых подходов к формированию новой глобальной финансовой архитектуры. Воздействие COVID-19 в 2020 г. и украинского кризиса 2022 г. на мировую экономику стало беспрецедентным в истории: нарушились глобальные цепочки производства и поставок, сокращаются международная торговля и инвестиции, сырьевой рынок нестабилен, велики риски в области финансов. Все это сопровождается снижением внутреннего потребления и инвестиций во всех странах, увеличивающимся давлением на занятость[211]. Как отмечается в принятой в июне 2021 г. на встрече министров иностранных дел государств «Большой двадцатки» в Италии декларации о продовольственной безопасности, «при сохранении нынешних тенденций число людей, страдающих от голода, к 2030 г. превысит 840 млн», а из-за пандемии, вероятно, это число вырастет еще более чем на 100 млн человек[212].

В этих условиях представляется возможным постепенный переход к новой парадигме глобальной экономики, поиск нового принципа социального и политико-экономического мироустройства, формирования мировой валютно-финансовой системы на базе усиливающей роли региональных и субрегиональных подсистем, появления феномена мегарегионализма. Например, создание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП)[213] в период самого острого кризиса за многие десятилетия демонстрирует ключевую роль регионализма в противодействии протекционизму и экономическому спаду. Новообразованный региональный интеграционный блок – это крупнейший

[211] Чжан Хэнлун. Стратегия постпандемического восстановления мировой экономики: роль институтов развития // https: //ru.valdaiclub.com/a/highlights/strategiya -postpandemicheskogo-vosstanovleniya.
[212] «Большая двадцатка» пообещала изобилие еды и вакцины // https://www.ng.ru/ world/2021-06-30/6_8186_g20.html.
[213] В соглашение ВРЭП в ноябре 2020 г. вошли Китай, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия и 10 членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН): Бруней, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Таиланд, Мьянма, Малайзия, Сингапур, Индонезия и Филиппины.

региональный проект в мире, на долю которого приходится практически 30% мирового ВВП[214]. Согласно исследованию Института международной экономики Петерсона, к 2030 г. ВРЭП увеличит мировой ВВП на $186 млрд в год (по сравнению с прибылью 147 млрд долларов от Транс-тихоокеанского партнерства)[215]. Инициатива администрации Дж. Байдена по созданию Индо-Тихоокеанской экономической структуры, поддержанная Токио и Сеулом в мае 2022 г., также носит антикитайский характер и направлена на исключение Китая из глобальных цепочек поставок.

В-восьмых, растет роль малых и средних государств в формировании элементов нового мирового порядка посредством продвижения общечеловеческих принципов, идей и ценностей в рамках ведущих межгосударственных организаций.

На примере государств Центральной Азии можно выделить их значительный вклад в процесс разоружения и нераспространения орудия массового уничтожения. По инициативе Первого Президента Республики Узбекистан (Генеральная Ассамблея ООН 1993 г.) и при поддержке стран региона в Центральной Азии создана единственная в Северном полушарии зона, свободная от ядерного оружия[216]. По инициативе Казахстана 29 августа объявлен Днем международных действий против ядерных испытаний.

Учреждение Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН является, в том числе, и результатом выдвинутой руководством Узбекистана инициативы о создании Международного центра по борьбе с терроризмом, озвученной на саммите Организации по безопасности и сотрудничеству в Стамбуле еще в 1999 г.

Узбекистан, будучи членом Совета ООН по правам человека, активно продвигает важные инициативы и участвует в реализации глобальной повестки дня в этой сфере, вносит конструктивный вклад в международные дискуссии на основе своего богатого культурно-цивилизационного опыта.

---

[214] Лисоволик Я. ВРЭП: ключевая веха в развитии мегарегионализма // Международный дискуссионных клуб «Валдай» // https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ vrep-klyuchevaya-vekha-v-razvitii-megaregionalizma.

[215] Petri P.A. and Plummer M.G. East Asia decouples from the United States: Trade war, COVID-19, and East Asia's new trade blocs // https://www.piie.com/publications/ working-papers/east-asia-decouples-united-states-trade-war-covid-19-and-east-asias-new.

[216] Движение за создание безъядерных зон началось в 1959 г., когда под эгидой ООН был подписан договор об Антарктике. В соответствии с этим документом в регионе запрещались любые ядерные испытания и захоронения радиоактивных материалов. В 1967 году был подписан Договор Тлателолко, провозгласивший Латинскую Америку и Карибский бассейн безъядерной зоной. В 1986 г. соответствующее соглашение заключили государства южной части Тихого океана. В 1995 г. возникла безъядерная зона в Юго-Восточной Азии. Договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии был подписан в 2006 г. и вступил в силу в 2009 г. // https://news.un.org/ru/story/2019/05/1354461.

За последние годы по инициативе Президента Республики Узбекистан Ш.Мирзиёева разработан и принят ряд решений Генеральной Ассамблеи ООН по следующим ключевым вопросам:

– укрепление системы коллективной безопасности и многостороннего взаимодействия – в июне 2018 г. Генеральная Ассамблея ООН на пленарной сессии приняла резолюцию «Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе»;

– межрелигиозное согласие – на пленарной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 2018 г. была принята резолюция «Просвещение и религиозная толерантность»;

– развитие международного туризма – в декабре 2019 г. Генеральная Ассамблея ООН на пленарной сессии приняла специальную резолюцию «Устойчивый туризм и устойчивое развитие в Центральной Азии»;

– преодоление последствий планетарной экологической катастрофы в Приаралье – в мае 2021 г. Генеральная Ассамблея ООН единогласно одобрила резолюцию, объявляющую регион Приаралья «зоной экологических инноваций и технологий», а в 2018 г. по инициативе Президента Узбекистана и при поддержке Генерального секретаря ООН был создан Многопартнерский трастовый фонд по человеческой безопасности для региона Приаралья;

– укрепление взаимосвязанности между Центральной и Южной Азией – в июле 2022 г. Генеральная Ассамблея приняла специальную резолюцию об общих подходах, принципах и направлениях диалога между двумя регионами;

– усиление роли парламентов в ускорении достижения целей устойчивого развития (ЦУР) – в декабре 2022 г. Генеральная Ассамблея одобрила резолюцию, где указана важная роль парламентов в возобновлении приверженности единству, солидарности и многостороннему сотрудничеству.

Так на практике реализуется парадигма рациональной и миролюбивой внешней политики Республики Узбекистан на новом витке ее развития[217], которая вносит весомый вклад в формирование основ нового мирового порядка.

В 2016 г. в Нью-Йорке на ежегодной сессии Комиссии ООН по разоружению был представлен Манифест президента Казахстана «Мир. XXI век»[218], который является одним из официальных документов ООН. Изложенные в нем видение и предложения по ядерному нераспространению,

[217] См.: Выступление министра иностранных дел Республики Узбекистан Абдулазиза Камилова на мероприятии по случаю Дня ООН // https://www.mfa.uz/ru.
[218] См.: Манифест. «Мир. XXI Век» // https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_ political_affairs/ext_other_events.

борьбе с терроризмом и экстремизмом стали составной частью повестки дня Казахстана в Совете Безопасности ООН в 2017–2018 гг. Тогда же страна стала площадкой для мирного урегулирования межсирийского конфликта с участием правительств Сирии, ООН и представителей сирийской вооруженной оппозиции.

Отдельного научно-прикладного исследования заслуживает современный феномен формально признанного и фактического нейтралитета части государств мира как важнейший позитивный элемент международных отношений. На примере Швейцарии, Туркменистана, Австрии, Финляндии и Камбоджи можно убедиться в конструктивной роли этих государств в миротворческой деятельности и создании площадок для диалога[219]. Например, в Туркменистане, постоянный нейтралитет которого дважды признан ООН, действует Региональный центр по превентивной дипломатии для Центральной Азии как эффективный инструмент и нейтральная площадка для прогнозирования конфликтов, нивелирования острых вывозов международной безопасности и обсуждения злободневных проблем безопасности и стабильности в стратегически важном макрорегионе.

На базе осознания негативных последствий изменения климата и нехватки воды по предложению Республики Таджикистан в 2016 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию и объявила 2018–2028 годы Международным десятилетием действий «Вода для устойчивого развития».

Проблемы горных стран мира, социальной справедливости, радиационной безопасности в Центральной Азии в разные годы были вынесены Кыргызской Республикой для обсуждения на высоком уровне в ООН и по ним на сессиях ее Генеральной Ассамблеей приняты соответствующие резолюции.

Все перечисленное составляет лишь часть насыщенной международной повестки государств Центральной Азии, которая является в высокой степени ООН-центричной и требующей последующих научно-прикладных обобщений.

Нельзя не отметить важную роль Движения неприсоединения как ресурса и потенциала «мягкой силы» развивающихся государств. По мысли узбекского профессора Ш. Абдуллаева, война в Украине привела к

[219] Признавая важную роль, которую может играть нейтралитет, в феврале 2017 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла по инициативе Туркменистана резолюцию, установившую памятный день 12 декабря. Туркменистан последовательно продвигает инициативу по разработке и принятию Декларации ООН о приоритетном применении политико-дипломатических средств при решении международных вопросов. По инициативе Туркменистана, Генеральная Ассамблея ООН единогласно приняла резолюцию о провозглашении 2021 г. Международным годом мира и доверия.

изменению характера и статуса неприсоединившегося Юга. Группа 77 государств в ООН – одна из определяющих структур внутри Организации, которая влияет на мировую политику. Движение неприсоединения сегодня заявляет о своей стратегической автономии и намерено влиять на решение глобальных проблем. Это Движение, представляющее большинство стран и населения планеты, имеет историческую возможность трансформироваться из пережитка прошлого в прообраз влиятельного международного объединения.

В целом, межгосударственные организации и нормы сохраняют свою системообразующую роль в формировании нового мирового порядка, нивелировании угроз глобальному миру и безопасности, определении и мониторинге реализации целей устойчивого развития государств мира. Важным шагом в сторону укрепления архитектуры многосторонности является Резолюция 76-й сессии ГА ООН, которая дает ей возможность собираться в течение 10 дней после того, как постоянный член Совбеза наложит вето на ту или иную резолюцию, чтобы обсудить проблему и заслушать объяснения причин такого голосования.

На базе проведенного анализа есть основания утверждать, что среди мировой общественности и ответственной части политической элиты растет запрос на целесообразность созыва глобального форума для глубокого и всестороннего рассмотрения проблем общечеловеческого характера, преодоления национального эгоизма и высокой конфликтогенности в международных отношениях.

Однако с позиций реальной политики такое конструктивное и прогрессивное развитие событий представляется маловероятным. Наиболее реалистичным сценарием в вопросах формирования обновленной системы глобального управления представляется ведение международными акторами при непосредственном участии «многосторонней бюрократии» и неправительственных организаций «позиционных войн» и вялотекущий процесс согласования позиций и интересов. Такой неравномерный и скачкообразный тренд будет непосредственно отражаться на эффективности и продуктивности работы международных организаций, приведет к тяжелому течению формирования нормативных основ мирового порядка для перерегулирования старых и кодификации новых явлений в международной среде.

2.2. Возрастающая роль негосударственных акторов в системе международных отношений

В политологическом дискурсе предметное поле о роли и влиянии негосударственных акторов на систему международных отношений начало звучать с появлением собственно феномена транснациональных отношений и отходом от жестко реалистских или государственно-центричных подходов. В 40-х-50-х годах прошлого столетия Дэвид Митрани затронул значение экспертов в международном сотрудничестве[220], а Карл Дётч говорил о плюралистском значении транснациональных связей[221]. Эрнст Хаас, в свою очередь, выявил влияние транснациональных групп интереса и политических элит на наднациональное управление[222].

Устойчивое экономическое развитие 60-х годов, некоторое ослабление конфронтационного накала между Западом и Востоком и стремительное распространение многосторонних норм и режимов как продукта переговоров между общественными и частными акторами обусловили появление первого поколения исследований и теорий, которые перенесли либерально-плюралистскую теорию в международные отношения. Карл Кайзер выпустил широко известную статью о «транснациональной политике»[223]; Роберт Кохейн и Джозеф Най увязали концепции транснациональных отношений и взаимосвязанности[224]; Джеймс Розенау предложил «пре-теории» (*pre-theories*) взаимосвязи политики, соперничества и интерместического (*intermestic – от international и domestic*)[225]; Питер Виллеттс исследовал роль международных групп давления[226]. Этапными стали работы Арнольда Уолферса «Акторы в мировой политике» и Джона Бертона «Системы, государства, дипломатия и правила»[227].

---

[220] См.: Mitrany D. A working peace system. – Chicago: Quadrangle Books, 1966.
[221] См.: Deutsch Karl W. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. – N.J.: Princeton University Press, 1957.
[222] См.: Haas E.B. The uniting of Europe: political, social, and economic forces, 1950-1957. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1958.
[223] См.: Kaiser K. German foreign policy in transition; Bonn between East and West. – London: New York Oxford U.P., 1968.
[224] См.: Keohane R.O., Nye J.S. Transnational Relations and World Politics: A Conclusion // International Organization, 1971, Vol. 25, issue 3. – PP. 721-748; Power and interdependence: world politics in transition. – Boston: Little, Brown, 1977.
[225] См.: Rosenau J. N. The Scientific Study of Foreign Policy. – Chino Hills, CA: Nichols Publishing Company, 1980.
[226] См.: Willetts P. Pressure Groups in the Global System. – London: Pinter Pub Ltd, 1983.
[227] См.: Wolfers A. The Actors in World Politics. – Wolfers A., ed. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. – Baltimore, Md: Johns Hopkins Press, 1962; Burton J.W. Systems, States, Diplomacy and Rules. - Cambridge: Cambridge University Press, I968.

В 80-е и 90-е годы XX в. развернулись широкие дискуссии между неореалистами и либеральными институционалистами по вопросам возможностей международного сотрудничества, акторности его участников и соотношения между властью государств и субъектов «вне суверенитета». В то же время эти два направления международной науки разделяли мнение о том, что государство в качестве последовательного и рационального актора все еще определяет характер международных отношений и удерживает границу между двумя уровнями – внутренней политикой и международными переговорами[228], а негосударственные акторы «вряд ли смогут стать субститутом государств в качестве главных действующих лиц на мировой арене»[229].

С окончанием холодной войны и доминированием процессов «гиперглобализации», повсеместным распространением и зачастую силовым внедрением западных либеральных ценностей неизбежно происходило размывание национальных политических границ с сопутствующим снижением силы государств. Одновременно повышались политический статус и влияние негосударственных акторов. И такой процесс подкреплялся беспрецедентным развитием средств транспорта и коммуникаций, независимым поведением транснациональных компаний и финансовых структур, а также гомогенизацией мирового культурного пространства. Эволюция транснациональных систем во многом усложнила функционирование и комплекс субъектности международной системы, где повышались роль и влияние взаимосвязанности между индивидуумами, группами, обществами и государствами.

Распространению подобного сюжета способствовало осознание мировыми элитами общечеловеческих проблем экологии и изменения климата, опасности распространения оружия массового поражения, обострение уже в начале 2000-х годов нынешнего столетия трансграничных угроз безопасности в виде международного терроризма, снижение степени вмешательства в многочисленные внутренние и региональные конфликты, распространение парадигмы защиты прав человека и, самое главное, понимание неспособности государств-наций и даже крупных альянсов односторонне купировать подобные негативные тренды. Тем самым складывающееся сложное по своей структуре, неоднородное и многослойное материальное и ценностное политическое пространство современности,

[228] См.: Evans J.St.B.T., Over D.E., Manktelow K.I. Reasoning, decision making and rationality // Cognition. Vol. 49, Issues 1–2, October–November 1993. – PP. 165-187
[229] Барановский В. Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Пути к миру и безопасности. – М., 2017, № 1 (52). – С. 55-63.

которое по своей сущности имеет транснациональный характер, предопределило возрастающую востребованность субъектов «вне суверенитета» при формировании мирового порядка по самым различным направлениям жизнедеятельности.

Таким образом, «мир не в состоянии успешно решать угрозы и вызовы XXI века, такие как изменение климата, пандемии, киберконфликты и неравенство без мобилизации нового набора акторов», тем более если учесть, что «существующие институты, несмотря на свою ценность, были созданы для мира с концентрированной силой». Сегодня налицо значительная диффузия силы, а негосударственные акторы достаточно сильны для того, чтобы как создавать международные проблемы, так и решать их[230].

На современном этапе негосударственные акторы и их значение в региональной и глобальной политике остаются в фокусе внимания академической науки и прикладных исследований[231]. Центральное место в рассмотренных нами работах занимают типологизация и определение понятия «негосударственный актор», а также функции и взаимоотношение (самостоятельное или подчиненное) данных субъектов с государством.

Конструкция понятия «негосударственный актор» однозначно отделяет этих политических субъектов от государств. Данные субъекты должны обладать потенциалом для влияния на национальную и международную политику. Однако даже не все государства выполняют функцию «существенного влияния на мировые политические процессы и тренды мирополитического развития» и в отношении негосударственных транснациональных акторов можно констатировать те же характеристики. Например, (i) не все международные неправительственные организации и транснациональные корпорации являются политически влиятельными, а значит, и акторами мировой политики; (ii) степень влиятельности, используемый ресурс конкретного актора могут меняться по мере его развития[232].

---

[230] Anchoring the World. International Order in the Twenty-first Century. – Essays from the Lloyd George Study Group on World Order. – Edited by Charles A. Kupchan and Leslie Vinjamuri, April 15, 2021. – P. 26.

[231] Josselin D., Wallace W. Non-State Actors in World Politics. – London: Palgrave Macmillan, 2001; Andonova L.B. Governance entrepreneurs: international organizations and the rise of global public-private partnerships. - Cambridge: Cambridge University Press, 2017; Moloney K., Stone D. Beyond the State: Global Policy and Transnational Administration // International Review of Public Policy, 2019, no. 1:1. PP. 104-118; Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики // Обозреватель, М., 2013, № 9 (284). – С. 257-265; Наумкин В., Кузнецов В. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения, том 64, № 6. – М., 2020. – С. 104-113; Calame P. Non-state Actors and World Governance // Forum for a New World Governance Discussion Paper, 2008; Marrone A., Muti K. Policies and Tools for Dealing with Nonstate Actors. Carnegie Europe, 2019 // https://carnegieeurope.eu/2019/11/28/policies-and-tools-for-dealing-with-nonstate-actors-pub-80441#tableContents.

[232] Лебедева М. М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета, 2013, № 3 (28). – С. 39.

Одновременно негосударственные акторы рассматриваются как протагонисты и антагонисты в различных контекстах международной политики[233]. Продолжаются дебаты об исторических корнях и эволюции роли негосударственных акторов в международной политике: есть сторонники версии о существовании древних политических акторов[234], и немало ученых, рассматривающих их в качестве значимых современных игроков, появившихся в мировой политике в пост-Вестфальский период[235].

Схожие споры происходят по вопросу принадлежности к категории негосударственных акторов. Обширный спектр политических акторов в лице национальных и международных неправительственных организаций, субнациональных структур, транснациональных корпораций, мозговых центров, академических институтов, медиа, благотворительных институтов, индивидов, профессиональных ассоциаций, диаспор, религиозных и других групп общепризнанно причисляются к данной когорте. Например, согласно Резолюции ЭКОСОС ООН от 23.05.1968 г. № 1296 (XLIV), неправительственной является любая международная организация, не учрежденная на основании межправительственного соглашения[236].

В более широком понимании принято разделять негосударственных акторов на две основные категории:

i) субъекты, признающие легитимность государств, играющие продуктивную роль и кооптированные в их политическую повестку;

ii) субъекты, оспаривающие или бросающие вызов легитимности и суверенитету государств, дестабилизирующие их функционирование.

Ко второй категории справедливо относят транснациональные субъекты «вне суверенитета» незаконного характера, в том числе террористические и экстремистские организации и группировки, транснациональные криминальные сети, квази-военные структуры, повстанческие движения, хакерские и хактивистские группы. Появление в начале 2000-х годов феноменов сетевой структуры «Аль-Каиды» и позже квази-государственного образования ИГИЛ, их жестокие действия, идущие полностью вразрез общечеловеческим ценностям и международному

[233] Josselin D. and Wallace W. Non-State Actors in World Politics. – New York: Palgrave Macmillan, 2001. – P. 1.
[234] Grygiel Jakub J. Return of the Barbarians: Confronting Non-State Actors from Ancient Rome to the Present. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – P. 37.
[235] Arts B. Non-State Actors in Global Governance: Three Faces of Power. – Preprints aus der Max-Planck Projektgruppe Recht der Gemeinschaftsgüter, No. 2003/4. – Max-Planck Projektgruppe Recht der Gemeinschaftsgüter, Bonn, 2003. – P.3.
[236] См.: Резолюция ЭКОСОС ООН № 1296 (XLIV). 23.05.1968 г. // http://www.un.org/ru/ecosoc/docs/1968resolutions.shtml.

праву, не только серьезно повлияли на процесс трансформации мирового порядка и систему обеспечения международной безопасности, но и убедили многих реалистов переоценить значимость негосударственных акторов.

На функциональном уровне негосударственные акторы также могут разделяться на две группы:

– субъекты, действующие на национальном уровне;

– субъекты, оперирующие на транснациональном и международном уровнях.

Приведем ряд знаковых примеров, свидетельствующих о возрастающем влиянии негосударственных акторов и транснациональных явлений на мирополитические процессы. В частности, нетрудно проследить, как транснациональные корпорации лоббируют на уровне правительств и международных межгосударственных организаций свои интересы, манипулируют их политикой в собственных интересах[237].

Научные сообщества оказывают прямое влияние на процесс принятия политических решений государствами, предлагая различные альтернативные решения и выявляя проблемы. Яркой иллюстрацией этого феномена может служить участие международных сетей ученых при разработке и принятии Парижского соглашения по климату. Например, в ходе подготовки к Конференции ООН по вопросам экологии и развития (United Nations Conference on Environment and Development, UNCED) в Рио-де-Жанейро в 1992 году Генеральному секретарю ООН государствами было предложено пригласить неправительственные организации из числа тех, которые пользуются консультативным статусом в ЭКОСОС ООН. Формат «С40», финансируемый организацией «Bloomberg Philanthropies», координируя климатические акции 40 мэров городов по всему миру в целях реализации Парижских соглашений, активно привлекал к своей деятельности государственные органы, местные власти и негосударственных участников и в период президентства Д. Трампа, известного скептика в вопросах изменения климата.

В том же русле принято упоминать о том, как в 2001 г. аналитиком «Goldman Sachs» Дж. О'Нейлом была выделена группа стран с быстро развивающимися экономиками – Бразилия, Россия, Китай и Индия (BRIC). Группа стала обретать организационно-политические очертания: проводит регулярные встречи, пригласила в свои ряды Южную Африку. Интересен сам

[237] Например, пять технологических компаний – «Amazon», «Apple», «Facebook», «Google» и «Microsoft» имеют общую рыночную капитализацию в объеме 7 трлн долларов, что больше ВВП любого государства, кроме США и КНР, и это обуславливает их значительное влияние на мировое информационное и социальное пространство.

факт воздействия негосударственного актора на формирование политических процессов: негосударственная коммерческая структура «Goldman & Sachs» выступила фактически как политический актор, «создав» межгосударственное объединение. И в этом смысле рейтинговые агентства также можно назвать новым, зарождающимся актором мировой политики[238].

Предложенная в 2005 г. американским ученым Ф. Старром в качестве индивидуума (хотя, по понятным причинам, защищающего и продвигающего интересы своей страны) концепция Большой Центральной Азии[239] была первоначально артикулирована в практической плоскости Госдепартаментом США в период их активной роли в афганских делах, а затем стала фактически интеллектуальной предтечей вовлечения Афганистана в процессы регионализации в Центральной Азии и формулированию стратегической цели «открытия» Южной Азии.

Илон Маск и Билл Экман предложили собственные резонансные планы по урегулированию российско-украинского военного конфликта.

Неправительственные организации выступают соавторами международных договоров, например, Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания[240]. Данные субъекты вносят решающий вклад в выполнение международных норм в области прав человека, а некоторые из них конкурируют между собой и государственными институтами[241]. Международные неправительственные организации приняли непосредственное участие в событиях «арабской весны» (2011–2017 гг.), не только трансформировавших политический облик Ближневосточного региона, но и оказавших глубинное влияние на всю систему международных отношений[242].

Средства массовой информации, особенно социальные медиа, формируют публичный дискурс по проблемам международной политики[243]. К примеру, драматические события в августе 2021 г. в международном аэропорту г. Кабула, связанные с хаотичным выездом

[238] Лебедева М. М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета, 2013, № 3 (28). – С. 40.
[239] См.: Starr S.F. A Greater Central Asia Partnership for Afghanistan and Its Neighbors. – Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2005.
[240] Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml.
[241] Correa F.G. Human Rights Ltd.: An Alternative Approach to Assessing the Impact of Transnational Corporations on Human Rights. – Human Rights Protection in Global Politics Responsibilities of States and Non-State Actors. - New York: Palgrave Macmillan, 2015. – P. 159.
[242] См.: Шитова А.В. Роль международных неправительственных организаций (МНПО) в событиях «арабской весны» и последующих трансформационных процессах в Тунисе и Египте (2011-2017 гг.): Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – М.: Институт Африки Российской Академии наук, 2018.
[243] Kluver A.R. The Logic of New Media in International Affairs // New Media and Society, no. 4, December 2002. – P. 505.

граждан страны, сотрудничавших с силами западной коалиции, стали широко известны именно благодаря социальным сетям. Видео с падающими с взлетевшего самолета гражданами Афганистана стало триггером для глубоких и негативных общественно-политических оценок относительно последствий двадцатилетней миссии США и их союзников в этой стране. В конечном итоге эти события на фоне стремительного захвата движением «Талибан» власти в Афганистане и общие изменения геополитического ландшафта в Азии сыграли немаловажную роль в корректировании Вашингтоном своей внешней военной стратегии под лозунгом о завершении «эпохи бесконечных войн»[244].

Примером проявления «полилатерализма» (*polylateralism*), когда агенты глобального гражданского общества и субнациональных правительств замещают роль государств-наций, стало участие организации «Digital Citizen Fund» в эвакуации афганских девочек в Катар и Мексику. Ветеранская группа «Allied Airlift 21» организовала наземную эвакуацию в Пакистан своих партнеров в Афганистане, нью-йоркский Интернет-активист Томми Маркус собрал 7 млн долларов для содействия кампании по вывозу афганских граждан[245].

Политические предпочтения электората и общественное мнение относительно внешней политики государств и международной политики, безусловно, формируются не только и не столько традиционными акторами в лице политических элит и правящих классов, но и подвергаются значительному воздействию интернета и социальных сетей. В частности, к всемирной сети 55,6% пользователей обращаются для того, чтобы «быть в курсе новостей и событий». Если учесть, что глобальное население по состоянию на начало 2021 г. составляло 7,83 млрд человек, а мобильными устройствами пользуются 5,22 млрд человек (66,6 % мирового населения) и Интернетом – 4,66 млрд человек во всём мире[246], то становится очевидно, насколько мобилизовано мировое социальное пространство и какие последствия для международных отношений имеет этот феномен.

Массовая миграция населения как результат неравномерного социально-экономического развития по линии Юг-Север, общественно-политических пертурбаций в пространстве Большого Ближнего Востока, демографических факторов, ресурсного истощения и глобальных

[244] Байден объявил о завершении «эпохи бесконечных войн» для США // https://ria.ru/20210921/bayden-1751180509.html.
[245] Gardels N. Planetary Politics When the Nation-State Falters // Noema Magazine, September 3, 2021 // https://www.noemamag.com/planetary-politics-when-the-nation-state-falters.
[246] Интернет и соцсети в начале 2021 года – главные цифры // https://vc.ru/marketing/ 221601-internet-i-socseti-v-nachale-2021-goda-glavnye-cifry.

климатических изменений также становятся факторами международной политики. В опубликованном в сентябре 2021 г. обновленном докладе Всемирного банка Groundswell («Девятый вал») говорится, что к 2050 г. изменение климата, становящееся все более мощной движущей силой миграции, может вынудить 216 млн человек в шести регионах мира переселиться в другие районы своих стран. Центральная Азия входит в число уязвимых в этом плане регионов с перспективами как внутренней, так и внешней «климатической» миграции[247]. Тем самым миграционный вопрос выходит за рамки национальных границ и превращается в проблему глобального масштаба, требующую осмысления и системного подхода.

Критически важным стало участие частных акторов во время острой фазы противостояния пандемии COVID-19 в 2020 г. В период, когда коронакризис и разработка вакцин вкупе со спорами о состоятельности различных общественно-политических систем в противодействии пандемии стали очередным эпизодом геополитической борьбы великих держав, университеты и независимые эксперты в сфере здравоохранения представляли достоверные данные и модели поведения. Филантропы вложили внушительные суммы в антиковидные мероприятия и исследования. Например, к концу 2020 г. «Bill & Melinda Gates Foundation» внесли 1,75 млрд долларов в глобальные фонды, «Coalition for Epidemic Preparedness Innovations» – глобальное партнерство общественных, частных лиц и организаций гражданского общества собрало 1,3 млрд долларов для разработки вакцин «Moderna» и «Oxford-AstraZeneca». Альянс «Gavi», созданный при содействии «Gates Foundation», с 2000 г. содействовал вакцинации более 822 млн детей в странах развивающегося мира[248]. В то же время следует признать, что именно государства взяли на себя все бремя ответственности в деле противодействия пандемии, вызвав споры об укреплении трендов ренационализации и суверенизации.

Еще одно распространенное явление – использование по всему миру частных военных компаний (ЧВК), чей юридический статус находится в «серой зоне», а численность доходит до нескольких сотен. Подобные компании, не входящие в боевые группы регулярных войск, но вооруженные боевыми машинами, вертолетами, комплексами ПВО и другой военной техникой[249], используются правительствами многих стран

[247] К 2050 г. изменение климата может вынудить 216 миллионов человек переселиться в другие районы своих стран // Пресс-релиз Всемирного банка // https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2021/09/13/climate-change-could-force-216-million-people-to-migrate-within-their-own-countries-by-2050.
[248] Anchoring the World. International Order in the Twenty-first Century. – Essays from the Lloyd George Study Group on World Order. – Edited by Charles A. Kupchan and Leslie Vinjamuri, April 15, 2021. – P. 26, 28.
[249] Тельманов Д. Частные военные действия: чем занимаются ЧВК по всему миру // https://www.gazeta.ru/army/2021/07/11/13721258.shtml.

и крупными корпорациями для решения политических, экономических и социальных задач – охрана инфраструктуры, государственных объектов, миссий и посольств, подготовка военных в странах пребывания и участие в локальных боевых действиях. Например, американское правительство активно задействовало возможности ЧВК в Афганистане, Сирии и Ираке, а Россия – в Ливии, Мали, Судане и Украине.

Широкие дискуссии ведутся по проблеме отнесения международных межправительственных организаций к числу негосударственных акторов. По нашему мнению, созданные государствами многосторонние организации и институты, играющие ключевую роль в артикуляции интересов и поддержании баланса сил в мировой и региональной политике, имеют широкую автономию и принимают непосредственное участие в формулировании и реализации транснациональных решений. Тем не менее следует учитывать их прямую зависимость в политическом и экономическом плане от государств-учредителей, что обуславливает их категоризацию как отдельных участников мировой (региональной) политики в рамках государственно-центричной парадигмы. Международные межгосударственные организации создаются на основе договорных отношений суверенных государств, а международные негосударственные организации – плод деятельности социальных страт либо индивидуумов одной или более стран в целях достижения определенных конструктивных или деструктивных целей. Исходя из данного допущения, мы предполагаем наличие в редуцированном виде треугольника основных международных акторов: государства – международные межправительственные организации –негосударственные акторы.

В сложной системе глобальной политики отношения между государственными и негосударственными акторами приобретают ключевое значение[250]. В последние несколько десятилетий глобальное управление дало последним новые возможности влиять на решения, принимаемые на международном уровне. Негосударственные акторы присутствуют на всех стадиях международного политического процесса – формирование повестки, принятие решений, реализация, мониторинг, оценка результатов – и в разных формах. Это могут быть предварительные консультации аналитических центров и групп интересов; формирование повестки по многим вопросам в системе управления ЕС; участие групп коренного населения и фермеров в Комитете по продовольственной безопасности ФАО; привлечение экспертов в частные структуры по установке стандартов, например IOSCO или ICANN; участие в гибридных

[250] См.: Marchetti R. Global Strategic Engagement: States and Non-State Actors in Global Governance. – Lexington: Books-Rowman & Littlefield, 2016.

глобальных инициативах (например, Глобальный фонд по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией), которые объединяют благотворительные фонды, общественные организации и компании. Они активно финансируют международные проекты, участвуют в предоставлении огромного количества международных услуг, часто – по формуле государственно-частного партнерства (ГЧП), занимаются восстановительными работами после катастроф и стихийных бедствий, помощью в развитии и продвижением демократии, а также мониторингом и оценкой политики государств, в частности, в сфере прав человека[251]. Тем самым «инклюзивный и сетевой мультилатерализм», продвигаемый Генеральным секретарем ООН А. Гуттерешем, с вовлечением в решение транснациональных проблем бизнеса, городов, университетов и движений, глобальных и региональных институтов в составе многосторонних «хабов» стал политической реальностью наших дней.

Затрагивая тему корреляции государств и негосударственных акторов, трудно не согласиться с тезисом о том, что последние «могут процветать только лишь в относительно мирной и стабильной международной системе с базовым консенсусом относительно правил международного взаимодействия и легитимности государственных единиц»[252]. Действительно, международная торговля может трансформироваться в сложные системы глобальных инвестиций и производства под контролем транснациональных корпораций при условии приемлемости рисков вне юрисдикций государств, где они были созданы. Глобальные сети правозащиты, охраны природы и культурных реликвий, трансфера информации зависят от разделяемых всеми идей о глобальном обществе и общечеловеческих ценностях.

Концепция Хедли Булла о международном обществе формирует те необходимые рамки, которые необходимы для развития трансграничных обменов. Статус частной международной инициативы и принцип государственного суверенитета позволяют отделять государственное от негосударственного, что создает условия последним свободно функционировать через национальные границы. Между тем, нелегальные террористические и экстремистские сети также эффективно используют «плоды цивилизации»: прозрачность границ, транснациональные связи, виртуальное пространство, финансовые сети, трансграничные транспортные коммуникации.

[251] Лебедева М.М., Маркетти Р. Нестабильность на Ближнем Востоке и упадок Вестфальской системы. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» // https://ru.valdaiclub.com/files/13082.
[252] Josselin D. and Wallace W. Non-State Actors in World Politics. – New York: Palgrave Macmillan, 2001. – P. 4.

Международные неправительственные организации (МНПО) пользуются всеобщим признанием благодаря участию в принятии Устава Организации Объединенных Наций – ведущей мировой межправительственной организации современной мирополитической системы. В основополагающем документе ООН предусмотрены направления и области деятельности, где могут потребоваться консультации международных МНПО[253]. Сотрудничество международных неправительственных организаций с ООН и ее агентствами базируется на нормативно-правовых документах, определяющих возможности, права и обязанности неправительственных организаций, а также наличию консультативного статуса, который присваивается неправительственным организациям со стороны ЭКОСОС[254]. Тем самым негосударственные акторы имеют возможность влиять на решение важнейших международных проблем не только через диалог с правительствами, но и посредством использования платформ международных органов и институтов[255]. Более того, к примеру, Международный Комитет Красного Креста, «Кеа Интернэшнл», «Врачи без границ» другие структуры регулярно приглашаются для участия в заседаниях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН.

Типологизация неправительственных организаций ввиду их многочисленности и разноаспектности специализации также представляется одной из важных задач политологии[256]. Приведем одну из версий категоризации (международных) неправительственных организаций, разработанных на базе определений «Amnesty International» в рамках Пекинской конференции ООН по женщинам в 1995 г.:

GONGO (*government-controlled non-government organizations*) – это субъекты, которые позиционируют себя в качестве независимых неправительственных организаций и представляют, например, интересы женщин, рабочих, активистов в сфере защиты прав человека, любителей деревьев и защитников биоразнообразия. В то же время в реалии эти организации полностью зависимы от правительств и направляются ими, зачастую создаются спецслужбами и элитными группами государства.

[253] См.: Устав Организации Объединенных Наций // http://www.un.org/ru/ documents/charter/index.shtml.
[254] См.: Резолюции ЭКОСОС 3 (11) от 21 июня 1946 г., 288 (X) от 27 февраля 1950 г., 1099 (XL) от 4 марта 1966 г., 1296 (XLIV) от 23 мая 1968 г., 1981/50 от 20 июля 1981 г., 1993/80 от 30 июля 1993 г., 1993/214 от 12 февраля 1993 г., 1993/329 от 30 июля 1993 г., 1995/304 от 26 июля 1995 г., 1996/31 и 1996/297 от 25 июля 1996 г., 1999/34 от 28 июля 1999 г. и ряд других.
[255] По данным британской «Четем Хауз», число договоров, депозитарием которых является ООН, выросло с менее 4500 в 1959 г. до более 45000 по прошествии 50 лет. Число неправительственных организаций, имеющих консультативный статус в ООН, выросло после холодной войны и достигло более 3200.
[256] См.: Taylor P. Nonstate Actors in International Politics: from Transregional to Substate Organizations. – Boulder, Colorado – London: Westview Press, 1984.

BINGO (*business-controlled non-government organizations*) – неправительственные акторы, контролируемые бизнесом и призванные представлять «человеческий облик» транснациональных экономических субъектов.

QUANGO (*quasi-nongovernmental organizations*) – гибридная форма субъекта с элементами неправительственной организации и государственного органа социальной сферы.

PONGO (*party-organized non-government organizations*) – неправительственные организации, созданные политическими партиями.

RINGO (*reactionary non-government organizations*) – реакционные неправительственные организации.

MANGO (*male-controlled non-government organizations*) – это неправительственные организации, контролируемые мужчинами и, следовательно, критикуемые феминистками.

TINGO (*tribal non-government organizations*) – племенные неправительственные организации, тип субъектов, предложенный позднее ближневосточными экспертами.

Различают неправительственные организации, действующие только на национальном уровне, и международные неправительственные организации, играющие активную роль на транснациональном уровне. Тем не менее, глобализация «делает различия между «национальными» и «международными» неправительственными организациями все более избыточным»[257], если учесть влияние лоббируемых местными субъектами норм и правил (например, в сфере распространения ГМО и защиты биоразнообразия) на международный контекст в тех или иных направлениях жизнедеятельности. Подобная типологизация призвана прежде всего отделить «продажные» или ангажированные неправительственные организации от тех, которые строго и ревностно поддерживают свою репутацию в качестве независимых борцов на определенные цели и ценности. Например, «Greenpeace» заявляет о принятии пожертвований только от частных лиц.

Однако эволюция неправительственных организаций привела к тому, что этот социальный сектор превратился в быстро растущий сегмент занятости в экономиках Запада. К примеру, в США более 7 % рабочей силы трудоустроены в некоммерческих организациях, что больше в процентном отношении, чем число сотрудников государственных органов в центре и на уровне штатов. Волонтерский сектор практически превратился в большой бизнес[258].

[257] Blair A., Curtis S. International Politics. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – P. 194.
[258] Ibid. – P. 195-196.

На международном уровне неправительственные организации также имеют большое влияние. В последнее время международные неправительственные организации стали проводить так называемые параллельные конференции под эгидой ООН, «Группы 20», Всемирного экономического форума и других структур. Особую роль международные неправительственные организации играют в сфере прав человека в контексте реализации принципов и норм Всеобщей декларации прав человека[259], в первую очередь в плане искоренения современных форм рабства, защиты прав детей, женщин и заключенных.

Неправительственные организации и другие группы гражданского общества часто создают сложные транснациональные сети в целях взаимной поддержки и продвижения заявленных целей. Подобные сети в состоянии мобилизовать общественное мнение через средства массовой информации и интернет-площадки до такой степени, что правительства, международные межгосударственные организации и транснациональные корпорации вынуждены реагировать на жесткое давление и зачастую менять отношение к тем или иным проблемам. Примерами таких событий могут считаться кампания против генно-модифицированных продуктов в конце 90-х годов прошлого столетия, феномен экологической активистки Греты Тунберг, громкие акции против эпидемиологических мер в ходе коронакризиса.

Как отмечал Дж. Розенау, влияние негосударственных акторов основано на том, что они в отличие от государств не привязаны к конкретной территории, за которую несут ответственность, являются «свободными от суверенитета», беспрепятственно передвигаются и автономны. Такие организации обладают огромным человеческим потенциалом, если учесть, например, что «Amnesty International» имеет 2,2 млн членов по всему миру, «Greenpeace» – 2,2 млн активистов, а численность членов «World Wildlife Fund» (WWF) достигает 5 млн человек[260]. Более того, членами таких организаций являются образованные и социально активные граждане, что обуславливает невозможность игнорирования их требований властями.

Фактор воздействия негосударственных акторов на государства Центральной Азии после обретения ими независимости проявился в достаточно широком диапазоне. Столкнувшиеся с огромными проблемами социально-экономического и общественно-политического характера страны региона стали объектами воздействия большого круга негосударственных акторов, имеющих как конструктивные, так и деструктивные цели. При этом следует подчеркнуть, что «негосударственность» транснациональных

[259] Принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.
[260] Blair A., Curtis S. International Politics. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – P. 198.

акторов, имевших и продолжающих оказывать влияние на международное положение государств Центральной Азии, на их устойчивое социально-экономическое развитие и безопасность, представляется весьма относительной.

Данное положение обусловлено тем, что регион после почти двухсотлетнего полуизолированного от международного общества состояния «вошел» в мировой политический мейнстрим с «чистого листа» и естественным образом превратился в площадку противоборства наиболее мощных геополитических игроков. Их стремление, с одной стороны, сохранить свое исторически сложившееся доминирование (в случае с Россией) или, с другой стороны, обозначить и расширить свое присутствие в стратегически важном пространстве в Центральной Евразии (в случае с США, Китаем, Европой, странами арабо-мусульманского пояса) предопределило характер, масштабы и формы проникновения в Центральную Азию негосударственных акторов. Поэтому мы склонны предположить, что вся многоаспектная и многоуровневая деятельность (в том числе деструктивная) негосударственных акторов в регионе подчинена геополитическим, культурно-ценностным, цивилизационным и геоэкономическим установкам соответствующих мировых центров силы.

Общий позитивный эффект от деятельности негосударственных акторов, например, в социально-гуманитарной сфере, не «спасает» их от регулярно возникающего скепсиса в отношении преследуемых ими целей. Объектом критики такие акторы становятся не только в связи с работой в таких чувствительных политических сферах, как, например, правозащитная деятельность, но и в таких, кажущихся аполитичными, областях, как культура, образование и здравоохранение[261].

В то же время мы не склонны к однозначному утверждению, что негосударственные акторы во всех случаях выполняют в Центральной Азии подсобные функции в интересах внерегиональных государственных акторов. Благодаря открытой внешней политике центральноазиатских стран и складывающемуся региональному «геополитическому плюрализму» здесь возникли и существуют многие структуры и сетевые группы транснациональной природы – неправительственные организации, молодежные проекты, медиаплатформы, экспертные и академические сообщества, которые «строят мосты между народами и государствами Центральной Азии»[262] и имеют экстенсивные контакты с внерегиональными субъектами.

[261] Бахриев Б.Х. Центральноазиатское направление социально-гуманитарной деятельности негосударственных акторов (на примере Организации Ага Хана по развитию) // Международные отношения, М., 2019. – Р. 141.
[262] Молдашев К., Нурша Г. Негосударственные акторы в центральноазиатской регионализации. - Регионализация в Центральной Азии. Стратегия Казахстана. – С. 69.

За годы независимости в результате активного развития потенциала гражданского общества при поддержке доноров были проведены качественные реформы с подачи именно гражданских активистов. «Третий сектор» в Центральной Азии испытал огромный приток такого финансирования извне после распада СССР, а спустя 20 лет после обретения независимости – его постепенное сокращение. Несмотря на критику учеными и самими странами-реципиентами, до сих пор помощь от внешних игроков остается самой эффективной финансовой подушкой для неправительственных организаций, которые функционируют на региональном уровне[263].

В этом контексте рассмотрим несколько направлений политико-идеологической и экономической деятельности негосударственных акторов в регионе, имеющих важное значение с точки зрения международного позиционирования расположенных здесь государств и динамики их внутреннего развития.

Первое направление – культурно-цивилизационное и политико-административное. Практически все государства Центральной Азии в разной степени подвергаются влиянию «мягкой силы» внешних акторов. Речь идет прежде всего о процессах «дерусификации информационно-культурной среды»[264], идеологизации образовательной и воспитательной политики, попытках внешних сил ремоделировать государственные системы, манипулировать и продвигать собственное видение гражданско-политических процессов, а также ценностные, религиозные и культурные ориентиры внутри центральноазиатских обществ. Великие державы «вкладывают большие средства в мозги и сердца молодежи в странах Центральной Азии»[265], тем самым втягивая регион в собственную культурно-цивилизационную орбиту. Внерегиональные негосударственные акторы за некоторым исключением (например, работа Красного Креста и Красного Полумесяца максимально деполитизирована) выступают агентами существующего в их странах или цивилизационном поле политико-идеологического мейнстрима. Идеологический спектр подобного влияния варьирует от либеральных постулатов «свободного общества» (Фонд Сороса, «Human Rights Watch», «Freedom House»), умеренных культурно-гуманитарных

[263] Ibid. – С. 71.
[264] Фоминых А. Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, т.13, вып. 3. – С. 75.
[265] Айбекова А. Гражданское общество, НКО в Центральной Азии / А. Айбекова, А.А. Толобек, S. Guo // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история: Сб. ст. по материалам VIII Международной научно-практической конференции «Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история», № 2 (6). – М., «Интернаука», 2018. – С. 36.

установок (Международный Фонд Ага Хана[266], российские, американские, китайские, турецкие, немецкие и другие GONGO и PONGO)[267] до радикальных религиозных идей («Хизб ут-Тахрир», «Нурчилар», «Таблиг-и Джамаат»).

Как отмечают исследователи, продвигаемые внешними силами концепции о переформатировании Центральной Азии «держали страны региона в постоянном геополитическом и цивилизационном напряжении, вынуждая их реагировать на внешние вызовы»[268]. В то же время трудно переоценить роль и значение международных и национальных институтов зарубежных стран в процессе интернационализации систем образования государств Центральной Азии, раскрытии интеллектуального потенциала молодежи, в целом решении важных задач гуманитарного и общественно-политического плана.

Международные неправительственные организации и индивидуумы («Amnesty International», «Freedom House» и другие) вовлечены в вопросы обеспечения безопасности, включающие подотчетность органов внутренних дел и специальных служб, нарушения прав человека, условия наказания и реформирование пенитенциарной системы, мониторинг коррупции и являющиеся чувствительными для национальных правительств и местных органов власти[269]. Критика этими организациями степени развития демократии и гражданского общества в государствах региона имеет двоякие последствия, во-первых, поощряя правительства к проведению либеральных реформ, а во-вторых, подвергая сомнению легитимность власти и снижая ее позитивный международный имидж и репутацию. Другой реакцией государств региона на функционирование зарубежных неправительственных организаций онлайн или оффлайн, деструктивно влияющее на внутриполитические процессы, является периодическое законодательное ограничение их деятельности и финансирования.

В Центральной Азии также широко проявляется феномен взаимодействия внутригосударственных регионов, когда акторами выступают города и области, налаживающие прямые контакты между собой для решения тех или иных локальных вопросов.

[266] См.: Бахриев Б.Х. Центральноазиатское направление социально-гуманитарной деятельности негосударственных акторов (на примере Организации Ага Хана по развитию) // Международные отношения, М., 2019.
[267] См.: Таджиев Ш.Ш. «Мягкая сила» во внешней политике Республики Узбекистан на современном этапе. Монография. – Ташкент: УМЭД, 2020.
[268] Центральноазиатское LEGO: кто конструирует регион. – Под редакцией С. Кушкумбаева, Алматы, 2016. – С. 7.
[269] Civil Society and Confidence Building in Central Asia, the Caucasus and Eastern Europe: Best Practices and Outstanding Needs // Geneva Centre for Security Sector Governance. – Conference proceedings, 23-26 November 2020 DCAF Webinar. – P. 3.

Второе направление – политико-информационное. Информационное пространство Центральной Азии все еще находится под заметным воздействием внешних медийных ресурсов, которые можно разделить на русско- и англоязычные. Понятия непредвзятость, объективность и автономность СМИ, оставаясь предметом споров с учетом наметившихся трендов острого информационного противостояния великих и региональных держав, тем более не могут быть в полной мере применены при описании их деятельности на центральноазиатском поле. «Независимые» средства массовой информации, аналитики, мозговые центры и различные дискуссионные платформы все больше вливаются и инкорпорируются в ряды государственников или/и обслуживают национальные, корпоративные или узкогрупповые интересы. За небольшим исключением в их политических оценках преобладает шаблонный подход, а именно: рассмотрение стран региона в совокупности как площадки для очередного эпизода «Большой игры» с участием внешних центров силы. Традиционно декларируются геополитическое противостояние России, Китая и Запада, перманентная борьба на ресурсы[270], «архаичность» социально-политического уклада стран Центральной Азии, критичность ситуации с безопасностью в связи с системной неопределенностью в Афганистане и политическая разобщенность стран региона.

Относительно новым феноменом становится информационное сопровождение событий здесь со стороны китайских и турецких источников, которые также постепенно втягиваются в информационно-политическое соперничество за регион. По этой причине на базе приобретенного исторического опыта республики Центральной Азии идут по пути формирования и развития собственных источников информации и независимой аналитики (эпистемологических сообществ), «создание смыслов», чему способствуют внутренние процессы укрепления национальной и региональной идентичности, в первую очередь повышение статуса родного языка.

Третье направление – деятельность транснациональных корпораций (ТНК)[271]. Инвестиционная и торговая деятельность транснациональных корпораций в Центральной Азии и их влияние на глобальное

[270] Махмудова Ф. Роль негосударственных акторов в системе международных отношений и мировой политики // Аналитический обзор. – Ташкент: ИСМИ, 2017. – С. 67.
[271] По данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в мире насчитывается порядка 77 тыс. материнских и 770 тыс. дочерних компаний ТНК. В них занято около 62 млн сотрудников, а сумма оборота составляет 4 трлн долларов // World Investment Report 2006. FDI from Developing and Transition Economies: Implications for Development. – N.Y.; Geneva, 2006.

позиционирование региона является перспективной междисциплинарной научно-прикладной проблемой. По нашему мнению, степень представленности ТНК в регионе не является «зеркальным отражением» уровня геополитического присутствия государств их происхождения. Речь идет об объемах вложенных инвестиций, влиянии ТНК на формирование национальной нормативно-правовой базы и развитие местной социальной среды, а также связанности с национальными элитами. Иными словами, прослеживается асимметрия между, например, высоким военно-политическим влиянием России на Центральную Азию и объемом ее финансового и технологического присутствия. В то же время, несмотря на то, что западные и азиатские ТНК накопили внушительные объемы капиталов и имеют преобладающее технологическое присутствие[272], их государства происхождения в силу объективных и субъективных причин обладают значительно меньшим геополитическим и культурно-цивилизационным весом в регионе по сравнению с Россией. Однако данный процесс не представляется статичным и подвержен определенным флуктуациям в силу, к примеру, расширения в последние годы горизонтов внешнеэкономической деятельности проводящего либерализацию Узбекистана[273] или диверсификации экономических связей Туркменистана за счет европейских партнеров, а также параллельного укрепления экономической мощи России, Индии, Турции и Ирана. Примечательно, что активность западных ТНК в нефтегазовом комплексе Туркменистана ниже, чем в Казахстане, во многом ввиду того, что «отсутствуют подконтрольные им маршруты экспорта туркменского газа»[274] и китайского влияния, что можно рассматривать как геополитический фактор.

Несмотря на несопоставимость экономической мощи России и Китая, российские интеграционные объединения в регионе исторически находятся в более продвинутом в институциональном и нормативном плане состоянии, нежели китайские региональные и трансрегиональные форматы взаимодействия. Тем самым крупные корпорации реализуют совместные цели с правительствами или обществами в регионе, «обходя собственное правительство»[275] (компании «Coca-Cola, «Microsoft»,

[272] См.: Бордачев Т. Россия и Китай в Центральной Азии: большая игра с позитивной суммой // Валдайские записки № 50, июнь 2016 г. – С. 10-12.
[273] Доклад ЮНКТАД о мировых инвестициях в 2020 г. Основные тезисы и обзор // Организация Объединенных Наций, 2020 г. – С. 12.
[274] Медведев А.Н. Новый политический аттракцион: американские горки в Ашхабаде // Независимая газета, 30 января 2017 г. // https://www.ng.ru/dipkurer/ 2017-01-30/11_6915_ashabad.html.
[275] Най Дж. С. мл., Кохэн Р.О. Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М., 2002. – С. 156.

«Kaspersky», «Huawei», «Hyundai»). Однако есть ряд стратегически значимых отраслей, в числе которых добыча нефти, газа, урана и золота, создание транснациональных энергетических и транспортных коридоров, где ТНК двигаются в политическом фарватере своих государств и в унисон с балансирующей позицией государств-реципиентов инвестиций и технологий в регионе.

Четвертое направление – деятельность так называемых «насильственных негосударственных акторов» (*violent non-state actors*). С первых лет независимого развития республики Центральной Азии были объектами атак религиозных и экстремистских сил, а также активности транснациональной организованной преступности.

Представляется, что существует два основных детерминанта, определяющих возникновение и развитие феномена религиозного терроризма в регионе.

Рассмотрим первый. В процессе поиска новых моделей мироустройства после распада двухполюсного мира политический ислам предлагает во многих идеологических и культурных аспектах новый порядок взаимодействия на разных уровнях международных отношений. Одной из версий политического ислама можно считать идеологию терроризма. Другими словами, религиозный экстремизм и терроризм, особенно в последние десятилетия, превратились в один из инструментов политического ислама[276]. Центральная Азия, особенно территория современного Узбекистана, имеет сакральное значение для мусульманского мира ввиду того, что является родиной многих выдающихся теологов Ислама, родившихся и творивших в Бухаре, Термезе, Самарканде и многих других. На фоне активного развития в последние десятилетия Ислама в государствах региона в качестве важнейшего компонента их национальной идентичности в исторической перспективе здесь будет существовать дихотомия светскости и религиозности, чему способствуют глубокие исламские ценностные ориентиры местных народов. Это обуславливает не только диссеминацию умеренных постулатов исламской религии в рамках парадигмы духовности и общественной морали, но и наличие острых форм исламизации – терроризма и воинствующего экстремизма.

Рассмотрим второй детерминант. Религиозный радикализм и терроризм в Центральной Азии, оказывая деструктивное влияние на общественно-политические процессы, обуславливается также внешним

[276] Джаббаринасир Х.Р. Факторы трансформации политического ислама в мировой политике: возникновение насилия и терроризма // Полития. – М., 2021, №3 (102). – С. 126.

фактором поддержки из «афгано-пакистанской и ближневосточной зон геополитического и религиозного напряжения»[277]. Тем самым терроризм, имея трансграничный характер и представляя собой системный вызов безопасности региона, можно рассматривать как привнесенный извне феномен. Более того, история действий таких террористических организаций, как «Исламское движение Узбекистана», «Аль-Каида», «Исламское движение Восточного Туркестана», «Исламское государство в Хорасане» и целой палитры других «джихадистских» группировок, свидетельствует о том, что в различные периоды они становились инструментами внешних государственных игроков при скрытой реализации ими геополитических и геоэкономических повесток в Центральной Азии. В качестве серьезного вызова безопасности остаются «тенденции насаждения в регионе идеологии религиозного радикализма, а также так называемые «спящие ячейки» международного терроризма и экстремизма[278]. Подобные транснациональные негосударственные акторы имеют гибридное происхождение и меняют свой окрас в зависимости от внутренней и внешней политической конъюнктуры.

Сопутствующим религиозному терроризму является афганский наркотрафик через регион, осуществляемый преступными группировками, который серьезно подрывает безопасность расположенных здесь государств.

Таким образом, негосударственные акторы в современном мире не только имеют важное значение в процессе трансформации мирового порядка, но и представляют собой сложнейший, неоднородный и многослойный социально-политический конгломерат, конкурирующий с государствами-нациями за политическую власть и влияние. Их динамичная и меняющаяся конфигурация оказывает все возрастающее влияние на расклад и баланс сил на международном и региональном уровнях и учитывается государствами при выстраивании национальных и внешнеполитических стратегий.

Анализ их деятельности становится обязательным для понимания мировых политических процессов, внешнеполитического прогнозирования и планирования, а также разработки вопросов глобального управления[279].

[277] Россия и мир: 2016. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – С. 123.
[278] Участие И. Рахмона в четвертой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, 21 июля 2022 г., г. Чолпон-Ата, Кыргызстан // https://mfa.tj/ru/ main/view/10726.
[279] Лебедева М. М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета, 2013, № 3 (28). – С. 42.

2.3. Основные условия и факторы развития миропорядка в контексте роста современных вызовов и угроз безопасности

В условиях серьезной трансформации мирового порядка и расклада сил на глобальном и региональном уровнях проблемное поле безопасности является краеугольным для современной международно-политической науки. Оказывая все большее давление на состояние международного порядка, современные вызовы и угрозы по сути имеют трансграничный характер и комплексную природу, что осложняет задачу их объективного осознания и адекватного купирования или нейтрализации. Данный посыл обусловлен, на наш взгляд, рядом отчетливо проявляющихся тенденций в мировой политике и международных отношениях, не наблюдавшихся в новейшей истории в нынешних формах и масштабах.

Во-первых, текущее состояние международного ландшафта, характеризующегося «растущей нестабильностью и непредсказуемостью»[280], очевидным образом умножает число *новых политических реалий*, представляющих угрозу всеобщей стабильности и безопасности, устойчивому и динамичному развитию большинства государств.

Среди них можно отметить ослабление механизмов контроля над вооружениями и всеми системообразующими международными нормами, правилами и режимами, в результате чего наметились перспективы гонки вооружений на новом технологическом уровне; уязвимое состояние стратегической стабильности; геополитическую поляризацию, обусловленную стремлением государств защитить собственные стратегические, экономические интересы и ценности; эрозию функционирующей с послевоенной эпохи системы коллективной безопасности (правовой и политической); набирающее оборот блоковое мышление с нарастающим «кризисом доверия» вкупе «с ужесточением конкуренции между мировыми центрами силы»[281]; обострение политико-идеологической и культурно-цивилизационной напряженности; деятельность террористических (экстремистских) сетей и других нелегальных негосударственных акторов, а также усиление роли «субъектов вне суверенитета» в контексте безопасности; активизацию киберпреступности; рост сепаратизма; эскалацию региональных конфликтов и внутриполитических коллизий различной степени конфликтогенности для международной среды.

[280] Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на пятом саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, г. Душанбе, Республика Таджикистан, 15 июня 2019 г. // https://uza.uz/ru/posts/vystuplenie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziye0-15-06-2019.
[281] Там же.

Во-вторых, мировой порядок подвергается значительному воздействию со стороны *процессов неполитической этиологии и/или естественного характера*, имеющих далеко идущее влияние на поведение основных акторов международных отношений в лице государств, социетальные аспекты жизнедеятельности и интересы личности.

Ключевыми из них являются формирование нового технологического уклада мировой экономики и ее структуры; последствия изменения климата и глобальное потепление с синхронным обострением проблем энергетической, продовольственной и экологической безопасности; переформатирование сферы энергетики в целях декарбонизации; использование современных технологий в деструктивных целях; недостаток жизненно важных ресурсов, прежде всего водных, земельных и сырьевых; демографические диспропорции; пандемия коронавируса с проявлениями огромного числа сопутствующих социально-политических последствий, в том числе неравенства внутри обществ и между странами (регионами) с нарастанием протестных настроений и социальной апатии, неконтролируемой миграции.

Тем самым взаимное дополнение *политически мотивированных и естественных* (независящих от воли государств) угроз и вызовов нового типа, их негативная синергия создают современную и динамичную картину в сфере международной, региональной и национальной безопасности (см. приложение № 3). На этом фоне предлагаются альтернативные (например, постмодернистские) определения международной безопасности, когда «мировая политика по обеспечению безопасности выходит как за рамки реализма с его опорой на баланс сил и коалиции, так и за рамки обычных мер коллективной безопасности. Расширенное определение безопасности включает одновременно экономику и политику, культурные и материальные ценности, государства и неправительственных акторов»[282], а концепция безопасности не может быть единой, унифицированной и никто не может обладать монополией на ее толкование[283].

В то же время, если исходить из трудно оспариваемого реалистского посыла о том, что «войны – основная форма взаимодействия между государствами», наиболее характерным признаком текущих конфликтов становится не ведение «институционализированных» или «тотальных» войн, а войн «третьего типа», когда нет различий между «солдатом и гражданином» и военно-политические трения переносятся, по сути, на

[282] Brown S. World interests and changing dimensions of security // World security: challenges for a new century. – New York, 1994. – P. 25.
[283] Walker R. One world, many worlds: Struggles for a just world peace. – London: Lynne Rienner, 1998. – P. 144.

информационное поле. По идее сторонника неоклассического реализма К. Холсти, «в войнах третьего типа смертельная игра ведется в каждом доме, церкви, государственном учреждении, школе, на каждом шоссе и в каждой деревне»[284].

Одновременно «смена караула» в ряду глобальных и локальных гегемонов (по Дж.Миршаймеру[285]) в силу изменения баланса сил и «баланса угроз» (по С. Волту[286]) вывела на международную авансцену новых игроков, индивидуально и самостоятельно формулирующих собственные национальные интересы или «операциональные» (*operational*) цели для обеспечения стабильного положения на международной арене. При этом современные ученые обосновывают формирование «глобальной стабильности в условиях двойственной мировой гегемонии (*dual hegemony*)» в составе США и КНР[287].

Тем не менее узкое и однозначное понимание безопасности в международных отношениях в категориях «жесткой безопасности» (дихотомия с «мягкой безопасностью» по И. Галтунгу) все же уходит в прошлое. Международное сообщество все больше осознает объективную необходимость невоенных/несиловых – политических, экономических, гуманитарных, финансовых, информационных – средств обеспечения международной безопасности[288]. Действительно, ввиду галопирующего процесса международной взаимозависимости и взаимосвязанности в результате стремительного научного и технического прогресса, который позволяет интенсифицировать материальный и культурный обмен на глобальном уровне, проявляются тенденции расширения категорий безопасности за счет различных невоенных аспектов социальной реальности.

Расширяется использование «мягкой силы» с гибридизацией мировой и внешней политики[289], а влиятельными акторами используются методы «цветных революций», затронувших и постсоветское пространство, для смены режимов в различных странах в целях изменения стратегического расклада в тех или иных регионах. На этом неспокойном фоне естественно происходит гибридизация двусторонних и многосторонних противостояний, когда пространственное восприятие

[284] Holsti K.J. The State, War, and the State of War. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – PP. 7-39.
[285] Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: W.W. Norton, 2001. – PP. 33-40.
[286] Walt S. M. Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security. Vol. 9, No. 4, 1985. – P. 18.
[287] Grosse R, Gamso J., Nelson R.C. China's Rise, World Order, and the Implications for International Business. – Management International Review, 2021, 61. P. 1–26.
[288] Бобокулов И.И. Международно-правовые аспекты региональной безопасности: вопросы теории и практики. – Ташкент: Университет мировой экономики и дипломатии, 2010. – С. 17.
[289] См.: Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / Багаева А. В., Бродовская Е. В., Вдовиченко Л. Н. и др. – М.: Горячая линия – Телеком, 2017.

войн не ограничивается лишь применением конвенциональных видов оружия на суше, воде и воздухе, а переносится на политико-идеологические, виртуальные и экономические координаты.

В такой обстановке соображения стратегической целесообразности или экзистенциональные проблемы, связанные с сохранением статус-кво на международной арене или, наоборот, расширением жизненного пространства, берут вверх над экономическими, меркантильными интересами ведущих мировых центров силы. Обладающие разносторонними ресурсами государства поощряют и содействуют национальным экономическим субъектам в переносе с территории «противника» или конкурента своих производственных и технологических площадок на родину или в «нейтральные» страны. Транснациональный взаимообмен знаниями и технологиями как исключительный двигатель глобализации все чаще наталкивается на барьеры «политической целесообразности» или текущей стратегической конъюнктуры, что ставит под удар свободное движение товаров, услуг, финансов, интеллектуальной собственности и в целом продуктов человеческого прогресса.

С другой стороны, комплекс угроз, связанных с глобальным потеплением, приводит как к учащению и усилению стихийных бедствий, так и к потрясениям в экономической и социальной сферах, затрагивает политические системы многих стран. Так, засухи в Сахельском регионе Африки становятся причиной конфликтов и вызывают массовые перемещения населения, голод и безработицу. Велика роль изменения климата в возникновении таких конфликтов, как гражданская война в Судане и регионе Тыграй на севере Эфиопии, разрастании вооруженного противостояния в бассейне озера Чад, которое является источником воды для нескольких стран, – его площадь с 1960 года уменьшилась на 90%[290].

Экологическая катастрофа Аральского моря привела к «дефициту водных ресурсов, снижению качества питьевой воды, деградации земель, резкому уменьшению биоразнообразия, серьезным климатическим изменениям»[291]. Неэффективное управление трансграничными водными ресурсами в Центральной Азии вызывает латентные и иногда «горячие» конфликты в регионе, провоцируя вызовы для продовольственной безопасности[292] и новый феномен «климатических беженцев»[293].

[290] Паниев Ю. На Генассамблее ООН стартует неделя высокого уровня // https://www.ng.ru/world/2021-09-20/6_8256_un.html.
[291] Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на заседании Совета глав государств-учредителей Международного фонда спасения Арала, г. Туркменбаши, Туркменистан, 24 августа 2018 г. // https://uza.uz/ru/posts/ vystuplenie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziye.
[292] См.: Глава Республики Казахстан выступил на Саммите ООН по продовольственным системам, 24 сентября 2021 года // https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-vystupil-na-sammite-oon-po-prodovolstvennym-sistemam-238167.
[293] Новости ООН. Всемирный банк: изменение климата обернется массовой внутренней миграцией // https://news.un.org/ru/story/2021/09/1409822.

Ареной борьбы с геополитическими оппонентами все чаще становится киберпространство[294]. Яркой иллюстрацией полярности подходов великих держав к жизненно важным аспектам международной безопасности является согласование правил и норм поведения в киберпространстве. После долгих многосторонних дискуссий в 2018 г. США и Россия выдвинули и получили одобрение Генеральной Ассамблеи ООН по двум параллельным инициативам в данной сфере в форматах соответственно Групп правительственных экспертов (ГПЭ) и Рабочей группы открытого состава ООН (РГОС), что оценивается как беспрецедентный случай в истории кибердипломатии[295]. В то же время политическая воля двух государств позволила выдвинуть в 2021 г. в рамках ООН российско-американскую Резолюцию о нормах поведения в киберсфере в целях «использования информационно-коммуникационных технологий в мирных целях»[296], хотя разногласия сторон сохраняются.

При формировании стратегий (концепций, доктрин) безопасности в условиях «зрелой анархии» большинство государств и многосторонних институтов принимают во внимание не только национальные и внешние политические факторы и условия. Не только силу как фундаментальное преимущество в международных отношениях, национальные интересы – как ведущие принципы политиков, баланс сил – как средство реализации данных интересов без ведения войны, а государства – как единственно значимые акторы в международных отношениях, но и весь естественный спектр ключевых угроз в пределах ойкумены. Как отметил Президент Узбекистана Ш.М. Мирзиёев, «для всех нас очевидно, что социально-экономическая картина мира после пандемии будет совершенно другой. Мы должны работать в тесном партнерстве на основе новых подходов в отношении общих угроз безопасности и устойчивому развитию»[297].

Например, на базе либеральной парадигмы ООН по направлению «Мир и безопасность» выделяет следующую иерархию приоритетов: предотвращение конфликтов через превентивную дипломатию, разоружение, предупреждение геноцида и ответственность по защите; миротворческую деятельность; миростроительство; верховенство права;

[294] Выступление Секретаря Совета безопасности Российской Федерации Н.П.Патрушева на IX Московской международной конференции по безопасности, 24 июня 2021 г. // http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3013.
[295] См.: Resolution A/RES/73/266 adopted by the General Assembly on 22 December 2018; Resolution A/RES/73/27 adopted by the General Assembly on 5 December 2018.
[296] Первый комитет Генассамблеи ООН принял резолюцию РФ и США по киберсфере // https://tass.ru/politika/12838251.
[297] Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (в режиме онлайн), г. Ташкент, 23 сентября 2020 г. // https://president.uz/ru/lists/view/3851.

разминирование; защита женщин и детей в условиях конфликта; использование космического пространства в мирных целях[298]. Тем не менее, как показывает международная практика, некая дисфункция и усиливающаяся внутренняя поляризация Совета безопасности ООН, которая, согласно Уставу ООН, несет главную ответственность за поддержание международного мира, препятствуют эффективному выполнению функции обеспечения коллективной безопасности. В то же время ООН и ее Генеральная Ассамблея «оказывают наибольшее влияние на отношения между блоками и «третьим миром»»[299], что крайне актуально и в наши дни, особенно для таких неприсоединившихся к военно-политическим союзам государств нашего региона, как Узбекистан, Азербайджан или Туркменистан.

С учетом многоаспектности, сложности и многоуровневого характера складывающихся факторов безопасности попытаемся рассмотреть наиболее важные контуры мирополитических трендов через призму новых военных и невоенных угроз и вызовов, а также обозначить их влияние на ситуацию в регионе Центральной Азии и в целом на перспективы международного порядка. Мы исходим из того посыла, что «история пишется не в Нью-Йорке (*имея в виду ООН*), а внутри государств»[300].

Международная турбулентность последних полутора десятилетий дает ясное понимание того, что надежды на конвергенцию и, как следствие, интеграцию Китая и России в либеральный международный порядок, который выстраивался Соединенными Штатами и их союзниками после окончания Второй мировой войны и получивший особую динамику в «момент однополярности» по завершении холодной войны, не оправдались. По общему признанию, мир входит в эпоху усиливающегося соперничества великих держав, что неизбежно отражается на общей картине международной военно-политической безопасности. Поднимаются проблемы иерархичности мировой политической системы.

По мнению российского академика А. Дынкина, в Москве часть политической элиты надеялась на присоединение к западным институтам, но с сохранением суверенитета в вопросах обороны и безопасности. Оказалось, что это невозможная дилемма. В Вашингтоне и на Западе в целом полагали, что «мир уже без России», которая в результате болезненных трансформационных процессов 90-х годов покинула круг великих держав.

[298] Глобальные вопросы повестки дня. Мир и безопасность // https://www.un.org/ ru/global-issues/peace-and-security.
[299] Арон Р. Мир и война между народами. – М.: NOTA BENE, 2000. – С. 629.
[300] См.: Там же.

Другим заблуждением Запада были ожидания, что рыночная трансформация китайской экономики неизбежно приведет к политической либерализации. Не избежали этого заблуждения в Китае, где полагали, что Pax Sinica естественно и бесконфликтно сменит Pax Americana, подобно тому, как Pax Americana в свое время сменил Pax Britannica. Пекин надеялся на плавную смену лидеров при сохранении взаимозависимости, но бесконфликтно такие вещи не происходят[301].

Тем самым международное общество уже находится в периоде нарастания конфликтности между великими державами. Это рефреном проецируется на устоявшиеся региональные и субрегиональные системы безопасности. С другой стороны, мир сталкивается с новыми транснациональными угрозами. Подобная «негативная синергия»[302] повышает опасность каждого из этих комплексов угроз и значительно усложняет их конструктивное и разумное решение в условиях снижения уровня сотрудничества и доверия между ключевыми мировыми игроками. Нам видится, что данный процесс имеет продолженный и достаточно рискованный окрас, если учесть политические и социальные последствия пандемии COVID-19.

Пандемия испытывала на прочность не только взаимоотношения государств, которые подчинены законам баланса сил и принципам сдержек и противовесов, но и расшатала политические системы во многих государствах, вынося на поверхность застарелые культурно-идеологические, структурные и особенно социальные проблемы общества. Расстройство привычных социальных взаимоотношений на уровне государства, общества, личности и на международной арене как последствие охранительных жизнь и здоровье людей мер выливается в общественно-политические конфликты латентного и острого характера в зависимости от запаса прочности того или иного субъекта. Внутренняя неустойчивость государственных систем вызывает реакцию во внешней среде и приводит в движение инстинкты более сильных международных акторов, стремящихся обратить в свою пользу кризисные явления внутри тех или иных стран.

Каждое государство или союз государств ищет собственные пути развития и выживания на основе индивидуальных особенностей и объективных условий. Политическая и экономическая нестабильность в

[301] Дынкин А.А. Примаковские чтения 2021 // https://www.imemo.ru/news/events/ text/primakovskie-chteniya-2021.
[302] Wright T. Prepared Testimony to the Senate Armed Services Committee. Hearing on Global Security Challenges and Security, March 2, 2021 // https://www.armed-services.senate.gov/hearings/21-03-02-global-security-challenges-and-strategy.

отношениях между государствами в разной степени остроты существовала во все времена, тогда как пандемия коронавируса лишь выступила триггером в усилении напряженности на всех плоскостях[303]. Стали очевидны импликации пандемии на мировой порядок, международные институты и глобальное управление[304].

Еще одной особенностью текущего момента является намерение Соединенных Штатов и ряда их традиционных союзников избрать путь двойного сдерживания Китая и России, которые за счет стабильного внутреннего развития и реализации проактивной внешней политики за последние десятилетия нарастили мощь и влияние во внешней среде и предлагают собственную международную (региональную) политическую и экономическую повестку. Другими словами, происходит «воздействие на международный порядок двух тенденций, посягающих на его связанность – переопределение легитимности и значительное изменение в балансе сил»[305].

В военно-стратегической плоскости Вашингтоном предпринимаются следующие шаги в этом направлении, значительно влияющие на международный порядок в сфере безопасности:

(i) реализуется *стратегия обновления и создания военно-политических альянсов* с укреплением традиционного англосаксонского ядра. Наиболее выпукло данная линия проявляется в рамках активизации деятельности формата коллективной обороны НАТО. В частности, в ходе саммита организации в г. Мадриде в июне 2022 г. была принята новая Стратегическая концепция НАТО, где РФ определена «наиболее значимой и прямой угрозой безопасности государств-членов альянса» и заявлено, что «политика принуждения» Китая бросает «вызов их интересам, безопасности и ценностям». Обновление повестки НАТО с явным антироссийским уклоном создает серьезные военно-политические раздражители для Москвы. В случае с Украиной, Грузией, частично Молдовой можно отметить протекающие процессы новой самоидентификации их военно-политических интересов.

По мнению западных стратегов, расширение НАТО на север за счет вступления в ряды ее членов Швеции и Финляндии значительно повысит потенциал Североатлантического альянса по сдерживанию России и укрепит безопасность союзников на всем европейском пространстве блока

[303] Таджиев Ш.Ш. Постковидный мир: поможет ли ренационализация? // Материалы 17-й Научно-практической конференции ВШСАП «Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности Республики Узбекистан в условиях пандемии», 2020. – С. 231-234.
[304] См.: COVID-19: Potential Implications for International Security Environment – Overview of Issues and Further Reading for Congress, October 5, 2021 // https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46336; Annual Threat Assessment of the US Intelligence Community // Office of the Director of National Intelligence, April 9, 2021.
[305] Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2015. – С. 474.

от крайнего Севера до Средиземного моря. Тем самым территория НАТО за счет расширения на север увеличится на 16%, а протяженность границ стран альянса с Россией почти удвоится, что создает новую военную и стратегическую реальность в этой части евразийского континента.

Специальная военная операция России на территории Украины вызвала тектонические сдвиги в системе европейской безопасности. Безуспешные попытки Москвы добиться соблюдения российских интересов в сфере безопасности привели к использованию военный силы как инструменту принуждения и изменения поведения Украины и поддерживающих ее государств Запада. Украинский конфликт, имеющий многоаспектные политико-дипломатические причины и глубокие культурно-цивилизационные корни, лежит не только в плоскости обеспечения региональной безопасности. Поведение России рассматривается прежде всего с точки зрения трансформации мирового порядка и еще одного этапа революционного корректирования (нивелирования) доминирующего положения Запада в формировании и регуляции порядка в рамках либеральной парадигмы.

По признанию западных наблюдателей, одним из бенефициаров украинского кризиса в геополитическом и экономическом плане стали США с учетом снижения конкурентоспособности европейской индустрии, отказавшейся от относительно дешевых российских энергоносителей в пользу значительно дорогих американских. Прогнозируется релокация части производственных мощностей европейских индустриальных компаний в США, в первую очередь благодаря протекционистским мерам американской администрации в поддержку высокотехнологичных компаний.

Очевидны также комплексные импликации складывающихся геополитических реалий на Центральную Азию, если учесть стратегический и союзнический уровень ее отношений с Россией, которая сталкивается с беспрецедентным политическим и экономическим давлением Запада. В складывающейся обстановке практически трудно себе представить, что целью дипломатии является «сохранение и даже расширение сфер сотрудничества в условиях неизбежных разногласий», о чем всего несколько лет назад говорил Р. Хаас[306].

Тем самым наметившиеся ранее кооперативные формы поддержания стабильности и разрядка напряженности на субрегиональном уровне, прежде всего в акваториях Балтийского и Черного морей, переходят в конфронтационные. В этом плане решающее значение будет иметь дипломатическое взаимодействие с участием всех заинтересованных

[306] Хаас Р. Мировой беспорядок. – М.: АСТ, 2019. – С. 210.

сторон в целях минимизации рисков и угроз в сфере стратегической стабильности и ядерного нераспространения, чтобы свести к минимуму риск военных недопониманий или ошибок.

Если учесть тесное взаимодействие государств Центральной Азии с указанными субрегионами, становится очевидным деструктивное влияние процессов по западному периметру российских границ на общее состояние евразийской безопасности и снижение стратегических возможностей нашего региона в плане развития альтернативных трансконтинентальных транспортных коммуникаций и энергетических коридоров, международной торговли и гуманитарного обмена.

В то же время следует помнить о попытках европейских держав на фоне синдрома «неполного доверия» к основному партнеру по НАТО добиться «стратегической автономии» (*strategic autonomy*) и реализовывать «наднациональную геополитику» (*supranational geopolitics*), прежде всего в целях обеспечения физической, экономической, экологической и социальной безопасности[307] и «сбалансирования трансатлантических отношений»[308].

Так, с учетом длительности процесса вступления в ЕС новых членов ведущие государства европейского континента создали новую площадку для политического сотрудничества более широкого круга стран региона. Президент Франции Э. Макрон 9 мая 2022 г. предложил создать новое политическое сообщество, в которое можно будет принимать страны, не входящие в ЕС. Европейское политическое сообщество провело свою первую встречу 6 октября 2022 г. в Праге во время председательства Чехии в Совете Европейского союза. По этому случаю состоялся учредительный саммит, в котором приняли участие 44 главы государств и правительств стран Европы за исключением России и Белоруссии. Проведение четырех круглых столов в рамках мероприятия позволило организовать обсуждения по двум темам, свидетельствующим о приверженности стран-участниц решению общих проблем: с одной стороны, это мир и безопасность, а с другой – климат, энергетика и экономика.

(ii) Параллельно США намерены сформировать «*глобальную систему*, которую Европа и Соединенные Штаты вместе с союзниками в Индо-Тихоокеанском регионе пытаются выстроить в течение последних 70 лет»[309], что усиливает противодействие планам Пекина по расширению влияния на этом динамично развивающемся пространстве.

[307] Strategic autonomy for Europe – the aim of our generation. Speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank, 28 September 2020 // https://www.consilium. europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28.
[308] Макрон выступил за диалог с РФ и построение новой архитектуры безопасности // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10745605.
[309] Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference, February 19, 2021 // https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19.

В США определяют четырехсторонний диалог по безопасности QUAD в составе Австралии, Индии, США и Японии[310], первый очный саммит которого прошел в конце сентября 2021 г. в г. Вашингтоне, как одну из «новых конфигураций», предназначенных для решения задач XXI в., наряду с новым индо-тихоокеанским партнерством в области безопасности, созданным между Австралией, Великобританией и США под названием AUKUS[311]. Представляется преждевременным оценивать альянс QUAD в качестве некоего прообраза азиатского аналога НАТО, если учесть глубокие традиции Индии в контексте Движения неприсоединения и оборонный характер военно-политической стратегии Японии со времен Второй мировой войны.

Формирование нового военно-оборонительного союза AUKUS с планами создания в Австралии инфраструктуры по строительству атомных подводных лодок, во-первых, представляет собой проявление готовности США к «продолжительному и жесткому соперничеству и стратегической конкуренции с Китаем»[312]; во-вторых, возможно, станет еще одним шагом в направлении эрозии режима ядерного нераспространения; в-третьих, размывает асеаноцентричность окрепшей в последние десятилетия архитектуры безопасности в АТР. Формат AUKUS органично дополняет и расширяет англосаксонский союз государств в сфере безопасности, который исторически сложился в духе Атлантической хартии в более расширенном составе (за счет Новой Зеландии) на платформе разведывательного альянса «Пять глаз».

В «Белой книге по обороне» Китая от 2019 г. отмечено, что США угрожают миру односторонней политикой, которая наносит ущерб безопасности КНР, соперничество между великими державами нарастает, а региональные конфликты время от времени обостряются[313]. Тем самым в данном документе отражены наблюдающиеся тенденции серьезного обострения ситуации вокруг Тайваня и Южно-Китайского моря.

---

[310] Четырёхсторонний диалог по безопасности (Quadrilateral Security Dialogue, QSD), также Quad group of nations (Quad / QUAD) – стратегический диалог между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Инициирован в 2007 г. японским премьер-министром Синдзо Абэ. Дипломатические и военные соглашения диалога направлены на сокращение влияния Китая в регионе Индийского и Тихого океанов. Китайское руководство выступает решительно против данного формата, выражая формальный протест всем участникам диалога.

[311] AUKUS (акроним, образованный по составу участников Australia, United Kingdom, United States) – трёхсторонний оборонный альянс. Направлен на противодействие влиянию Китая в спорной акватории Южно-Китайского моря, а также включает сотрудничество в области кибервозможностей, искусственного интеллекта, квантовых технологий и многих других сферах.

[312] Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference, February 19, 2021 // https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19.

[313] См.: China's National Defense in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China, July 2019 // http://english.www.gov.cn/archive/ whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html.

По сути, если учесть, что «доля Китая в мировой экономике возрастет до почти 30 процентов в 2040 г. и экономическое развитие превращает его в полноценного политического и военного конкурента», а историческая дизъюнкция, вследствие чего фундаментальные различия в ценностях и традициях между Китаем и США делают сближение двух держав практически невозможным (по С. Хантингтону), то на поверхность выходят более широкие исторические аналогии с феноменом «ловушки Фукидида». Феномен описывает явную тенденцию к войне, когда новая, укрепляющая свои силы держава угрожает вытеснить существующую великую державу в качестве международного гегемона[314].

Следует обратить внимание на то, что Индия, которая выстраивает на принципиально новой основе многоплановые стратегические связи с США для сбалансирования конфликтных отношений с Китаем, является мощной растущей державой мирового уровня и укрепляет собственную систему безопасности, играя ключевую роль, наряду с Пакистаном, в реализации продвигаемой Республикой Узбекистан и поддерживаемой государствами региона концепции взаимосвязанности Центральной и Южной Азии.

В этом контексте можно выделить следующие особенности проанализированного сложного геополитического уравнения через призму интересов Центральной Азии.

(1) Китай и Россия, несмотря на беспрецедентно высокий уровень стратегического взаимодействия, не проявляют заинтересованность в формировании военного союза, что создает предпочтительную для Центральной Азии международную конфигурацию с точки зрения свободного выбора внешних партнеров. Однако отсутствие формального союзнического военного договора с жесткими взаимными обязательствами не исключает проведения совместных оборонительных действий на огромных географических просторах Центральной Евразии (в рамках ШОС и в двусторонних форматах) и в чувствительных, например для Японии и Южной Кореи, зонах Тихого океана.

На этом фоне Москва значительно консолидирует, в том числе в рамках ОДКБ, свои военно-стратегические возможности на части постсоветского пространства: в западном направлении – за счет Белоруссии; на Кавказе – благодаря военной дипломатии вокруг нагорнокарабахского конфликта; в Центральной Азии – вследствие обострения ситуации в Афганистане. Заметно проецирование российской «жесткой» и «мягкой» силы на Ближнем и Дальнем Востоке, Африке и Латинской Америке, что свидетельствует о «возвращении» России на глобальную политическую площадку.

[314] Аллисон Г. Обречены воевать. М.: АСТ, 2017. – С. 18–20.

(2) Наметившаяся полярность между США и Китаем не в полной мере распространяется на государства Европы, преследующих собственные экономические интересы во взаимоотношениях с китайской стороной, что будет служить смягчающим конфронтационный накал фактором. Пока трудно представить направленность действий НАТО против Пекина (возможно, в сфере кибербезопасности), если учесть географическую отделенность Китая от традиционной зоны ответственности альянса. Таким образом, «похоже, мир на пороге новой, пока еще мягкой биполярности, где одним полюсом выступает связка Москва-Пекин, а другим Вашингтон-Брюссель»[315].

(3) В НАТО не могут быть не обеспокоены некой политической фрагментацией блока, в первую очередь из-за независимого поведения Турции на Ближнем Востоке, Северной Африке и Южном Кавказе, а также ее сближения в военно-политическом и экономическом плане с Россией. Например, Анкара сыграла обособленную роль в недавнем нагорнокарабахском конфликте с целью поддержки стремления Азербайджана восстановить свою территориальную целостность, вовлечена в украинский, сирийский и ливийский конфликты, а также целенаправленно расширяет ареал влияния в зоне Каспийского региона и Центральной Азии.

Геополитические подвижки на Южном Кавказе вызывают ответную «жесткую» реакцию иранского руководства (например, в форме военных учений «Завоеватели Хайбара» на границе с Азербайджаном[316]), обеспокоенного нарушением сложившегося в последние десятилетия военно-политического статус-кво у своих северных границ и вовлечением в региональные дела Израиля. Еще более значимая роль Ирана в рамках международного порядка связана с его «стремительной эволюцией к статусу ядерной державы в ходе переговоров с постоянными членами Совета Безопасности ООН и Германией (П5 плюс 1)»[317]. Возвращение сторон переговоров к «иранской ядерной сделке» и разблокирование санкционного режима в отношении Тегерана могут стать одним из важнейших позитивных изменений в геополитическом раскладе в нашем регионе, в первую очередь в плане реализации его экономического и транспортно-коммуникационного потенциала.

[315] Дынкин А.А. Примаковские чтения 2021 // https://www.imemo.ru/news/events/ text/primakovskie-chteniya-2021.
[316] Иран проводит учения на границе с Азербайджаном и обвиняет его в «повторении угроз Израиля» // https://www.bbc.com/russian/news-58769643.
[317] Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2015. – С. 209.

(4) концентрация сил и средств США и в целом Запада для реализации стратегии сдерживания на китайском и российском направлениях приводит к ослаблению «геополитической хватки» в традиционной зоне их доминирования на Ближнем Востоке, где США сохраняя «нерушимую приверженность безопасности Израиля», все же декларируют необходимость «деэскалации региональной напряженности»[318] в рамках парадигмы неучастия в «бесконечных войнах». Тем же целям служит серия «Авраамовых соглашений» между Израилем и рядом арабских государств, что создает новую и в целом положительную политическую динамику в важнейшем для стран нашего региона с экономической и культурно-цивилизационной точек зрения арабо-мусульманском поясе.

Новым феноменом на макрорегиональном уровне обеспечения безопасности стали ирано-саудовские публичные переговоры, которые, возможно, в будущем приведут к «отвязке» конфликтных отношений между этими ведущими государствами региона от иранской ядерной программы и американского фактора. Хотя в долгосрочном плане следует реалистично оценивать позитивные перспективы шиитско-суннитского разлома, который имеет глубокие исторические корни.

(5) Вывод войск западной коалиции в 2021 г. из Афганистана, ослабление военного присутствия в Ираке следует рассматривать через призму обновленного глобального позиционирования, перегруппировки военно-политических ресурсов США для их эффективной мобилизации и применения на приоритетных геостратегических направлениях в Индо-Тихоокеанском макрорегионе[319].

Новая геополитическая реальность вокруг Афганистана, раздираемого с 1979 г. «в результате жесткого противостояния двух политических систем в эпоху холодной войны»[320] внутренними конфликтами разнообразной генеалогии, обусловлена приходом к власти движения «Талибан», в первую очередь вследствие неуспешной реализации на афганском треке очередной (после бывшего Советского Союза) внешней цивилизаторской миссии в русле национального строительства (*nation building*).

Данную ситуацию можно охарактеризовать как *«афганский парадокс»*. Афганистан в лице конгломерата этносов и конфессий вкупе с архаичностью общественного уклада, подверженного влиянию широкой палитры

[318] Interim National Security Strategic Guidance. Renewing America's Advantages // https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf.
[319] См.: A Free And Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision. State Department of the USA, November 4, 2019 // https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/ Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf.
[320] Интервью Министра иностранных дел Республики Узбекистан А.Х.Камилова телеканалу «Россия 24» // https://mfa.uz/ru/press/news/2021/intervyu-ministra-inostrannyh-del-respubliki-uzbekistan-ahkamilova-telekanalu-rossiya.

культурных и территориальных детерминантов, оказался неготовым принять привнесенные извне модернистские, вестернизированные ценности, нормы и порядки. Материально-финансовые дивиденды и очевидные для государств Запада преимущества для Афганистана в плане его интеграции в международное общество[321] не перевесили стремление наиболее пассионарной и воинственной части афганского общества в лице «Талибан» и его сторонников к независимости в собственном понимании и приверженность многовековой религиозно-политической идентичности.

Афганистан даже при благоприятной внешней конъюнктуре в форме легитимации и обеспечении инклюзивной власти продолжит выполнять роль «государства-изолятора» между постсоветской (в нынешних реалиях раздробленной с учетом североатлантических устремлений Украины и Грузии) и южноазиатской комплексами безопасности. Более того, эта страна пока сохранит статус одного из препятствующих факторов в процессе формирования «суперкомплекса безопасности» (по Б. Бузану и О. Уэверу[322]) с восстановлением в перспективе прочной и исторически обусловленной межрегиональной динамики взаимодействия Центральной Азии с Южной.

Одновременно афганский фактор продолжит влиять на региональную и международную систему безопасности:

– в контексте «скрытого и бескомпромиссного»[323] противостояния глобальных и региональных держав за влияние на Центральную Евразию;

– в плане возможного роста трансграничных террористической, наркотической и идеологической угроз с территории Афганистана;

– в разрезе системного и долгосрочного соперничества между ядерными державами региона – Индией и Пакистаном, а в складывающихся условиях – Китаем и Индией;

– в свете потенциально новых геоэкономических трендов, связанных с инициативами Узбекистана по развитию международных транспортных коммуникаций в направлении Индийского океана и наметившимися договоренностями по иранскому ядерному досье с последующим широким выходом Ирана на региональную авансцену.

Из-за сложности прогнозирования поведения основных международных и региональных акторов в сфере безопасности с учетом множественности влияющих внутренних и внешних факторов *можно представить ряд выводов.*

---

[321] Например, США заключили в мае 2012 г. соглашение о стратегическом партнерстве с Афганистаном, который был наделен статусом главного не входящего в НАТО союзника.

[322] См.: Buzan B. and Wæver O. Regions and Powers. The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

[323] Интервью Министра иностранных дел Республики Узбекистан Абдулазиза Камилова главному редактору газет «Правда Востока» и «Янги Ўзбекистон» // https://mfa.uz/ru/press/news/2021.

Во-первых, ученые и эксперты склоняются к описанию нынешнего положения вещей в международной среде в таких выражениях, как «новая холодная война», «холодный мир», «игра без правил», «игра с нулевой суммой», «геополитические разломы», «войны всех против всех», «стратегическая неопределенность», «национальный эгоизм», «новый мировой беспорядок», «разори соседа». В условиях нарастания хаотичности, непредсказуемости мировой политической среды и негативного влияния на нее трансграничных вызовов и угроз естественного характера, современный объем взаимодействия акторов отличается «слиянием военно-политической и экономической международных систем в единое географическое пространство»[324], а «процессы становятся глобальными, как торговля и война, или они остаются локальными, функционируя в глобальном контексте»[325].

Во-вторых, решение общемировых естественных проблем, в первую очередь изменения климата, защиты окружающей среды, противодействия пандемиям, будут усиливать государственно-центричность в международных отношениях, а также неизбежную политизацию процесса их решения на фоне роста национально-государственного эгоцентризма.

В-третьих, «политическая и экономическая суверенизация стран Центральной Азии»[326] определяет возрастающий интерес к региону внешних акторов. На укрепляющийся региональный порядок в полной мере проецируются противоречия между великими державами и естественные вызовы и угрозы неполитического/невоенного характера. В среднесрочной перспективе государства Центральной Азии продолжат испытывать давление внешних сил как с точки зрения геополитического выбора, так и в контексте культурно-цивилизационной идентичности. Регион «перемещается из периферии системы мироустройства в центр борьбы за влияние ведущих мировых акторов»[327] (см. приложение № 4).

Одновременно регион сталкивается с внутренними или эндогенными вызовами, которые требуют отдельного рассмотрения в контексте протекающих здесь процессов укрепления государственности и регионализма.

[324] Buzan B., Little R. International systems in world history: remaking the study of international relations. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 296.
[325] Ibid. – P. 300.
[326] Мирзоева Ф. Б. Влияние геополитических факторов на безопасность государств Центральной Азии в конце XX – начале XXI вв.: Дисс. … канд. ист. наук. – Душанбе: Таджикский национальный университет, 2021. – С. 7
[327] Пулатходжаев З. С. Процессы формирования международной субрегиональной системы в Центральной Азии: Афтореф. дисс. … докт. филос. (PhD) по полит. наукам. – Ташкент, ТГИВ, 2021. – С. 19.

В-четвертых, с точки зрения военно-политической и идеологической безопасности Центральная Азия продолжает подвергаться деструктивному воздействию афганского фактора с сопутствующими угрозами терроризма, экстремизма и наркотрафика, а также сталкиваться с рисками, связанными с противоречивыми транснациональными процессами политизации исламской религии. Данные аспекты региональной безопасности имеют долгосрочную природу и усугубляются тем обстоятельством, что США и весь Запад после вывода войск из Афганистан фактически передали геополитическую ответственность за эту страну государствам региона.

В-пятых, ввиду слабости «автономной и целостной» центральноазиатской системы безопасности, «смежные региональные организации»[328], где государства региона являются либо учредителями (ШОС, ОДКБ, СВМДА, СНГ), либо представлены в качестве члена (ОБСЕ), будут играть ключевую роль в качестве стержневых механизмов поддержания ее устойчивости. Внерегиональные коллективные механизмы безопасности (например, НАТО) имеют непрямое влияние на ситуацию в Центральной Азии, однако способны оказывать гибридные импликации на поведение и стратегии расположенных здесь государств.

Тем самым центральноазиатская система безопасности остается географической и приобретает бинарную природу. С одной стороны, она опирается на исторически сложившиеся региональные механизмы безопасности, имеющие в военно-политическом измерении российско-центричный и в экономическом измерении китайско-центричный характер. С другой стороны, система тяготеет к геополитическому плюрализму с допущением участия в ней внерегиональных акторов для предотвращения несбалансированного доминирования двух евразийских центров силы. В пространственно-временном плане, несмотря на сильную внутрирегиональную взаимозависимость, пока рано говорить, что данная система являет собой отдельную и стабильную модель взаимодействия между участниками в области безопасности с учетом ее неконсолидированности, внутренней и внешней уязвимости. Поэтому *перспективное формирование автономной центральноазиатской региональной системы безопасности* на базе общих интересов государств Центральной Азии и баланса сил ведущих внешних акторов, традиционно играющих здесь важную политико-формирующую роль, можно рассматривать в качестве надежной платформы для регионализма и укрепления региональной политической идентичности.

[328] Бобокулов И.И. Международно-правовые аспекты региональной безопасности: вопросы теории и практики. – Ташкент: Университет мировой экономики и дипломатии, 2010. – С. 200.

В целом, нынешняя эпоха характеризуется не только наличием беспрецедентных рисков и угроз или «императива выживания», но и расширением возможностей и появлением новых горизонтов для перехода международного общества на более высокую ступень своего мирного развития на базе кооперационной модели безопасности.

Государства Центральной Азии в силу комплекса объективных и субъективных причин начинают играть в этом процессе стабилизирующую и конструктивную роль.

* * *

1. Несмотря на недостаточную эффективность деятельности глобальных межправительственных организаций в плане амортизации и купирования растущих угроз и вызовов, ни одно государство мира не ставит под сомнение их легитимность, решающую роль в поддержании всеобщей стабильности и создания условий для устойчивого развития, выработке и мониторинге многосторонних правил и норм поведения. В то же время перед мировым сообществом стоят дилеммы относительно нормативного закрепления вмешательства во внутринациональные конфликты, первичности принципов самоопределения или территориальной целостности.

Все еще сохраняется неравенство в принятии международных решений, касающихся большинства государств, в ущерб интересам «периферии». К сожалению, уже не очевидно, что «государства стали реже объявлять войну друг другу, а многие виды практических действий, которые раньше требовали объявления войны, теперь представляются вполне совместимыми с сохранением и поддержанием дипломатических отношений».

Существует консенсус относительно необходимости реформирования международных структур, прежде всего ООН и его институтов, для более полного отражения складывающегося баланса сил и учета интересов новых центров силы, обеспечения инклюзивности и деполитизации отраслевых агентств и программ. В повестке международного сообщества стоит задача расширения числа постоянных и/или непостоянных членов Совета безопасности ООН с включением в его состав влиятельных государств Азии, Африки и Латинской Америки с учетом их вклада в мировую экономику и деятельность многосторонних организаций.

Процессы в рамках мирового экономического порядка имеют высокую динамику и подвержены воздействию со стороны двух нелинейных трендов – турбулентности в структуре политической организации мира и бурным течением научно-технической революции,

прежде в сфере информационно-коммуникационных технологий. На фоне долгосрочной геополитической поляризации видится реалистичным постепенная эрозия доминирующего положения созданных в рамках либеральной парадигмы глобальных финансово-экономических организаций либо с усилением роли в них незападных государств, либо/и расширением влияния новых многосторонних институтов[329]. Обсуждение и принятие решений по принципиальным вопросам мирового экономического порядка будет переходить на площадки форматов «Большой семерки», «Большой двадцатки» и региональных (субрегиональных) интеграционных и иных объединений[330];

С учетом усиления национализма и изменения траектории глобализации в связи с фрагментацией идеологической и технологической плоскостей сотрудничества будет расти конструктивное влияние средних и малых государств в определении международной повестки и решении важнейших трансграничных вопросов взаимодействия. Как писал Р. Арон, «будучи по Уставу ООН равными с великими державами, малые страны могут испытывать гордость от того, что своим голосованием они решают исторические проблемы»[331].

Государства Центральной Азии вносят заметный прогрессивный вклад в процесс международного нормотворчества и укрепление норм Вестфальской системы международный отношений.

2. Стремительное расширение глобализации и транснациональных отношений, высокая степень взаимосвязанности социальных и экономических систем государств и, как следствие, диффузия власти предопределяют бурный рост негосударственных субъектов в качестве полноценных акторов на внутринациональном и внешнем политическом поле. Влияние негосударственных акторов на формирование различных аспектов мирового порядка проявляется в самых различных сферах жизнедеятельности даже в нынешний период острой глобальной геополитической конфронтации. Как протагонисты и антагонисты в различных контекстах международной политики, они играют ключевую роль в размывании устоев Вестфальской системы, подвергая эрозии

[329] Например, к 2016 г. существовали 15 признанных многосторонних банков развития, действующих на региональном и субрегиональном уровнях.
[330] В настоящее время уже сформировались или находятся в стадии формирования несколько региональных валютных зон: зона доллара США (НАФТА), зона СУКРЕ на базе реала и песо (МЕРКОСУР); зона АФРО; зона АКЮ на базе иены, юаня и вона (АСЕАН + 3); зона евро (ЕС); зона «золотого динара» (страны
Персидского залива); зона рупии; зона рубля или композитной валюты стран ЕАЭС.
[331] Арон Р. Мир и война между народами. – М.: NOTA BENE, 2000. – С. 629.

суверенитет государств и интернационализируя социальные взаимоотношения как внутри государств, так и в целом в рамках ойкумены.

Деструктивные негосударственные субъекты оспаривают и бросают вызов легитимности государств, дестабилизируют функционирование международной системы. В период усиления конфликтности между великими державами прослеживается тенденция поляризация групп негосударственных акторов, которые все больше используются государствами для достижения собственных геостратегических целей, защиты интересов и ценностей.

Классификация основных направлений деятельности негосударственных акторов в Центральной Азии свидетельствует о том, что государства региона за годы независимого развития испытали широкое влияние негосударственных акторов на свои политические, социальные и экономические системы. Ввиду геополитической значимости региона конструктивные и деструктивные негосударственные акторы в полной мере использовались внешними силами для расширения своего влияния и изменения международного поведения расположенных здесь государств. Государства Центральной Азии не подвергают сомнению созидательную роль большинства неправительственных и иных организаций, свободно действующих на их территории. Одновременно ими принимаются меры против негосударственных акторов, могущих подорвать интересы их безопасности, национальной идентичности и в целом стабильных социальных систем.

3. Функционирование так называемых «глобальных объектов всеобщего достояния» непосредственно зависит от ответа на наиболее актуальные вызовы современности, к которым относятся противодействие изменению климата, преодоление опасных пандемий, управление процессами миграции посредством инклюзивного развития и структурирования мер безопасности, поддержание режима нераспространения, формирование режима использования космического пространства, а также международных правовых основ для киберпространства и в сфере кибербезопасности.

В складывающихся условиях трансформации мирового порядка наблюдаются недостаток кооперационных подходов в преодолении новых вызовов и угроз естественного и политического характера, ослабление влияния международных институтов и снижение эффективности системы глобальной безопасности с возникновением разделительных линий и блоковых подходов. Поэтому некоторые влиятельные ученые выдвигают концепцию «глобального концерта великих держав» в новой исторической

версии в качестве «двигателя укрепления стабильности»[332], однако подобный расклад не может устраивать малые и средние государства, чьи интересы в подобной системе могут быть подвергнуты нивелированию.

Несмотря на нарастание геополитической напряженности, действия государств определяются «общемировыми системами соглашений и правил», которые опираются на международное право, принципы всеобщей, равной и неделимой безопасности.

Взаимозависимость между США и КНР объективно обуславливает необходимость поиска разумных компромиссов и путей выхода из текущей конфликтной ситуации. Пока полностью не отвергнута концепция Большой Европы от Лиссабона до Владивостока, реализация которой отвечала бы долгосрочным интересам и нашего региона.

Китай, Россия и ЕС наряду с их неоспоримым влиянием на глобальную повестку все же сфокусированы на проблемах обеспечения безопасности в собственных регионах или в прилегающих к их территории пространствах. Постулируемое США понятие «глобальное лидерство» в условиях диффузии силы приобретает в современных условиях больше «абстрактное значение». Однако уязвимость региональных порядков ведет к уязвимости мирового порядка. Любой возможный «серьезный вызов международному порядку, скорее всего, возникнет на региональном уровне»[333].

Центральная Азия ввиду объективных и субъективных причин играет возрастающую и в целом стабилизирующую роль в функционировании системы международной безопасности. На фоне усугубления поляризации международного порядка и геополитической напряженности возникает необходимость разработки концептуальных основ формирования автономной центральноазиатской системы безопасности в целях более высокой устойчивости перед внутренними и эндогенными угрозами и вызовами.

[332] Anchoring the World. International Order in the Twenty-first Century. – Essays from the Lloyd George Study Group on World Order. – Edited by Charles A. Kupchan and Leslie Vinjamuri, April 15, 2021. – P. 90.
[333] Wright T. Prepared Testimony to the Senate Armed Services Committee. Hearing on Global Security Challenges and Security, March 2, 2021 // https://www.armed-services.senate.gov/hearings/21-03-02-global-security-challenges-and-strategy.

ГЛАВА 3.
РЕГИОНАЛИЗМ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА

3.1. Регионализм в Центральной Азии: вопросы концептуализации и современное состояние

Регионализм как современный общемировой тренд восходит к эпохе после Второй мировой войны. С тех пор регионализм постепенно эволюционировал в рамках двух отчетливо выделяющихся этапов холодной войны и постбиполярного периода, классифицируемых в теории международных отношений как «старый» и «новый» регионализм.

Научный интерес к регионализму как явлению международной жизни появился в 50–60-х годах прошлого столетия, когда страны Западной Европы в стремлении преодолеть историческую разобщенность и предотвратить политическую и экономическую поляризацию начали предпринимать общие интеграционные усилия на внеблоковой основе. Биполярный мир вносил свои серьезные коррективы в характер и природу регионализма вплоть до развала социалистического блока, ограничивая автономное развитие региональных интеграционных процессов в связи с политической необходимостью их аффилирования с интересами двух сверхдержав.

Тем не менее в период холодной войны процессы регионализма аналогично европейскому происходили в Юго-Восточной и Южной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и Латинской Америке, ставя перед собой преимущественно экономические цели и способствуя купированию напряженности на периферийных зонах глобального противостояния мировых держав.

Распад биполярной системы вкупе с перераспределением власти на мировой арене придал мощный толчок двум параллельным и синхронным процессам: (а) стремительной глобализации с попытками унификации многих аспектов политического поведения международных акторов на базе доминирующих западно-центричных парадигм и (б) расширению феномена регионализма на принципиально новых принципах геополитического плюрализма.

Эти два современных мегатренда и сейчас парадоксальным образом, во-первых, значительно взаимодополняют друг друга, если учесть опору глобальной политико-экономической системы на множество региональных

порядков, и, во-вторых, конкурируют между собой с учетом невозможности унифицировать сложные и многоуровневые взаимоотношения государственных и негосударственных акторов в международной среде, а также ввиду наличия уникальных объективных и субъективных условий внутреннего и внешнего характера для различных географических районов мира.

Поэтому на современном этапе «одними из наиболее спорных в предметном поле регионализма выступают вопросы о том, является ли регионализм драйвером глобализации или, наоборот, препятствует ему, и в какой степени эти два феномена антагонистичны или взаимно дополняются»[334]. Более того, в рамках треугольника «государство – регион – международная среда» подаются идеи (по теории Б. Хеттне) регионализма как идеологии, определенного взгляда на мир, согласно которому основным субъектом глобального исторического развития становится регион, сменяя классические государства. Регион приобретает новое свойство – историческую субъектность, что делает его новым активным игроком в современных мировых процессах. Однако текущая поляризация международной среды и эрозия доминирующего в 90-х и начале 2000-х годов либерального мирового порядка, на наш взгляд, возвращают нас к идее о том, что упорядоченные в форме многосторонних структур (ЕС, АСЕАН, ЕАЭС) регионы все же являются производными субъектами международных отношений и все чаще зависят от политической воли определенных государств. Например, евроатлантическое пространство в рамках НАТО серьезно подвержено американской доминанте на фоне «двойного сдерживания» России и Китая; зона ответственности ОБСЕ остается фрагментированной ввиду глубоких противоречий между США и Россией, играя слабую роль в обеспечении безопасности в Центральной Азии; ОИС сталкивается с традиционными проблемами единства и консолидации, находясь под воздействием наиболее экономически сильных ее членов.

Ключевым остается вопрос определения понятия «регион» для адекватного анализа феномена регионализма, который имеет несколько десятков трактовок и описывает большое количество явлений. Теоретические конструкции регионализма трактуют термины «регион» и «регионализм» с междисциплинарных позиций. В частности, в научном обороте циркулируют понятия «регионы с делением по признаку идентичности» («identity regions»); «физические и функциональные регионы» («physical and functional regions») Р. Вяйринен[335]; «новый регионализм», «регионность» («regionness»)

[334] Barbieria G. Regionalism, globalism and complexity: a stimulus towards global IR? // Third World Thematics: A Twq Journal, 2019, vol. 4, no. 6. – PP. 424–441 // https://doi.org/10.1080/23802014.2019.1685406.
[335] См.: Vayrynen R. Regionalism: Old and New // International Studies Review, 2003. Vol.5 (1).

Б. Хеттне[336]; «статус региона / регионность» («regionhood») Л. Ван Лангенхове[337]. Всё чаще регион рассматривается как универсальное понятие, которым можно обозначать региональные государства, межгосударственные коалиции, географические регионы, международные региональные организации, исторические и культурные общности[338], цивилизационные и геополитические пространства. Например, для анализа международных процессов используются понятия «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия»[339], «Большая Восточная Азия», Индо-Тихоокеанский регион, Центральная или Восточная Европа, зоны АСЕАН и НАФТА, «арабский Магриб», «арабо-мусульманский пояс», «тюркский мир».

Помимо регионализма, нынешние реалии международных отношений вынесли на поверхность научно-прикладные концепции межрегионализма, интеррегионализма и трансрегионализма; глобальной регионализации; региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций; регионализм различных генераций; экономический, монетарный и культурный регионализм; регионализм «чистый» и смешанный (гибридный), «закрытый» и «открытый»; регионализм высокого и низкого уровней, формальный (институционально оформившийся) и неформальный; «мягкий» и военно-политический регионализм. Возник сравнительный регионализм как новое предметное поле исследований[340].

Рассмотрим различные подходы к понятиям «регионализм» и «регионализация». Например, в российской академической традиции принято противопоставлять две эти категории, когда регионализация обозначает процесс образования региона по инициативе негосударственных акторов «снизу вверх», тогда как регионализм предполагает сознательное конструирование региона «сверху вниз» на межправительственном уровне[341].

Яркий представитель английской школы профессор Оксфордского университета Эндрю Харрел рассматривает регионализацию как одну из разновидностей регионализма[342]. Феномен регионализма представляет

[336] См.: Hettne B., Innotai A., Sunkel O. Globalism and the New Regionalism. – London: Palgrave Macmillan, 1999.
[337] См.: Van Langenhove L. Building regions: the regionalization of the world order. – Farnham, UK: Ashgate Publishing Limited, 2011.
[338] Щипков В. Регионализм как идеология глобализма. Монография. – М.: МГИМО-Университет, 2017. – С. 17.
[339] См.: Starr S.F. A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. A Joint Transatlantic Research and Policy Center, 2005.
[340] См.: Прохоренко И. Новый регионализм: проблема конфигурации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности, 2015, № 2 (49). – С. 20-28.
[341] Например: Мировое комплексное регионоведение: Учебник / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014. – С. 109.
[342] Hurrell A. Regionalism in Theoretical Perspective // Regionalism in World Politics: Regional Organizations and Inernational Order / Ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995. – PP. 37-73.

собой «совокупность идей, ценностей и конкретных целей, направленных на создание, поддержание или повышение степени обеспечения безопасности и благосостояния населения, мира и развития в регионе, т.е. стремление при участии различных акторов реорганизовать то или иное региональное пространство»[343].

Другими словами, регионализм в широком понимании – это стратегия реорганизации регионального пространства с целью повышения уровня безопасности и стабильности в регионе[344].

По нашему мнению, регионализацию можно определить как сложное, нелинейное и долгосрочное развитие трансграничного потока капитала, товаров и людей в рамках определенного географического пространства, а регионализм как политическую волю для достижения официальных договоренностей между государствами внутри географически ограниченного международного пространства.

Разнообразие подходов к проблемам исследования регионального измерения международных отношений позволяет сделать вывод о том, что «регионализм как новая и слабая по своей сути парадигма основан на концептуальном плюрализме, теоретическом эклектизме и методологическом несовершенстве»[345].

Это многоаспектное и сложно структурированное явление. Обширная научная литература и проекция имеющихся (в основном западных) концепций на анализ объединительных (интеграционных) процессов в той или части незападного мира страдают чрезмерной евроцентричностью со всем свойственным ей набором специфических признаков, характеристик, норм, институтов и ценностей. Возникает ситуация, когда «теории регионализма превращаются в подобие перевода европейского опыта на более абстрактный теоретический язык»[346]. В то же время было бы некорректно игнорировать тот факт, что в 90-х годах прошлого столетия и в последующем политические элиты многих государств в стремлении к региональному объединению пытались перенять опыт европейской модели интеграции.

[343] Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. Regionalization in a globalizing world: a comparative perspective on forms, actors, and processes. – New York: Zed Books Limited, 2001. – P.10.
[344] Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века (на примере Евразийского Союза): Автореф. дисс. … докт. полит. наук. – Санкт-Петербург: СПГУ, 2016. – С. 50.
[345] Hayrapetyan A. What Are the Hindrances to the Study of Regionalism? // https://www.e-ir.info/2020/10/02/what-are-the-hindrances-to-the-study-of-regionalism.
[346] Hurrell A. The regional dimension in international relations theory. The global politics of regionalism. Theory and practice. – Pluto Press, 2005. – P. 39.

Данный посыл вполне соотносится с феноменом регионализма и регионализации в Центральной Азии как «поля взаимодействия двух взаимосвязанных и взаимодополняющих тенденций»[347]. При анализе международно-политического позиционирования Центральной Азии, ее места, значения и роли в макрорегиональном и глобальном пространствах попытаемся представить главные критерии, которые дают основания говорить об этом регионе как целостном, автономном и самостоятельном субъекте в мирополитической системе.

На основе этих доводов, по нашему мнению, откроется «окно» для (i) обоснования существования и динамичного развития «регионализма» в Центральной Азии в историко-пространственном и современном контексте; (ii) определения способствующих и препятствующих факторов для его укрепления на фоне турбулентности и поляризации международного ландшафта, а также (iii) контурирования возможных перспектив общерегиональных процессов во взаимоувязке с важнейшими внутренними и внешними условиями и обстоятельствами.

Прошлое Центральной Азии во многом определялось географией и климатом региона, а значительная удаленность от моря не давала возможности торговать по морю. В этом обширном пространстве уживались, взаимодополнялись и вступали в конфликты многовековые земледельческие и кочевые культурно-цивилизационные коды. Тем не менее, первые протогорода появились в регионе более 4000 лет назад, а со II века до нашей эры до XVI в. здесь проходили важные трассы Великого шелкового пути, происходил межцивилизационный обмен между Востоком и Западом. Исторически политико-географические границы Центральной Азии и топонимика для ее обозначения, как это происходило фактически во всех регионах мира, имели неоднородный характер, не соответствовали нынешним государственным границам, не были статичными и эволюционировали вследствие значительных перемен прошлых эпох.

До известного опуса Александра фон Гумбольдта «Asie Centrale»[348], который применил понятие «Центральная Азия» для географического описания обширных территорий Центральной Евразии, эта часть света была известна как «Внутренняя Азия», «Верхняя Азия», в греческом варианте – «Трансоксания», в арабском – «Мавераннахр», в персидском – «Туран». В самом регионе было распространено понятие «Туркестан»,

[347] Бобокулов И.И. Международно-правовые аспекты региональной безопасности: вопросы теории и практики. – Ташкент: УМЭД, 2010. – С. 42.
[348] См.: Alexander von Humboldt. Asie Centrale: Recherches sur les Chaines de Montagnes et la Climatologie Comparée, Paris: Gide, 1843.

а в советский период – «Средняя Азия и Казахстан». После установления в этой части мира Вестфальских национально-территориальных принципов и позже развала Советского Союза с обретением пятью республиками бывшего Союза – Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном суверенитета, по инициативе их лидеров появилось устойчивое и общепризнанное на международном уровне, в том числе политологическом дискурсе, политико-дипломатическое и геополитическое понятие «Центральная Азия» (1992 г.).

Таким образом, *политическую «регионность» Центральной Азии в нынешних ее границах в составе пяти государств следует рассматривать как исторически обусловленную данность.* Исходя из двух базовых подходов к онтологии региона, Центральная Азия имеет черты одновременно самостоятельной сущности и аналитического конструкта.

По первому параметру (реалисты, эмпирицисты) данный регион существовал и существует сам по себе, независимо от взглядов политиков, исследователей и их убеждений. Конфигурацию региона можно определить на основе комплекса физико-географических, национально-культурных, цивилизационных и политико-психологических характеристик. По этим критериям он отличается от других идентифицированных регионов мира. Однако, по нашему мнению, гомогенность Центральной Азии в качестве отдельного региона на основе культурно-цивилизационных критериев может быть подвергнута определенному сомнению, если учесть ее евразийскую, европейскую, исламскую идентичность[349], принадлежность к тюркскому и персидскому миру.

Если исходить из второго подхода (конструктивисты, постмодернисты), то конфигурация Центральной Азии в качестве региона имеет гибкий и неоднородный характер с точки зрения анализа системы безопасности, географических границ в расширенном понимании, культурно-исторических взаимосвязей и торгово-экономического сотрудничества с сопредельными государствами и регионами. Это обстоятельство требует формирования «умозрительной конструкции»[350] и синкретического определения Центральной Азии для плодотворного синтезированного анализа регионализма в этой части мира. Действительно, «регионы отражают и [объективные] различия в мире, и

[349] См.: Абдуллаев Ш. Трансформация международной системы и геополитическая идентичность Узбекистана // Международные отношения. – Ташкент, 2017, № 70. – С. 100-108.
[350] Ефремова К.А. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности // Сравнительная политика, т. 8, № 2. – МГИМО, 2017. – С. 58-72.

представления об этих различиях»[351]. Ключевым фактором в этом контексте представляется идентификация и самоидентификация центральноазиатских народов в качестве единого целого, что подтверждается проявляемой политической волей региональных лидеров и мнением широкой общественности[352].

Центральная Азия с 1990 по 2005 г. приобрела бесценный исторический опыт регионализма, воплощенный в механизмах Центральноазиатского союза (1994 г.), Центральноазиатского экономического сообщества (1998 г.), Организации центральноазиатского сотрудничества (2002–2005 г.). Поэтому в пространственно-временном контексте регионализм в Центральной Азии можно охарактеризовать как «исторически обусловленный социальный процесс», который «был институционализирован в ходе более широкой региональной трансформации и впоследствии деинституционализировался»[353] с первоначального вида в новейшей истории, слившись с другими региональными пространствами через механизмы ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, ОТГ и другими. При этом основные характеристики «регионности» продолжали существовать в менее интенсивной и выпуклой форме.

Примечательно, что с 2017 г. благодаря международной политике Узбекистана в качестве системообразующего государства в Центральной Азии, страны региона после более десятилетнего перерыва возобновили уже на новом качественном уровне «мягкие» формы институционализации и политической самоидентификации.

Тем самым можно констатировать, что к настоящему времени Центральная Азия прошла (по трактовке А. Пааси[354]) четыре стадии процесса формирования региона: (1) территориальное оформление с образованием «мягких» границ; (2) символическое оформление с появлением устойчивого названия и символов, которые позволяют его идентифицировать; (3) институциональное оформление в форме регулярных Консультативных встреч глав государств и множества форматов отраслевого, межрегионального, экономического, культурного и другого свойства, создающих и воссоздающих соответствующие территориальные и символические формы; (4) формирование региона как

[351] Agnew J. Regions on the Mind Does Not Equal Regions of the Mind // Progress in Human Geography, 1999, vol. 23, No. 1. – P. 93.
[352] Например, по данным Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, проведенные социологические исследования свидетельствуют, что центральноазиатскую кооперацию поддерживают около 60% населения Казахстана.
[353] Paasi A. The Region, Identity, and Power // Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2011. Vol. 14, no. 1. PP. 10-11.
[354] Ibid. PP. 12-13.

части региональной системы и общественного сознания с появлением особой региональной идентичности. Все эти процессы имеют динамичную и эволюционирующую природу, подвергаясь внутринациональному и международному воздействию, проходят этап консолидации или ослабевают ввиду изменения конъюнктуры в государствах региона, а также в связи с общей турбулентностью околорегиональной среды и мировой политики.

Таким образом, анализируя природу Центральноазиатского региона, можно использовать два базовых основания для его вычленения: (а) по формальным признакам (то есть по степени однородности наблюдаемых в нем характеристик – культура, история, религия, этно-психологическая схожесть и т.д.); (б) с применением функциональных критериев (степень внутренней взаимосвязанности составляющих его элементов – общность политических и экономических интересов, социальная совместимость населения региона, общие экологические проблемы и т.д.).

Ввиду сложностей в плане институционализации сотрудничества, обострения взаимных противоречий, недостатка политической воли государств региона к совместным действиям на внутреннем и внешнем поле состояние и перспективы регионализма в Центральной Азии подвергались глубокому сомнению.

Состояние регионализма характеризовалось в основном западными экспертами как «патологический отказ от сотрудничества»[355], «виртуальный»[356], «провал»[357], «регион, который не является таковым»[358], «невозможный»[359]. Российские ученые, признавая идентичность и самостоятельную роль Центральной Азии в социально-гуманитарном измерении[360], все же склонны к анализу регионализма здесь через призму более широкой интеграции в рамках «Большой Евразии»[361], рассматривают

[355] См.: Spechler M. Regional Non-Cooperation in Central Asia: A Pathology in Economic Developments and Reforms // Cooperation Partner Countries: The Interrelationship Between Regional Economic Cooperation, Security and Stability, Bucharest: NATO, 2001.
[356] См: Allison R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // Central Asian Survey, 27, no 2, 2008. – PP. 185–202 // https://doi.org/ 10.1080/02634930802355121.
[357] Rosset D., Svarin D. The Constraints of the Past and the Failure of Central Asian Regionalism, 1991–2004 // Region, 3, no. 2, 2014, PP. 245–266 // doi: 10.1353/reg. 2014.0011.
[358] Krapohl S., Vasileva-Dienes A. The Region that Isn't: China, Russia and the Failure of Regional Integration in Central Asia // Asia Europe Journal, 18, no. 3, 2019 // doi:10.1007/s10308-019-00548-0.
[359] См.: Bohr A. Regional Cooperation in Central Asia: Mission Impossible? // Helsinki Monitor 14, no. 3, 2003 https://doi.org/10.1163/157181403322684735.
[360] См.: Лебедева М., Боришполец К., Иванова Н., Чепурина М. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. – М.: «Аспект Пресс», 2016.
[361] Kazantsev A., Medvedeva S., Safranchuk I. Between Russia and China: Central Asia in Greater Eurasia // Journal of Eurasian Studies, 2021. – PP. 1–15 // https://doi.org/ 10.1177/1879366521998242.

ее в качестве лишь «складывающегося политико-географического региона»[362]. По сути, не отказывая Центральной Азии в некой автономии в качестве «международного региона»[363], такие подходы носят российско- и в меньшей степени китайско-центричный окрас.

В целом, сторонний взгляд на регионализм во многом продиктован ангажированными соображениями и идет в русле внешнеполитических, ценностных, цивилизационных и иных предпочтений зарубежных исследователей. В российском дискурсе хотели бы видеть «центральноазиатскость» через призму постсоветской общности и в едином пространстве с Россией и Китаем. В западном мире превалирует евро-центричный подход: регионализм в Центральной Азии слаб или находится в зачаточном положении по сравнению со стандартами евроинтеграции, однако его развитие отвечало бы интересам всех, особенно с точки зрения укрепления независимости этого пространства от России и Китая. Делаются попытки сравнительного анализа перспектив центральноазиатской общности по примеру «Вышеградской четверки», Северного совета или АСЕАН.

В то же время текущая положительная динамика в Центральной Азии, наметившаяся вследствие активной внешнеполитической позиции государств региона, отражает их глубокую заинтересованность в совместном решении накопившихся локальных проблем и в полной мере воспользоваться преимуществами *«нового центральноазиатского регионализма»* на фоне нарастающей неопределенности в международных отношениях и стремительной трансформации мирового порядка. Имеются основания полагать, что благодаря общим усилиям купирован процесс фрагментации Центральной Азии в качестве геополитической единицы или автономной части широкой международной системы[364].

На современном этапе на фоне множественных внутренних и внешних факторов, способствующих положительным тенденциям на центральноазиатском поле, **наблюдается следующая конструкция «мягкого регионализма».**

[362] См.: Малышева Д.Б. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии // Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. – М., 2020, т. 13, № 2. – С. 140-155.
[363] См.: Каримова А.Б. Региональное пространство в современной политической организации мира. – М.: Институт востоковедения РАН, 2006.
[364] Президент Туркменистана С. Бердымухамедов на саммите в Чолпон-Ата в июле 2022 г. отметил, государства Центральной Азии «образуют единое геоэкономическое пространство, что подразумевает развитие и укрепление сотрудничества, основанного на общем видении своего места и роли в континентальных и глобальных процессах» // https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/64981.

Во-первых, все пять государств Центральной Азии, несмотря на неравномерность темпов реализации внутренних политических и экономических реформ, практически завершили этап создания национальных государств (state/nation building). При этом «каждая республика избрала собственный путь, исходя из конкретной общественно-политической ситуации, историко-культурных особенностей, экономических и политических возможностей»[365]. Латентные внутриполитические сложности в Таджикистане и Кыргызстане несут в себе определенные риски, но в целом находятся в рамках конституционного поля и сдерживаются внутриэлитным балансом интересов.

Нынешняя политическая зрелость и социально-экономическая устойчивость государств региона, подтвержденная в период беспрецедентного по своим масштабам коронакризиса, контрастирует с национальным эгоизмом и нестабильной ситуацией первых лет независимого развития.

Таким образом, сбалансированность и предсказуемость процессов внутри государств Центральной Азии является важным детерминантом их приверженности к максимальному использованию незадействованного потенциала регионального партнерства для решения насущных национальных социальных и экономических задач.

Во-вторых, прослеживаются процессы роста комплексной взаимозависимости государств региона, в том числе:

– в вопросах обеспечения региональной безопасности с учетом нарастания стратегической напряженности в мире и угроз в регионе;

– по проблемам совместного регулирования водноэнергетических ресурсов, защиты окружающей среды в связи с заметным изменением климата и дефицитом воды, а также делимитации и демаркации границ для снижения конфликтогенности. По нашему мнению, анализ и выпячивание данных проблем, существующих в той или иной форме в большинстве регионов мира, многие годы оттеняют и уводят политических исследователей от более широкой интерпретации регионализма в Центральной Азии;

– в области сопряжения транспортно-коммуникационных и энергетических систем и в целом формирования нового экономического уклада (цифровизация, «зеленые» технологии, декарбонизация, обеспечение продовольствием) ввиду устойчивого развития национальных экономик, потребности во взаимном открытии соседних рынков и обмена опытом (синхронизации) реформ;

[365] Рахимов М.А. Новейшая история Узбекистана в системе взаимосвязи региональных и глобальных процессов. Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии: Сб. статей / Вступ. ст., подгот., отв. ред.-сост. А.К. Аликберов, М.А. Рахимов / Российская акад. наук, Ин-т востоковедения, Ин-т истории АН РУз. – М.: Институт востоковедения РАН, 2018. – С. 91.

– в вопросах управления диаспоральными процессами в странах региона с учетом их смежного этнического состава. При этом особую актуальность приобретает расширение политического самосознания этнических групп в каждой стране, что обуславливает необходимость коллективных действий в этом направлении;

– в сфере культурно-гуманитарного взаимодействия как настойчивого социального запроса населения региона, связанного многовековыми родственными и духовными узами[366].

В-третьих, во взаимоотношениях государств региона постепенно преодолевается устоявшийся многолетний статус-кво, характеризовавшийся снижением уровня взаимного доверия, обострением целого ряда проблем политического и хозяйственно-экономического порядка, нездоровой конкуренцией в плане достижения этнокультурного и иного превосходства.

Результаты плодотворного диалога лидеров стран региона свидетельствуют об их готовности к «комплексному развитию многостороннего взаимодействия путем проведения двусторонних и многосторонних мероприятий, осуществления взаимных визитов в целях содействия мирному развитию, процветанию и стабильности всех государств центральноазиатского региона»[367], адекватно реагировать на проблемы и нужды друг друга, достигать разумных компромиссов и взаимоприемлемых договоренностей, что создает конструктивную платформу для совместного противостояния современным вызовам и угрозам[368].

Узбекистан и Казахстан, будучи традиционно локомотивами коллективных действий внутри региона с учетом их совокупной мощи и влияния, проявляют готовность к утверждению атмосферы взаимного уважения и доверия, демонстрируют политическую волю и ответственность в решении общих для этого пространства вопросов обеспечения безопасности и устойчивого развития. Оба государства располагают достаточными политико-дипломатическими ресурсами и

[366] Например, в рамках саммита Глав государств Центральной Азии в 2021 г. в г. Туркменбаши состоялись Форум диалога женщин стран Центральной Азии, Экономический форум стран Центральной Азии, Международная выставка национальной продукции стран Центральной Азии, Международный фестиваль национальной кухни стран Центральной Азии и торжественный концерт мастеров культуры и искусства стран Центральной Азии.

[367] Совместное Заявление по итогам Консультативной встречи Глав государств Центральной Азии, г. Туркменбаши, 6 августа 2021 г. // https://turkmenportal.com/ blog/38734.

[368] Например, в ходе саммита в г. Чолпон-Ате (Кыргызстан) в июле 2022 г. выражено «твёрдое намерение сообща противостоять глобальным и региональным вызовам» // Совместное заявление Консультативной встречи глав государств Центральной Азии, 21 июля 2022 г., г.Чолпон-Ата, Кыргызстан // https://cis.minsk.by/news/23848.

международным авторитетом для агрегации и концентрированного выражения общерегиональных интересов на внешнем поле, их всесторонней консолидации.

Оба государства, достигшие уровня союзнических отношений[369] (2021 г.) и способные посредством экстенсивных реформ к постоянному саморазвитию с опорой на природные и человеческие ресурсы, можно рассматривать в качестве «несущего каркаса» будущей региональной архитектоники интеграции. В силу исторических особенностей взаимоотношений между народами региона, их высокой степени национальной самоидентификации и ревностного отношения к категориям «независимость» и «суверенитет» *Узбекистан и Казахстан при выдвижении определенных внутрирегиональных инициатив, в своей каждодневной политической практике и в дипломатической риторике неизменно подчеркивают равноправие и учет взаимных интересов всех государств Центральной Азии.*

Тем самым страны региона, имея собственное понимание относительно баланса сил и интересов в Центральной Азии, проявляют интерес к регионализму, во-первых, как к важному инструменту решения внутренних проблем развития, во-вторых, для более уверенного и независимого позиционирования во внешней среде в составе единой региональной «команды», в-третьих, для поддержания устойчивости (*viability, resilience*) в условиях глобализации и на фоне стремительных процессов интернационализации.

В-четвертых, наработанный за годы независимости политический опыт национальных элит вкупе с осознанием взаимозависимости и трансграничности существующих проблем выступают важными стимуляторами в деле регионализации внешнеполитических приоритетов и ориентиров государств Центральной Азии, поиска путей для укрепления коллективной идентичности.

Рассматривая комплекс способствующих регионализму и регионализации в Центральной Азии оснований, следует подчеркнуть их государственно-центричную особенность. В силу политического менталитета, иерархичности общественно-политических систем стран региона и авторитета власти именно государства и их лидеры за всю историю независимого развития являлись вдохновителями, инициаторами и проводниками внутрирегиональных процессов. Они определяют степень, уровень, интенсивность и глубину кооперационных связей, формируют общественное мнение относительно вопросов регионального сближения, единства при консолидации общерегиональных позиций по международным делам.

[369] Узбекистан и Казахстан – государства-союзники // https://president.uz/ru/lists/ view/4809.

В-пятых, усиление глобального геополитического противостояния, изменение баланса сил в международных отношениях и общая трансформация мирового порядка парадоксальным образом больше благоприятствуют, чем тормозят развитие регионализма в Центральной Азии. Нарастающая напряженность по линии геостратегических разломов Соединенные Штаты – Россия, Соединенные Штаты – Китай, Россия – Европа ведут к отвлечению политических ресурсов ведущих центров силы от периферийных конфликтогенных зон.

Внешние игроки, прежде всего государства Запада, исходя из собственных геополитических интересов, рассматривают Центральную Азию в качестве единого регионального актора и тем самым, как ранее отмечалось, «регионализм имеет значение для США и Европы»[370]. Россия и Китай расценивают страны региона как близких и доверительных партнеров и союзников, другими словами, «стратегическую континентальную глубину», в том числе в деле противостояния глобальным соперникам.

Складывающаяся ситуация в мире способствует позиционированию Центральной Азии не в качестве объекта влияния внешних конкурирующих сил, традиционно реализующих здесь собственные стратегии, а как самостоятельного субъекта международных отношений с правом авторитетного голоса в отстаивании четко обозначенных национальных и общих региональных интересов.

В условиях серьезной трансформации матрицы международных отношений ключевые внешние игроки исходят из консенсусного подхода, который не предполагает превращение Центральной Азии в арену острого противоборства или «бурлящий котел» по типу украинского или сирийского. Такое негативное развитие событий не отвечает долгосрочным интересам большинства вовлеченных в региональные дела держав. Имеются предпосылки к конвергенции интересов России, Китая, США и стран региона, развитие которой все же будет зависеть от исхода протекающего конфликтного диалога по линии Запад – Восток, расстановки сил на международной арене. Со своей стороны, расположенные здесь страны заинтересованы в том, чтобы «Центральная Азия была не регионом соперничества глобальных и региональных держав или ареной игры с нулевой суммой *(zero sum game),* а пространством их конструктивного и созидательного взаимодействия»[371].

[370] Cornell S.E., Starr S.F. Modernization and Regional Cooperation in Central Asia: A New Spring? // Silk Road Paper published by the Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, Joint Center, 2018. – P. 15.
[371] Из интервью министра иностранных дел Республики Узбекистан Абдулазиза Камилова главному редактору газет «Правда Востока» и «Янги Ўзбекистон» // https://mfa.uz/ru/press/news/2021 30514.

Афганский фактор, несмотря на неопределенность будущего и позиций администрации «Талибан», все больше расценивается не только как источник угроз безопасности, но и как потенциальная возможность для расширения рынков и выхода на порты Индийского океана в русле концепции взаимосвязанности Центральной и Южной Азии[372]. Следует согласиться с тезисом о том, что отношение к афганской проблеме, особенно в кризисные моменты, являлось и остается ««стресс-тестом» на прочность и готовность региона к сотрудничеству»[373] в постоянно изменяющихся реалиях.

В-шестых, на основе новейшего исторического опыта прослеживаются тенденции поэтапного движения стран региона к принципу поддержания «здоровой дистанции» от ведущих мировых центров силы в лице России, Китая, Соединенных Штатов, а также влиятельных региональных игроков. Тем не менее, следует признать определенную флуктуацию в этом процессе, если принять во внимание сложнейшие внутренние и внешние условия становления их государственности, особенности геополитической локации региона в «тисках» двух великих держав и неослабевающий интерес внерегиональных центров силы к Центральной Азии.

Подобное политическое поведение многие годы традиционно характеризуется как «многовекторная» или «разновекторная» политика, хотя объективно такая центральноазиатская парадигма больше тяготеет к принципу «балансирования», идее «самосохранения» и удержания стабильности (секьюритизации) как неизменного императива на национальном и региональном уровнях.

После более тридцати лет независимого развития ни одно из государств Центральной Азии, несмотря на множество исторических перипетий, не расценивается в качестве вассально зависимого от какого-либо внешнего актора. Ими в различной степени, однако сохраняется способность к уравновешиванию интересов внешних сил, а *«мягкий регионализм»* служит одним из важнейших компонентов сдерживания гегемонии.

Безусловным фактом является их мирное сосуществование, а константой при формировании общерегиональных подходов – предотвращение состояния, когда внешние силы могли бы беспрепятственно

[372] См.: Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на Международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», г. Ташкент, 16 июля 2021 г. // https://president.uz/ru/lists/view/4484.
[373] Мураталиева Н. Материалы Международной конференции «Проблемы региональной безопасности Центральной Азии после августа 2021 г.» // Фонд А.М. Горчакова и Международный институт Центральной Азии (Узбекистан), 14 декабря 2021 г.

применять стратегию «разделяй и властвуй». Государства региона даже в периоды обострения взаимоотношений не вступали в тактические или стратегические союзы или партнерства внутри или вне Центральной Азии против другого регионального субъекта.

В-седьмых, регионализм в Центральной Азии продиктован ключевыми потребностями ее стран в экономическом развитии. По оценкам ряда экспертов, совокупный ВВП государств региона за последние четыре года вырос на 25% и превысил в 2021 г. 300 млрд долларов. Тем самым «стабильная Центральная Азия становится одним из важных центров экономического роста»[374], что создает условия для формирования общего рынка, свободного движения товаров, капитала, услуг и рабочей силы, расширения не противоречащих евразийским интеграционным процессам кооперационных связей. С начала этапа *«нового центральноазиатского регионализма»* (2016–2019 гг.) приток прямых иностранных инвестиций в регион вырос на 40%, составив 37,6 млрд долларов. В результате доля инвестиций в Центральной Азии от общего объёма в мире увеличилась с 1,6 до 2,5%, что является внушительным двукратным ростом[375].

Однако, по данным международных институтов (ЮНКТАД, Всемирный банк), в 2021 г. внутрирегиональный товарооборот в Центральной Азии составлял 6,5 млрд долларов, или всего 0,04% от всей мировой торговли, а доля взаимной торговли стран региона занимает только 9% от общего товарооборота государств региона[376].

Существует взаимное соперничество в вопросах формирования международных транспортно-коммуникационных коридоров, однако данное обстоятельство можно считать позитивным и способствующим утверждению геополитического плюрализма в Центральной Азии[377]. Складывающиеся реалии требуют «формирования новой модели экономического сотрудничества в Центральной Азии»[378], в том числе через

[374] ВВП стран Центральной Азии превысил $300 млрд – эксперт Международного института Центральной Азии // https://uz.sputniknews.ru/20211214/vvp-stran-tsentralnoy-azii-prevysil-300-mlrd--ekspert-21784012.html.
[375] Из выступления первого заместителя директора ИСМИ при Президенте Республики Узбекистан А. Икрамова на конференции Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Россия и Центральная Азия перед вызовами нового мира – совместный путь в будущее» // https://www.uzdaily.uz/ru/post/61018.
[376] Из выступления Президента Казахстана К. Токаева на Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, г. Туркменбаши, 6 августа 2021 г. // https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-prezidenta-kazahstanana-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-672341.
[377] По оценке Всемирного банка, развитие транспортных коммуникаций в Центральной Азии может обеспечить рост ВВП всех стран на 15 %.
[378] Из выступления Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на третьей Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, г. Туркменбаши, 6-7 августа 2021 г. // https://president.uz/ru/lists/view/4534.

выработку общих подходов к формированию центральноазиатского пространства промышленной локализации и импортозамещения на основе национальных программ индустриального развития[379].

В-восьмых, имевшая место в последнее десятилетие фрагментация культурно-духовного пространства не смогла стереть историческую память проживающих в Центральной Азии народов. Культурно-цивилизационная, языковая и религиозная общность населения региона составляет важнейшую объединяющую компоненту регионализации на основе схожих и взаимно признанных ценностных ориентиров. Например, договоренность от 2021 г. о создании Форума культурного диалога в качестве платформы гуманитарного обмена под названием «Центральная Азия: одно прошлое и одно будущее» можно рассматривать в качестве взаимного проецирования государствами региона «мягкой силы», фиксирующего равноправие их народов и взаимное признание культурных ценностей.

Благодаря динамике регионализации с 2016 по 2021 г. в 4 раза увеличились взаимные поездки граждан стран Центральной Азии, интенсивно расширяется сотрудничество между административными единицами, расширяются контакты между представителями гражданского общества[380]. Тем самым идет движение в сторону «формирования в Центральной Азии единого культурно-исторического пространства, а также созидательных ценностных ориентиров и общерегионального единства народов»[381].

На фоне наблюдаемых положительных изменений важное значение имеет также анализ препятствующих регионализму в Центральной Азии факторов.

Первый фактор. Дисбаланс в плане экономического и ресурсного потенциала, необходимость, особенно на начальном этапе независимости, секьюритизации внутренней и внешней политики для поддержания безопасности и стабильности, сохранения «самости», выбор государствами Центральной Азии отличных друг от друга моделей общественно-политического и социально-экономического развития предопределили сложности при формировании жизнеспособной региональной повестки.

[379] Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на четвертой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, г. Чолпон-Ата, Кыргызстан, 21 июля 2022 г. // https://president.uz/ru/lists/view/5360.

[380] Например, в декабре 2021 г. в г. Ташкенте проведен региональный форум на тему «Выполнение Резолюции 1325 СБ ООН об усилении роли женщин в обеспечении мира и безопасности в Центральной Азии» в рамках платформы неформального Диалога женщин-лидеров стран Центральной Азии.

[381] Совместное заявление Консультативной встречи глав государств Центральной Азии, 21 июля 2022 г., г.Чолпон-Ата, Кыргызстан // https://cis.minsk.by/ news/23848.

Распространенность идеологемы продвижения узконациональных амбиций привела к тому, что в прошлом в регионе не сложилось интеграционное ядро, которое было бы способно генерировать и продвигать отвечающие интересам всех государств коллективные инициативы и идеи. В том же русле следует рассматривать рост деструктивного национализма и разобщенность элит соответственно в Кыргызстане и Таджикистане в прошлом, приведших к гражданскому противостоянию, сдерживанию формирования государственных институтов и экономик.

Центральноазиатские лидеры признают, что «конкуренция на международных площадках идет во вред национальным интересам». Однако все еще сохраняются рудименты «ненужной конкуренции»[382], в том числе в экономике, стремление к лидерству и установлению иерархичности в региональном масштабе.

Второй фактор. Современная динамика региональных процессов в Центральной Азии все еще характеризуется наличием конфликта интересов и нерешенностью ряда общих проблем. Незавершенность делимитации и демаркации государственных границ, проблемы в вопросах разумного и справедливого использования водноэнергетических ресурсов, низкая транспортно-коммуникационная сопряженность, торговые барьеры все еще несут в себе тлеющий конфликтный потенциал. Созданные непосредственно государствами Центральной Азии региональные механизмы взаимодействия не отвечают современным реалиям, требуют укрепления коллективного/кооперационного подхода. Пока полностью не устранены многолетние взаимные претензии сторон по указанным принципиальным вопросам общерегионального значения. По нашему мнению, данные проблемы, хотя и не являются полностью решаемыми, но вполне управляемы.

Наблюдается дефицит согласованности государств ввиду различия их позиций по некоторым тактическим вопросам региональной кооперации и обеспечения безопасности[383]. Например, государствам региона следует разработать позицию по строительству афганской стороной канала «Коштепа», который может привести к снижению средних объемов воды р. Амударья в период вегетации на 13%. Тем самым в среднем и нижнем

[382] Из выступления Президента Казахстана К. Токаева на Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, г. Туркменбаши, 6 августа 2021 г. // https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-prezidenta-kazahstanana-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-672341.

[383] Примером может служить различная коннотация ситуации в Афганистане и позиций сторон после захвата власти движением «Талибан» в августе 2021 г.

течении реки водозабор Узбекистана и Туркменистана может значительно снизиться, что потенциально несет угрозы экологической и продовольственной безопасности.

В более общем плане центральным остается вопрос о перспективе создания единой многопрофильной региональной структуры, способной выражать согласованные оценки и подходы государств Центральной Азии, генерировать инициативы и координировать усилия стран в деле выстраивания коллективной безопасности и развития экономического сотрудничества.

Третий фактор. Ввиду географической замкнутости в континентальной глубине Евразии государства региона находятся под серьезным давлением ряда внешних акторов. Несмотря на значительную диверсификацию внешних связей, прослеживается их неустойчивость к воздействию ведущих внерегиональных игроков вследствие разной степени экономической и транспортно-логистической зависимости. Эти объективные обстоятельства вынуждают уязвимые с точки зрения политической и социально-экономической самодостаточности государства вступать в разновекторные интеграционные проекты, что серьезно сковывает их возможности на центральноазиатской площадке.

С учетом неспособности международных институтов гарантировать суверенитет и территориальную целостность государства Центральной Азии вовлекаются в различные двусторонние и многосторонние системы безопасности, выстраивают на базе суверенного права собственные альянсы с внерегиональными силами. Например, расширение состава ШОС за счет Индии, Пакистана и Ирана объективно приведет к смещению акцентов работы Организации с центральноазиатского направления на макрорегиональные темы.

Таким образом, рыхлое состояние региональных систем предопределяет наличие множества точек стратегического подрыва центральноазиатской общности, а заметную тональность в зональных трендах задают внешние центры силы.

Четвертый фактор. На нынешнем этапе ощущается дефицит сетевых социальных связей между общественными институтами, гражданским обществом региона. Инициируемые на высоком уровне культурно-гуманитарные мероприятия благотворно влияют на создание атмосферы доверия, однако имеют разовую и государственно-центричную природу. Взаимное использование «мягкой силы» могло бы сыграть важную роль в укреплении региональной идентичности и заложить основы для консолидации национальных элит, преодоления стереотипов, фобий и подозрительности в отношении друг друга и в итоге привести к большему политико-дипломатическому сближению.

Пятый фактор. Процессы регионализации, несмотря на естественную изменчивость политической конъюнктуры, только набирают оборот, хотя объективно не могут быть полностью приостановлены ни одним из правительств региона, если учесть исторически сложившуюся здесь экстенсивную социальную взаимосвязанность между его гражданами. Подобные попытки неизбежно будут рассматриваться как политическая или историческая безответственность и могут подвергнуть риску саму легитимность правительства. Современные тенденции «стирания» границ и эрозии строгих Вестфальских принципов национально-территориального деления, возникновения сетевых и многоуровневых социокультурных связей в полной мере проявляются и в Центральной Азии.

Тем самым на базе некоего широкого спектра «общественного архетипа» (по Б. Хеттне) «неформальная интеграция» или *«мягкий регионализм»* (*soft regionalism*) [384] всесторонне поддерживаются правительствами стран региона. Например, авторитетными казахскими авторами приводится целая система аргументов в пользу *«мягкого регионализма»* в контексте «возрождения интереса к центральноазиатскому регионализму»[385]. Особенно после 2017 г. успешно развивается социальное и экономическое взаимодействие между деловыми кругами, общественными организациями и частными лицами; увеличивается миграционный поток; формируются многочисленные информационные потоки и комплексные социальные сети, способствующие распространению идей, политических предпочтений и образа мышления из одной республики в другую.

Шестой фактор. Демографический дисбаланс в региональном разрезе в пользу Узбекистана вкупе с ростом его совокупной мощи за все годы независимого развития необоснованно рассматривается частью элит в соседних государствах как потенциальная угроза их суверенитету. Это обстоятельство требует взвешенных и согласованных шагов в процессе развития регионализма для сохранения здоровой политической обстановки и недопущения роста националистических проявлений.

Таким образом, **«новый центральноазиатский регионализм»** имеет определенные особенности, в числе которых можно выделить следующие.

1) Центральная Азия за последние тридцать лет перешла от состояния пассивной территории (общности) в положение активного (политического) субъекта. Имеются основания предположить, что из пяти

[384] Hurrell A. Regionalism in Theoretical Perspective // Regionalism in World Politics: Regional Organizations and Inernational Order / Ed. By L. Fawcett, A. Hurrell. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – PP. 37-73.
[385] См.: Коллектив авторов. Регионализация в Центральной Азии. Стратегия Казахстана. – Алматы: Фонд Ф. Эберта, 2019.

стадий «регионности» (регионализма)[386] Центральная Азия находится на стадии перехода от регионального комплекса к региональному сообществу с присущими ему особыми целями и задачами в политике и экономике, региональной идентичностью, самосознанием и идеологией. Тем не менее данный процесс носит долгосрочный характер, а внутри региона все еще превалируют идеи двусторонности в ущерб многосторонности.

2) Наличие тенденций регионализации вкупе с политической самоидентификацией и внешнее признание регионализма и «регионности» на уровне системы ООН, ЕС (пример проявления межрегионализма) и многими внерегиональными государственными субъектами в рамках форматов «Центральная Азия плюс» свидетельствуют о сформированности и укреплении международно-политической субъектности Центральной Азии.

3) Непреодолимые условия географической и геополитической локации региона, который соприкасается (зачастую смежен) с узловыми и разнородными (в цивилизационном, этнокультурном и политико-экономическом плане) центрами силы евразийского пространства, не могут не влиять на международное поведение расположенных здесь государств. *Регионализм в Центральной Азии носит открытый характер* с учетом особых исторических, географических и культурных детерминантов, а также близости к амбициозным региональным и глобальным державам Евразии, продвигающим собственные модели макрорегионализма, интеграции и в конечном итоге мирового порядка.

4) Этатизм, связанный со стремлением национальных политических элит сохранить самостийность и свободу действий внутри и вне региона, их неготовностью на данном историческом этапе делегировать часть суверенитета наднациональным органам регионального (или иного) уровня в рамках общих институтов на фоне более привлекательных макрорегиональных механизмов сотрудничества, усиления поляризации международного ландшафта, а также традиционных национальных стратегий в сфере внешней политики.

5) Соревновательность между субъектами региона, которая больше свойственна части политических элит и является рудиментов советской эпохи.

6) Готовность государств региона на базе укрепляющегося доверия и взаимных интересов самим решать вопросы взаимодействия и накопившиеся проблемы в Центральной Азии без вовлечения третьих сил,

[386] Региональное пространство, региональный комплекс (региональная социальная система), региональное сообщество, региональная общность, региональное государство (по Hettne B., Söderbaum F. Theorising the rise of regionness // New Political Economy. Vol. 5, No 3 (December), 2000).

сохранять и укреплять региональную идентичность, а также стремиться к следованию основным принципам Вестфальской системы с приоритетом сохранения безопасности и стабильности.

7) Незаинтересованность в появлении новых разделительных линий на политической карте мира, отчетливых сфер влияния и доминирования в региональном разрезе с сохранением принципов геополитического плюрализма в Центральной Азии и открытого выбора международных партнеров в целях отстаивания национальных и согласованных общерегиональных интересов.

Концепция регионализма, несмотря на разнообразие методологических подходов, является продуктивным научным и аналитическим инструментом для анализа, прогнозирования и принятия политических решений по проблемам регионального измерения международных отношений. В то же время с учетом рассмотренных выше особенностей регионализма и регионализации в Центральной Азии уместно рассмотрение вопросов, связанных с событиями, тенденциями и изменениями в данном регионе, на базе концепции порядка. Порядок соотносится с более или менее стабильными и предсказуемыми категориями во взаимоотношениях между центральноазиатскими странами – правилами, нормами, режимами, институтами, общепринятыми традициями и ценностями, имеющими в целом социальный подтекст. Данный подход с учетом волатильности процессов регионализма в Центральной Азии может представить еще более четкую политическую картину региона и является предметом для объективного исследования.

3.2. Региональный порядок в Центральной Азии в условиях трансформации современной международно-политической системы

В условиях трансформирующейся глобализации и неизбежного роста всесторонней взаимозависимости и взаимоуязвимости поддержание стабильного мирового порядка зависит от устойчивого состояния, мирного функционирования и конструктивного характера региональных порядков. По мнению Г. Киссинджера, «нынешние поиски мирового порядка потребуют логически последовательной стратегии по формированию концепта порядка в рамках различных регионов и взаимосвязи этих региональных порядков друг с другом»[387]. Однако развитие подобных инклюзивных и открытых региональных порядков представляется

[387] Kissinger H. Henry Kissinger on the Assembly of a New World Order // Wall Street Journal, August 29, 2014 // www.wsj.com/articles/henry-kissinger-on-the-assembly-of-a-new-world-order-1409328075.

«критическим вызовом», хотя «в фрагментированном и плюралистическом мире поиск локальных и региональных институтов в дополнение к уже существующим глобальным структурам[388] может стать многообещающим путем строительства мирового порядка в XXI веке»[389].

На современном этапе развитие регионального строительства представляется неким ответом мирового сообщества на новые вызовы и угрозы глобализации. Многие государства, в том числе и великие державы, не в состоянии собственными силами справиться с трансграничными и общемировыми проблемами, вынуждены искать современные механизмы и формы адаптации к новым системным требованиям, чтобы не потерять свою акторность и по-прежнему участвовать в формировании мирового порядка[390]. Именно развитие интеграционных процессов является эффективным способом такой адаптации.

С качественным изменением природы международных отношений в последние десятилетия следующие комплексные характеристики непосредственно влияют на эволюцию мировой системы и строительство т.н. «глобальных регионов» национальными государствами[391]:

– *процессы глобализации* выступают мощным инструментом формирования новых мировых пространств[392], которые отличаются множественностью и многомерностью, при этом под «пространствами» понимаются отличные от «территории» категории, связанные с развитием коммуникаций и мирового социума;

– *мультиакторность* с выходом на мировую арену активных субъектов в лице новых государств и негосударственных субъектов;

– *транснационализация* с появлением сетевых и нетрадиционных каналов и инструментов в рамках «транснациональной среды глобального взаимодействия»[393];

---

[388] Например, создание по китайской инициативе Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) в 2015 г. в рамках инициативы «Одни пояс, один путь» можно рассматривать как дополнительные к существующим многосторонним финансовым институтам механизмы международного экономического порядка.

[389] Acharya A. After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order // https://www.cambridge.org/core/journals/ethics-and-international-affairs/article.

[390] Langenhove L.V. Why We Need to 'Unpack' Regions to Compare Them More Effectively // The International Spectator, 2012. Vol. 47, № 1, March. – P. 16.

[391] Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века (на примере Евразийского союза: Автореф. дисс… докт. полит. наук. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. – С. 185-188.

[392] Косолапов Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2005, № 6. – С. 3-13.

[393] Кеохейн Р. О., Най (мл.) Дж. С. Транснациональные отношения и мировая политика. – Теория международных отношений: хрестоматия / Под науч. ред. П. А. Цыганкова. – М.: 2002. – С. 152-168.

– *глобальная регионализация* с расширением разнообразных интеграционных форм – от субрегиональных организаций до трансграничных структур и взаимодействия на цивилизационном уровне;

– *демократизация мирополитической практики* с проявлениями многостороннего подхода к принятию решений на международной арене;

– *информатизация*, когда в развитии современной мировой экономики и политики все более значимую роль начинают играть не только материальны ресурсы и потенциал, но и информация;

– наличие *глобальных проблем* и появление в мировой политике новых вызовов и угроз.

Следовательно, «новый регионализм» основан на том, что «каждый регион имеет свою собственную внутреннюю динамику, но в то же время регионы должны пониматься в глобальной перспективе»[394]. Более того, есть основания полагать, что ввиду роста силы и влияния региональных (субрегиональных, межрегиональных, трансрегиональных) субъектов международной политики (интеграционных группировок, блоков, объединений, альянсов, партнерств, неформальных групп, влиятельных встреч и форумов):

во-первых, усиливаются их роль и значение в формулировании и формировании глобальной и международной политической и экономической повестки, а также в качестве важнейшего балансира и стабилизатора в ходе трансформации устоявшихся в периоды биполярности и «момента однополярности» принципов, норм и ценностей мирового порядка;

во-вторых, региональные порядки, представляющие из себя в нынешних условиях сложную и многоярусную конструкцию, становятся одной из ключевых опор современной мировой системы, выступают ее полноправными элементами или подсистемами; постепенно приобретают самостоятельность и позволяют эффективно структурировать отношения в динамичных и утрачивающих прежнюю стабильность пространствах.

Регионализация международного пространства в качестве системной трансформации характеризуется перераспределением регионального влияния, изменением конфигурации региональных структур, что закладывает основу для становления нового мирового порядка. Количественный и качественный рост влияния регионального уровня международного порядка дает основание некоторым ученым говорить о «региональном структурировании мирового пространства, становлении «*мировой системы регионов*» и о складывающемся на наших глазах новом

[394] Schulz M., Söderbaum F. and Öjendal J. Regionalization in a globalizing world: a comparative perspective on forms, actors, and processes. – New York: Zed Books Limited, 2001. – P. 29.

мировом порядке, который может быть охарактеризован уже не только как государственно-центричной, но и как «мировой порядок глобальных регионов»»[395]. Например, А. Ачария подчеркивает «появление региональной архитектуры мировой политики»[396], а Б. Бузан и О. Уэвер в рамках теории комплексов региональной безопасности (*the regional security complex theory*) пишут о «мировом порядке сильных регионов»[397].

В частности, создание в начале 2000-х годов многопрофильной ШОС в составе государств Центральной Азии и двух великих держав в лице России и Китая, а затем расширение ее состава за счет Индии, Пакистана и Ирана, послужили изменению международной среды на обширном евразийском пространстве. ШОС «легализовала» расширенное китайское присутствие в регионе, позволила России, а затем Индии и Пакистану адаптироваться к растущим политико-экономическим амбициям Китая. С другой стороны, государства Центральной Азии, особенно после вступления в Организацию Ирана, получили бесконфликтную и конструктивную платформу для продвижения собственных интересов в этом обширном макрорегионе. Тем самым общее пространство ШОС среди прочего можно рассматривать в качестве влиятельного актора в международной системе, хотя степень ее монолитности не сравнима с ЕС или АСЕАН, если принять во внимание застарелые конфликтные оси, к примеру, между Индией и Китаем или Индией и Пакистаном.

По мнению профессора Ш.М. Абдуллаева, важнейшим пунктом в формировании регионального порядка для Центральной Азии и Евразии является именно ШОС. Эта организация располагает очень серьезным потенциалом и ресурсами с точки зрения мягкосиловой политики. В таких многосоставных и сложных структурах, как ШОС, роль малых и средних стран неоценима для поддержания баланса, сохранения гибкости, которая не всегда присуща великим державам.

Как отмечает узбекский ученый, на макрорегиональном уровне во внутренней Евразии приоритет может быть отдан формированию пространства безопасности на базе ШОС. По внешнему периметру Организации такие ее члены, как Россия и Китай, могут иметь конфликты с конкурирующими акторами. Однако внутри пространства ШОС для всех стран-членов высшим приоритетом должна быть стабильность. Учитывая,

[395] Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века (на примере Евразийского союза: Автореф. дисс… докт. полит. наук. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. – С. 192.
[396] Acharya A. The Emerging Regional Architecture of World Politics // World Politics, 2007, 59, no. 4, July. – P. 629-652.
[397] Buzan B., Weaver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 20, 70.

что Узбекистан располагается в географическом ядре, географическом сердце ШОС наша страна находится в выигрышной ситуации, которую следует использовать. В этой связи необходимо, например, инициировать создание постоянной мониторинговой группы внутри ШОС по вопросам стабильности и безопасности на пространстве Организации.

Более того, есть очень серьезный ресурс ШОС, который для нас бесценен, – это ее цивилизационный ресурс. ШОС объединяет не одну, а несколько цивилизаций: христианскую, буддистскую, исламскую, конфуцианскую, т.е. основные мировые конфессии, цивилизационные пространства. Можно использовать это осевое измерение для ШОС на стыке межцивилизационного пространства – географические, культурные, ценностные. ШОС – это сообщество цивилизаций. Поэтому необходимо задать фундаментальный вектор рассмотрению сотрудничества цивилизационных пространств внутри ШОС.

Приведенные выше тезисы подтверждают идею о зарождении «многоэтажной конструкции» современного регионализма и региональных порядков, когда наблюдаются пересекающееся членство большого числа государств в различных региональных структурах (трансграничные региональные объединения, субрегиональные союзы, трансрегиональные объединения), дополнение формальных межгосударственных взаимодействий на региональном уровне расширяющимися устойчивыми неформальными и «частными» связями, наконец, активизация прямых отношений между межгосударственными союзами разных регионов[398].

Подобная «многослойная» характеристика свойственна также для регионального позиционирования Центральной Азии в международной среде, а по-своему уникальное географическое расположение в центре Евразии и присутствующий значимый культурно-исторический контекст:

– обуславливают особенности ее «регионности»;

– определяют постоянные, трудно изменяемые свойства и одновременно динамику установившегося здесь порядка, который за последние тридцать лет подтвердил свою жизнеспособность и устойчивость;

– формируют в целом конструктивные и продуктивные правила и нормы поведения государств региона как между собой, так и в отношениях с внерегиональными акторами;

– фиксируют ценностные установки государств и населения стран региона, которые базируются как на общепринятых Вестфальских нормах, так и на локальных традиционалистских кодексах, морально-этических и восточных когнитивно-философских принципах;

[398] Песцов С.К. Регионализм и система международных отношений // Вестник ДВО РАН, 2005, № 2. – С. 64-66.

– диктуют упругий внутренний и внешний баланс сил и интересов с вовлечением в этот процесс глобальных и региональных держав, которые, как показывает практика многих лет, сдерживаются от попыток установления собственной гегемонии или безусловного и единоличного доминирования в этой части мира;

– предопределяют уровень вовлеченности (или невовлеченность) расположенных здесь государств в региональные, макрорегиональные и международные структуры и институты диалога, взаимодействия (сотрудничества), коллективной безопасности и интеграции.

Тем самым порядок в регионе имеет *собственную внутреннюю логику и особые характеристики,* сложившиеся в ходе социально-политического и культурно-исторического развития в рамках общего для проживающих здесь народов цивилизационного пространства.

Региональный порядок в Центральной Азии, базирующийся на определенном своде формальных и неформальных правил и норм, за все годы независимого развития определяет предсказуемость и стабильность в целом позитивных взаимоотношений между государствами и народами региона, представляет им возможность и надежную основу для защиты общих и индивидуальных интересов, обеспечения безопасности и нейтрализации имеющих локальную и внерегиональную этиологию угроз и вызовов. К примеру, контент-анализ выступлений в ходе 4-го саммита в Чолпон-Ате в июле 2022 г. выявил, что Главы государств, наряду с обсуждением традиционной повестки таких встреч, обратили особое внимание консолидации усилий по обеспечению региональной безопасности во всех ее измерениях. На фоне череды трагических событий в Казахстане, Таджикистане и Узбекистане, связанных с попытками деструктивных сил расшатать их политическую систему и подвергнуть угрозе суверенитет и территориальную целостность, лидеры Кыргызстана и Туркменистана полностью поддержали решительные действия соседних стран по наведению конституционного порядка и общественно-политической стабильности. В частности, в их выступлениях четыре раза использовалось слово «сплоченность» в разных контекстах, что говорит о новом взгляде стран региона на проблемы формирования региональной системы безопасности.

Квинтэссенция политических позиций Глав государств была сконцентрирована в заявлении Президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева о том, что «мир, стабильность и благополучие всего региона зависят от нашей сплоченности, готовности принимать решительные меры по защите общих интересов Центральной Азии»[399].

[399] Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на четвертой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, г. Чолпон-Ата, Кыргызстан, 21 июля 2022 г. // https://president.uz/ru/lists/view/5360.

В то же время региональный порядок в Центральной Азии, как указано выше, во многом детерминирован ее географическим расположением и естественно подвержен влиянию огромного числа факторов с внерегиональными истоками. При этом положение вещей в регионе продуктивно рассматривать *на макрорегиональном уровне,* имея ввиду его континентальную, другими словами, сложную и многоуровневую евразийскую привязку, а также *в международном ракурсе* с учетом очевидного влияния протекающих здесь процессов и в целом его совокупной мощи на глобальную картину мира и, наоборот, серьезными импликациями мировой среды на этот регион. Таким образом, мы предлагаем **трёхъярусный подход к анализу регионального порядка в Центральной Азии по схеме: регион – макрорегион – международный уровень,** который более полно и системно отражает баланс сил внутри и вокруг региона, его объективное положение в статике и динамике, а также отражает всю гамму национальных и общерегиональных целей, мотивов поведения задействованных игроков и иные аспекты.

Региональный уровень порядка. Исходя из положений теории представителя английской школы международных отношений Хедли Булла, в социальном контексте *региональный уровень порядка* в Центральной Азии зиждется на разделяемых всеми ее государствами *трех основных целях*: сохранение жизни, контроль над насилием и выполнение обещаний и соглашений. Без соблюдения этих условий любой порядок становится неустойчивым и его участники «не могут процветать или сформировать осмысленные отношения между собой». Безусловно, интересы сторон могут разниться по типам (безопасность, экономическое развитие или идеологические цели) и по уровню (безопасность может быть более важной, чем экономическое развитие, или наоборот). Однако «вне зависимости от различий и конфликтности целей государств, они едины в признании этих целей как играющих ведущую роль»[400].

Каковы такие общие цели государств Центральной Азии через призму сохранения регионального порядка?

Во-первых, пять постсоветских республик региона поставили перед собой как первоочередную цель *построение суверенных и независимых государств, когда равноправие, взаимная выгода и уважение в отношениях превратились в императив в их региональном и макрорегиональном поведении.* Последнее соотносится с негативно воспринимаемой исторической парадигмой взаимоотношений «Центр – союзные республики» в советские времена. При этом политико-экономические

[400] Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. – Basingstoke: Macmillan, 1977. – PP. 66-70.

взаимоотношения в плоскости «республика – республика» не поощрялись Центром и компенсировались лишь неформальными социальными сетями на различных уровнях.

Создание в 1994 г. Центральноазиатского союза без должного общерегионального опыта, с одной стороны, было продиктовано коллективной постколониальной реакцией на диктат Центра и стремлением достичь индивидуальных целей через коллективный подход. С другой оно было мотивировано всеобщими интеграционными трендами 90-х годов, ярким воплощением которых считались евроинтеграция и успехи АСЕАН. Отсутствие такого опыта, низкий уровень взаимной экономической интегрированности, секьюритизация региональной повестки вкупе с неотложными задачами укрепления государственности и национальности идентичности, а также амбиции национальных элит со временем предопределили неуспешность регионализма.

На современном этапе взаимное уважение к суверенитету и независимости остается ключевым элементом в региональном политическом дискурсе и в целом при развитии многосторонних и двусторонних отношений в регионе. Ставка на суверенность и защиту самости в первые два десятилетия независимого развития оправдала себя в плане консолидации наций. Хотя динамика международных процессов, рост внутренних и специфических центральноазиатских вызовов, потребности национального роста в последние десять-пятнадцать лет предопределяют выбор таких государств, как Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан, в пользу евразийской интеграции в сферах безопасности и/или экономики, а позже выбор Узбекистана и Туркменистана – в пользу более всеобъемлющего регионального сотрудничества.

Во-вторых, как отметил британский ученый Ф.-К. Буранелли, сразу же после обретения независимости *первостепенным императивом стран региона (или их официальных представителей) было предотвращение этнических и территориальных конфликтов* для недопущения здесь «кавказского» или «югославского» сценария и концентрации ими сил на государственном и национальном строительстве *(state- and nation-building).*

Государства Центральной Азии не желали погружаться в возможные конфликты с соседями из-за меньшинств, анклавов, природных ресурсов, границ и прочих причин. Правительства государств региона стремятся к обеспечению гарантий против территориальных претензий и уважения базовых договоренностей по «элементарным правилам сосуществования»[401].

[401] Buranelli F.C. Central Asian Regionalism or Central Asian Order? Some Reflections // Central Asian Affairs. Online Publication, 28 June 2021 // https://brill.com/view/ journals/caa/8/1/article-p1_1.xml?language=en.

Действительно, любое ущемление прав (по мнению соседнего государства или третьих сторон) узбеков, туркмен, казахов, таджиков, кыргызов на сопредельной территории, где они считаются меньшинствами, редко выносится на межгосударственный уровень и не привело (например, после трагических событий на межэтнической почве в Оше и Джалалабаде Кыргызстана в 2010 г.) к военному или иному серьезному конфликту. В частности, узбеки на территории Кыргызстана или Туркменистана рассматриваются в Узбекистане в качестве граждан этих стран. Другим примером может служить мирный раздел водных ресурсов между Узбекистаном и Туркменистаном, когда стороны неофициально договорились в начале 90-х годов о том, что воды Амударьи будут «делиться между ними поровну». В реальности дела могут обстоять иначе, однако взаимные обязательства о «бесконфликтности» до сих пор остаются актуальными.

В-третьих, в Центральной Азии *государство является единственным признанным и авторитетным источником политической и военной власти*, что исключает любые попытки создать ее альтернативные центры.

Идеи пантюркизма, дискурсы о едином Туркестане, трансграничном халифате или инкарнации бывшего Советского Союза представляются бесперспективными и наталкиваются на строго оберегаемые принципы суверенности[402]. Размещение в Таджикистане и Кыргызстане военных баз России, а также краткосрочная миротворческая миссия в Казахстане коллективных сил ОДКБ в январе 2022 г. (негативно оцененная на Западе[403]) рассматриваются, помимо регионального антитеррористического контекста, как механизмы или элементы системы поддержания суверенитета и стабильности этих государств, обеспечения национальной и региональной безопасности.

В-четвертых, государства Центральной Азии объединяет *стремление к повышению собственного международного статуса, признания, престижа и уважения*.

Подобная цель обусловлена не только естественным для любого государства желанием укрепить силу и влияние во внешней среде, но и рассматривается как очевидное условие для поддержания внутренней легитимности и стабильности. Внешняя среда, в первую очередь в лице авторитетных международных институтов[404], государств Запада и ряда

[402] Там же.
[403] Исследование: СМИ Запада не оценили миротворческую роль России в Казахстане // https://ria.ru/20220203/issledovanie-1770690103.html.
[404] Например, в Докладе ВБ «Данные, цифровизация и государственное управление» от 2021 г. дается Региональная классификация, в которой Центральная Азия представлена пятью государствами региона // https://openknowledge.worldbank.org.

ключевых мировых игроков (Индия, Япония, Южная Корея), в силу различных причин, прежде всего экономических, хотела бы иметь дело не только с каждым государством региона в отдельности, но и с Центральной Азией как коллективным субъектом.

Такая постановка вопроса диктует государствам региона необходимость *постоянной демонстрации мирного сосуществования и наличия некой конструктивной региональной общности, основанной на формальных и неформальных нормах и правилах устойчивого порядка, их коллективной международной ответственности.* В определенной степени данный посыл отражен и в официальных заявлениях Глав государств региона в 2021 и 2022 гг., где говорится о том, что «совместные инициативы государств Центральной Азии в решении важных глобальных и региональных проблем имеют ощутимые результаты на мировой арене»[405] и «стороны «выражают твердое намерение сообща противостоять глобальным и региональным вызовам»[406].

Далее, следуя методологическому подходу Х. Булла, необходимо отметить, что указанные *фундаментальные цели*, необходимые для реализации индивидуальных интересов государств, достигаются через соблюдение и имплементацию *правил*, служащих в качестве нормативных и поведенческих стандартов. Это, в свою очередь, требует уважения *специфических принципов* (или набора принципов) для нормального функционирования социальной среды, коим в нашем случае является регион Центральной Азии. При этом «правила возникают как операционные правила, затем становятся устоявшейся практикой, потом приобретают статус морального принципа и в конце инкорпорируются в правовую конвенцию».

В международных отношениях выделяются три наиболее важных типа правил: (i) конституционные правила, по которым только суверенные государства являются участниками международного порядка; (ii) правила сосуществования, которые созданы для минимизации насилия, обеспечения максимального уровня предсказуемости и стабильности социального порядка; (iii) комплекс правил, касающихся сотрудничества, «когда достигается консенсус о более широком, чем просто сосуществование, круге целей»[407].

[405] Совместное заявление по итогам Консультативной встречи Глав государств Центральной Азии, г. Туркменбаши, 6 августа 2021 г. // https://turkmenportal.com/ blog/38734.
[406] Совместное заявление Консультативной встречи глав государств Центральной Азии, 21 июля 2022 г., г. Чолпон-Ата, Кыргызстан // https://cis.minsk.by/news/23848.
[407] Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. – Basingstoke: Macmillan, 1977. – PP. 67.

В качестве *институтов* в международных отношениях понимается набор прав и обязанностей государств в международной системе, в том числе *международное право, дипломатия, управление порядком мировыми державами (great power management), баланс сил и война*[408]. В соотношении «порядок» и «институты» «мы не обязательно имеем в виду под институтом организацию или административную машину, а больше набор привычек и практик, нацеленных на реализацию общих целей»[409].

Следуя указанному алгоритму, попытаемся применить его для анализа регионального порядка в Центральной Азии.

1. Исходя из исторически сложившихся ценностей, традиций и кодекса поведения, имеющих как восточно-философский, так и религиозно-этнический подтекст, политика государств региона в отношении соседей продиктована принципом *«қўшнинг тинч – сен тинч»* («если сосед спокоен и тебе спокойно будет» или «сосед не захочет, так и миру не будет»). Пять стран стремятся к «становлению Центральной Азии в качестве стабильного, открытого и динамично развивающегося региона, надежного и предсказуемого международного партнера»[410].

2. (а) На базе этой фундаментальной идеологемы государства региона уже несколько десятилетий следуют *правилам невмешательства и отказа от интервенций.* Неизбежные различия государственных интересов, моделей и концепций национального строительства не имеют негативного влияния на тысячелетние традиции добрососедства[411] и взаимопонимания между народами. Данное обстоятельство диктует соответствующий политический настрой руководителей государств в отношении друг друга, невмешательство во внутренние социо-политические и иные процессы.

(б) Правила *уважения к суверенитету соседа, поддержания внутрирегионального баланса сил, отказа от поведения в стиле «большого брата» и установления региональной гегемонии* являются понятными и поддерживаемыми всеми странами Центральной Азии.

[408] См.: Cui Sh. and Buzan B. Great power management in international society // The Chinese Journal of International Politics, 2016, 9 (2). – PP. 181-210 // http://eprints.lse.ac.uk/67191.
[409] Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. – Basingstoke: Macmillan, 1977. – PP. 67.
[410] Совместное заявление Консультативной встречи глав государств Центральной Азии, г. Ташкент, 29 ноября 2019 г. // https://www.un.int/uzbekistan/news.
[411] См.: Хужанов Б.А. Узбекистон ташки сиёсати: ахил кушничилик ва янгича тенденциялар // Системные исследования. – Ташкент, 2021, № 3. – С. 172-182.

Еще одно неформальное правило – балансирование действий великих держав (в первую очередь России и Китая) через набор экономических и военных обязательств, то есть поведение, называемое в литературе *omni-balancing*[412] или многовекторность[413].

(в) Стороны соблюдают *правило территориальной целостности.* Они признают принципы международного права касательно нерушимости государственных границ, т.е. уважения принципа *uti possidetis*[414], хотя демаркация и делимитация границ, доступ к анклавам и другие сопутствующие проблемы остаются одними из главных раздражителей во взаимоотношениях стран региона.

(г) Даже в периоды обострения конфликтов и локальных стычек по территориальным, водным, энергетическим, транспортным и иным причинам государства Центральной Азии строго соблюдают *правила непересечения «красных линий»*, используют политико-дипломатические и иные методы для достижения компромиссов или купирования сложных проблем. Этому способствует действующая в течение десятилетий система обмена информацией и «горячих линий» между политическими лидерами, государственными органами и местными администрациями, что удерживает стороны от скатывания к серьезным конфликтам.

К примеру, острый кризис в общей энергетической системе Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана в начале 2022 г. вызвал конструктивную реакцию сторон и не перерос в межгосударственные трения, актуализировав инициативу Главы Узбекистана о расширении мандата Координационного электроэнергетического совета стран Центральной Азии[415]. Благодаря политической воле глав государств купирован многолетний конфликт между Узбекистаном и Таджикистаном

[412] Omni-balancing – это теория американского профессора Стивена Дэвида, представленная в его книге Choosing sides: alignment and realignment in the Third World. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991. Теория критически рассматривает классическую концепцию «баланса сил» с ее применением или адаптацией для государств «третьего мира». По его мысли, такие государства при выборе союзников исходят не только из учета интересов национальной безопасности, но и принимают во внимание общий баланс политических сил, с которыми сталкивается политический лидер, в том числе более важные, чем внешние, внутринациональные угрозы.

[413] Buranelli F.C. Central Asian Regionalism or Central Asian Order? Some Reflections // Central Asian Affairs. Online Publication, 28 June 2021 // https://brill.com/view/ journals/caa/8/1/article-p1_1.xml?language=en.

[414] Uti possidetis (лат. «поскольку владеете») – принцип, сложившийся в международной практике, который означает, что новые государства, получившие независимость, имеют ту же территорию и с теми же границами, которые имели прежде, будучи колониями или зависимыми территориями, в том числе административными единицами в составе других государств. Согласно правилу, старая административная граница, ранее существовавшая в пределах территории вновь образованного независимого государства, становится международной границей.

[415] Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на третьей Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, 7 августа 2021 г., Туркменистан // https://president.uz/ru/lists/view/4534.

по проблемам рационального использования водно-энергетических ресурсов с последующим участием Ташкента в строительстве гидросооружений на таджикской территории. Бишкек приветствует инвестиционное участие Казахстана и Узбекистана в гидроэнергетических проектах в Кыргызстане[416].

В политический дискурс входит тезис о необходимости «принять эффективные меры по созданию в регионе прочной и долгосрочной системы безопасности»[417]. Узбекистан и Казахстан формально и неформально выступают нейтральными посредниками при решении вопросов делимитации таджикско-кыргызской границы.

(д) Политика центральноазиатских государств в отношении друг друга не может считаться легитимной и признанной их народами, если она носит явно агрессивный характер, направлена на разрушение многовековых традиций сосуществования в едином пространстве. Тем самым стороны придерживаются *правила учета интересов национальных элит и общественного мнения* при решении вопросов открытости границ, свободы передвижения, соблюдения прав меньшинств и населения приграничных районов, защиты интересов трудовых мигрантов, расширения торгово-экономических и культурно-гуманитарных связей. Это означает, что в этно-психологическом и геокультурном измерениях народы региона оценивают друг друга как «своих», а не отличных от них «чужих». Тем самым серьезно возрастает значение негосударственных акторов в поддержании в регионе мира и спокойствия.

(е) В процессе смены политической власти существует *правило взаимной поддержки ее легитимности*, признания и уважения национальных стратегий на внутреннем и внешнем поле. На примере внутриполитических пертурбаций последних двух десятилетий в Кыргызстане, Туркменистане, Узбекистане и Казахстане можно убедиться в конструктивности поведения соседних государств. Именно региональные лидеры среди первых выражают формально-дипломатическое признание новой власти[418], а наиболее приоритетными странами посещения переизбранного руководителя являются соседние.

[416] Выступление Президента Кыргызской Республики С. Жапарова на четвертой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, г. Чолпон-Ата, Кыргызстан, 21 июля 2022 г.// http://www.president.kg/ru/sobytiya/22976.
[417] Выступление Президента Туркменистана Сердара Бердымухамедова на Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, г. Чолпон-Ата, Кыргызстан, 21 июля 2022 г. // https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/64981.
[418] Токаев заявил о поддержке решения Г. Бердымухамедова провести внеочередные выборы президента, 14 февраля 2022 г. // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13701973.

(ж) В последние десятилетия государства региона придерживались *правила решения острых внутрирегиональных или двусторонних проблем и коллизий путем взаимного согласия без привлечения третьих сторон или медиаторства*. «Первостепенная и ключевая роль самих государств Центральной Азии в решении актуальных региональных вопросов» подчеркнута в ходе саммита глав государств региона в июле 2022 г.[419]. Исключение составляет общепризнанная роль международных организаций, которые разрабатывают и стремятся внедрить региональные программы сотрудничества по вопросам обеспечения безопасности, решения водных проблем, экономики и торговли.

3. Что касается комплекса правил и норм относительно сотрудничества, и его институционализации, структуризации и правового закрепления на современном этапе, в Центральной Азии, то можно выделить следующие меры:

– по инициативе Узбекистана функционируют диалоговые площадки Консультативных встреч глав государств и министров иностранных дел, будет реализовываться совместная «дорожная карта» по развитию регионального сотрудничества на 2022–2024 гг.;

– приняты и реализуются Концепция взаимодействия государств Центральной Азии в рамках многосторонних форматов, а также Региональная программа «Зеленая повестка» для Центральной Азии;

– прорабатывается вопрос о создании Диалога по безопасности и сотрудничеству в качестве постоянно действующей консультативной платформы для рассмотрения актуальных вопросов развития региона;

– подписан Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии и ведется постоянная работа по обеспечению ее безъядерного статуса;

– действует Международный фонд спасения Арала (МФСА), по инициативе Республики Узбекистан на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 18 мая 2021 г. принята специальная резолюция «Об объявлении региона Приаралья зоной экологических инноваций и технологий»;

– на фоне дестабилизации обстановки в Афганистане в августе 2021 г. оборонные ведомства стран региона провели серию совместных военных учений на территориях Узбекистана и Таджикистана на двусторонней основе и в рамках ОДКБ, поддерживаются двусторонние и многосторонние связи между правоохранительными органами и силовыми структурами, планируется проведение постоянных консультаций секретарей советов безопасности и руководителей спецслужб;

[419] Совместное заявление Консультативной встречи глав государств Центральной Азии, 21 июля 2022 г., г. Чолпон-Ата, Кыргызстан // https://cis.minsk.by/news/23848.

– в сфере экономики планируется создание регионального Совещания по транспортным коммуникациям, Регионального центра развития транспортно-коммуникационной взаимосвязанности под эгидой ООН, пятистороннего Совета промышленников и предпринимателей. Запускаются сети приграничных торгово-экономических хабов, «которые будут служить опорными точками Единой товаропроизводящей системы» стран региона[420];

– в области культуры стороны договорились создать Форум культурного диалога в качестве единой платформы культурно-гуманитарного обмена под названием «Центральная Азия: одно прошлое и одно будущее».

Все взаимоотношения базируются на солидной двусторонней договорно-правовой базе.

Заключение Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI в. имеет важное значение для правового закрепления региональной общности, определения приоритетных целей и задач сотрудничества и демонстрации ее политической идентичности.

Макрорегиональный уровень порядка. Региональный порядок в Центральной Азии в силу комплекса исторических, цивилизационных и географических причин не может рассматриваться в отрыве от ситуации в евразийском пространстве и положения в нем каждого государства.

Казахстан, гранича с двумя великими державами в лице России и Китая, а через Каспийское море с Ираном и Азербайджаном, выстраивает концепцию многовекторности, балансируя между ними и, возможно, больше других государств региона вынужден регулярно апеллировать к категориям суверенитета, неприкосновенности границ, национальной идентичности и неприятия гегемонии для поддержания устойчивости своего международного положения. Его политика «аккумулирует в своем содержании азиатский регионализм с элементами западных рациональных критериев»[421]. Это объясняет инициирование Казахстаном идеи Евразийского экономического союза, активную роль в ОДКБ и реализации китайского проекта «Один пояс, один путь». Институты международного права и дипломатии, например поддержка СНГ и ШОС, продвижение платформы СВМДА или проведение саммита ОБСЕ, целенаправленно

[420] Выступление Президента К.К.Токаева на IV Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, г. Чолпон-Ата, 21 июля 2022 г. // https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-na-iv-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-2163148.

[421] Чукалова Р.Р. Военно-политическое сотрудничество Республики Казахстан со странами СНГ в свете новых вызовов: Дисс. … доктора философии (PhD) по полит. наукам. – Астана: Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2019. – С. 5.

используются Астаной в целях укрепления порядка в своем окружении и тем самым способствуют независимому позиционирования всей Центральной Азии.

Кыргызстан, имея общие границы с Китаем, на фоне перманентных внутренних конфликтов и угроз безопасности поддерживает традиционные механизмы обеспечения регионального порядка с опорой на гарантии безопасности и экономическое взаимодействие с соседними великими державами, но отвергает гегемонию и диктат. Бишкек сформировал устойчивую систему отношений с ведущими государствами Запада, в первую очередь с транснациональными неправительственными организациями и институтами, в качестве балансира во взаимоотношениях с Россией и Китаем. Соблюдение принципов суверенитета, государственной независимости и территориальной целостности находятся в центре внутриполитического дискурса страны, что приводит к трудностям в решении вопросов делимитации и демаркации границ.

Таджикистан граничит с неспокойным Афганистаном, развивает подверженные волатильности отношения с Ираном на базе культурно-цивилизационной общности, что диктует его особое положение в рамках регионального порядка. В то же время Душанбе солидаризируется с приведенным выше устойчивыми целями, нормами, принципами, институтами и правилами, существующими здесь в последние десятилетия. Одновременно Таджикистан, будучи членом ОДКБ, дистанцируется от инициированного Россией интеграционного объединения ЕАЭС, однако всесторонне поддерживает повестку универсальных для всех стран региона СНГ и ШОС, имеющих российско- и китаецентричную природу.

Внешняя политика *Туркменистана* обусловлена не только целями регионального строительства в рамках Центральной Азии. Соседнее государство, несмотря на свой статус «позитивного нейтралитета», сталкивается на южном фланге со всем комплексом угроз и вызовов, исходящих от Афганистана. Ашгабат имеет сбалансированные отношения с Тегераном, однако данное обстоятельство не отменяет все сложности политики в иранском направлении. Туркменистан является важнейшим звеном в «каспийском уравнении», куда, помимо России и Казахстана, входит Азербайджан с своими интересами и амбициями. Богатый ресурсами Туркменистан при реализации центральноазиатской стратегии просчитывает ее последствия с учетом множественных внерегиональных факторов, в первую очередь включающих Россию, Китай и Запад. При этом де-факто участвует практически во всех общих форматах сотрудничества, кроме ЕАЭС и ОДКБ, широко вовлекаясь в ключевые элементы как регионального, так и макрорегионального порядка.

Узбекистан, гранича со всеми пятью государствами региона и с Афганистаном на юге в качестве внерегионального игрока, является наиболее заинтересованным в укреплении регионального порядка государством. Ташкент, особенно в последние годы, активно участвует в процессах в рамках СНГ, ШОС, ЕАЭС, ОТГ, ОЭС и СВМДА. Сбалансированные взаимоотношения Узбекистана с Россией и Китаем вкупе с широкой вовлеченностью в макрорегиональный мейнстрим имеют ключевое значение для поддержания регионального порядка в Центральной Азии и влияют на линию поведения всех его участников. Более того, Узбекистан является конструктивным актором, который совместно с партнерами генерирует и защищает региональные цели, нормы, правила и ценности.

Аккомодация интересов *Турции*, связанной со странами региона общим языком и культурой, однако географически разделенной территорией Южного Кавказа, осуществляется посредством Организации тюркских государств. *Иран* получает инструмент регионального влияния посредством реанимированной Организации экономического сотрудничества, штаб-квартира которой находится в Тегеране. *Страны арабо-мусульманского пояса* вовлечены в региональные дела как на двусторонней основе, так и посредством Организации исламского сотрудничества.

В близкой исторической перспективе *новый центральноазиатский порядок* в макрорегиональном контексте может быть дополнен и усилен реализацией инициированной Узбекистаном концепции взаимосвязанности Центральной и Южной Азии. Такой расклад может, с одной стороны, адаптировать интересы в регионе растущих Индии и Пакистана, а с другой – мобилизовать страны Центральной Азии к укреплению собственной общности. При этом следует согласиться с мнением о том, что «сейчас в Евразии нет государства, которое могло и стремилось бы установить на этом пространстве единый порядок под своим управлением»[422].

Таким образом, *макрорегиональный контекст центральноазиатского порядка представляет собой многослойный, разнонаправленный и в целом сбалансированный конструкт.* Кроме внутренних особенностей, региональный порядок в Центральной Азии детерминирован:

– *историческими и ценностными факторами* с учетом сложившихся в последние полтора века традиционными и многоплановыми связями, а также глубокой, но в разной степени интегрированностью стран региона с Россией и другими государствами постсоветского пространства;

[422] Оторбаев Дж., Бордачёв Т., Белоус Ю., Жиенбаев М., Королёв А. Железный каркас Евразии: достижения, проблемы и перспективы континентальной связанности // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», сентябрь 2021. – С. 3.

– *политико-экономическими реалиями* последних десятилетий с учетом «возвышения Китая» и значительным расширением китаецентричного порядка[423] за счет данного региона;

– *культурно-цивилизационным фактором*, связанным с прогрессирующим укреплением в регионе исламских и тюркских ценностей, которые оказывают объективное влияние на политическое состояние дел в регионе;

– *трансформацией геополитической обстановки* в связи с центральноазиатскими амбициями Индии, Пакистана и Ирана, которые совместно с государствами региона выстраивают общие системы сдержек и противовесов, расширяют благоприятный потенциал в интересах межрегионального взаимодействия;

– *вовлеченностью великих держав*, прежде всего России и Китая, которые имеют особую заинтересованность в поддержании и укреплении стабильного порядка в регионе во всех его измерениях, например, в сдерживании угроз и вызовов, исходящих с территории Афганистана, или предотвращении «цветных революций»[424]. Попытки сопряжения ЕАЭС и «Одного пояса, одного пути» направлены на амортизацию интересов этих держав на центральноазиатском пространстве.

Международный уровень порядка. При оценке международного контекста центральноазиатского порядка следует выделить его, *во-первых,* ООН-центричность, *во-вторых,* привязку к ключевым центрам глобальной политической и экономической силы.

1. Последние годы отмечены активным региональным строительством в Центральной Азии в его международном измерении.

Важнейшим импульсом для консолидации общерегиональной политики стало проведение по инициативе Узбекистана в ноябре 2017 г. в г. Самарканде Международной конференции под эгидой ООН «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания», когда его участниками был проведен глубокий обзор состояния региональных дел, выражена твердая политическая воля по решению стоящих актуальных проблем и задач[425]. Тогда же зародилось понятие «самаркандский дух».

---

[423] См.: Faisal M. Asia and Competing Visions of Regional Order: Free and Open Indo-Pacific and Belt and Road Initiative // Strategic Studies, Institute of Strategic Studies, Islamabad, January 27, 2021 // https://issi.org.pk/asia-and-competing-visions-of-regional-order-free-and-open-indo-pacific-and-belt-and-road-initiative.

[424] См.: Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии, 4 февраля 2022 г. // http://kremlin.ru/supplement/5770; Совместное заявление глав государств Центральной Азии и Китая по случаю 30-летия установления дипломатических отношений по итогам онлайн-саммита Глав государств, 25 января 2022 г. // http://russian.news.cn/2022-01/26/c_13104 40618.htm.

[425] Коммюнике Международной конференции по обеспечению безопасности и устойчивого развития в Центральной Азии под эгидой ООН, Самарканд, 10-11 ноябрь 2017 г. // https://unrcca.unmissions.org/ru.

В целях международного признания этого процесса и закрепления позитивных региональных тенденций на площадке ООН в июне 2018 г. принята резолюция Генеральной Ассамблеи «Укрепление регионального и международного сотрудничества в целях обеспечения мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе»[426], которая подтвердила готовность его стран следовать принципам Организации, их намерение уважать ее центральную роль в поддержании международного порядка. Те же принципы подтверждены в ходе третьей Консультативной встречи глав государств в 2021 г., где стороны договорились «активизировать консолидированную деятельность на международной арене в целях достижения конкретных результатов в деле реализации широкомасштабных и долгосрочных стратегий, концепций и программ, принятых международным сообществом в лице ООН».

Стороны в рамках Консультативных встреч на уровне глав государств подчеркивают важность достижения единого понимания и продвижения на площадке ООН международных и региональных инициатив, таких как принятие Резолюций 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Природа не знает границ: трансграничное сотрудничество – ключевой фактор в сохранении, восстановлении и устойчивом использовании биоразнообразия», «Конференция Организации Объединенных Наций по среднесрочному всеобъемлющему обзору хода достижения целей Международного десятилетия действий «Вода для устойчивого развития», 2018–2028 годы», «Объявление региона Приаралья зоной экологических инноваций и технологий», «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Международным фондом спасения Арала», «Международное сотрудничество и координация деятельности в целях реабилитации населения, восстановления окружающей среды и экономического развития Семипалатинского региона в Казахстане».

Учитывая негативное влияние глобального изменения климата на ледники в мире, в частности в Центральной Азии, Главы государств решили поддержать предложение Президента Республики Таджикистан об объявлении 2025 года Международным годом сохранения ледников и создании Международного фонда защиты ледников, выразили поддержку инициативе Президента Туркменистана о разработке Стратегии ООН, нацеленной на осуществление мер по развитию низкоуглеродной энергетики, а также создание под эгидой ООН международной «дорожной карты» по использованию водорода в качестве одного из приоритетных направлений в энергетике.

[426] Укрепление регионального и международного сотрудничества в целях обеспечения мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе, 25 июня 2018 г. // https://www.un.int/uzbekistan/fr/news.

Главы государств выразили поддержку инициативе Президента Республики Казахстан о создании под эгидой ООН Сети региональных центров по контролю за заболеваниями и биобезопасностью, а также об учреждении специального многостороннего органа под эгидой ООН – Международного агентства по биологической безопасности, подотчетного Совету Безопасности ООН. Стороны договорились развивать межкультурный диалог в интересах народов, живущих в Центральной Азии, и в духе Международного десятилетия сближения культур, провозглашённого ООН, сохранять и поощрять многообразие культур и межнациональную толерантность[427].

В 2011 г. регион стал первым успешным примером регионализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Тогда все пять стран приняли Совместный план действий по ее реализации, который стал уникальным механизмом объединения усилий по борьбе с терроризмом и экстремизмом[428].

Институциональную основу международного сотрудничества государств региона составляют, например, действующий в г. Ашгабаде Региональный центр ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии, Специальная программа ООН для экономик Центральной Азии (СПЕКА) для внедрения Целей устойчивого развития, Программы содействия управлению границами и предотвращения распространения наркотиков в Центральной Азии (БОМКА/КАДАП) ЕС и ООН. Обсуждается возможность проведения саммита «ООН-Центральная Азия».

Можно утверждать, что совместные инициативы государств Центральной Азии в решении важных глобальных и региональных проблем дают ощутимые результаты на мировой арене и закреплены постоянными консультациями сторон в рамках ООН и других международных организаций. Активность государств региона на международных площадках имеет ключевое значение для сохранения регионального порядка в Центральной Азии на базе норм международного права.

Страны региона входят в международную когорту, всесторонне поддерживающую ООН-центричность мирового порядка, приоритетную роль Организации в поддержании международного мира и безопасности, инклюзивного развития и долгосрочной стабильности.

[427] Совместное Заявление по итогам Консультативной встречи Глав государств Центральной Азии, г. Туркменбаши, 6 августа 2021 г. // https://turkmenportal.com/ blog/38734.
[428] 3-4 марта 2022 г. в г. Ташкенте прошла Международная конференция высокого уровня, посвященная совместной реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН по Центральной Азии

Государства Центральной Азии принимают участие в формировании современного мирового порядка:

– через трансформацию его норм, правил и принципов в самых различных сферах жизнедеятельности;

– выступают за сохранение общечеловеческих ценностей и культуры мира, толерантности, уважения к многообразным особенностям народов;

– закрепляют собственную региональную идентичность и узнаваемость на мировой арене;

– реализуют национальные интересы через возможности глобальных институтов, повышая свой авторитет и влияние через дипломатический компонент «мягкой силы»;

– создают условия для сдерживания чрезмерного давления великих держав на внутрирегиональную политику и национальный суверенитет. Международные институты можно рассматривать как существенный, хотя и не решающий, элемент системы сохранения суверенитета, территориальной целостности и независимости государств Центральной Азии.

2. Относительно недооцененным феноменом в процессе международного позиционирования региона является активное развитие платформ «Центральная Азия плюс».

В августе 2004 г. в г. Астане было объявлено о начале *диалога между правительствами стран Центральной Азии и Японии,* в рамках которого стороны определили 10 сфер, представлявших тогда наибольший интерес для продвижения внутрирегиональной интеграции, включая противодействие терроризму, борьбу с наркотраффиком, разминирование, искоренение бедности, здравоохранение, охрану окружающей среды, водные вопросы, энергетику, торговлю и инвестиции, транспорт[429].

В ноябре 2021 г. прошла 17-я встреча министров иностранных дел *ЕС–Центральная Азия*, на которой они заявили о «совместной приверженности созданию прочного, амбициозного и дальновидного партнерства, основанного на их общих ценностях и взаимных интересах»[430]. Традиционно в рамках этого формата рассматриваются вопросы сотрудничества между регионами в политической, торгово-экономической, водно-энергетической областях, а также в сфере безопасности, борьбы с терроризмом и экстремизмом, окружающей среды, изменения климата, международного и регионального характера. Интересна в этом плане

[429] Dissyukov A. Central Asia Plus Japan Dialogue: From Idea to Implementation // Journal of International and Advanced Japanese Studies, 2019.- T. 11. – P. 1-21.
[430] Joint Communiqué: 17th EU-Central Asia Ministerial Meeting, Dushanbe, 22/11/2021 // https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/107666.

инициатива «Зеленая Центральная Азия», которая была принята в январе 2020 г. на международной конференции в Берлине. В ноябре 2022 г. в Самарканде состоялась очередная Министерская встреча в том же формате, в ходе которой отдельное внимание было уделено вопросам взаимосвязанности двух регионов.

Форум сотрудничества *«Республика Корея – Центральная Азия»* действует с 2007 г. и рассматривается в качестве «государственно-гражданского интегрированного консультационного совета для укрепления сотрудничества по взаимообмену и повышению взаимопонимания»[431]. Платформа определила 6 среднесрочных и долгосрочных целей в регионе Центральной Азии, в том числе транспорт и логистика, энергетика, модернизация и диверсификация промышленности, изменение климата – экология, здравоохранение и медицина, образование и культура[432].

Созданная в 2015 г. *платформа* «С5+1» на уровне министров *иностранных дел государств Центральной Азии и США* впервые провела свою встречу в г. Самарканде. Данный формат способствует расширению экономических, энергетических и торговых связей, смягчению последствий экологических и медицинских проблем, совместному устранению угроз безопасности и поддержке всестороннего участия женщин во всех аспектах политической, экономической и социальной жизни стран-членов. Участники формата выступают за развитие сотрудничества в сфере безопасности как средства продвижения стабильности и региональной безопасности и противодействия трансграничным угрозам, исходящим из Афганистана. Соединенные Штаты продвигают инициативу о проведении в будущем встречи в формате «С5+1» между спецпосланником президента США по климату и представителями стран Центральной Азии[433].

Действует *формат регулярных встреч глав внешнеполитических ведомств государств Центральной Азии и России*, в ходе которых стороны обсуждают стратегические направления сотрудничества, выступают с совместными заявлениями по злободневным проблемам регионального и международного характера[434].

---

[431] Секретариат Форума «Республика Корея – Центральная Азия» // https://www.kf.or.kr.

[432] Акматалиева А. Центральная Азия и Южная Корея: в поисках возможностей для наращивания сотрудничества // Central Asian Bureau for Analytical Reporting // https://cabar.asia/ru/tsentralnaya-aziya-i-yuzhnaya-koreya-v-poiskah-vozmozhnostej-dlya-narashhivaniya-sotrudnichestva.

[433] Страны Центральной Азии и США отметили успех формата "С5+1", 5 мая 2021 г. // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11307235.

[434] См.: Заявление министров иностранных дел государств Центральной Азии и Российской Федерации о стратегических направлениях сотрудничества, 15 ноября 2020 г. // https://mfa.uz/ru/press/news/2020; Совместное заявление по итогам четвертой встречи глав МИД стран Центральной Азии и России по ситуации в Афганистане, 16 июля 2021 г. // https://mfa.tj/ru/main/view/8301.

По итогам *встречи министров иностранных дел стран Центральной Азии и Китая* в мае 2021 г. в г. Сиань (КНР) приняты Совместное заявление Второй министерской встречи о дальнейшем укреплении межрегионального сотрудничества, Меморандум о создании формата встреч министров иностранных дел «Центральная Азия – Китай», Совместное заявление Второй министерской встречи о сотрудничестве по борьбе с COVID-19 и Совместное заявление по Афганистану[435].

Платформа *Диалог «Индия – Центральная Азия»* на уровне глав внешнеполитических ведомств запущена в 2019 г. в г. Самарканде, регулярно проводятся заседания Делового совета в том же формате[436].

Проведение в 2022 г. *онлайн саммитов «Китай-Центральная Азия» и «Индия-Центральная Азия»* свидетельствует о росте востребованности общерегионального подхода к вопросам сотрудничества[437]. Индийско-центральноазиатский саммит стал логическим продолжением прошедшей г. Ташкенте в июле 2021 г. международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности».

В октябре 2022 г. в г. Астана впервые прошла *встреча глав государств России и государств Центральной Азии*, в ходе которой стороны рассмотрели широкий спектр сотрудничества в сферах безопасности, экономики и культурно-гуманитарного плана. Политический символизм данного формата трудно переоценить, если учесть участие в нем глав всех пяти государств региона. В том же месяце 2022 г. в Казахстане прошел *первый саммит «ЕС – Центральная Азия»* на фоне усиления интереса Евросоюза к региону в период пика напряженности с Россией.

Функционирование политико-дипломатических форматов «Центральная Азия плюс», как следствие расширения общерегиональных трендов, свидетельствует о следующих тенденциях:

– признании ведущими центрами силы геополитической идентичности региона Центральной Азии;

– усилении конкуренции внешних сил за влияние;

– способности центральноазиатских государств поддерживать политическое единство в своих рядах и их умении артикулировать общие интересы;

[435] Вторая встреча министров иностранных дел в формате «Центральная Азия и Китай» // https://mfa.tj/ru/main/view/7786.
[436] О заседании министров иностранных дел Диалога «Индия – Центральная Азия» // ИСМИ при Президенте Республики Узбекистан // https://isrs.uz/ru.
[437] См.: Полный текст Совместного заявления глав государств Центральной Азии и Китая по случаю 30-летия установления дипломатических отношений // http://russian.news.cn/2022-01/26/c_1310440618.htm.

– росте авторитета региона как признанного субъекта на международной арене;

– превалировании кооперационных подходов влиятельных внешних игроков на центральноазиатском поле.

Как видим, региональные процессы в Центральной Азии в последние тридцать лет пережили различные этапы, характеризующиеся интенсивным течением регионализма 90-х годов с постепенным сползанием к разобщенности, фазой фрагментации общего регионального пространства с текущим возобновлением процессов регионального строительства. Однако общей или сквозной особенностью всех этих периодов, по нашему мнению, оставалось сохранение регионального порядка.

Государства Центральной Азии, несмотря на естественные для любого социального порядка конфликты интересов и противоречия, исходили и продолжают следовать общим целям, которые базируются на Вестфальских принципах и их собственных культурно-исторических традициях, опыте добрососедства и сосуществования, мироощущении и ценностях.

Страны региона придерживаются единого кодекса поведения, формальных и неформальных правил, что позволяет предотвращать и купировать риски конфликтов и войн, скатывания к бесконтрольному хаосу.

Стороны поддерживают политический диалог, контролируют проявления насилия, выполняют взятые на себя договорные обязательства, принимают меры по укреплению доверия, уважают институты суверенитета, дипломатии, международного права и интересы великих держав. Центральная Азия находится в числе регионов мира, где сохраняется внутренняя стабильность и в целом сбалансировано присутствие внешних конфликтующих между собой держав.

Стороны выработали механизмы для поддержания регионального порядка, в числе которых *институциональные средства* или создание платформ, которые предлагают определенные правила и нормы взаимодействия; *правовые средства* с конкретизацией норм международного права и определенной автономией по отношению к национальному и международному праву; *экономические средства*, что ведет к усилению взаимозависимости региональных акторов; *культурно-идеологические средства* с укреплением региональной идентичности; *военно-политические средства* (в своем начальном этапе); *информационные средства* (пока нарождающиеся); *сетевые средства* с постепенным формированием трансграничного гражданского общества[438].

[438] Панченко М.Ю. Понятие «региональный международный порядок»: межпарадигмальный подход // Власть. – М., 2010, № 4. – С.58-59.

Региональный порядок в Центральной Азии, будучи государственно-центричным, имеет достаточно зримые предпосылки для развития в полноценный регионализм со всеми атрибутами и свойствами интеграции. Порядок здесь доказал свою жизнеспособность и востребованность, носит гибкий, открытый, прагматичный и адаптивный характер. Добровольность, консенсусность и неформальность порядка в регионе придают ему долгосрочную устойчивость, прежде всего на фоне возрастающих внутренних и внешних угроз и вызовов.

Порядок в Центральной Азии обладает всеми современными свойствами транснациональности. Анализ макрорегионального и международного контекстов регионального порядка показывает его интегрированность в матрицу глобальных процессов различного уровня и содержания. Центральноазиатский порядок институционально и нормативно поддерживается комплексом формальных региональных организаций по всему его политико-географическому окружению. Это позволяет адаптировать специфические ценности, нормы и принципы, присущие разнообразным политико-идеологическим, экономическим и культурно-цивилизационным пространствам, примыкающим к региону.

Региональная порядок защищен целым набором международных целей, принципов, институтов, норм и правил, которые все больше подталкивают государства Центральной Азии к координации политики на глобальном уровне. Процесс имеет двустороннее движение – страны региона выдают импульсы в форме различных инициатив, трансформирующих важнейшие аспекты международного порядка, и наоборот, получают заряд от мирового сообщества в вопросах регионального строительства, укрепления безопасности и устойчивого развития.

Этот процесс привязывает центральноазиатский порядок к либеральному мировому порядку, доминирующему на современном этапе и оспариваемому рядом ключевых глобальных игроков. Это означает, что эволюция либерального мирового порядка или его эрозия под воздействием различных новейших факторов (рост влияния новых центров силы, повышение значения регионов как составных элементов международной системы, возможное ослабление мирового финансово-экономического порядка и др.) будут иметь очевидное влияние на состояние и качество регионального порядка в Центральной Азии. Поэтому перед странами региона возникают ценностные дилеммы.

Данный тезис в той же степени справедлив в отношении импликации на центральноазиатский порядок процессов на макрорегиональном уровне, когда речь идет о перспективах российско- и китаецентричного

порядка в евразийском пространстве. Порядок в Центральной Азии отражает переход власти в Азию, поэтому взаимосвязан с состоянием дел вокруг Афганистана и Ирана, динамикой регионального порядка в Южноазиатском регионе и Европе (особенно Восточной), геополитическими изменениями на Ближнем и Среднем Востоке.

Принципиальным остается равновесие сил ключевых акторов в лице России, Китая и США на региональном пространстве, что позволяет выстраивать некую неформальную иерархию и обеспечить разграничение в Центральной Азии интересов великих и региональных держав и остальных стран. Проанализированное состояние порядка в регионе носит динамичный характер и подвергается изменениям с течением времени, зависит как от конфигурации отношений между различными внешними силами на региональном, макрорегиональном и международном уровнях, так и от эволюции главенствующих здесь принципов и норм, успеха реализации совместных проектов и программ.

* * *

1. Классификация способствующих и препятствующих регионализму в Центральной Азии факторов свидетельствует о том, что регион за последние тридцать лет перешел от состояния пассивной территории (общности) в состояние активного политического субъекта.

Концептуализация *«нового центральноазиатского регионализма»* носит дискуссионный характер и будет во многом зависеть от темпов и глубины всестороннего сотрудничества государств региона. В то же время неоспоримым остается то, что Центральная Азия как политическая общность:

– практически вошла в новый этап региональной консолидации со своими специфичными особенностями и характеристиками;

– в силу своего положения, широкого потенциала и мощи продолжает играть заметную роль и влиять на трансформацию мирового порядка как благодаря конструктивным и прогрессивным инициативам общемирового значения, так и ввиду доказанной способности к устойчивому мирному сосуществованию. Последнее обстоятельство особенно актуально, если учесть дестабилизирующий рост конфликтности в региональном и международном измерениях, пертурбации по вектору глобальное – региональное, дефицит взаимного доверия и процессы поиска новых мирополитических (региональных) концепций (моделей);

– «сохранила лицо» в качестве ответственного участника международной политики путем коллективного или с участием внешних медиаторов купирования и нейтрализации острых региональных вызовов и угроз, решения ключевых вопросов жизнеобеспечения государств, развития базовых общественных благ, недопущения внутренних и внешних попыток внести разлад в межгосударственные отношения;

– несмотря на внутреннюю политико-географическую разделенность, в Центральной Азии проявляется уникальный феномен регионализации и особые характеристики «регионности», когда населяющие его народы приумножают традиции обоюдного уважения и дружбы, проявляют взаимную терпимость и присущую им историческую мудрость при неизбежном возникновении между соседями трений и конфликтов.

2. Анализ генезиса этапов регионального строительства в Центральной Азии показывает, что его характеристики соответствуют критериям регионального порядка, в том числе следующим:

– страны региона поставили общие фундаментальные цели, придерживаются общих формальных и неформальных правил поведения, норм и ценностей, сосуществуют на базе общепризнанных институтов (международное право, дипломатия, управление порядком мировыми державами, баланс сил);

– региональный порядок предполагает учет как внутрирегиональных особенностей, так и макрорегиональных и международных факторов и тем самым сохраняет свою устойчивость и жизнеспособность;

– региональный порядок определяется наличием институциональных, правовых, экономических, культурно идеологических, военно-политических, информационных и сетевых средств в качестве ключевых механизмов своего функционирования;

– порядок в Центральной Азии является государственно-центричным, обладает всеми современными свойствами транснациональности, защищен целым набором международных целей, принципов, институтов, норм и правил, а также носит гибкий, открытый, прагматичный и адаптивный характер, имеет черты добровольности участия, консенсусности и неформальности.

Таким образом, научный анализ Центральноазиатского региона с позиций подходов порядка видится продуктивным и объективным.

ГЛАВА 4.
ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

4.1. Внешняя политика и национальные стратегии развития государств Центральной Азии в контексте современных мирополитических процессов

С обретением независимости после распада Советского Союза в 1991 г. и окончания биполярной конфронтации перед новыми государствами Центральной Азии стояли жизненно важные задачи национального строительства. Становление их государственности, формирование и реализация программ внутреннего развития, определение траектории и имплементация внешнеполитического курса совпали с периодом постбилярности при отчетливом доминировании в международной системе США и стран Запада. Этот период стал «серьезным испытанием для всех стран Центральной Азии»[439].

Мировой порядок, особенно в 90-х годах прошлого столетия и в первом десятилетии XXI в., в условиях превалирующей тогда парадигмы «конца истории» определялся понятиями и принципами либеральной демократии и рыночной экономики. На их основе строилась и во многом сегодня зиждется вся архитектура международных отношений:

– признаются общепринятые ценностные ориентиры, в первую очередь императивы прав человека, свободы слова и выбора;

– действуют установившиеся правила поведения, нормы и режимы в политике, экономике и социально-гуманитарной сфере;

– функционируют глобальные институты и механизмы взаимодействия;

– признавалась иерархия на глобальном и региональном уровнях.

Баланс сил и интересов, основные пункты глобальной и во многих случаях региональных повесток не могли определяться без участия Соединенных Штатов и их союзников. Эти государства задавали общую тональность отношениям на международной арене в силу доминирования в глобальных финансах, инвестиционной деятельности и технологиях,

[439] Лебедева М.М., Боришполец К.П., Иванова Н.А., Чепурина М.А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. – М.: «Аспект Пресс», 2016. – С. 13.

а также военной мощи и морально-политического превосходства. Ключевым представляется всеобщее распространение западной «мягкой» и «нормативной»[440] силы, оказывающих влияние на поведение государств в системе международных отношений.

Именно в этот период, исходя из национальных интересов, новые независимые государства Центральной Азии ставили перед собой стратегические цели интеграции в мировое сообщество, определяли задачи, принципы, приоритеты и основные направления своей внешней политики. Наиболее существенными процессами в этом контексте представляются:

(а) принятие ими обязательств в рамках ООН и ОБСЕ, которые и в настоящее время составляют фундаментальную основу их действий на внешнем поле. Яркими проявлениями коллективной и индивидуальной международной ответственности стран региона стали «добровольный отказ»[441] Казахстана от ядерного оружия в начале 90-х годов прошлого столетия и подписание на базе инициативы Узбекистана Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, вступившей в силу в 2009 г., а заявление о статусе постоянного нейтралитета Туркменистана было сделано еще на встрече ОБСЕ в г. Хельсинки в июле 1992 г. с его признанием решением ГА ООН в декабре 1995 г.[442]. Тем самым интенсивная интернационализация, особенно в первые годы независимости, способствовала консолидации их государственности;

(б) присоединение к бреттон-вудской системе и ее институтам, которые продолжают играть важнейшую роль в социально-экономическом развитии центральноазиатских стран и их интеграции в мирохозяйственные отношения. Без экономического содействия крупных государств и международных финансовых институтов трудно было себе представить развитие новых транспортных и энергетических проектов, задействование человеческого и природно-ресурсного потенциала региона;

[440] Концепция «нормативной силы» Европейского Союза (normative power) – концепция, разработанная в 2002 г. датским исследователем Ианом Маннерсом с целью объяснить особую роль Европейского Союза в мировой политике и специфику его внешнеполитической деятельности. И. Маннерс предлагает отказаться от государственно-центристских подходов и не сводить «силу» ЕС к сумме его военно-политического и экономического потенциалов. Сила ЕС, по его мнению, выражается через «идеи, мнения и совесть». См: Ian Manners. The European Union's Normative Power: Critical Perspectives and Perspectives on the Critical (англ.) // Normative Power Europe. – London: Palgrave Macmillan UK, 2011.

[441] Шаукенова З. 30 лет независимости Казахстана // Kazakhstan journal of foreign studies. – Астана, 2021, № 1-2. – С. 11.

[442] Yusupov A., Keskin O. В Туркменистане отмечают 26-ю годовщину международного признания нейтралитета страны // https://www.aa.com.tr/ru.

(в) участие в континентальных региональных организациях совместно с Россией, Китаем, Индией, Турцией, Ираном, Пакистаном, соседними и мусульманскими государствами, которые имеют разнообразную природу и решают множественные задачи, но в целом заточены на реализацию кооперационных принципов взаимодействия и общих усилий по обеспечению стабильности и безопасности. Во многом благодаря действиям стран региона за последние три десятилетия удается купировать исходящие с территории Афганистана угрозы и вызовы, что создает благоприятные условия для вовлечения этой страны в общерегиональное пространство;

(г) формирование и развитие двусторонних отношений с большинством государств-членов Объединенных Наций и в первую очередь с мировыми и региональными державами. Многие годы данное стержневое направление внешней политики государств региона создает необходимые предпосылки для поддержания баланса интересов в регионе, сохранения геополитического равновесия и управления конфликтными ситуациями в разумных и справедливых рамках. К примеру, общепризнана роль России, Ирана, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана, Казахстана и Пакистана в качестве медиаторов и государств-гарантов в окончании гражданской войны в Таджикистане в 1997 г. в рамках Общего соглашения об установлении мира и национального согласия[443]. Сдержанная позиция Узбекистана и медиация Казахстана в ходе межэтнического кризиса на юге Кыргызстана в 2010 г. имели особое значение в процессе умиротворения потенциально опасной для региональной безопасности ситуации.

Следует подчеркнуть солидаризированную позицию всех государств региона в ходе международной антитеррористической операции в Афганистане в 2001 г.

Ориентировочно с периода начала глобального финансово-экономического кризиса 2008 г. на поверхность вышли тенденции эрозии однополярности, которые наблюдались и ранее, но в менее выраженной форме, и сегодня проявляются в следующем:

1) мировой порядок качнулся в сторону нестабильной полицентричности, что размывает основы либеральной модели мироустройства. В условиях возникновения новых разделительных линий подобные изменения ставят перед многими средними и малыми государствами, особенно в зонах геополитических и цивилизационных разломов, к которым относится и Центральная Азия, дилемму выбора

[443] См.: Шарафиева О.Х. Межтаджикские переговоры как пример урегулирования внутреннего конфликта // Вестник Томского государственного университета, 2013, № 367. – С. 84–91.

союзников и гарантов безопасности. В условиях стремительной трансформации важных аспектов мирового порядка центральноазиатские государства стремятся сохранить свое независимое позиционирование, выбирая следование нормам международного права и позицию нейтралитета;

2) происходит диффузия мощи, когда мировыми центрами силы являются не только государства, но и целый конгломерат негосударственных акторов, имеющих как прогрессивные, так и деструктивные цели. Государства региона в различной степени продолжают сталкиваться с влиянием этих акторов при реализации своих внешнеполитических курсов.

Острый западный дискурс о правах человека и демократизации, особенно в первые два десятилетия после обретения странами региона независимости, приобретает латентный характер. Это связано не только с корректировкой внешнего курса ведущих государств Запада, которые в складывающихся обстоятельствах делают упор на сдерживание геополитических конкурентов и поиск новых партнеров и союзников в глобальном противостоянии. Сами центральноазиатские страны прошли сложный эволюционный путь реализации собственных национальных моделей по таким направлениям, как формирование и сменяемость власти; конструирование системы народовластия, сдержек и противовесов, гражданского общества, внедрение культуры выборов; сохранение социально-экономической дееспособности; продвижение положительного международного имиджа.

Регион все еще остается объектом устремлений международных террористических, экстремистских и оргпреступных организаций и структур, вынашивающих серьезные планы дестабилизации обстановки[444];

3) налицо пока еще слабая, но растущая политико-дипломатическая и финансово-экономическая фрагментация мирового пространства, хотя глобализация все еще остается доминирующей особенностью мироустройства. На международной авансцене усилилась роль новых центров силы в лице развивающихся государств и их альянсов (например, в рамках АСЕАН, Африканского союза или МЕРКОСУР), значительно окрепших держав в лице Китая, России и Индии, имеющих собственные интересы и мотивацию действий в международной системе.

Именно эти субъекты вносят сегодня решающий вклад в размывание устоев однополярности, получая ожидаемый отпор со стороны США и их союзников. Россия – с использованием обновленной за последние

[444] Казанцев А.А. Международные сети джихадизма: Центральная Азия, Кавказ, Ближний Восток и Афганистан: монография. – М.: МГИМО-Университет, 2019.

десятилетия военной мощи и своего влиятельного положения в качестве «государства-цивилизации» с огромной ресурсной базой. Китай – посредством расширения геоэкономического положения по всему миру и «мягкой силы», укрепления военного присутствия в зонах собственных геополитических интересов в Азии. Индия – на базе принципов неприсоединения, независимой внешней политики, укрепления своих военно-стратегических и экономических позиций в непосредственном окружении. Целый ряд государств развивающегося мира – путем балансирования между традиционными и новыми центрами силы, а также отказа от безусловного подчинения воле того или иного гегемона.

Поведение России (в большей степени) и Китая (в меньшей степени) определяется как «ревизионизм»[445] революционного характера, когда их внешнеполитические и внешнеэкономические стратегии, иными словами, долгосрочные амбиции не вписываются и иногда противоречат правилам и нормам либерального мироустройства. Тем самым при обострении геополитических конфликтов и высокой поляризации естественное преимущество государств Центральной Азии в плане политико-экономической и географической близости к соседним державам может превратиться в латентную конфликтность при выборе альтернативных внешних партнеров. То есть «постоянной доминантой внешней политики центральноазиатских стран является выбор»[446];

4) появились или усугубились ранее существовавшие всеобщие угрозы и вызовы (естественного характера и политически мотивированные), а мировой порядок, установившийся после холодной войны, более не способен упорядочить взаимоотношения для их купирования или разрешения. Как заявил госсекретарь США Энтони Блинкен в начале украинского кризиса 2022 г., «эпоха международных отношений, пришедшая на смену холодной войне, завершилась» и «мы вновь обнаруживаем себя в вихре истории» с учетом «напористости» Китая, бросающего вызов основанному на правилах мировому порядку, который «в течение долгого времени является основой безопасности и процветания американцев и народов всего мира»[447].

[445] См.: Tenembaum Y.J. International Relations: It's time to revise how we talk about revisionist powers // The Oxford University Politics Blog, November 6, 2012 // https://blog.politics.ox.ac.uk.
[446] Иманалиев М. Геополитическое значение Центральной Азии в условиях евразийского проектирования // Центральная Азия в условиях глобальной трансформации: Материалы XV Ежегодной конференции КИСИ при Президенте РК по безопасности (г. Астана, 2 июня 2017 г.) / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Астана: КИСИ при Президенте РК, 2017. – С. 34.
[447] Блинкен заявил о завершении эры, пришедшей на смену холодной войне, 4 апреля 2022 г. // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14277423.

Подобная турбулентность, оказывающая негативное влияние на всеобщую безопасность и перспективы устойчивого развития большинства государств, требует, во-первых, более широкой вовлеченности международных акторов в определение и реализацию глобальной повестки вне зависимости от степени их аффилированности с либеральным порядком, во-вторых, достижения минимального консенсуса по поводу новых правил игры, в-третьих, обновления правовых и институциональных основ обеспечения стратегической стабильности и регулирования ранее неизвестных феноменов глобализированного мира.

Естественно, современные тренды не могли обойти стороной и государства нашего региона, тем более с учетом их широкой интеграции в международные дела и стремления сохранить место и роль в мирополитической системе в качестве независимых субъектов. Благодаря географическому расположению и богатым ресурсам неуклонно возрастает важность Центральной Азии в евразийских и глобальных процессах, укрепляется их самостоятельная индивидуальная и коллективная субъектность в международных отношениях. Следовательно, ввиду позитивной динамики регионализма и регионализации в Центральной Азии, проявляющейся в последние годы на фоне высокой конфликтности на международной арене, возникает потребность в объективном анализе особенностей современных внешнеполитических стратегий и установок государств региона в увязке с процессами трансформации мирового порядка.

В то же время внешнеполитическая деятельность центральноазиатских стран не поддается однозначной и единообразной коннотации, что свойственно для средних и малых государств в системе международных отношений. Внешняя политика такой когорты государств объективно имеет свои ограничения с учетом несоизмеримости их совокупной мощи по сравнению с признанными державами. Имея черты «геополитической дипломатии»[448], она подвержена и зачастую уязвима перед глобальной и региональной конъюнктурой, разнообразными политическими и естественными изменениями во внешней среде, а также тесно взаимосвязана с внутренними (порой нестабильными) общественно-политическими и социально-экономическими изменениями. Здесь срабатывает концепция Арнольда Тойнби «вызова и ответа» (*challenge and response*). Тем самым можно согласиться с тезисом о наличии в Центральной Азии «тесной связи между национальной идентичностью, легитимностью и внешней политикой»[449].

[448] Кусаинова А.М. Дипломатическая служба как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Республики Казахстан: Дисс. … докт. филос. (PhD). – Астана: Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, 2014. – С.3.

[449] См.: Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии // Pro et Contra. – М.: 2013 г., № 1-2. – С.6-20.

Тем не менее более чем тридцатилетняя история их независимого развития дает основания для рассмотрения этого вопроса с применением таких категорий науки о международных отношениях, как национальный интерес и безопасность, «мягкая» и «жесткая» сила, принципы и ценности, многовекторность, баланс сил и интересов, дилемма безопасности, увязка внутренней и внешней политики, национальная идентичность и культурная самобытность, легитимность, суверенитет, территориальная целостность.

Республика Казахстан, обладая значительными природно-материальными ресурсами и находясь в центре геополитических процессов в евразийском пространстве, реализует свою внешнюю политику на базе *принципов* преемственности (после смены верховной власти), содействия построению стабильного, справедливого и демократического мирового порядка, внешней открытости, многовекторности, прагматизма, мультилатерализма и неразрывной связи безопасности и развития[450].

В Казахстане *осознают «сложные трансформации» в современной системе международных отношений,* проявляющиеся в «кризисе доверия», «размывании основополагающих принципов международного права» и «столкновении в мировом масштабе двух основных тенденций – глобализма и национализма, что создает серьезные риски для средних и малых государств»[451]. Возрастающие вызовы, связанные с перераспределением силы и влияния на международной арене, в первую очередь на евразийском континенте, с учетом независимого поведения России и ее готовности отстаивать военными методами собственное видение международной архитектуры безопасности и «возвышения» Китая вызывают ответную реакцию Астаны, где особо подчеркивают *«священность таких ценностей, как независимость, суверенитет, нерушимость границ и территориальная целостность»*[452]. Тем самым страна, несмотря на смену руководства, заинтересована сохранить свою *дистанцированность и максимальный нейтралитет* относительно противоречий и конфликтов мировых держав[453], что проявилось в ходе беспрецедентного противостояния между Россией и Западом вокруг Украины.

«Дисперсная» локация населения страны, его многонациональный и многоконфессиональный состав, необходимость эффективного контроля над обширными территориями и решения проблем неравномерного

[450] Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 г. № 280 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000280.
[451] Там же.
[452] Глава государства Касым-Жомарт Токаев принял участие в расширенном заседании коллегии МИД, 18 ноября 2021 года // https://www.akorda.kz/ru -18105730.
[453] Чеботарев А. Особенности новой концепции внешней политики Казахстана // Central Asian Bureau for Analytical Reporting, 23 апреля 2020 г. // https://cabar.asia/ru.

распределения национального дохода, потребность в справедливом использовании трансграничных водных и иных ресурсов, вызовы в сфере экономического и транспортно-логистического сотрудничества с соседними государствами обуславливают особый акцент лидера страны на «ревизии методов внешнеполитической работы и выработке соответствующих системных мер» в русле перехода от «суперпрезидентской» к «нормативной президентской» модели правления[454].

В целях достижения *тесной взаимосвязи между внутренней и внешней политикой* Астана ставит новые задачи в рамках провозглашенной концепции «слышащего государства», реализации «экономической дипломатии» и в целом разработки «единой общенациональной стратегии на внешнем поле»[455], в том числе рамках Стратегии долгосрочного и устойчивого развития до 2050 г., Плана нации «100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ».

«Западный вектор» внешней политики республики связан с присутствием на казахстанском энергетическом и сырьевом секторе крупнейших транснациональных компаний и стратегических инвесторов, а также востребованностью балансирования интересов связки Россия – Китай и США – коллективный Запад. *«Экономизация» внешнего курса* нацелена, например, на реализацию Государственной программы «Цифровой Казахстан», развитие секторов «искусственного интеллекта», «больших данных» и других смежных направлений, концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике». Последовательно предпринимаются усилия по превращению Казахстана в трансконтинентальный транзитно-логистический хаб на магистральных путях Восток – Запад и Север – Юг через реализацию государственной программы «Нұрлы жол».

Казахстан имеет достаточный потенциал и мощь для последовательной имплементации декларируемых целей внешней политики, если учесть, например, полное правовое закрепление государственной границы как важнейший фактор обеспечения национальной безопасности и закрепление правового статуса Каспийского моря с учетом экзистенциональной важности для страны его энергетических ресурсов. Участие в евразийской интеграции с лидирующей ролью России отражает стремление Казахстана адаптировать широкие интересы соседней державы в регионе, а также к бесконфликтному решению вопросов взаимодействия и максимальному использованию своего геополитического положения в центре континента.

[454] См.: К. Токаев. Турбулентность в Евразии не замедлит прогресс Казахстана // National Interest, 5 апреля 2022 г. // https://the-steppe.com/novosti.
[455] Глава государства Касым-Жомарт Токаев принял участие в расширенном заседании коллегии МИД, 18 ноября 2021 г. // https://www.akorda.kz/ru -18105730.

В целях активизации поиска комплексных подходов к решению узловых вопросов азиатской безопасности перспективным рассматривается трансформация Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в региональную организацию по безопасности и развитию. Видимо, внутренние детерминанты, многолетняя активность и инициативность в рамках международных институтов, роль медиатора при разрешении ряда региональных и международных конфликтов[456] дают основания Казахстану заявлять «о своем *особом региональном статусе», «особой ответственности за судьбы Центральной Азии» в качестве «лидирующего государства».* Однако признание этого положения, по нашему мнению, потребует более длительного исторического опыта и регионального консенсуса.

Внешнеполитический «актив» государства, наработанный в рамках евразийской интеграции[457] и на международном уровне, содействовал преодолению острого внутреннего кризиса в январе 2022 г. Решительные действия руководства вкупе с военно-политической и морально-политической поддержкой, оказанной казахстанскому правительству Россией, Китаем и соседними центральноазиатскими государствами, позволили восстановить стабильность и общественную безопасность.

«Мягкая сила», которая не упоминается в концептуальных документах, все же остается важнейшим инструментом внешней политики Казахстана и ее применение неразрывно связано с процессом укрепления казахской *национальной идентичности*. Регулярный созыв Съезда лидеров мировых и традиционных религий; инициативы в рамках «Международного десятилетия сближения культур»; популяризация историко-культурного наследия казахского народа, в том числе в рамках программы «Рухани жаңғыру»; создание платформ Астанинского экономического форума, Евразийского Медиа Форума и «Astana Club»; поддержка развития казахского языка и культуры за рубежом по линии Всемирной ассоциации казахов и Фонда «Отандастар»; придание Хабу ООН в городе Алматы статуса межрегионального центра ООН в Казахстане по Целям устойчивого развития можно рассматривать в качестве ключевых элементов современной «мягкосиловой» политики Астаны.

Казахстан в силу своего геостратегического и экономического положения, транспортно-транзитного потенциала, накопленного международного опыта играет *ключевую роль в генерации и продвижении*

[456] См.: Cornell Svante E., Starr S. Frederick. Kazakhstan's Role in International Mediation under First President Nursultan Nazarbayev. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2020.
[457] См.: Лаумулин М. Внешняя политика РК: достижения и перспективы // https://strategy2050.kz/ru/news/vneshnyaya-politika-rk-dostizheniya-i-perspektivy.

региональных инициатив. Руководство страны намерено максимально задействовать традиционную «интеграторскую миссию» для повышения своего внутреннего и внешнего авторитета, наращивания регионального и международного влияния. Сближение с соседними государствами способствует позиционированию Казахстана в качестве одного из региональных лидеров, что значительно укрепляет его самостоятельный статус в диалоге с Россией и Китаем. Дополнительный стимул для Астаны – это осознание поощрительного посыла Соединенных Штатов в отношении общерегиональных трендов в Центральной Азии и их стремление снизить здесь градус российской и китайской активности.

Казахстан связывает свои перспективы преимущественно с такими центрами силы, как Россия, Китай и «Большой Запад», от которых во многом зависит состояние стратегически важных отраслей экономики страны и внешняя легитимность. Казахская элита, окрепшая благодаря природной ренте, постепенно встраивается в мировую финансово-экономическую и гуманитарную матрицу и одновременно рассматривает свое будущее в привязке с региональной идентичностью.

Глубина участия Казахстана в центральноазиатских процессах, прежде всего в плане их институционализации, коррелируется с его членством в патронируемых Россией интеграционных объединениях.

Согласно идеологеме об общем «миропонимании и мироощущении»[458] стран Центральной Азии, Казахстан на региональном поле пытается решить следующие ключевые задачи.

Во-первых, Астана предпринимает усилия в целях координации политико-дипломатических позиций государств Центральной Азии на международных площадках и закрепления роли выразителя общерегиональных интересов по различным общим проблемам, что проявилось в ходе членства Казахстана в Совбезе ООН.

Казахстан осознает растущее значение Узбекистана на международной арене и в целях нивелирования своей геополитической зависимости от России и Китая постарается воспользоваться этим фактором во взаимодействии с внешними силами. Интересам Республики Узбекистан также может отвечать демонстрация политического единства и отсутствия фундаментальных различий между государствами Центральной Азии в оценке важнейших локальных и международных процессов.

Во-вторых, Казахстан заинтересован в сохранении мира и стабильности в регионе и отдает себе отчет о неделимости безопасности в Центральной Азии. Например, относительно афганского урегулирования

[458] Участие Н. Назарбаева в Рабочей (консультативной) встрече глав государств Центральной Азии, 15 марта 2018 г. // https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_ news/meetings_and_receptions.

известен призыв президента Казахстана о том, что «мы стремимся к Большой выгоде, а не к Большой игре в сердце Азии». Поэтому учреждение механизма пятисторонних регулярных консультаций между аппаратами советов безопасности имеет определенную перспективу и заслуживает поддержки государств региона.

В-третьих, Астана продолжит усилия по расширению своих возможностей в качестве экономического полюса регионального масштаба. В частности, предложения казахстанской стороны о необходимости работы по направлениям «индустриализации и цифровизации» в рамках нынешнего этапа технологической революции и о расширении использования ее транспортно-логистических возможностей следует рассматривать как стремление задать тон в плане формирования экономической повестки регионального сотрудничества.

Кыргызская Республика представляется собой государство, внешнеполитический курс которого в высокой степени соотносится с внутренними неустойчивыми тенденциями, однако сохраняет константы, позволяющие предотвратить его хаотизацию.

В течение последних двух десятилетий Кыргызстан сталкивался с различными проблемами в контексте государственного строительства, «пытаясь найти оптимальную модель развития, соответствующую национальному характеру»[459], при этом все еще актуальным остается «кризис идентичности и духовно-нравственных ценностей»[460] в процессе самоопределения.

В ходе Первого Народного Курултая как общественно-представительного и совещательно-наблюдательного собрания народных представителей, в ноябре 2022 г. было заявлено о необходимости «способствовать сохранению и развитию культурной самобытности, сохранению и устойчивому развитию кыргызского государства и общества, повышению качества жизни, консолидации общества вокруг реализации национальных интересов». Причинами кризисных явлений в обществе названы «ошибки кадровой политики, недостаточное внимание к системе образования, равнодушное отношение в научно-исследовательской работе, несправедливость в судах и прокуратуре, перевод государственного языка на декларативный статус, нарушения в здравоохранении, отсутствие

[459] Президент Садыр Жапаров: В ближайшие пять лет государственная политика будет направлена на построение нового Кыргызстана, повышение доверия и единства граждан // http://www.president.kg/ru/sobytiya/21492.
[460] См.: Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2026 года. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 12 октября 2021 г. УП №435 // http://www.president.kg/ru/sobytiya/20898.

системности в религиозной деятельности, снижение внимания к культуре, отсутствие соответствующей деятельности в области воспитания, поведения и мировоззрения народа, образование пробелов, в результате которых возникают элементы разных культур, и ведется работа уже с последствиями этого явления[461].

Именно поэтому среди основных *национальных интересов* страны во внешней политике, наряду с защитой независимости, государственного суверенитета и территориальной целостности, значатся сохранение «единства многонационального народа Кыргызстана», «обогащение духовности и культуры кыргызского народа», «сохранение и развитие исторических, культурных ценностей и традиций многонационального народа Кыргызстана, основанных на толерантности, свободолюбии и открытости»[462].

Внешняя политика Кыргызстана за годы независимого развития была подвержена серьезным флуктуациям. Период вхождения в мировое сообщество на правах полноправного субъекта (1992–1999) сменился этапом укрепления внешнеполитических позиций по ключевым векторам внешней политики (2000–2005). Затем наступил период непоследовательности и непредсказуемости внешней политики (2006–2010), перешедший в активацию внешнеполитической деятельности на основе концепции *многовекторности* (2011 – по н.в.)[463].

Сложный горный рельеф страны и отсутствие выхода к морю обусловили стремление диверсифицировать внешние связи и максимально использовать историческую связующую роль Центральной Азии между Европой и Азией. Бишкек декларирует проведение своей внешней политики на базе *принципов* прагматизма, сбалансированности, открытой многовекторности и последовательности, исходя из базового понимания *многополярности* системы международных отношений[464].

Текущая турбулентность в мировой политике ставит перед Бишкеком, как и перед другими средними и малыми государствами евразийского пространства, дилеммы выбора основного партнера или гаранта политической, военной и экономической безопасности.

[461] По итогам Первого Народного Курултая принята Резолюция, 26 ноября 2022 г. // https://www.president.kg/ru/sobytiya/23869_po_itogam_pervogo_narodnogo_kurultaya_prinyata_rezolyuciya.
[462] См.: Концепция внешней политики Кыргызской Республики. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 11 марта 2019 г. УП № 37 // http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045.
[463] Гарбузарова Е. Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах. – М.: «Аспект Пресс», 2020. – С. 82.
[464] См.: Концепция внешней политики Кыргызской Республики. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 11 марта 2019 г. УП № 37 // http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045.

Исторически сложилось так, что наличие российской военной инфраструктуры на территории Кыргызстана, его участие в ЕАЭС, ОДКБ и ШОС видятся недостаточными для сохранения его внутренней устойчивости.

Внутренняя и внешняя политика страны также подвержена влиянию государств Запада, с которыми Бишкек разделяет «общие демократические ценности», через инструментарий активного «третьего сектора», а также со стороны расширяющегося китайского и турецкого экономического и культурно-цивилизационного фактора. Именно эти реалии диктуют необходимость поиска Кыргызстаном «новых возможностей для обеспечения устойчивого развития страны и эффективного противодействия современным вызовам и угрозам»[465], в том числе рамках коллективной безопасности.

Незавершенность процесса делимитации и демаркации границ является определяющим фактором, формирующим внешние и внутренние угрозы пограничной безопасности страны, что подталкивает правительство к наращиванию *«жесткой силы»*[466]. Акцент на дальнейшем военном строительстве связан как с угрозами терроризма, так и с участившимися локальными приграничными стычками с таджикской стороной.

На фоне динамичных внутриполитических процессов и после ряда революционных событий Кыргызстан пытался укрепить свой внешний имидж в качестве «островка демократии» в Центральной Азии, направленный на целевую аудиторию западных государств. В рамках реализации политики *«мягкой силы»* продвигаются национальные и региональные бренды, нарратив о древности истоков кыргызов с Алтая и их государственности, идет интернационализация образования и создание культурных площадок типа Всемирных игр кочевников.

Очевидно, что «жесткая» и «мягкая» сила страны подчинена целям укрепления *легитимности власти, национальной идентичности и поддержания единства общества*.

Использование членства страны во Всемирной торговой организации, статуса пользователя Всеобщей системы преференций (ВСП+) в рамках Европейского союза, продвижение проектов «CASA-1000» и строительства

[465] См.: Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 31 октября 2018 г. УП № 221 // https://www.gov.kg/ru/programs/8.

[466] Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2026 года предусматривает: 1) принятие новой Военной доктрины, где будут пересмотрены механизмы формирования мобилизационного резерва, а также порядок обеспечения военнообязанных мобилизационного резерва, в особенности на приграничных территориях; 2) принятие Государственной программы возрождения военно-промышленного комплекса «Кыргыз Курал» до 2026 года.

железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан, реализация туристического потенциала и освоение природных ресурсов остаются приоритетными во внешнеэкономической повестке страны. Преодолению традиционной внутренней разобщенности между Севером и Югом будет служить создание транспортно-коммуникационных путей как часть международных артерий.

Центральноазиатский вектор через «формирование дружественного окружения и укрепление добрососедства с государствами региона» остается приоритетным для Бишкека. Кыргызская сторона выступает за «укрепление взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах, продвижение интеграции и обеспечение условий для свободного передвижения людей, капитала, товаров и услуг в регионе».

Нынешнее руководство страны призывает государства Центральной Азии «тесно интегрироваться в регионе, гармонично выступать как единое целое в экономическом отношении, в частности национальные стратегии устойчивого развития стран должны дополнять друг друга и учитывать возможности каждого».

Делая акцент на экономическом сотрудничестве, Бишкек призывает сформировать «некое единое экономическое пространство, основой интеграции которого станет взаимовыгодная стратегия экономического развития»[467]. В частности, его региональная повестка включает: 1) внедрение экономических механизмов водопользования в регионе вкупе со строительством экологичных ГЭС, что означает позицию, предусматривающую материальную компенсацию государств низовья за накопление воды государствами верховья; 2) повышение эффективности действующих и создание новых транспортных коридоров Евразийской железнодорожной инфраструктуры, дающих возможность выхода стран региона к морским портам Карачи и Бандер-Аббас, что продиктовано транспортной полузамкнутостью страны; 3) усиление кооперации между странами Центральной Азии в топливно-энергетической сфере, достижение договоренностей по поставкам на взаимовыгодных условиях природного газа, электроэнергии, а также сжиженного газа, что отвечает критериям национальной энергетической безопасности; 4) снятие барьеров на государственных границах для грузов и населения для реализации реэкспортного потенциала Кыргызстана.

[467] Президент Садыр Жапаров: Проект строительства ж/д магистрали «Китай–Кыргызстан–Узбекистан» станет одним из альтернативных и важных звеньев Центрально-Азиатского участка Евразийской железнодорожной сети // http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/20229.

Тем самым на базе *национальных интересов* Кыргызстан, отягощенный комплексом проблем внутреннего плана, все же сохраняет последовательную стратегию на укрепление регионального сотрудничества, вносит конкретный вклад в обогащение его содержания. Бишкек, очевидно, сохранит курс, направленный на стратегическое сотрудничество с Россией и Китаем, что позволит ему балансировать между их интересами в Центральной Азии, получать дополнительные финансовые ресурсы и гарантии безопасности. В то же время региональный контекст будет играть возрастающее значение для Бишкека, прежде всего на фоне геополитической фрагментации в Евразии и усиления конфронтации по линии Россия – США и Китай – США.

Таджикистан. Внешняя политика республики, базирующаяся на идеологеме «открытых дверей», имеет ярко выраженный диверсифицированный характер и в то же время реалистично и прагматично учитывает интересы крупных держав региона и внерегиональных центров силы. Она нацелена на формирование пояса безопасности и добрососедства на границах страны.

Философия внешних связей страны, по нашему мнению, основана на двух взаимодополняющих факторах: во-первых, осознании географического расположения в глубине Евразийского континента, что предполагает «нахождение Республики Таджикистан в орбите геополитических интересов современного мира»; во-вторых, этнопсихологических и культурно-исторических особенностях таджикского народа, имеющего многовековой опыт сохранения *самобытных ценностей* и относительной устойчивости к внешнему цивилизационному воздействию.

В концептуальном плане Таджикистан «считает главными и важными нормами общего миропорядка практическое соблюдение баланса между глобализационными процессами и национальными интересами каждой страны», создание эффективных механизмов обеспечения сочетания национальных интересов и международных усилий, «предоставление достойных условий для каждого государства и народа, вне зависимости от их мощи, роли и значении в геополитическом распределении сил».

В Душанбе уверены в том, что «глобализация и национальные интересы государств должны взаимодополнять друг друга и служить надежным гарантом устойчивого развития международных отношений»[468]. В Таджикистане, декларируя *многовекторную* внешнюю политику, имеют четкое представление о трансформационном и переходном характере

[468] Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента Республики Узбекистан от 27 января 2015 г. № 332 // https://mfa.tj/ru/ main/view/988.

системы международных отношений, когда «многополярный мир только формируется»[469]. Еще одна ключевая цель – утверждение *национальной идентичности* как состоявшегося и независимого современного государства.

Среди *основных принципов внешнеполитического курса страны* обозначены следующие: признание равенства, уважение суверенитета и территориальной целостности государств, неприкосновенность границ, неприменение силы и угрозы силой в международных отношениях, невмешательство во внутренние дела друг друга; уважение прав и фундаментальных свобод человека; выполнение обязательств; соблюдение принципа верховенства международного права; деидеологизация межгосударственных отношений; неприятие в международной практике любых форм попрания прав. Тем самым, как и многие средние и малые государства, Таджикистан на фоне тенденций усиления международной поляризации стремится защищать свои интересы на внешнем поле посредством укрепления Вестфальских принципов. Думается, возможное непостоянное членство Таджикистана в Совбезе ООН в 2028-2029 гг. будет служить его традиционно миролюбивым целям.

Национальные интересы страны в сфере внешней политики детерминируются такими объективными факторами, как исторические шрамы от гражданской войны[470], что диктует императив «защиты и укрепления государственного суверенитета Таджикистана и обеспечения его национальной безопасности»; соседство с неспокойным Афганистаном вкупе с заметной ролью таджикского населения в этой стране[471]; необходимость обеспечения социально-экономической, энергетической и продовольственной безопасности под демографическим прессингом; потребность в эффективном регулировании миграционных процессов и обеспечении интересов граждан страны, прежде всего трудовых мигрантов, за рубежом; сложности управления территорией, 95% которой занимают горы; транспортно-логистическая уязвимость; управление рисками военно-политической и экономической зависимости от России и Китая, а также противодействие терроризму и наркотрафику.

Неординарными представляются подходы Таджикистана к стратегическому планированию в контексте его международного

[469] Там же.
[470] См.: Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики», 21 декабря 2021 г., город Душанбе // https://mfa.tj/ru/main/view/9389.
[471] Таджикистан с Афганистаном имеет 1400 км общих границ, что составляет 60% общей границы Центральноазиатского региона с этой страной.

геоэкономического позиционирования. В основе Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года лежат три базовых принципа будущего развития: 1) превентивность, или упреждение (снижение) уязвимости будущего развития; 2) индустриальность, или повышение эффективности использования национальных ресурсов; 3) инновационность, или развитие на основе нововведений во всех сферах социально-экономической жизни страны. Стратегические ориентиры такого развития должны учитывать рост инвестиционной и экономической активности в Азиатском регионе, роли в нем Центральной Азии и в целом активизацию сотрудничества стран по линии Юг – Юг. Наряду с наращиванием человеческого капитала дальнейшее развитие гидроэнергетических мощностей и транспортно-коммуникационных проектов по доставке «чистой энергии», расширение международного туризма и транзитных возможностей обозначаются как ключевые задачи *внешнеэкономической политики* страны. Таким образом, республика намерена внести свой вклад в устойчивое развитие стран Южной и Юго-Восточной части Азиатского региона, в том числе Центральной Азии[472].

О самостоятельности внешнего курса, в том числе для реализации указанных долгосрочных задач, может свидетельствовать тот факт, что Таджикистан является основоположником нового формата диалога персоязычных стран (тройка Таджикистан – Афганистан – Иран), образования «Душанбинской четверки» (Таджикистан – Россия –Афганистан – Пакистан). Таджикистан развивает военное и военно-техническое сотрудничество с Китаем и США; имеет собственное видение ситуации в Афганистане, которое предусматривает достижение больших политических прав национальных меньшинств в соседней стране. В 2013 г. совместно с Кабулом подписан меморандум о строительстве железной дороги Туркменистан – Афганистан – Таджикистан (ТАТ), которая по замыслу участников была призвана снизить их зависимость от транзита через Узбекистан.

Душанбе использует инструментарий *«жесткой силы»* для отстаивания собственного понимания национальных интересов в кыргызском и афганском (в превентивном режиме) направлениях. Нарратив об «арийском начале» таджикской нации, отличительность таджикского от соседних тюркских языков, расширение связей с соотечественниками за рубежом, историческое наследие таджикского народа начиная с эпохи

[472] Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. Утверждена постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 декабря 2016 г., № 636 // https://untj.org/dcc/files/ Strategic% 20Framework/2020.

Саманидов, туристические бренды и природные горные красоты, а также активная «водная», «климатическая»[473] и «цифровая» дипломатия составляют основные элементы *«мягкой силы»* страны.

По нашему мнению, «стремление руководства Таджикистана противопоставить «арийское» происхождение таджиков окружающему тюркскому миру»[474] уходит в прошлое. Как отмечает директор аналитического центра «Prudent Solutions» Э. Усубалиев, «таджики – это неотъемлемая часть общего тюрко-персидского религиозного, культурного и цивилизационного пространства. По сути Таджикистан, несмотря на принадлежность к персидскому этносу, в культурном плане ближе к тюркскому миру, чем к персидскому»[475].

Таджикистан вследствие волатильности отношений с Ираном как ключевым до нынешнего этапа региональным партнером готов максимально воспользоваться возможностями сотрудничества в *Центральной Азии.* Одна из приоритетных целей Душанбе – преодоление своего замкнутого транспортно-коммуникационного положения в Центральной Азии. Душанбе не включился в евразийский проект России и Казахстана, не желая выступать в роли «ведомого» партнера с заведомо подчиненной ролью в рамках неравноправной интеграции.

Неурегулированность афганского конфликта и социально-экономические вызовы предопределяют приоритетность для Душанбе российского и китайского направлений внешней политики и соответственно влияют на степень вовлеченности в общерегиональные процессы.

Новая позитивная и конструктивная атмосфера в центральноазиатском пространстве создали удобные политические условия для Душанбе в деле реализации проекта строительства Рогунской ГЭС, получения преференций в транспортно-логистической сфере, усиления международных позиций, а также купирования внутренних общественно-политических и социальных рисков.

Оценивая региональное сотрудничество «безусловным императивом времени»[476], и на «базе созидательного опыта дружественного сосуществования народов Центральной Азии» руководство Таджикистана

[473] По данным таджикской стороны, до 60% водных ресурсов Центральной Азии поступает из ледников Таджикистана; в результате изменения климата и беспрецедентного глобального потепления более 1000 из 13000 ледников в горах Таджикистана полностью растаяли.
[474] Байдаров Е. Центральноазиатская интеграция в контексте единого культурно-цивилизационного пространства // https://carnegieendowment.org/2013/09/09/ru-pub-52896.
[475] Тюркское сотрудничество и внешняя политика Турции в Центральной Азии // https://caa-network.org/archives/21201.
[476] В Астане прошла первая консультативная встреча глав государств Центральной Азии, 15 марта 2018 г. // https://cis.minsk.by/news/8979/v-astane-prosla-pervaa-konsultativnaa-vstreca-glav-gosudarstv-centralnoj-azii.

выступает за (1) взаимодействие в сфере безопасности; (2) свободное трансграничное передвижение людей, товаров, рабочей силы и капитала в пределах региона, в том числе в сферах торговли, промышленного производства, цифровой экономики, современных инноваций и технологий, туризма, обеспечения продовольственной и климатической безопасности; (3) эффективное задействование транспортно-коммуникационного потенциала; (4) комплексное и рациональное использование водноэнергетических ресурсов с учетом интересов всех сторон; 5) культурно-духовное сближение народов региона[477].

Таким образом, Таджикистан пока не готов к потере части своих суверенных полномочий в неизбежном процессе их делегирования в наднациональные интеграционные структуры как в рамках наметившегося регионализма в Центральной Азии, так и на евразийском пространстве.

Туркменистан занимает особое место в Центральноазиатском регионе в силу двух основных причин. Во-первых, страна имеет «срединное» географическое положение в макрорегиональном разрезе, играя ключевую роль в обеспечении для Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана альтернативных коммуникаций, которые не связаны с Россией и Китаем[478]. Туркменистан является связующим звеном для выхода этих государств на европейский, ближневосточный и азиатский стратегические направления. Такое положение будет оставаться актуальным даже в случае перспективного формирования трансафганских коридоров в сторону Южной Азии.

Во-вторых, нейтральный Туркменистан обладает характеристиками «балансира» и конструктивного «контрагента» в поддержании стабильности региональной системы безопасности и экономического сотрудничества, особенно с учетом доступа страны к обширному Каспийскому региону[479] и цивилизационному пространству вокруг Ирана. Именно геополитические факторы, экономическая самодостаточность на базе богатейших минерально-сырьевых ресурсов и этнополитические особенности туркменского народа обуславливают устойчивость нейтрального статуса государства и линию поведения на международной арене.

[477] В Туркменистане прошла Консультативная встреча Глав государств Центральной Азии, 6 августа 2021 г.// https://cis.minsk.by/news/19904.

[478] Например, только в последние годы введены в эксплуатацию 30-километровая ж/д между станциями Акина–Андхой, линия электропередачи по маршруту Керки–Шибирган протяжённостью 153 км, международные оптико-волоконные системы связи Ымамназар–Акина и Серхетабат–Тургунди.

[479] Например, Туркменистан предлагает создать Зону мира, доверия и сотрудничества «Центральная Азия–Каспийский регион» в качестве платформы для продвижения инициатив, нацеленных на укрепление многостороннего сотрудничества в интересах глобального мира и развития; поддерживает формат Трёхсторонних встреч Президентов Туркменистана, Азербайджанской Республики и Турецкой Республики, регулярные Саммиты глав прикаспийских государств.

Туркменистан не вовлечен в коллективные системы безопасности и Россия является фактически единственным государством, к которому Ашгабад может обратиться за поддержкой в условиях реальных и масштабных военных либо террористических угроз с афганского направления.

В Ашгабаде традиционно следуют ООН-центричной политике и рассматривают партнерство с Организацией как «стратегический приоритет, мировоззренческий и практический фундамент всей деятельности на международной арене». Внимательно отслеживают мирополитические изменения и констатируют, что «в мире обостряется военно-стратегическая конфронтация, расширяется и усиливается спектр форм противоборства». Туркменское руководство подчеркивает непредсказуемость и нестабильность международных событий, что «очень затрудняет решение общих задач развития, в частности, всеобщей стабильности, разоружения, реализацию экологических планов»[480].

В этих условиях Ашгабад формулирует «новую философию международных отношений «Диалог – гарантия мира», основанную на четко выверенных политических критериях, здоровом, позитивном прагматизме, общепризнанных и понятных всем человеческих ценностях»[481]. Данный посыл адресован всем государствам вне зависимости от их «масштабов, политического строя, экономической и военной мощи».

В Туркменистане заявляют, что его внешнеполитическая стратегия осуществляется в строгом соответствии с основополагающими *принципами* нейтралитета, миролюбия, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества[482]. В исправлении создавшейся ситуации в мире важным считают восстановление доверия, следование общепризнанным международно-правовым нормам, признание культуры взаимоотношений.

Туркменское руководство призывает международное сообщество к поиску «общего знаменателя между национальными интересами и глобальными целями и приоритетами»[483], что является важнейшим фактором при построении нового мирового порядка. Преемственность и последовательность внешнеполитического курса подчеркивается и новым главой государства Сердаром Бердымухамедовым[484].

[480] Выступление Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова на Международной конференции «Политика мира и доверия – основа международной безопасности, стабильности и развития», Ашхабад, 11.12.2021 г. // http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/45990.html.
[481] Халк Маслахаты Туркменистана принял историческое решение на 30-летнюю перспективу, 11 февраля 2022 г. // https://tdh.gov.tm/ru/post/30209.
[482] Там же.
[483] Президент Гурбангулы Бердымухамедов выступил по цифровой системе на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 23 сентября 2021 г. // http://www.turkmenistan.ru/ ru/articles/45843.html
[484] См.: Речь Президента Туркменистана Сердара Бердымухамедова на торжественной церемонии инаугурации, 19 марта 2022 г. // http://www.turkmenistan.ru/ ru/articles/46159.html.

С. Бердымухамедов изложил пять стратегических направлений внешней политики Туркменистана:

– создание в Центральной Азии и сопредельных регионах устойчивой, неделимой и необратимой системы безопасности и стабильности;

– развитие и продвижение нейтралитета на мировой арене;

– наращивание и диверсификация внешнеэкономических связей;

– всемерное содействие устойчивому развитию;

– содействие гуманизации международных отношений, привнесение в них высоких стандартов морали, нравственности и справедливости.

Тесная *взаимосвязь между внешней политикой и задачами внутреннего развития* прослеживается в документе стратегического планирования «Возрождение новой эпохи могущественного государства: Национальная программа социально-экономического развития Туркменистана в 2022–2052 годах» от 11 февраля 2022 г.[485]. В частности, жизненно важная необходимость эффективного использования энергетических ресурсов государства диктует наращивание мощностей газопровода Туркменистан-Узбекистан-Казахстан-Китай, продолжение реализации проекта строительства транснационального газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия и линии электропередачи Туркменистан-Афганистан-Пакистан.

Согласно принятым программам, осуществляются индустриализация и цифровизация экономики, будет совершенствоваться инновационный социально ориентированный тип развития страны. Предусматривается дальнейшая пропаганда экологической дипломатии, развитие межгосударственного диалога по вопросам рационального водопользования, охраны окружающей среды, адаптации к изменению климата, глобального потепления, борьбы с опустыниванием. Планируется развитие производства возобновляемых видов энергии.

Перед руководством страны стоят зависящие от внешних факторов долгосрочные задачи: 1) дальнейшая трансформация политической системы с постепенной ее децентрализацией; 2) противодействие угрозам и вызовам безопасности, прежде всего исходящих с территории Афганистана, с одновременным сохранением постоянного статуса нейтралитета; 3) развитие человеческого капитала и диверсификации экономики, в том числе с учетом глобальных изменений на энергетическом рынке в сторону декарбонизации; 4) обеспечение продовольственной безопасности.

[485] Халк Маслахаты Туркменистана принял историческое решение на 30-летнюю перспективу, 11 февраля 2022 г. // https://tdh.gov.tm/ru/post/30209.

Туркменистан культивирует собственную уникальную *этнокультурную идентичность* и обособленность на основе древних традиций племени огузов и на этом фундаменте строит национальную государственность. Это обстоятельство сближает страну с Турцией, хотя туркменское общество защищено от чрезмерного внешнего политико-идеологического и цивилизационного влияния. Следует отметить осторожное отношение Туркменистана в полноценному членству в Организации тюркских государств.

Деятельность в сфере «формирования исторического сознания нации» нацелена на упрочение ее идентичности и самости, что свойственно всем странам Центральной Азии. Туркменистан использует свою историю, культуру и традиции, а также национальные бренды – ахалтекинские кони, порода собаки «алабай», туркменские ковры и кухня, курортная зона «Аваза» в качестве важных инструментов «мягкой силы». Ее дипломатический компонент играет ключевую роль, если учесть создание в Ашгабаде Центра превентивной дипломатии Объединенных Наций, международной площадки обсуждения вопросов международных транспортных и энергетических коридоров, продвижение многих инициатив в рамках ООН.

Туркменистан провозглашает «сотрудничество с ближайшими соседями в Центральной Азии как один из приоритетных аспектов внешнеполитической стратегии». Отношения между пятью центральноазиатскими странами Ашгабад оценивает как «родство и неразрывность исторических судеб». Исходя из собственных преимуществ, Ашгабад прагматично предлагает[486]:

а) реализацию среднесрочной «дорожной карты» сотрудничества;

б) взаимодействие в сфере энергетики с созданием инфраструктуры в регионе и по внешнему периметру, в том числе через поставки туркменского газа в Китай через территории Таджикистана и Кыргызстана, а также электроэнергии в центральноазиатские страны;

в) достижение стратегической цели по эффективному функционированию существующих и созданию новых транспортно-транзитных коридоров по линиям Север–Юг и Восток–Запад, в которых Центральная Азия призвана стать важнейшим связующим звеном; реализацию конкретных планов по формированию интегрированной транспортной системы стран Центральной Азии с использованием своих каспийских портов, в том числе для формирования новых транспортно-

[486] Выступление Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова на Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, Аваза, 6 августа 2021 г. // https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/535.

коммуникационных маршрутов по направлениям Центральная Азия – Каспийско-Черноморский регион с выходом на Южную Европу, а также Центральная Азия – Ближний Восток;

г) рассмотрение вопросов упрощения торгового режима в регионе и создание целевых каналов партнерского диалога по экономическим связям и инфраструктурным проектам стран Центральной Азии с Ираном, Афганистаном, Пакистаном, Индией, другими заинтересованными государствами Среднего Востока и Южной Азии.

Анализ основных аспектов внешней политики Туркменистана дает основание полагать, что оценки о «закрытости» и «изолированности» страны от окружающего мира являются не вполне объективными. Специфичность туркменской дипломатии, заключающаяся в твердости позиций на переговорах, последовательности в отстаивании *национальных интересов*, требовании уважения ее подходов, следует рассматривать как элемент особой идентичности Туркменистана.

За все годы независимого развития Ашгабад мог не поддерживать какую-либо сторону со ссылкой на свою нейтральность, воздерживаться от резких заявлений и демаршей, иногда принимать экономические методы воздействия на партнеров. Однако туркменская сторона не была инициатором конфликтов и остается автором многих конструктивных и заслуживающих поддержки идей на различных уровнях, что делает ее ценным участником регионального и международного порядка.

Узбекистан. Доктринальные особенности внешней политики Республики Узбекистан будут подробно рассмотрены в последующем параграфе, поэтому остановимся лишь на ее принципиальных аспектах.

Внешнеполитический курс Узбекистана за годы независимости, *во-первых,* был всецело подчинен целям формирования и укрепления национальной государственности, независимости, суверенитета и национальной идентичности, а также создания максимально благоприятных внешних условий для устойчивого развития; *во-вторых,* занятия достойного, равноправного и авторитетного места на международной арене через развитие стратегических отношений с ведущими государствами мира и конструктивного сотрудничества с региональными и международными организациями и институтами; *в-третьих,* защиты и продвижения *национальных интересов* с созданием пояса безопасности, стабильности и добрососедства; *в-четвертых,* продвижения позитивного имиджа на внешнем поле на базе внутренних политико-экономических реформ и богатых историко-культурных ценностей страны.

Обладая превосходящей по многим параметрам региональной мощью и занимая центральное место в обширном евразийском пространстве, Узбекистан проводит взвешенную и ответственную международную политику. Его позиция и оценки по различным злободневным проблемам международной жизни оказывают влияние на процессы формирования общерегиональных подходов. Узбекистан играет балансирующую и сдерживающую роль в отношениях стран региона с внешними акторами при отстаивании общих и национальных интересов.

Провозглашая *основополагающими принципами* во внешней политике открытость и деидеологизацию, равноправие и уважение территориальной целостности, неприкосновенность границ и невмешательство во внутренние дела других стран, а также приоритет норм международного права, Республика Узбекистан оставляет за собой право заключать союзы, входить в содружества и другие межгосударственные образования, а также выходить из них, не принимает участия в военно-политических блоках, оставляет за собой право выхода из любого межгосударственного образования в случае его трансформации в военно-политический блок, не допускает на своей территории размещения иностранных военных баз и объектов, не принимает участия в миротворческих операциях за рубежом[487].

Указанные принципы фактически указывают на *нейтральность Узбекистана* в вопросах разрешения нарастающих конфликтов между ведущими державами мира, следование нормам и принципам Устава ООН. Эта стратегия оправдала себя в ходе острых событий на постсоветском пространстве и в Центральной Азии в последние десятилетия и гарантировало разумное дистанцирование от усиливающихся геополитических игр крупных держав за сферы влияния и вокруг контуров нового мирового порядка.

Примерно с периода 2003–2005 гг., т.е. после начала «цветных революций», трагических событий в г. Андижане и в условиях прямой террористической угрозы с сопредельных территорий, до 2016 г. *секьюритизация многих аспектов внешней политики* страны и следование императиву «сохранения независимости от влияния внешних сил» предопределили консервативные подходы к вопросам регионального сотрудничества и отразились на динамике внешних связей страны.

Принципиально новый этап в данной сфере связан с реализацией по инициативе Президента Ш. Мирзиёевым Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах[488] и Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–

[487] См.: Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан. Утверждена Законом Республики Узбекистан от 10 сентября 2012 г. № ЗРУ-330.
[488] Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах. Утверждена Указом Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 г., № УП-4947.

2026 годы[489]. Парадигма или феномен «Нового Узбекистана» связаны с проведением широкомасштабных реформ во всех сферах жизнедеятельности и гармоничной *взаимосвязанностью между внутренней и внешней политикой* для формирования обновленного облика государства[490]. Основные параметры нового курса заключаются в открытости и прагматизме, продиктованы жизненно важными потребностями национального развития.

Перед Узбекистаном стоят серьезные вызовы по:

– дальнейшему реформированию системы государственного управления и либерализации, укреплению обороноспособности;

– укреплению светских основ государственного устройства;

– диверсификации экономики с учетом высокого демографического роста и необходимости формирования устойчивой социальной инфраструктуры;

– переходу на инновационные рельсы развития с эффективным использованием человеческого капитала и природно-сырьевых ресурсов для сохранения конкурентоспособности;

– формированию и расширению имеющихся транспортно-коммуникационных коридоров;

– укреплению уникальной национальной идентичности на фоне процессов культурной глобализации.

Одновременно идет экстенсивный процесс «экономизации» внешней политики, использования современных методов народной, цифровой и парадипломатии, а также выдвижения международных инициатив в политической, транспортно-коммуникационной, гуманитарной, экологической и многих других сферах. Особое место во внешнеполитическом курсе занимает афганская проблематика, вопросы международного торгово-экономического взаимодействия, защиты окружающей среды, противодействия угрозам экстремизма и терроризма. Например, Президенту Узбекистана Ш.М. Мирзиёеву принадлежит концептуальная идея развития взаимосвязанности между Центральной и Южной Азией[491].

Вес и влияние Узбекистана на базе его общепризнанной *«мягкой» и «жесткой» силы* имеют ключевое значение при продвижении геополитической идентичности Центральной Азии, реализации общих проектов и программ и сохранении кооперационных принципов регионального строительства.

---

[489] Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022 – 2026 годы. Утверждена Указом Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 г. № УП-60.

[490] См.: Мирзиёев Ш.М. Янги Узбекистон стратегияси. – Ташкент: «Ўзбекистон» нашриёти, 2021.

[491] См.: Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на Международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», г. Ташкент, 16 июля 2021 г. // https://president.uz/ru/lists/view/4484.

Таким образом, анализ международного позиционирования государств Центральной Азии в контексте их национальных стратегий развития позволил выявить следующие основные особенности.

Во-первых, в концептуальном плане центральноазиатские государства практически отошли от эйфории периода приобретения независимости, формируя и реализуя свою внешнюю политику с полным и объективным осознанием своего внутреннего потенциала и сообразно собственной роли и места в системе международных координат.

В регионе глубоко осознают трансформационный характер мироустройства, современными особенностями которого являются изменение структуры международных отношений и баланса сил, неопределенный характер процессов глобализации, расширение спектра традиционных и нетрадиционных угроз и вызовов.

Центральная Азия в силу своего географического расположения является точкой пересечения геополитических и геоэкономических интересов разнообразных центров силы, культурно-цивилизационных парадигм, что априори оказывает прямое воздействие на поведение расположенных здесь государств. Быстроменяющиеся и сложные внешние условия диктуют необходимость проведения сбалансированного и взвешенного внешнеполитического курса на основе идеологем как «равной приближенности», так и «равной удаленности» от внешних сил.

В-вторых, в своих концептуальных подходах и программных документах общенационального значения государства региона *твердо отстаивают принципы суверенитета, независимости и территориальной целостности, уважения норм международного права.* Данный дискурс превалирует во всех двусторонних и многосторонних форматах, через которые они обозначают «красные линии» в своем внешнеполитическом позиционировании.

Постоянное апеллирование к основополагающим принципам международного права, очевидно, связано с двумя выпуклыми трендами, проявившимися на постсоветском пространстве: (i) «цветными революциями» в Грузии, Украине и Кыргызстане в начале 2000-х годов и (ii) нерешенностью застарелых болевых точек вокруг Нагорного Карабаха, Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии, а позже Донбасса. В этом плане прослеживается прямая корреляция между отстаиванием базовых международных принципов и обеспечением устойчивости и легитимности власти в государствах Центральной Азии. Имплементация этих принципов и их уважение внешними силами напрямую связана с гарантированием выживания, единства и состоятельности стран региона.

Во-третьих, центральноазиатские государства формируют и реализуют задачи *в рамках стратегического планирования для достижения максимальной диверсификации внешних связей под общей идеей «многовекторности».* Это понятие не зафиксировано в концептуальных документах Узбекистана, где чаще применяется категория «многоплановость»[492], и Туркменистана, следующего принципам постоянного нейтралитета. Фактически все государства Центральной Азии в различной степени, но многие годы следуют принципу *геополитического плюрализма*. Данная идея продвигалась последние десятилетия США с целью предотвращения создания на обломках Советского Союза евразийской сверхдержавы через укрепление суверенности «новых независимых государств» и их переориентации на нероссийские центры силы[493].

Однако политические реалии последних лет, особенно в европейской части постсоветского пространства в связи с российско-украинским военным конфликтом, свидетельствуют о жестком столкновении интересов России и США, в первую очередь относительно геополитического статуса Украины. Этот конфликт отражает две тенденции: во-первых, Запад действительно достиг успехов в реализации политики «оттягивания» бывших советских республик от России в лоно западно-центричного либерального порядка, а, во-вторых, Россия готова отстаивать собственное понимание национальных интересов в своем непосредственном окружении военными методами. Политику Запада в данной исторической по значимости ситуации также можно оценить двояко – направлена ли она на укрепление независимости Украины или нацелена на сдерживание России, снижение ее влияния в регионе и мире[494].

В этой ситуации возникает резонный вопрос: не перекинется ли подобный конфликт на Центральноазиатский регион. По нашему мнению, государства региона благодаря своей сбалансированной внешней политике и конструктивной роли в регионе и на международной арене, а также продуманным национальным стратегиям развития, имеющим неконфликтный и прагматичный характер, способны преодолеть нынешний этап глобальной турбулентности. Их легитимность и идентичность прошли проверку историей и показывают устойчивость от внешних шоков (*resilience*).

---

[492] См.: Махмудов Р. Внешняя политика современного Узбекистана. Россия и новые государства Евразии, 2021, № I (L). – С. 121-134 // https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-1-121-134.

[493] Еще в середине 90-х годов прошлого столетия в статье для «Foreign Affairs» бывший советник по национальной безопасности США Збигнев Бжезинский сформулировал интеллектуальную архитектуру этого подхода: «Основной целью реалистической и долгосрочной большой стратегии должно быть утверждение геополитического плюрализма в бывшем Советском Союзе».

[494] Геополитический плюрализм США в Евразии себя изжил – Foreign Affair // https://regnum.ru/news/polit/3499461.html.

Российская или северная траектория их политики защищена комплексом выстроенных за долгие годы взаимоотношений двустороннего и многостороннего плана. Она выгодна обеим сторонам и держится на базе принципов взаимозависимости. На восточном и южном направлениях не просматриваются угрозы экзистенционального уровня.

Опасной точкой подрыва регионального равновесия является возможная конфронтация на региональном поле по линии Россия – Запад или (с меньшей вероятностью) Китай – Запад, в том числе путем возможной внутренней дестабилизации какой-либо из стран Центральной Азии с использованием террористических или экстремистских сил, иных незаконных и вероломных методов гибридной природы. Подобный сценарий выглядит нереалистичным, если учесть незаинтересованность влиятельных центров силы в турбулентности в нашем регионе в силу его *нейтралитета* в условиях острой международной конфронтации. *Любой сильный нажим одной из конфликтующих сторон на государство региона неизбежно приведет к его сближениюс другой конфликтующей стороной.*

В-четвертых, *каждое государство Центральной Азии рассматривает регион в качестве приоритета в своей внешней политике.* Концептуально и в практической плоскости, исходя из своих национальных интересов и в стремлении окончательно преодолеть «геополитическую периферийность региона», каждая из стран вносит вклад в повестку сотрудничества. Результативность общерегиональной политики зависит от постепенного сближения позиций по жизненно важным аспектам взаимодействия (например, в сферах торговли, транспорта, водопользования и определения линий прохождения государственных границ) и ответственного подхода сторон к практической реализации совместных инициатив.

Укрепление геополитической идентичности и регионального единства видится одним из ключевых факторов защиты интересов государств Центральной Азии, их независимости и суверенитета, устойчивого национального развития, сохранения мира и стабильности.

В-пятых, *прослеживается устойчивая тенденция «экономизации» внешней политики государств региона* на фоне значительного ухудшения состояния мировой экономики вследствие пандемии и геополитической нестабильности с нарастанием санкционных войн. Россия, Китай и Иран, находящиеся под прессом западных рестрикций, являются ведущими торгово-экономическими партнерами центральноазиатских стран, а меры США и их союзников содействовать социально-экономическим реформам, прежде всего через международные институты развития, значительны, но все же недостаточны для поддержания их динамичного и устойчивого

роста. Поэтому следует расширять общее видение о том, что *внешнеэкономические векторы стран региона должны быть «выведены за скобки» в процессе геополитического столкновения великих держав.*

В-шестых, *все государства региона активно продвигают политику «мягкой силы».* Использование ее инструментария не только способствует расширению влияния на внешнем поле, но и рассматривается в тесной увязке с процессом укрепления национальной идентичности и в качестве некой надстройки для продвижения внешнеэкономических интересов. Думается, что политико-дипломатическая активность государств Центральной Азии должна быть направлена на формирование их общего образа как не «новых», а, как выражался Строуб Тэлбот, «старых независимых государств».

Таким образом, внешняя политика государств Центральной Азии отличается миролюбием, открытостью, нацеленностью на позитивное и прагматичное решение проблем регионального и международного уровня, осознанием ответственности за сохранение всеобщей безопасности и стабильности, готовностью внести практический вклад в реализацию глобальных целей устойчивого развития.

4.2. Геополитический плюрализм как основа стабильности Центральной Азии: интересы и влияние внерегиональных акторов на процессы регионализма

На современном этапе порядок в Центральной Азии обладает особой спецификой, которая заключается в ее многослойности, опоре на жизнеспособные внутренние детерминанты и ориентированности на разнообразные внешние векторы.

Во-первых, его устойчивость обусловлена факторами национального и регионального свойства, когда государства Центральной Азии реализуют рациональные стратегии развития на базе собственных устоявшихся моделей и исторического опыта, но с учетом общепризнанных норм и стандартов.

Во-вторых, в самой Центральной Азии наметились позитивные процессы в направлении регионализма.

В-третьих, международный контекст центральноазиатского порядка, несмотря на признаваемое всеми соперничество между внешними центрами силы, «демонстрирует все более очевидную многополярную тенденцию». Иными словами, «конкуренция между крупными державами еще подконтрольна» и они «стоят на позициях сосуществования» в регионе[495].

[495] Дэн Хао. Трансформация Центральной Азии под влиянием внешних и внутренних факторов – китайская экспертная оценка, 20 апреля 2021 // https://www.caa-network.org/archives/21730.

Центральная Азия в силу своего географического расположения, богатых природных ресурсов и признанной культурно-цивилизационной роли является одним из редких регионов мира, к которому приковано столь широкое внимание внешних сил. Действительно, «в очень небольшом регионе одновременно сконцентрированы и взаимоувязаны в сложный комплекс интересы крупнейших мировых игроков – ключевых глобальных ньюсмейкеров – России и КНР, США и ЕС, Японии и Южной Кореи, Ирана и Турции. Многие из них утвердили свои стратегии в отношении небольшого региона в центре Евразии»[496]. К данной группе государств-акторов, определенных казахстанскими авторами, будет справедливо добавить Индию и государства мусульманского пояса.

Объективным представляется тезис о том, что в результате наложения внешнего и внутреннего регионализма появился еще один феномен, а именно: дуализм «внешний-внутренний регионализм», смысл которого заключается в придании региону Центральной Азии извне и изнутри разного статуса в мировой системе координат. Внутренний регионализм основан на стремлении стран Центральной Азии обрести более высокий субъектный статус в международной системе, а внешний – на сохранении более низкого объектного статуса региона. Продвигаемые внешними силами концепции о переформатировании Центральной Азии повлияли не только на формирование внешнеполитических приоритетов государств региона, но и на их идентичность. Они держали страны региона в постоянном геополитическом и цивилизационном напряжении, вынуждая их реагировать на внешние вызовы[497].

В то же время в последние годы очевидной становится и самоценность региона благодаря его относительной устойчивости к внешним шокам и способности удержания внутренней стабильности за счет достижения определенного уровня национально-государственной самостоятельности. Центральная Азия в качестве международной подсистемы рассматривается внешними силами не только и не столько в качестве «объекта для переформатирования» в угоду собственных интересов, а субъекта международных отношений, требующего внимательного поведения с продвижением привлекательных для самих центральноазиатских государств моделей взаимоотношений.

[496] Шаймергенов Т.Т. Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Вероятные сценарии на 10 лет вперед // Шаймергенов Т.Т., Абишева М.А., Рахимжанова А.Ж. и др. – Астана: Библиотека Первого Президента РК – Елбасы. – 2017. – С. 10.
[497] См.: Центральноазиатское LEGO: кто конструирует регион / Под редакцией д.п.н. С.Кушкумбаева. – Алматы, 2016.

По нашему мнению, объективный анализ уровня, масштабов и качества внешнего присутствия в регионе следует строить на базе реалистского подхода, который предусматривает такие категории, как истинные цели и намерения актора, его интерес, распределение мощи, баланс сил, дилемма безопасности, стратегия и порядок. Такой подход видится более ясным, операбельным и соответствующим нынешней картине международных отношений, которая отличается трансформационным характером, высокой конфликтогенностью, стратегической неопределенностью, анархичностью и фактически балансированием между миром и войной.

Складывающаяся ситуация требует объективной оценки позиций, подходов и взглядов ведущих внерегиональных центров силы относительно процессов регионализма в Центральной Азии.

Российская Федерация располагает жизненно важными рычагами влияния на каждое государство региона, рассматривает Центральную Азию в качестве «сферы своих привилегированных интересов»[498]. Геополитическая субъектность региона выходит за рамки ее внешнеполитической стратегии и признается в контексте евразийской общности на базе «традиций вековой дружбы, взаимного уважения и доверия»[499]. Во взаимоотношениях между Россией и государствами Центральной Азии налицо сбалансированное распределение силы и отработанная система сдержек и противовесов, которые позволяют выносить и решать масштабные вопросы сотрудничества, на обоюдовыгодной и одновременно доверительной основе обсуждать весьма деликатные проблемы региональной и международной безопасности и стабильности.

Во-первых, несмотря на оценки о том, что Россия «не рассматривает регион через призму геополитического противоборства, как арену для игр с «нулевой суммой»»[500], в Москве ясно определяют «красную линию» о «неприемлемости размещения любой военной инфраструктуры США и НАТО или обслуживавших их афганцев на территории соседних государств, в первую очередь в Центральной Азии»[501].

[498] По заявлению российских официальных лиц, в 2019 г. объем торговли с регионом суммарно превысил 30 млрд долларов, в регионе действуют более 10 тыс. российских и совместных предприятий, за период 2010-2021 гг. объем накопленных российских инвестиций составил порядка 30,5 млрд долларов. С 2008 г. совокупный объем безвозмездной помощи превысил 6 млрд долларов – как по двусторонним каналам, так и по линии многосторонних институтов, в России трудятся свыше 4 млн граждан стран региона. На конец 2019 г. в российских вузах обучалось 160 тыс. граждан государств региона, из них 60 тыс.– за счёт средств бюджета России.

[499] Заявление министров иностранных дел государств Центральной Азии и Российской Федерации о стратегических направлениях сотрудничества, 15 октября 2020 г. // https://mfa.tj/ru/tashkent/view/6533.

[500] С. Лавров выступил против навязывания странам Центральной Азии «модели развития и поведения», 27 ноября 2019 г., г. Бишкек // https://eurasia.expert.

[501] С. Лавров жестко высказался о военных базах США в Центральной Азии, 31 марта 2022 г. // https://uz.sputniknews.ru/20220331.

В силу отвлечения ресурсов на долгосрочное геополитическое и культурно-цивилизационное противостояние с Западом Россия в обозримом будущем будет не единственным, но одним из локомотивов социального и экономического развития региона. Однако центральноазиатское направление внешней политики России сохранит все больше компенсаторный и реагирующий характер на фоне усиления присутствия здесь ее глобальных соперников и противников.

Жесткий санкционный режим Запада в отношении стратегических секторов экономики и безопасности не снизил способность России воздействовать на Центральную Азию, а лишь ограничил пространство для широкого маневра. В этот сложный период Москва будет небезосновательно рассчитывать на активную либо латентную поддержку государств региона в своем конфликте с Западом, используя широкий диапазон военно-политических и торгово-экономических механизмов ОДКБ и ЕАЭС, а также двусторонних платформ. Несмотря на внешнюю схожесть этих форматов, например с американским или европейским, «их содержание и модальность кардинально отличаются друг от друга»[502].

Во-вторых, в процессе роста национального самосознания в странах региона и диверсификации международных отношений *происходит постепенная эрозия прежде устойчивых личных связей между российской и центральноазиатской элитами,* что имеет исключительное значение при реализации политики на постсоветском пространстве. На практике это означает снижение морально-психологической привязанности политического класса региона к Москве.

В-третьих, стратегия России как интеграционного центра по выработке общей для всех республик Центральной Азии политической и экономической повестки под собственным патронажем претерпит определенную коррекцию в сторону снижения интенсивности ее реализации. *Данное обстоятельство является способствующим для перспективного регионального сближения фактором.* Более того, по заявлению российской стороны, «в отличие от некоторых стран Запада Россия не рассматривает регион Центральной Азии как арену для геополитического противоборства – в духе колониальной концепции «большой игры». В этой связи она только приветствует набирающую обороты внутрирегиональную интеграцию, регулярные консультативные встречи глав государств Центральной Азии»[503]. Однако

[502] Карпович О., Кондаков С. Центральная Азия: регион геополитической конкуренции или партнёрства? // Обозреватель. – М., 2021. – С. 60.
[503] Лавров С. Россия – Центральная Азия. 30 лет на пути дружбы и сотрудничества, 5 мая 2022 // Российский совет по международным делам // https://russiancouncil.ru/ analytics-and-comments/comments.

позиция нейтралитета в отношении регионального обособления Центральной Азии будет сохраняться до тех пор, пока такие процессы не войдут в противоречие с интеграторской ролью и интересами самой Москвы. На этапе более высокого уровня обоюдного сближения стран региона Россия будет поднимать градус напряженности, прежде всего через прямое давление на уязвимые страны региона и через общее информационное поле, для представления своей особой роли в региональной системе безопасности и коллективной обороны. При таком развитии событий перед государствами региона откроются возможности показать свою *совместную резистентность внешнему влиянию* и продемонстрировать политическую волю для реализации исторического шанса строительства «центральноазиатского общего дома».

Для преобладающей части государств Центральной Азии стратегическими пунктами диалога с Москвой остаются вопросы трудовых мигрантов, доступа к российскому рынку и использования транспортно-коммуникационных коридоров, обеспечение энергетической и продовольственной безопасности.

В-четвертых, обеспечение надежной защиты южного стратегического направления имеет исключительно важное значение для России. Однако хрупкость автономной центральноазиатской системы безопасности или ее полное отсутствие предоставляют Москве удобную возможность для укрепления роли регионального гаранта безопасности. Дислоцирование военных баз в Кыргызстане и Таджикистане, взаимные союзнические обязательства с Узбекистаном и Казахстаном, а также негласные договоренности в сфере безопасности с Туркменистаном делают Россию ключевым военно-стратегическим партнером для этих государств, что отвечает их долгосрочным национальным интересам.

Москва заблаговременно легитимировала через институты и механизмы ОДКБ возможность вовлечения в дела ее государств-членов под видом поддержания их внутренней стабильности. Поэтому все еще «сохраняются опасения, что интеграционные проекты Москвы – это новая форма зависимости и ограничения суверенитета стран региона. Осторожное отношение к российским инициативам объяснимо также тем, что в государствах региона продолжается процесс нациестроительства и вопрос делегирования надгосударственной структуре части суверенитета по-прежнему чувствителен»[504].

Активизация российской политики в Афганистане, помимо глобального контекста, имеет целью заполнить образующиеся в этой конфликтной зоне военно-политические ниши на фоне ослабления

[504] См.: Центральноазиатское LEGO: кто конструирует регион/ Под ред. д.п.н. С.Кушкумбаева. – Алматы, 2016.

американского присутствия и использовать афганский фактор для удержания Центральной Азии в своем геополитическом полюсе. *Наличие множественных внешних угроз и тлеющих приграничных межэтнических, межхозяйственных и иных противоречий обуславливает потребность в поэтапном формировании элементов автономной региональной системы безопасности без нарушения устоявшегося военно-политического статус-кво и без подрыва роли России.* Знаковым образцом в этом процессе стали совместные антитеррористические военные учения ВС стран региона в различных форматах. *Лейтмотив такой политики следующий: регионализм в Центральной Азии не направлен против третьих сил и их интересов, а дополняет усилия всех сторон в деле создания общего регионального пространства сотрудничества и безопасности.*

В-пятых, «мягкая сила» остается ключевым пунктом политики России в регионе. Культурно-цивилизационный и информационно-идеологический контекст взаимоотношений будет сохранять свою актуальность еще долгие годы и фактически сопоставим по значимости с российскими приоритетами в Центральной Азии в военно-стратегической и геоэкономической сферах.

Следует согласиться с кыргызскими экспертами в том, что «Россия остается большим игроком и ее наличие всегда будет фактором, тормозящим региональный формат отношений. Даже если Россия ослабнет экономически, она тем не менее или особенно из-за этого будет еще более активным участником международных процессов в Центральной Азии»[505].

За короткий по историческим меркам период **Китайская Народная Республика,** осуществляя международную стратегию «выхода за пределы», превратилась в значимого геополитического актора в Центральной Азии, с участием которого решаются стратегически важные задачи устойчивого экономического развития, расширения транспортно-коммуникационных и энергетических коридоров, обеспечения региональной безопасности[506]. Этот регион для КНР в географическом (три

[505] Изимов Р. Чему учат нас уроки о демократии в Кыргызстане? 21 марта, 2022 г. // https://www.caa-network.org/archives/23810/chemu-uchat-nas-uroki-o-demokratii-v-kyrgyzstane.

[506] Согласно данным китайской таможни, в 2001 г. товарооборот стран Центральной Азии с Китаем составлял 1,5 млрд долларов и за двадцать последующих лет вырос более чем в 25 раз. Китай также становится одним из важных направлений экспорта продукции стран Центральной Азии. Начиная с 2016 г. он вырос на 42,8%. Причем в 2020 г. этот показатель составил 16,4 млрд долларов. Китай стал одним из ключевых источников поступления прямых инвестиций в экономику стран Центральной Азии, общий объем которых на конец 2020 г. приблизился к 40 млрд долларов с планами его доведения до 70 млрд долларов к 2030 г. Число действующих китайских компаний в регионе на конец 2021 г. достигло 7,7 тыс. Источник: Центральная Азия и Китай: новая эпоха отношений // 26 января 2022 г., «Жэньминь жибао» онлайн // http://russian.people.com.cn/n3/2022/0126/c31521-9949693.html.

республики граничат с СУАР КНР), историческом (Шелковый путь) и других аспектах наиболее выгоден и удобен. В политическом отношении у Пекина налажены стабильные отношения со всеми республиками[507].

Стратегическая оценка официальным Пекином нынешнего состояния международной среды емко отражена в выступлении Председателя КНР Си Цзиньпиня на 20-м съезде Коммунистической партии Китая в октябре 2022 г., в котором он заявил, что Китай «всесторонне продвигал вперед дипломатию мировой державы с китайской спецификой, способствовал созданию сообщества единой судьбы человечества, неуклонно защищал равенство и справедливость на международной арене, выступал за применение подлинного мультилатерализма, занимал четкую позицию в борьбе против любых форм гегемонизма и политики силы, с твердейшей решимостью противостоял унилатерализму, протекционизму и травле».

Видение китайского руководства относительно современного мирового порядка отражено в тезисе о том, что Китай «прилагал активные усилия для создания глобальной сети партнерских отношений, содействовал формированию нового типа международных отношений». По заявлению Председателя Китая, «будучи ответственной мировой державой, КНР принимала активное участие в реформировании и развитии системы глобального управления, всесторонне развертывала международное сотрудничество по борьбе с пандемией COVID-19 и тем самым завоевала широкое одобрение со стороны международного сообщества. Значительно повысилось международное влияние Китая, заметно укрепилась его притягательная и формирующая сила»[508].

Во-первых, Китай играет исключительную роль в формировании многополярной системы взаимоотношений в регионе и укреплении самостоятельного позиционирования расположенных здесь государств в международной среде. *Геополитический плюрализм и баланс сил в Центральной Азии стали возможны во многом благодаря расширению китайского присутствия.*

В отличие от Соединенных Штатов, КНР «уважает право каждого государства на выбор собственного пути развития с учетом исторического опыта и национальных особенностей», не акцентируя проблематику демократизации и прав человека. КНР наращивает мощь для вызова

[507] См.: Семенова Н. К. Международно-политические измерения российско-китайского взаимодействия в энергетической сфере Центральной Азии: Автореф. … канд. полит. наук. – М.: Институт востоковедения Российской Академии наук, 2017.

[508] Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 16 октября 2022 г. // https://russian.news.cn/special/cpc20/ index.html.

американскому доминированию в Азиатско-Тихоокеанском регионе и расценивает Центральную Азию в качестве лояльного плацдарма и геостратегического тыла. Этим объясняется китайский призыв о продвижении «демократизации международных отношений и формирования более справедливого и рационального миропорядка», отторжение «провокаций цветных революций»[509] и заявление о том, что «Китай и Россия не должны допустить, чтобы Центральная Азия погрузилась в хаос и войну»[510].

Во-вторых, ключевым детерминирующим фактором в расширении китайского присутствия в регионе является нейтрализация крайне опасного для целостности страны уйгурского сепаратизма, хотя все государства региона поддерживают принцип «одного Китая» и противодействие «трем силам зла»[511]. Одним из компонентов этой политики является привязка относительно отсталых западных территорий Китая к экономическим и транспортным системам Центральной Азии.

В отличие от России и США Китай не выражает стремления к широкому военному присутствию в регионе и ограничивается тесными контактами по линии правоохранительных органов, предоставлением военно-технической помощи и части систем вооружения, проведением совместных военных учений[512].

В-третьих, для Китая регион превратился в надежный источник сырья и рынок сбыта товаров. Для имплементации собственных геоэкономических задач экстенсивно разрабатываются природные ресурсы, развиваются инфраструктура и промышленные зоны с целью технологической привязки стран региона. Сопутствующие элементы китайского присутствия – формирование межгосударственных двусторонних и многосторонних площадок. Реализация стратегии «Один пояс, один путь» (в регионе она реализуется в рамках инициативы «Экономический пояс Шелкового пути») в сопряжении с российским

[509] См.: Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина на онлайн- саммите глав государств Китая и государств Центральной Азии, 25 января 2022 г.
[510] Глава МИД Китая призвал не допустить войны в странах Центральной Азии, 11 января 2022 г. // https://ria.ru/20220111/voyna-1767258808.html.
[511] См.: Совместное заявление глав государств Центральной Азии и Китая по случаю 30-летия установления дипломатических отношений, 26 января 2022 г. // http://russian.news.cn/2022-01/26/c_1310440618.htm.
[512] По данным SIPRI Arms Transfers Database, экспорт вооружений из Китая в страны региона за последние десять лет утроился и составляет 13% от общих объемов поставок. В сфере безопасности китайская сторона выделяет следующие приоритеты: во-первых, стороны должны придерживаться концепции общей, комплексной, устойчивой и основанной на сотрудничестве безопасности; во-вторых, создать механизмы сотрудничества по обеспечению безопасности инициативы «Пояса и пути»; в-третьих, способствовать мирному урегулированию афганской проблемы.

евразийским интеграционным проектом (ЕАЭС) позволяет Пекину кооптировать страны региона, нуждающиеся в инвестициях в инфраструктуру, на долгосрочной основе.

Имплементация проекта создания железнодорожной магистрали Китай – Кыргызстан – Узбекистан может серьезно изменить геополитическую конфигурацию в регионе в пользу Узбекистана.

Новейший тренд на экономическом треке – переход Китая от тактики реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов к созданию в регионе производственных предприятий для формирования индустриальной базы[513]. Перспективы строительства железнодорожных линий Китай – Кыргызстан – Узбекистан и Мазари – Шариф – Кабул – Пешавар лежат не столько в экономической, а преимущественно в геополитической плоскости. Для объективной оценки будущего реализации данных международных маршрутов следует тщательно проанализировать интересы континентальных государств в лице России, Китая и Казахстана, а также ведущих внерегиональных центров силы – США, Индии, Ирана и государств Персидского залива.

Пекин применяет весь арсенал китайской «мягкой силы» с учетом осознания негативных последствий возможного роста синофобии среди населения региона, прежде всего в Казахстане и Кыргызстане[514]. Тем самым китайская сторона использует в своей центральноазиатской политике инструментарий гибридного воздействия, в том числе с использованием негосударственных акторов[515].

На определенном этапе глубокой экономической и технологической взаимосвязанности стран Центральной Азии и Китая нельзя исключать более напористой политики этой страны для защиты и продвижения стратегических интересов. Объективными представляются попытки Пекина конвертировать экономическое влияние в геополитическое. Подобная перспектива требует от всех соседних государств координации политики на китайском направлении, коллективной оценки мотивов центральноазиатской стратегии Пекина.

В-четвертых, Шанхайская организация сотрудничества после ее расширения за счет Индии и Пакистана не представляет для Пекина ту стратегическую значимость, которая наблюдалась в начале 2000-х годов. ШОС практически выполнила роль «троянского коня» для вхождения в регион

[513] Maria A. Blackwood. Central Asia: Background and U.S. Relations September 24, 2021 // Congressional Research Service // https://crsreports.congress.gov.
[514] В ближайшие 3 года Китай намерен выделить безвозмездную помощь в размере 500 млн долларов США для осуществления социально значимых проектов и 5 тыс. квот на повышение квалификации специалистов.
[515] См.: Jukka Aukia. China as a hybrid influencer: Non-state actors as state proxies // Hybrid CoE Research Report. – The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, June 2021.

без острого сопротивления России. Хотя ШОС не имеет реальных ресурсов и механизмов для обеспечения безопасности и устойчивого экономического развития региона, Организация используется государствами-членами для апробации своих региональных инициатив и оценки реакции на них партнеров. ШОС являет собой китаецентричный проект для укрепления роли и значимости Китая на более широком глобальном уровне. Тем не менее очевидна выгодность участия государств региона в Организации с точки зрения выражения и отстаивания национальных интересов.

В-пятых, ряд китайских интеллектуалов рассматривают Казахстан и Узбекистан в качестве «региональных держав», справедливо полагая, что «изменения в этих странах затрагивают весь регион». Сближение стран региона с подачи лидеров этих двух государств «может содействовать возникновению новой ситуации мирного сосуществования и общего развития пяти стран Центральной Азии, впервые за много лет с момента обретения независимости»[516].

Таким образом, *развивая собственную многослойную политическую и экономическую инфраструктуру в регионе, Китай может быть мало заинтересован в укреплении общерегиональных форматов без его участия и создании в будущем здесь нового интеграционного объединения.*

В этом пространстве Пекин в геостратегическом плане следует фарватеру Москвы и не желает обременять себя военно-политическими обязательствами и расходами. Это отвлекло бы ресурсы государства от дальнейшего геополитического освоения китайского морского окружения для постепенного оттеснения США с прилегающих к континентальному Китаю зон.

Наиболее сложная для государств Центральной Азии задача на китайском направлении состоит в том, чтобы избежать крайней финансово-экономической зависимости от Пекина для выстраивания более диверсифицированных внешних связей. Достижение этой задачи в полной мере отвечает общим центральноазиатским интересам.

Соединенные Штаты Америки традиционно рассматривают Центральную Азию с позиции глобального целеполагания и в качестве единого международного актора[517]. По мнению ряда американских

[516] Дэн Хао. Трансформация Центральной Азии под влиянием внешних и внутренних факторов – китайская экспертная оценка, 20 апреля 2021 // https://www.caa-network.org/archives/21730.

[517] По официальным данным американской стороны, США предоставили региону прямую помощь на сумму более 9 млрд долларов в поддержку мира и безопасности, демократических реформ и экономического роста, а также для удовлетворения гуманитарных потребностей. Под их руководством ВБ, МВФ, ЕБРР и АБР предоставили более 50 млрд долларов в виде кредитов, займов и технической помощи. Частный сектор США инвестировал более 31 млрд долларов в коммерческие предприятия в регионе. США прямо профинансировали более 40 000 учебных и профессиональных обменов.

экспертов, «в основе американской политики по отношению к Центральной Азии должно лежать представление о том, что этот регион – зона схождения, а не соперничества интересов», а «регион так и останется невосприимчивым к американскому влиянию и ценностям»[518]. Однако налицо ряд фактов, которые демонстрируют несколько иную картину.

Во-первых, в «Стратегии национальной безопасности США» (декабрь 2017 года) обозначено стремление Вашингтона «видеть Центральную Азию устойчивой против доминирования соперничающих между собой мировых держав, неподверженной превращению в убежище джихадистов, а также отдающей приоритет проведению реформ»[519]. В основе Стратегии Соединенных Штатов в Центральной Азии на 2019–2025 гг. лежит понимание того, что «Центральная Азия является геостратегическим регионом, важным для интересов национальной безопасности США, независимо от уровня активности США в Афганистане». Одной из целей является укрепления независимости государств региона «от вредоносных субъектов», а также поддержка и укрепление суверенитета и независимости государств Центральной Азии, индивидуально и в рамках всего региона[520].

Американская сторона декларирует приоритет обеспечения региональной безопасности, предотвращения конфликтов и содействия демократизации и экономического развития.

В обнародованной в октябре 2022 г. новой Стратегии национальной безопасности США Центральная Азия упомянута в главе «Углубление нашего союза с Европой». В документе отмечается, что в Евразии «мы продолжим поддерживать независимость, суверенитет и территориальную целостность Центральной Азии. Мы будем содействовать усилиям по укреплению устойчивости и демократического развития пяти стран этого региона. Мы продолжим работу в рамках дипломатической платформы «С5+1» (Казахстан, Кыргызская Республика, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Соединенные Штаты) по вопросам климатической адаптации, развития региональной энергетики и продовольственной безопасности, укрепления интеграции в регионе и ее большей взаимосвязанности с глобальными рынками»[521].

[518] Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. Политика США в Центральной Азии 3.0, 18 марта 2016 // https://carnegie.ru/2016/03/18/ru-pub-63019.
[519] См.: National Security Strategy of the United States of America, December, 2017 // https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf.
[520] См.: Стратегия Соединенных Штатов в Центральной Азии на 2019-2025 годы: укрепление суверенитета и экономического процветания // https://uz.usembassy. gov/ru/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity-ru.
[521] The 2022 National Security Strategy, The White House, Washington, October 12, 2022 // https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10.

Во-вторых, важным признаком усиливающегося интереса к Центральной Азии является попытка Вашингтона выстроить новую глобальную стратегическую ось из числа традиционных союзников Белого дома – европейских государств, в первую очередь Великобритании, а также Турции, Японии, Республики Корея и Израиля с вовлечением в эту контролируемую орбиту Индии и Австралии. Острие формируемого альянса будет направлено не только на регион Центральной Азии, но и на широкое пространство вокруг России и Китая в Восточной и Юго-Восточной Азии.

В рамках данного тренда Вашингтон координирует свою политику с союзниками для противодействия китайскому проекту «Один пояс, один путь» путем консолидации совместных усилий по продвижению альтернативных конкурентоспособных экономических инициатив, охватывающих Азиатский, Индо-Тихоокеанский, Ближневосточный и Африканский регионы.

Вашингтон намерен пролонгировать курс на поэтапное сближение нашего региона с Южной Азией в целях его вывода из-под «остаточного постсоветского влияния Москвы» под зонтиком ранее инициированного проекта «Большая Центральная Азия» (в другой вариации – «Новый Шелковый путь»), в том числе через продвижение трансрегиональных транспортно-коммуникационных и энергетических инициатив типа «CASA-100» и ТАПИ. Неясным остается лишь роль непризнанного правительства «Талибан» и в целом неспокойного Афганистана в этом раскладе.

В том же контексте следует рассматривать нейтральное отношение Белого дома к продвигаемому Нью-Дели проекту создания трансконтинентального коридора Север – Юг через иранский порт Чахбахор в направлении Центральной Азии и Европейского континента. Тем самым продвигается идея о том, что тесные отношения и сотрудничество со всеми пятью странами будут способствовать продвижению ценностей США и послужат противовесом влиянию соседей по региону.

В-третьих, осуществление США и их союзниками многолетней афганской операции «ознаменовало пик влияния Вашингтона в Евразии». В этот период США столкнулись с дилеммой между необходимостью сотрудничества со странами региона в сфере безопасности и императивами продвижения либерального порядка со всеми сопутствующими целями политико-гуманитарного трека. Именно этот период совпал с интенсивным продвижением в регионе альтернативных и конкурирующих с американской стратегией объединительных проектов России и Китая на базе отличных институтов, норм, правил и ценностей.

Ускоренный уход США из Афганистана в августе 2021 г. нельзя рассматривать как отступление Вашингтона в целом с центральноазиатского поля, тем более после резкого ухудшения американо-российских отношений на фоне украинского кризиса и установки на стратегическое сдерживание Китая. Поэтому баланс сил внутри этого треугольника в Центральной Азии носит изменчивый и динамичный характер, представляя наиболее опасный вызов для региональной безопасности.

В-четвертых, важнейшим маркером в наметившемся тренде остается стремление Вашингтона переложить на соседние с Афганистаном государства, в первую очередь Узбекистан и Казахстан, часть политического и экономического бремени по умиротворению этой страны и ее восстановлению. Попытки повторного втягивания стран Центральной Азии в качестве военных партнеров для обеспечения американских операций в Афганистане вызывает резко негативную реакцию России и Китая, предлагающих собственную повестку в этой стране и в целом в Южной Азии, и не имеют реальной перспективы.

В-пятых, США намерены продвигать геополитический плюрализм в Центральной Азии. Вашингтон поощряет взаимное сближение государств региона, заинтересован в диверсификации спектра их отношений с внешним миром и интеграции с мировым сообществом, поддерживает центральноазиатскую идентичность. *США будут добиваться того, чтобы ни одна соперничающая держава не могла монопольно контролировать регион, а Запад имел беспрепятственный доступ к этому геополитическому пространству, прежде всего в политико-дипломатическом и экономическом плане.*

Ключевым механизмом в реализации этих задач рассматривается американо-центральноазиатский формат «С5+1», вызвавший открытое недовольство Москвы на фоне значительного ухудшения отношений России с США. С позиций «реальной политики» данный формат носит геополитический характер, позволяет адаптировать интересы США в регионе, но не имеет высокой экономической значимости для государств-участников и соответственно не подкреплен заметными ресурсами.

В-шестых, интеграционная перспектива в Центральной Азии может вызвать усугубление трений между ведущими внешними игроками за сферу влияния. Центральноазиатская парадигма внешней политики США подвержена воздействию внутренней конъюнктуры, отличается изменчивостью и сменой политических акцентов. В государствах региона сохраняется настороженность в отношении «демократизаторской» миссии Вашингтона, приведшей к разрушению государственности в ряде стран постсоветского пространства и Ближнего Востока.

«Экономизация» внешней политики Вашингтона в период президентства Д. Трампа положительно сказывалась на двусторонних отношениях Узбекистана и Казахстана с США. *Однако от Вашингтона не исходят масштабные инициативы реализации общерегиональных проектов, подкрепленных политической и финансовой базой.* США предпочитают использовать инструменты международных институтов для социально-экономического содействия. Например, ранее присутствие американской стороны в Афганистане выступало скорее сдерживающим фактором при реализации проекта создания трансафганского транспортного коридора, если учесть глобальное противостояние Соединенных Штатов с Китаем и Ираном.

Можно согласиться с мнением директора Института Гарримана Колумбийского университета профессора А. Кули о том, что сегодня в Центральной Азии установился региональный порядок, который может приспособиться к отсутствию Вашингтона. Соседи Афганистана научились ориентироваться в зачастую противоречивых требованиях США и их либерального международного порядка, одновременно поощряя негативную реакцию китайцев и русских на постоянное американское военное присутствие. В результате сегодня Центральная Азия представляет собой *многополярное пространство,* где действуют разные страны через новые организации, нормы и системы отношений, пересекающиеся с сетями и организациями Соединенных Штатов и их союзников, а также конкурирующие с ними[522].

Европейский союз и его государства-члены сформировали достаточно прочную нормативно-правовую и организационно-институциональную базу отношений с регионом и в «Новой стратегии по Центральной Азии» от 2019 г. фокусируются на трех приоритетных направлениях – обеспечение устойчивости региона (права человека и демократия, безопасность, экологические проблемы), партнерство во имя процветания (поддержка экономической диверсификации и развития частного сектора, содействие внутрирегиональной торговле и устойчивому взаимодействию) и поддержка регионального сотрудничества в Центральной Азии.

Тем самым «ЕС после многолетних неудачных экспериментов (экспорт ценностей, демократии, образа жизни) в отношении государств региона изменил свой подход и стратегию. Брюссель ставит приоритетом стабильность в регионе, а тема экспорта в регион демократических ценностей и институтов отошла на второй план»[523].

[522] Кули А. Как регион приспосабливается к поражению США в Афганистане, 2 сентября 2021 г. // Россия в глобальной политике // https://globalaffairs.ru/ articles/czentralnaya-aziya-posle-usa.
[523] Рустами С. Политика Европейского Союза в интеграционных процессах в Центральноазиатском регионе: направления, инструменты, ресурсы (на примере Таджикистана): Дисс. … канд. полит. наук. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, 2021.

Весьма важной инициативой в будущем продвижении ЕС в регионе станет проект «Глобальные ворота ЕС» – стратегия, в рамках которой планируется выделить более 40 млрд евро на технологии и инфраструктуру в странах-партнерах ЕС, которую многие рассматривают как ответ на китайскую программу «Один пояс, один путь»[524]. Наряду с экономическими интересами европейские государства намерены придерживаться «цивилизаторской миссии» путем применения «мягкой силы»[525].

Попадание стран региона «под одностороннюю зависимость от России и Китая»[526] не отвечает интересам Европы. *Евросоюз, отвлеченный на внутренние проблемы вследствие последствий пандемии и противостояние с Россией, формально будет поддерживать объединительную повестку в регионе, двигаться в унисон с нормами американо-центричного либерального порядка, однако не имеет достаточной силы и географического доступа для полноценной конкуренции с Россией и Китаем в Центральной Азии.*

Тем не менее первый саммит в формате «ЕС – Центральная Азия», проведенный в октябре 2022 г. в г. Астане, показал, что европейские партнеры в условиях долгосрочного размежевания с Россией находятся в поисках альтернативных источников энергии и природных ископаемых, намерены формировать новые транспортно-логистические и энергетические маршруты в Евразии в обход российской территории. Успех этих проектов во многом будет зависеть от их финансового, ресурсного и «мягкосилового» наполнения, а также достаточности политической воли и твердости сторон.

В последнее время анонсированы две инициативы «Europe Team», которые предусматривают обеспечении доступа стран Центральной Азии к интернету с помощью спутниковой связи, поддержку в управлении водными и энергетическими ресурсами, а также построении «зеленой» экономики.

Европейские официальные лица заявляют о том, что Европа является самым большим инвестором в Центральной Азии. За последние 10 лет страны-члены Евросоюза инвестировали более 105 млрд евро в центральноазиатские страны, а это уже превышает 40% от общей суммы иностранных прямых инвестиций в регионе. Это больше, чем инвестируют Россия и Китай.

[524] Еремина Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии: прогноз на 2022 год // https://eurasia.expert.
[525] По данным Еврокомиссии, ЕС выделила 1,1 млрд евро для развития сотрудничества с ЦА в 2014-2020 гг., включая более 454 млн евро на региональные программы, в сферах устойчивого развития и региональной безопасности // https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/factsheet_centralasia_2019.pdf.
[526] Глава МИД ФРГ призвала не допустить зависимость Центральной Азии от России, 10 января 2022 г. // https://ria.ru/20220110/zavisimost-1767185352.html.

Таким образом, Соединенные Штаты и ЕС используют наметившиеся региональные процессы в Центральной Азии для отстаивания собственных интересов и обеспечения баланса сил в данной части мира в пику доминирующим здесь полюсам влияния. В этом плане логичны заявления Ж. Борреля во время интенсивных контактов между Евросоюзом и центральноазитскими государствами в 2022 г. о том, что «мы в ЕС развиваем «открытую стратегическую автономию», которая, по сути, заключается в сохранении свободы делать наш собственный стратегический выбор, избежании чрезмерной зависимости и наличии альтернатив в рамках мировой системы, основанной на международном праве, разумных правилах и международных стандартах. И мы, естественно, понимаем желание партнеров поддерживать собственную автономию и свободу выбора аналогичным образом»[527].

Значимые акторы по Южному, Юго-Западному и Юго-Восточному поясу вокруг региона в лице **Индии, Пакистана, Ирана, Турции и государств «мусульманского мира»** сконцентрировали разнонаправленные интересы в Центральной Азии. Их сила на региональной площадке несопоставима с мощью великих держав, но в последние десятилетия формирует важнейший компонент регионального порядка.

Поведение этой группы государств можно сгруппировать по трем мотивационным признакам: 1) сохранение стабильности и строительство некой широкой в географическом плане архитектуры безопасности (в идеале свободной от внешней гегемонии) с сопутствующим повышением собственной роли в Центральной Азии в качестве признанного и влиятельного игрока; 2) использование природных ресурсов, транзитно-транспортных возможностей и потенциала более 75-миллионного рынка для продвижения своих экономических интересов; 3) участие в качестве полноправного актора в цивилизационном (политическом) соперничестве как на площадке нашего региона, так и в рамках глобальных культурно-идеологических конфликтов.

В границах Центральной Азии эти субъекты пока сложно назвать региональными державами, так как они, хотя и артикулируют стремление занять ведущие позиции в регионе, но не в полной мере влияют на его геополитическое разграничение и политическую конструкцию; ограничены в материальных, организационных и идеологических ресурсах для проекции региональной мощи; не имеют высокого уровня взаимосвязанности в рамках региона (возможно, кроме Ирана); только частично, но не значительно

[527] Жозеп Боррель: Мы активно работаем над созданием более прочного, широкого и современного партнерства с пятью странами Центральной Азии, 14.11.2022 // https://www.eeas.europa.eu/delegations/uzbekistan.

определяют повестку региональной безопасности и влияют на региональные дела посредством структур регионального управления. В то же время эти государства признаны лидирующими или как минимум уважаемы другими государствами внутри и вне региона; интегрированы в межрегиональные и глобальные форумы и институты, частично выступая в качестве представителей региональных интересов. Данные критерии статуса «региональной державы», по Д. Нольте[528], больше соответствуют распределению российской и китайской мощи в регионе, объективно ставя их на более высокие позиции в иерархии.

Тем не менее, расширение транспортно-коммуникационного доступа Индии и Пакистана к региону через преодоление роли Афганистана как многолетнего «изолятора»; возможное снятие с Ирана тотальных рестрикций; улучшение взаимосвязанности Центральной Азии с Турцией через транскавказский коридор и на базе влияния на Азербайджан; рост цивилизационного и экономического присутствия здесь государств мусульманского ареала *могут по экспоненте конвертироваться в укрепление их «сравнительной силы».* Такой процесс будет работать в пользу геополитического плюрализма в Центральной Азии. Однако позитивный или негативный фон такого распределения власти будет зависеть как от наращивания силы государствами региона, их резистентности к внешним шокам, так и от баланса сил между тройкой Россия – Китай – США.

По оценке экспертов «Oxus Society for Central Asian Affairs» and «Davis Center of Russian and Eurasian Studies at Harvard University», **Япония и Республика Корея** играют «уникальную роль» в качестве международных акторов и выступают как «первопроходцы и политические новаторы в Евразии»[529]. Токио и Сеул преследуют явно различимые внешнеполитические цели на мировой арене. Однако дистанцирование этих государств от открытого геополитического соперничества с Китаем и Россией на площадке Центральной Азии и координация их политики с США и ЕС открыли для них широкие возможности для продвижения конструктивной и взаимовыгодной повестки сотрудничества.

Их вовлеченность в центральноазиатские дела имеет особый почерк, концентрируясь на: 1) сотрудничестве в сфере развития и укрепления человеческого капитала; 2) совершенствовании инфраструктуры и в целом развитии экономики через долгосрочное льготное финансирование,

[528] Nolte D. How to compare regional powers: analytical concepts and research topics // Review of International Studies, Volume 36, Issue 4, October 2010. – PP. 881 – 901 // DOI: https://doi.org/10.1017/S026021051000135X.
[529] См.: Summary of major themes and points of discussion over the course of seminars. Korea and Japan in Central Asia // Davis Center of Russian and Eurasian Studies at Harvard University // https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/korea-and-japan-central-asia.

передачу новейших знаний и технологий; 3) поддержке стран региона в их стремлении диверсифицировать внешние связи в рамках парадигмы многовекторности и снизить зависимость от преобладающих центров силы; 4) культурном влиянии.

Япония и Республика Корея в рамках различных трансрегиональных инициатив (типа японской «Дипломатии Шелкового пути» или корейской «Новой Северной политики») последовательно поддерживали принципы *«свободного и открытого регионализма» и «свободного и открытого развития» в Центральной Азии,* не выдвигая политические условия при развитии отношений. Ими эффективно используются возможности взаимной торговли и вывоза из стран региона стратегического сырья.

В среднесрочной перспективе динамика интересов двух азиатских экономических держав в нашем регионе будет иметь нелинейный характер:

а) поощряемые Соединенными Штатами Токио и Сеул продолжат курс на расширение экономического, дипломатического и культурного присутствия в государствах региона с упором на его локомотивы – Узбекистан и Казахстан. На нынешнем этапе такая стратегия соответствует общей фрагментации международного ландшафта, когда Япония (в большей степени) и Южная Корея (в меньшей степени) все более отчетливо солидаризируются с политикой Запада по международной изоляции России и сдерживанию Китая. Центральная Азия в этом раскладе имеет периферийное, но значимое место с точки зрения глобального соперничества и влияния;

б) этим государствам в силу их экономической и технологической мощи отведено, наряду с Австралией и Индией, ключевое место в новой Индо-Тихоокеанской стратегии США. Такая перспектива может отвлечь их ресурсы и политическое внимание от Центральной Азии для мобилизации сил на китайском и российском направлениях. Такой сценарий будет зависеть от общей геоэкономической обстановки в мире и способности Токио и Сеула адаптироваться к нарастающей международной турбулентности.

Таким образом, географически отдаленные, но геополитически мотивированные государства Восточной Азии последовательно проецируют свою силу на центральноазиатском поле, превращаясь в действенный фактор многополярности.

В целом на базе изложенного анализа есть основания выдвинуть следующие общие выводы.

1. Вследствие необратимого снижения монопольной (доминирующей) роли России, роста многоаспектного влияния Китая и резкого изменения военно-политической обстановки после ускоренного вывода западных коалиционных сил из Афганистана в Центральной Азии сформировались объективные условия для установления *сбалансированной многополярности.*

Такой региональный порядок во внешнем его измерении, уже долгие годы опирающийся на идею геополитического плюрализма, пока не приобрел свойства устойчивого «статус-кво». Основной причиной такого положения является схождение в регионе разнонаправленных и противоречивых интересов великих держав и региональных акторов, а также всеобщая конфликтность в силу трансформации ключевых аспектов мирового порядка. Поэтому государства региона многие годы стремились к «поиску региональных и глобальных союзников для обеспечения своей безопасности и территориальной целостности, а также экономических партнеров – для привлечения инвестиций и диверсификации рынков»[530].

2. РФ совместно с КНР, используя политические и экономические рычаги, рассматривают регион как ключевой в коллективных проектах (ШОС, ЕАЭС, ЭПШП), выстраивая долговременную, совместную стратегию сопряжения, то есть реализацию локальной и более глобальной интеграции[531]. Поэтому Россия и Китай, имеющие собственное видение относительно политических контуров центральной Евразии и предлагающие различные форматы кооперации в регионе, не заинтересованы или мало заинтересованы в обособлении Центральной Азии в рамках собственных процессов регионализма. В то же время эти соседние державы сохраняют заинтересованность в обеспечении мира и стабильности в регионе, причем без участия третьих держав.

Таким образом, одной из главных причин неустойчивости регионализма в Центральной Азии является соседство с важнейшими геостратегическими игроками в лице России и Китая вкупе с постоянным интересом к этой ключевой геополитической зоне мира Соединенных Штатов и Европы. Центральноазиатский регион представляет собой геополитически смежный узел, где пересекаются интересы ядерных и региональных акторов, поэтому проблема региональной безопасности становится первостепенной задачей и приобретает глобальные масштабы[532].

3. Стратегии Запада, которые теперь «отличаются реализмом и ограниченными амбициями», могут быть полезными для общерегиональных интересов с точки зрения поддержки трех основных драйверов регионализма – экономики, транспортной системы и энергетики. Наиболее приемлемой формой реализации данного подхода

[530] См.: Balanced geopolitics: international actors in Central Asia // Caspian policy center. – Policy brief, April 2021.
[531] См.: Семенова Н. К. Международно-политические измерения российско-китайского взаимодействия в энергетической сфере Центральной Азии: Автореф. … канд. полит. наук. – М.: Институт востоковедения Российской Академии наук, 2017.
[532] См.: Мирзоева Ф.Б. Влияние геополитических факторов на безопасность государств Центральной Азии в конце XX – начале XXI вв.: Дисс. … канд. истор. наук. Душанбе: ТНУ, 2021.

является использование инструментария ООН, ведущих мировых финансово-экономических институтов – Всемирного банка, Международного валютного фонда и его агентств, Азиатского банка развития, Европейского банка реконструкции и развития и др.

4. Дальнейшая перспектива формирования регионализма в Центральной Азии потребует балансирования между интересами крупных держав и региональных акторов, усиления взаимной координации действий для нивелирования негативных последствий от геостратегического противоборства с одновременным использованием отдельных устремлений внешних сил для продвижения собственной центральноазиатской повестки.

Приемлемым представляется *рассмотрение регионализма и последующей региональной интеграции в качестве процесса, а не строго обозначенной цели с четкими параметрами и сроками выполнения.* Такой подход будет соответствовать как представлениям субъектов в регионе, так и интересам влиятельных внешних игроков.

5. Ведущие внешние силы преследуют разнонаправленные цели и задачи в регионе, выстраивают здесь собственные конструкции взаимодействия и влияния и тем самым объективно стимулируют фрагментацию долгосрочных внешнеполитических и внешнеэкономических установок региональных субъектов. Отсутствие общих политических позиций региона или единого «регионального голоса» на внешнем поле и, как следствие, недостаточная консолидация действий на международных площадках создают условия для «растаскивания» его государств внешними игроками.

В стремлении к созданию общих платформ сотрудничества ключевыми задачами государств Центральной Азии остаются поиск «золотой середины» в идентификации региональных и международных приоритетов, преодоление зацикленности внешней политики на ведущих центрах силы в пользу естественного и взаимовыгодного регионализма. Поэтому «какой бы идеальной и оторванной от современных реалий не казалась идея среднеазиатской интеграции, не исключено, что именно она смогла бы снизить негативные издержки от соперничества внешних держав в регионе, а главное – способствовать дальнейшему устойчивому развитию региона»[533].

Таким образом, внерегиональные силы не в состоянии оспорить или подвергнуть сомнению политическую волю государств Центральной Азии в вопросах формирования единого экономического пространства,

[533] См.: Ауелбаев Б. Центральная Азия – 2020: четыре стратегических концепта / Б. Ауелбаев, С. Кушкумбаев, К. Сыроежкин, В. Додонов // Аналитический доклад Казахстанского института стратегических исследований [под редакцией Е. Карина]. – Астана, КИСИ, 2015.

обеспечения гражданского мира и межнационального согласия, совместного сохранения территориальной целостности, правопорядка, нейтрализации причин и условий для возникновения социальных и межнациональных конфликтов, сепаратизма.

Государства региона без вмешательства третьих сторон вправе мобилизовать усилия в противодействии транснациональным угрозам экстремизма и терроризма, распространению наркотиков и оружия, а также решать проблемы ограничения доступа к мировым рынкам, научно-технической продукции и новейшим технологиям. Их связывают общие границы, совместно используемые речные бассейны, объединенные энергосистемы, сеть автомобильных и железных дорог, традиционный внутренний рынок, что диктует необходимость формирования системы межгосударственных многосторонних обязательств и конструктивной политической атмосферы.

4.3. Системообразующая роль Республики Узбекистан в Центральной Азии в свете реализации новой внешнеполитической доктрины

После избрания Президентом Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева в 2016 г. внешний курс и региональная политика крупнейшего государства в центре Евразийского континента приобретает явно выраженный доктринальный характер.

Во-первых, Узбекистан занимает срединное положение в Центральной Азии, граничит со всеми государствами региона и имеет «защищенный» выход на Афганистан, то есть территорию, граничащую с обширным макропространством Южной Азии. Помимо выгодного географического положения и большой территории, совокупную мощь государства составляют следующие компоненты:

– динамично растущее, молодое и образованное население (45% из около 75-миллионного населения региона Центральной Азии без учета Афганистана);

– богатые природные (в том числе энергетические) ресурсы[534];

– диверсифицированная экономика, промышленный и сельскохозяйственный потенциал, развивающаяся базовая инфраструктура регионального значения;

[534] Узбекистан входит в число 20 стран мира с огромными запасами множества полезных ископаемых. В частности, страна занимает 2-е место в мире по ресурсной базе золота, 7-е – по запасам меди, 8-е – вольфрама, 9-е – серебра, 12-е – урана и 16-е – по добыче природного газа // Из выступления Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на открытии первого Ташкентского международного инвестиционного форума, 24 марта 2022 г. // https://president.uz/ru/ lists/view/5077.

– наиболее многочисленные и боеспособные в регионе вооруженные силы, а также эффективные службы безопасности, благодаря которым страна многие десятилетия служит «буфером против исламского фундаментализма»[535].

В последние годы стало общепризнанным высокое «качество дипломатии и государственного руководства» в Узбекистане на основе испытанного временем политического опыта, что оценивается классиком-реалистом Г. Моргентау как важнейший источник силы.

Притягательная культурно-цивилизационная сила мирового уровня определяет «национальный характер» и «национальную мораль»[536] многонационального и многоконфессионального народа Узбекистана. Более того, *внутреннее мирное общественное сосуществование имеет прямую проекцию на региональное и международное пространство вокруг Узбекистана, играя ключевую роль в поддержании стабильности и безопасности.*

Геостратегическим преимуществом Узбекистана является отсутствие, в отличие от соседних стран, «прямого соприкосновения» с великими державами в лице России и Китая и одновременно относительная близость к их территориям. Это обстоятельство создает возможность для продуктивного балансирования между их интересами, смягчает естественное влияние (давление) этих полюсов силы и позволяет сохранять функцию стабилизатора в рамках макрорегиона.

Потенциальную «мягкую силу» Узбекистан в регионе составляют примерно 7 млн узбеков, проживающих в пяти соседних государствах[537]. На узбекском языке говорят около 50 млн человек в мире.

На современном этапе международное положение Узбекистана находится также под воздействием следующих объективных факторов:

– отдаленность от морских путей (*double land-locked country*), что сдерживает полноценное развитие экономики и негативно сказывается на ее конкурентоспособности;

– нарастающий дефицит водных и земельных ресурсов на фоне динамичного демографического роста;

– многоаспектные последствия экологической катастрофы Аральского моря и изменение климата в сторону глобального потепления;

[535] См.: Faramani R. R, Moradi H. Uzbekistan: a regional power in Central Asia? Reality or dilemma? // Central Asia and the Caucasus. Vol. 15, 2014.
[536] Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. – 4th ed. – New York, 1967. – P. 67.
[537] Vielmini F. Uzbek Communities in Central Asia as Human Connectivity Factor: Elements for a Kin-State Policy. Istituto Per Gli Studi Di Politica Internazionale, 03.02.2021 // https://www.ispionline.it/it/pubblicazione.

– перманентная «геополитическая раздраженность» региона с учетом схождения здесь интересов глобальных держав, долгосрочных импликаций политико-дипломатического и геоэкономического «размежевания» России с Западом, разноуровневого стратегического конфликта по линии Китай – Запад, нестабильности ситуации в Афганистане и долговременной неопределенности вокруг Ирана с вытекающим из всего этого комплексом угроз и вызовов.

По внешнему периметру «регион Центральной Азии является уникальным геополитическим «узлом», связывающим четыре ядерные державы – Россию, Китай, Индию и Пакистан»[538], что во многом предопределяет внеблоковый статус Узбекистана и неядерный – всей Центральной Азии.

Данные главенствующие условия и политическая реальность обуславливают доктринальный подход руководства Узбекистана в плане тесной *«взаимосвязанности и взаимодополняемости внутренней и внешней политики»,* и «такая гармония способствует обеспечению интересов» государства[539]. Инициированная Президентом Ш.М. Мирзиёевым стратегия «Нового Узбекистана»[540] нацелена на рациональное и мирное использование совокупной мощи Узбекистана в национальных интересах и в последние годы превратилась в конструктивную константу международной политики.

Во-вторых, новые доктринальные подходы во внешней политике Республики Узбекистан *учитывают новые реалии* – глубокую разбалансированность международных отношений и устойчивый рост глобального геополитического напряжения, которые проецируются на центральноазиатский регион. Речь идет о непрекращающемся соперничестве великих держав за расширение стратегического доступа и укрепление влияния на срединную область Хартленда (“Heartland of Heartland”)[541], коим в силу различных объективных и субъективных факторов можно рассматривать Центральную Азию и Узбекистан.

Если принять во внимание многочисленные очаги напряженности и продолжающиеся трения различных государств на конфликтогенном Ближнем Востоке, в бассейнах Средиземного моря, Индийского океана,

[538] Чжоу Цзюнь. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-gosudarstv-tsentralnoy-azii-v-mirovoy-politicheskoy-sisteme/pdf.
[539] Новый Узбекистан – страна демократических преобразований, больших возможностей и практических дел. Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев ответил на вопросы главного редактора газеты «Янги Ўзбекистон» Салима Дониёрова, 19 августа 2021 // https://yuz.uz/ru/news.
[540] См.: Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы». Утверждена Указом Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева 28 января 2022 г. № УП-60 // https://lex.uz/ru/docs/ 5841077.
[541] См.: Copley R. Gregory. Uzbekistan re-emerges as the strategic “Heartland of the Heartland” // Международные отношения. – Ташкент, 2019, №3-4.

Южно-Китайского моря и далее в регионе Северо-Восточной Азии, то становится очевидной развернувшаяся на очередном историческом витке новая борьба за контроль над геополитическим поясом евразийского Римленда (по Н. Спайкмену).

Географическая и культурно-цивилизационная близость нашей страны и всего региона к Южной Азии и Персидскому заливу, наметившаяся региональная самоорганизация стран Центральной Азии в сферах политики и экономики, а также последовательные действия Узбекистана в качестве одного из ключевых гравитационных полей в евразийском пространстве по развитию транспортно-коммуникационных коридоров в южном направлении позволяют спрогнозировать в среднесрочной перспективе формирование новой динамики на стыке Хартленда и Римленда в данной точке мира.

Такая позитивная динамика может предполагать дальнейшую активизацию и повышение роли государств Центральной Азии в мировой экономике и политике, шире раскрыть созидательный потенциал региона, заметно расширить возможности регионального и международного сотрудничества. Бесспорно, важнейшим условием для реализации такого сценария остается стабилизация ситуации внутри и вокруг Афганистана, достижение трудного, но все же общеприемлемого регионального консенсуса (или поэтапной конвергенции интересов близлежащих и глобальных игроков) относительно будущей системы взаимоотношений в этой стратегически важной зоне.

Таким образом, возможно, Хартленд, в котором Узбекистан занимает центральную позицию, выполнит важную самостоятельную геополитическую функцию и придаст заметный культурно-исторический импульс развитию этой части мира[542].

Во-третьих, в региональном контексте доктринальными установками руководства Узбекистана являются *обеспечение сопряжения перспектив национального развития с общерегиональными приоритетами и поиск разумных компромиссов* для устранения конфликтного потенциала и решения вопросов общей повестки в сферах границы, водопользования, транспорта и торговли[543].

[542] См.: Таджиев Ш.Ш. Международная политика: растущие вызовы и новые перспективы // Международные отношения. – Ташкент, 2020, № 1-2.
[543] Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на Международной конференции «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания» в Самарканде, 10.11.2017 // https://president.uz/ru/lists/view/1227.

Как подчеркнул Глава Узбекистана в своем выступлении на первом саммите в формате «Центральная Азия – Европейский союз» в октябре 2022 года, «долгосрочное и устойчивое развитие нашей страны неразрывно связано со стабильностью и благополучием всей Центральной Азии. Именно поэтому Узбекистан неуклонно продвигает повестку добрососедства и регионального партнёрства. В результате совместных усилий в Центральной Азии сформировалась совершенно новая политическая атмосфера».

В контексте регионализма в Центральной Азии и его научного осмысления следует согласиться с *органическим подходом* Ф. Толипова. По его мысли, этот подход совершенно отличается от эклектических и синтетических подходов и основывается на естественных и гармоничных субстратах. Это относится к естественному процессу эволюции центральноазиатской интеграции, который прошел последовательные этапы: Центрально-Азиатское Содружество, Центрально-Азиатское Экономическое Сообщество, Организация Центрально-Азиатского Сотрудничества. Процесс возобновился в 2018 г. Благодаря инициативе, выдвинутой Президентом Узбекистана и поддержке со стороны лидеров соседних стран, была организована Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. Тем самым «сотрудничество и интеграция в Центральной Азии являются органично-естественным процессом»[544].

Естественность общерегиональных процессов, которые на нынешнем этапе все же соответствуют категории регионализма, а не интеграции, это один из плодов *доктринальной цели руководства Узбекистана «общими усилиями превратить Центральную Азию в стабильный, экономически развитый и процветающий регион»*[545]. Ключевыми «естественными и гармоничными субстратами» являются рассмотрение Узбекистаном «целостности Центральной Азии через два фактора: а) через акцентирование общности для стран региона бассейна Аральского моря и определяемую этим связанность всех стран, входящих в Центральную Азии, общими разделяемыми водными ресурсами; б) через фактор интеграции Центральной Азии как региона в глобальные транспортно-коммуникационные коридоры. Узбекистан рассматривает данный вопрос именно через региональную, а не национальную повестку»[546].

---

[544] См.: Толипов Ф. Эмансипация Центральной Азии: эклектика, синтетика и органика регионализма // В Ташкенте обсудили перспективы сотрудничества стран Центральной Азии // Central Asian Bureau for Analytical Reporting // https://cabar.asia/ru/v-tashkente-obsudili-perspektivy-sotrudnichestva-stran-tsentralnoj-azii.

[545] Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на Международной конференции «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания» в Самарканде, 10.11.2017 // https://president.uz/ru/lists/view/1227.

[546] Бурнашев Р. Новый региональный курс Узбекистана и конструирование Центральной Азии, 23 апреля 2021 г. // Central Asian Bureau for Analytical Reporting // https://cabar.asia/ru.

В совокупности Узбекистаном через достижение синергии национальных и региональных интересов предлагается принятие «решительных шагов для формирования новой модели экономического сотрудничества в Центральной Азии»[547] на базе производственной и технологической кооперации, либерализации торгового режима, взаимосвязанной энергетической, экологической и продовольственной безопасности, развития «зеленой» повестки. Это, в свою очередь, говорит о том, что «региональная политика Ш. Мирзиёева носит чрезвычайно *прагматичный характер*. Она строится вокруг экономического взаимодействия и транспортной взаимосвязанности»[548].

В-четвертых, как следствие открытости внешнеполитической доктрины Узбекистана в последние годы обращает на себя внимание *обновленная коннотация принципа «добрососедства»* в Центральной Азии.

Как подчеркнул Глава Узбекистана в своем выступлении на первом саммите в формате «Центральная Азия – Европейский союз» в октябре 2022 г., «долгосрочное и устойчивое развитие нашей страны неразрывно связано со стабильностью и благополучием всей Центральной Азии. Именно поэтому Узбекистан неуклонно продвигает повестку добрососедства и регионального партнёрства. В результате совместных усилий в Центральной Азии сформировалась совершенно новая политическая атмосфера».

Традиционная декларативность этого принципа в прошлом сменяется на его реальное практическое наполнение, свидетельством чему являются: 1) динамика роста товарооборота со странами региона (по итогам 2021 г. доля государств Центральной Азии во внешней торговле Узбекистана достигла 15,1%, составив 6,3 млрд долларов)[549], 2) увеличение инвестиционной активности[550] и 3) интенсификация в последние годы человеческого потока в регионе[551]. Приоритетное значение имеет интенсивный обмен между регионами центральноазиатских стран,

[547] Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на третьей Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, 7 августа 2021 г. // https://president.uz/ru/lists/view/4534.
[548] Казанцев А. Политические трансформации в Узбекистане как фактор региональной стабильности и развития, 8 февраля 2022 г. // https://russiancouncil.ru/ analytics-and-comments/columns/postsoviet.
[549] Инфографика: Торговля Узбекистана со странами Центральной Азии за декабрь 2021 года, 24 января 2022 г. // https://review.uz/post.
[550] С конца 2017 г. по ноябрь 2020 г. в Узбекистане число зарегистрированных предприятий с капиталом Казахстана выросло с 281 до 896 единиц, Кыргызстана – с 57 до 175 единиц, Таджикистана и Туркменистана – до 178 и 140 единиц, соответственно. Узбекский капитал также стал активно присутствовать в соседних странах. В частности, в Казахстане открыта текстильная фабрика, в Таджикистане и Кыргызстане – запущен совместный выпуск бытовой техники.
[551] Количество путешествующих по странам Центральной Азии за 2016-2019 годы выросло почти в 2 раза – с 9,5 до 18,4 млн. чел. По оценкам Всемирной туристической организации ООН, иностранный турпоток в Узбекистан увеличился на 27,3%, в Казахстан – на 10%.

что вносит заметный вклад в укрепление атмосферы взаимного доверия. В результате укрепляется геоэкономическая акторность и целостность Центральной Азии, признаваемая международным сообществом[552].

В-пятых, укрепление, по выражению Главы Узбекистана, общего «Центральноазиатского дома» представляется труднодостижимым без *следования принципам неделимости безопасности и использования методов превентивной дипломатии.* Действительно, системообразующая роль республики в регионе и реальность заключаются в том, что «дорога к центральноазиатской стабильности и процветанию все больше пролегает через Ташкент»[553]. По нашему мнению, Узбекистан, зажатый в континентальной глубине Евразии, возможно, как ни одна держава заинтересован в мирном и устойчивом развитии региона, если учесть его собственные жизненно важные экономические и коммуникационные интересы, культурно-гуманитарную взаимосвязанность проживающих здесь народов. Любое негативное течение процессов внутри и между государствами Центральной Азии может напрямую затронуть интересы безопасности Узбекистана и сказаться на его планах динамичного развития.

Осознавая трансграничный характер вызовов и угроз, Узбекистан в последние годы последовательно отстаивает позицию о том, что «Афганистан является неотъемлемой частью Центральной Азии»[554]. На фоне событий вокруг Украины, катализировавших дальнейшую трансформацию мирового порядка, афганский вопрос уходит на второй план глобальной политики, однако сохраняет тлеющую конфликтогенность. Ташкентом афганский фактор представляется не как долголетний негативный синдром или опасный очаг терроризма и наркотрафика (при сохранении этих угроз), а «якорь регионального сотрудничества, многообещающий мост, соединяющий регионы и раскрывающий экономический потенциал центральной Евразии»[555]. Такая

[552] По данным ИСМИ при Президенте Республики Узбекистан, совокупный ВВП стран региона вырос с 253 млрд долларов в 2016 г. до 302,8 млрд долларов в 2019 г. В условиях пандемии этот показатель по итогам 2020 г. снизился всего на 2,5%, составив 295,1 млрд долларов. Общий объём внешней торговли региона в 2016-2019 гг. вырос на 56%, достигнув 168,2 млрд долларов. По прогнозам аналитиков международной компании Boston Consalting Group (BCG), в течение последующих 10 лет регион может привлечь до 170 млрд долларов иностранных инвестиций, в т.ч. 40-70 млрд долларов – в несырьевые отрасли // См.: Неъматов А., Умарова Л. Узбекистан в центре трансформации Центральной Азии, 5 мая 2021 г. // http://isrs.uz/ru/maqolalar.

[553] Hutson N., Marsha McGraw Olive. Uzbekistan rising as Central Asian integration catalyst, Feb 8, 2021 // https://eurasianet.org/perspectives-uzbekistan-rising-as-central-asian-integration-catalyst.

[554] Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, 21 сентября 2021 г. // https://president.uz/ru/lists/view/4632.

[555] Директор ИСМИ рассказал об основных подходах стратегии Президента Узбекистана, 28 апреля 2022 г. // https://vzglyad.uz/2022/04/28.

линия, отвечающая общерегиональным интересам, конструирует позитивную международную атмосферу вокруг Афганистана для предотвращения его полной и по сути бесплодной изоляции, решения гуманитарных нужд, а также способствует дерадикализации его внутренней и внешней политики.

Стабилизирующее значение Узбекистана в последние годы проявилось в установлении отношений стратегического партнерства с Туркменистаном и Кыргызстаном, союзничества – с Казахстаном и Таджикистаном, решении проблем делимитации, демаркации и пересечения границ, снятии напряженности с Таджикистаном и Кыргызстаном по всему комплексу взаимоотношений, миротворчестве по афганской проблеме и в ходе таджикско-кыргызских пограничных трений, консолидации международных усилий по противодействию пандемии, а также смягчению последствий Аральской экологической катастрофы.

На фоне укрепления доверия происходит внутрирегиональная политическая консолидация[556], прежде всего в вопросах противостояния терроризму, экстремизму и наркотрафику[557], и тем самым, снимаются «системные раздражители, сдерживающие развитие регионального сотрудничества»[558].

В-шестых, *ответственность, взвешенность и дальновидность доктринальных установок* Президента Узбекистана по Центральной Азии проявляются в том, что «хотя конструирование региона идет под активным воздействием Узбекистана, речь не идет о каком-то особом положении республики в этом пространстве Центральной Азии: в официальном дискурсе Узбекистана практически не используется термин «региональный лидер» и тем более региональное сотрудничество не рассматривается через призму какой-либо межгосударственной

[556] Например, в 2017 г. был подписан исторический документ – «Договор о районе точки стыка государственных границ трёх государств – Казахстана, Туркменистана и Узбекистана»; на базе региональной политической консолидации принято Совместное заявление глав государств Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан о событиях в Кыргызской Республике, 9 октября 2020 г.; незамедлительная реакция местных администраций Ферганской и Баткенской областей на конфликтную ситуацию в Сохском районе кыргызско-узбекской границы, а также политическая воля, проявленная в ходе переговоров, способствовали быстрому установлению контроля над ситуацией и нейтрализации растущей напряженности (май-июнь 2020 г.) // См.: Неъматов А., Умарова Л. Узбекистан в центре трансформации Центральной Азии, 5 мая 2021 г. // http://isrs.uz/ru/maqolalar.

[557] Например, в марте 2022 г. в г. Ташкенте состоялась Международная конференция высокого уровня «Региональное сотрудничество стран Центральной Азии в рамках Совместного плана действий по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН».

[558] Неъматов А., Каримов А. Новый Узбекистан – новая модель внешней политики, 1 января 2020 г. // https://isrs.uz/ru/maqolalar/novyj-uzbekistan-novaa-model-vnesnej-politiki.

конкуренции»[559]. По нашему мнению, Узбекистан в вопросе своего регионального позиционирования может объективно опираться на принцип *primus inter pares («первый среди равных»),* когда его международное поведение и внутреннее развитие всемерно учитываются соседними государствами и в конечном итоге определяют политическую атмосферу региона. Стратегия развития нашей страны служит некой полезной моделью для центральноазиатских стран.

В-седьмых, в рамках рассматриваемой нами доктрины Узбекистаном последовательно реализуется *концепция взаимосвязанности*, в основе которой лежат:

(i) конструктивное и взаимовыгодное взаимодействие и поддержание баланса интересов между великими державами, развитие с ними стратегического партнерства и союзничества на базе идеологемы «*win-win*»;

(ii) укрепление ядра центральнозиатского порядка совместно союзной Астаной (тандем Узбекистана и Казахстана) для продвижения «идеи регионального сближения в целях обеспечения мира и стабильности» и «достижения взаимоприемлемых решений по всему комплексу региональных аспектов самими государствами Центральной Азии на основе взаимного уважения интересов друг друга»[560].

Продвигаемая Главой Узбекистана концепция взаимосвязанности не ограничивается, как принято считать, лишь развитием транспортных коммуникаций и открытием новых рынков в южноазиатском направлении. Разновекторная природа, сама сущность и многофункциональность концепции заключаются в ее инклюзивности, открытости, прогрессивности и бесконфликтности.

Северный вектор обозначен установлением и расширением взаимодействия Узбекистана с ЕАЭС, ОДКБ и СНГ. С этим пространством связаны экзистенциональные интересы страны, если учесть объемы торговли, кооперации и потоки трудовой миграции в Россию и Казахстан, наличие общих интересов в сферах безопасности и межкультурного общения.

Восточный вектор формируется через интегрированность в рамках ШОС и участие в китайском мегапроекте «Пояса и пути». При всей диверсифицированности внешней торговли Китай – это эксклюзивный

[559] Бурнашев Р. Новый региональный курс Узбекистана и конструирование Центральной Азии, 23 апреля 2021 г. // Central Asian Bureau for Analytical Reporting // https://cabar.asia/ru.
[560] Декларация о союзнических отношениях между Республикой Узбекистан и Республикой Казахстан, 6 декабря 2021 г. // https://uza.uz/ru/posts/326819.

поставщик жизненно важных товаров и технологий в регион. Растет его значимость в качестве транзитёра и импортёра, гаранта стабильности. Японский и корейский факторы заметно расширяют возможности экономической дипломатии Узбекистана на азиатском поле.

Западный вектор даже после вывода коалиционных сил из Афганистана в 2021 г. будет оставаться стратегически важным в силу глубокой приобщенности Узбекистана и государств региона в западноцентричную либеральную систему через устойчивые нормы, общепринятые международные правила и влиятельные глобальные институты. Это направление ожидает своего дальнейшего широкого раскрытия и требует концептуальной разработки с учетом обеспечения баланса интересов глобальных держав и полноценной реинкарнации исторических транспортных коридоров и взаимосвязанности через регион Южного Кавказа и далее с Турцией и Европой. Одно из недавних знаковых событий в этом процессе – принятие Совместного заявления США, Узбекистана и Казахстана о запуске инициативы «Центрально-Азиатское инвестиционное партнерство»[561]. Как отметил министр иностранных дел Республики Узбекистан В. Норов на заседании глав МИД стран-членов Организации тюркских государств, Транскаспийский коридор (ТМТМ/Middle corridor) должен стать площадкой интеграции тюркских стран. Транскаспийский коридор можно превратить в площадку будущей интеграции стран организации в единую транспортную систему. Складывающаяся в Евразии новая геоэкономическая ситуация открывает благоприятные перспективы для превращения региона в мощное транспортно-логистическое звено глобальной производственно-сбытовой цепи. Основная цель – создание единого транспортного пространства, которое прочно свяжет наши сухопутные и морские порты с мировыми рынками[562].

Южный вектор достаточно развит через иранский и ближневосточный факторы, при этом укрепляется его экономическое и культурно- цивилизационное измерение. Одновременно его южноазиатское направление по инициативе Узбекистана приобретает для всей Центральной Азии новое звучание через три составляющие: 1) геополитическая – через сопутствующее решение афганской проблемы; 2) геоэкономическая – посредством создания единого экономического пространства для транспорта и торговли, инноваций и инвестиций;

[561] Совместное заявление Соединенных Штатов Америки, Узбекистана и Казахстана о запуске инициативы «Центрально-Азиатское инвестиционное партнёрство», 7 января 2021 г. // https://mift.uz/ru/news.
[562] МИД Узбекистана: Транскаспийский коридор поможет интеграции тюркских стран // https://moscow-baku.ru/news/politics/mid_uzbekistana_transkaspiyskiy_ koridor_pomozhet_integratsii_tyurkskikh_stran.

3) геоцивилизационная – через создание единого пространства культуры, духовности, туризма, научных исследований[563]. Значимость этой региональной части в системе международной безопасности резко возросла, высветив неразделимость безопасности и показав возрастающую зависимость от нее любых планов социально-экономического развития[564]. Тем самым «пакистано-афгано-таджико-узбекская «связка» оказывается своего рода геополитическим стержнем («шарниром»), вокруг которого вращаются практически все главные сюжеты, так или иначе связанные с региональными конфликтами и любыми иными аспектами политики и безопасности государств этой части мира»[565]. Запуск трансграничной железной дороги из Центральной в Южную Азию «создаст мощную платформу для достижения инклюзивного экономического развития стран Центральной и Южной Азии. Она станет своего рода современной версией древнего северного торгового пути, известного как Уттарапатха, соединявшего Индо-Гангскую равнину с южными территориями Евразийского континента через исторические города Таксила, Гандхара и Термез»[566].

Производные этого межрегионального уравнения, связанные с реализацией Китаем проекта «Китайско-пакистанского экономического коридора» и Индией – мультимодального транспортного коридора «Север-Юг», с одной стороны, усложняют межрегиональную конфигурацию, но с другой – расширяют для Узбекистана и стран региона стратегический горизонт и спектр выбора.

«Интерес Узбекистана к Южной Азии во многом нужно искать в логике проводимых в последние годы реформ, которые в значительной степени «экономизируют» внешнюю политику страны. Южная Азия – это огромный рынок сбыта и инвестиций, которые могут сыграть роль стимула для узбекской промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг»[567].

В-восьмых, внешнеполитическая доктрина руководства Узбекистана, традиционно нацеленная на создание максимально благоприятных международных условий для ускоренного внутреннего развития, зиждется на *принципах многосторонности на базе провозглашенной в рамках стратегии «Нового Узбекистана» парадигме*

[563] См.: Абдуллаев Ш.М. К вопросу об историко-культурных и геоцивилизационных взаимосвязях стран Центральной и Южной Азии // Международные отношения. – Ташкент, 2021, № 1-2; Саидов А. Триумф внешней политики нового Узбекистана // https://xs.uz/ru/post/triumf-vneshnej-politiki-novogo-uzbekistana.

[564] Звягельская И. Взаимосвязанность Центральной и Южной Азии: конференция в Ташкенте оценила вызовы и возможности межрегионального сотрудничества // www.kp.ru/daily/28314.5/4455759.

[565] Там же приведена оценка А.Д. Богатурова.

[566] Там же.

[567] Махмудов Р. Как выстраивается политика Узбекистана в новых реалиях Афганистана? 30 августа, 2021 // https://www.caa-network.org/archives/22144/kak-vystraivaetsya-politika-uzbekistana-v-novyh-realiyah-afganistana.

отрицания «протекционизма и изоляционизма»[568]. Активное участие Узбекистана в форматах системы ООН, СНГ, ШОС, ОБСЕ, ОТГ, ОИС, ОЭС, СВМДА, ВБ, МВФ, АБР, ИБР и многих других – это проявление общего курса на дальнейшую *интернационализацию ключевых национальных политических, экономических и социальных систем.* На фоне наметившейся фрагментации мирового порядка, которая отражается и на специфике функционирования международных институтов, ставка Узбекистана на *многополюсность и ООН-центричный мультилатерализм* видится наиболее продуктивной и рациональной. Участие в этих организациях и институтах, значительно расширяя географию внешних связей и их отраслевой спектр, позволяет эффективно продвигать политическую и экономическую повестку как национального, так и общерегионального/международного значения.

Доктринально международная политика республика составляет неотъемлемую часть стратегии «Нового Узбекистана», охватывая задачи Целей в области устойчивого развития ООН до 2030 г.[569], в том числе в сферах укрепления регионального сотрудничества, просвещения и религиозной толерантности, инклюзивного социального и экономического роста, решения проблем экологии, противостояния идеологии экстремизма, молодежной и гендерной политики, преодоления последствий пандемий.

В-девятых, на современном этапе ключевой составляющей региональной и международной доктрины Узбекистана является *гуманизация внешнеполитической деятельности*. Прослеживается диалектическая взаимосвязь между внутриполитическим курсом страны на либерализацию и децентрализацию власти, укрепление справедливости и верховенства закона, обеспечение чести и достоинства человека на базе социальной парадигмы «личность – общество – государство»[570], а с другой – раскрытием на внешнем поле высоких гуманистических качеств нашего народа.

Наблюдаемая гуманизация внешней политики Узбекистана контрастирует с прежней многолетней установкой на секьюритизацию. *Данный аспект внешнеполитической деятельности страны отражает глубокие политико-философские взгляды лидера Узбекистана* и полностью лишены какой-либо политической конъюнктуры и расчета. Наиболее важными практическими аспектами этой политики стали:

– приобщение соотечественников за рубежом к общественно-политическим и социально-экономическим процессам в стране;

[568] Мирзиёев Ш.М. Янги Узбекистон стратегияси. – Ташкент: «Узбекистон» нашриёти, 2021. – С. 19.
[569] См.: Цели в области устойчивого развития // https://www.un.org/sustainable development/ru/sustainable-development-goals.
[570] См.: Выступление вновь избранного Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественной церемонии вступления в должность на совместном заседании палат Олий Мажлиса, 6 ноября 2021 г. // https://president.uz/ ru/lists/view/4743.

– расширение географии и масштабов приобретающих системный характер гуманитарных акций в ближнем и дальнем зарубежье (например, афганцам, палестинцам, рохинджа и украинцам), особенно в периоды пандемии и обострения конфликтов;

– решение проблем граждан Узбекистана, находящихся за рубежом, через доступ к государственным услугам[571];

– гуманитарные мероприятия по возвращению граждан, в основном женщин и детей, которые волею судьбы оказались в зоне вооруженных конфликтов;

– строительство школ и других социально-культурных объектов за рубежом, профессиональное обучение граждан Афганистана на территории Узбекистана и многие другие.

Узбекистан избран в Совет по правам человека ООН, что является признанием мировым сообществом достижений в гуманитарном измерении.

В-десятых, гуманизация внешней политики непосредственно связана с *наращиванием и проекцией «мягкой силы» Узбекистана на региональной и международной авансценах*. В Узбекистане отдают себе отчет в наличии угроз национальной безопасности в военной сфере, в том числе в форме «переноса военных действий» на территорию страны, возможных действий незаконных вооруженных формирований, идеологических и психологических акций против его суверенитета[572]. В то же время гибридизация мировой и внешней политики в виде реальных угроз и вызовов безопасности и стабильности на международном, региональном и национальном уровнях диктуют необходимость применения инновационных подходов в данной сфере деятельности государства и общества.

Концепция «мягкой силы», несмотря на усиление тенденций применения жестких и силовых методов в реализации внешней политики многих государств в виде военных угроз и экономического давления, остается действенным инструментом в стратегическом арсенале большинства глобальных и региональных акторов. Узбекистан прибегает к использованию «мягкой силы» для влияния на поведение других акторов, укрепления национальной идентичности, повышения привлекательности и конкурентоспособности как международного субъекта, достижения целей развития и обеспечения безопасности. Проявление «умной силы» отмечается в форме проведения совместных военных учений с партнерами и союзниками, а также участия в международных военных соревнованиях.

---

[571] По данным ИСМИ при Президенте Республики Узбекистан, в период пандемии обеспечено возвращение в страну более 500 тысяч трудовых мигрантов. Помощь различного характера предоставлена около 100 тысячам соотечественников, оказавшихся за пределами страны в трудном положении.

[572] См.: Оборонная доктрина Республики Узбекистан. Утверждена Законом Республики Узбекистан от 9 января 2018 г. № ЗРУ-458. // https://lex.uz/docs/3495906.

Страна обладает исторически обусловленным уникальным потенциалом для реализации собственного концепта «мягкой силы», имеет практически все исходные объективные и субъективные ресурсы, механизмы и инструментарий для продвижения позитивного образа, влияния на формирование международной повестки и отстаивания национальных интересов. Более того, последовательное формирование притягательного образа Узбекистана с применением методов «мягкой силы» можно рассматривать в качестве необходимой надстройки для развития внешнеэкономического базиса[573].

Таким образом, выдвигаемый нами тезис о доктринальном характере внешнеполитического курса Узбекистана обосновывается следующими доводами:

1) обладая сравнительно с государствами Центральной Азии более высокой совокупной мощью, Узбекистан традиционно играет роль стабилизатора в центре Евразии, сохраняет равную приближенность к ведущим центрам силы и следует позиции нейтралитета во время острых фаз геополитической борьбы мировых держав. Ташкент придерживается доктрины сопряжения перспектив национального развития с общерегиональными и международными приоритетами и поиска разумных компромиссов для решения всего комплекса вопросов центральноазиатской и глобальной повестки. Политическая и экономическая устойчивость Республики Узбекистан – это одна из гарантий региональной и международной стабильности;

2) на основе следования принципам неделимости безопасности и прагматизма, использования методов превентивной дипломатии и «мягкой силы», осознания трансграничного характера современных вызовов и угроз, а также с учетом складывающихся новых реалий на внешнем поле и собственных возможностей Узбекистан является инициатором и вносит существенный вклад в практическое наполнение добрососедских отношений с государствами Центральной Азии. Просматриваются позитивные перспективы институционализации центральноазиатского сотрудничества на фоне высокой динамики отношений в тандеме Узбекистан – Казахстан как оптимального драйвера региональной координации;

3) в русле логики проводимых коренных реформ Узбекистан делает ставку не только на «экономизацию» внешней политики, но и акцентирует внимание на расширении векторов многоформатной взаимосвязанности

[573] См.: Таджиев Ш. Ш. «Мягкая сила» во внешней политике Республики Узбекистан на современном этапе. Монография. – Ташкент: УМЭД, 2020.

с сопредельными с Центральной Азией пространствами. Такая политика, отвечая общим интересам, способствует укреплению геополитической и геоэкономической идентичности и единства Центральной Азии, повышает международную конкурентоспособность региона, способствует формированию внутрирегионального и межрегионального экономического и культурного пространства;

4) на базе отрицания протекционизма и изоляционизма, посредством гуманизации и либерализации внутренней и внешней политики Узбекистан поддерживает принципы мультилатерализма и движется в сторону интернационализации национальных социальных и экономических систем для достижения Целей в области устойчивого развития ООН до 2030 г. и занятия достойного места в международном сообществе. При этом императивом остается парадигма укрепления государственного суверенитета, независимости и национальной идентичности.

Таким образом, опираясь на (а) объективные предпосылки в форме совокупной силы и влияния и (б) внутренние и внешние политические доктринальные установки, Узбекистан сохраняет и расширяет важнейшую системообразующую роль в регионе Центральной Азии и в центре Евразии. Внешние силы признают Узбекистан в качестве взвешенного, ответственного и предсказуемого партнера, что чрезвычайно важно в период роста турбулентности в международной политике и трансформации мирового порядка.

Можно утверждать, что наработанные в последние годы под руководством Ш.М. Мирзиёева масштабный опыт и многослойные политические практики доктринального значения найдут свое отражение в разрабатываемых новых редакциях Концепции национальной безопасности и Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан.

* * *

1. Комплексный анализ внешней политики государств Центральной Азии через призму их современных национальных стратегий развития позволяет составить расширенное и объективное видение их региональной политики и мотивов международного поведения.

На базе концепта взаимосвязанности внутренней и внешней политики выявлены такие общие особенности внешнеполитических курсов этих государств, как полное осознание внутреннего потенциала и трансформационного характера мирового порядка; отстаивание норм международного права и Вестфальских принципов; максимальная

диверсификация внешних сношений для укрепления устойчивости (*resilience*) от внешних шоков и влияния; приоритетность региональной политики; «экономизация» международного сотрудничества и прагматизм; использование «мягкой силы» для расширения влияния и укрепления национальной идентичности.

2. Исследование политики внерегиональных сил в отношении внутрирегионального сближения в Центральной Азии на основе подходов геополитического плюрализма и реализма свидетельствует об установлении здесь *принципов сбалансированной многополярности.*

Великие державы, способствуя региональному сближению, препятствуя обособлению Центральной Азии и/или предлагая собственные конструкции кооперационного поведения, преследуют здесь долгосрочные стратегические интересы. Россия по сути остается традиционным и главным гарантом безопасности государств региона и партнером по многоплановому сотрудничеству. Китай превратился в значимого игрока в экономическом измерении и усиливает присутствие в сфере безопасности. Государства коллективного Запада поощряют региональное строительство как для распространения устоев либерального порядка, так и в целях «оттягивания» Центральной Азии от глобальных соперников.

Взаимоотношения внешних игроков на центральноазиатском поле и их влияние на результативность регионализма будут зависеть от динамики и характера трансформации мирового порядка. Умелое балансирование государств региона между интересами основных геополитических игроков и недопущение здесь острой конфликтности будет иметь решающее значение для перспектив регионального сотрудничества и возможной будущей структурной интеграции.

3. Комплексный анализ внешнеполитического курса Республики Узбекистан на современном этапе с использованием категорий геополитики и реализма позволил научно обосновать его доктринальный характер.

Выявлены следующие значимые особенности доктрины внешней политики страны:

1) взаимосвязанность и взаимодополняемость внутренней и внешней политики;

2) учет новых геостратегических реалий;

3) обеспечение сопряжения перспектив национального развития с общерегиональными и международными приоритетами и поиск разумных компромиссов;

4) доктринальная цель руководства Узбекистана «общими усилиями превратить Центральную Азию в стабильный, экономически развитый и процветающий регион», в том числе через «формирование новой модели экономического сотрудничества в Центральной Азии»;

5) обновленная коннотация принципа добрососедства и его наполнение реальным содержанием в целях укрепления геоэкономической акторности и целостности региона;

6) следование принципам неделимости безопасности и использования методов превентивной дипломатии;

7) ответственность, взвешенность и дальновидность доктринальных установок по Центральной Азии с опорой на принцип *primus inter pares* («первый среди равных»);

8) разработка и реализация многоаспектной концепции взаимосвязанности по всем геополитическим векторам;

9) следование принципам многосторонности, многополюсности и ООН-центричного мультилатерализма на базе провозглашенной в рамках стратегии «Нового Узбекистана» парадигме отрицания «протекционизма и изоляционизма», в том числе в целях интернационализации ключевых национальных политических, экономических и социальных систем;

10) гуманизация внешнеполитической деятельности, а также наращивание и проекция «мягкой силы».

Параллельно выдвижению научного тезиса о доктринальных особенностях внешней политики Узбекистана представленные доводы свидетельствуют о его системообразующей роли в Центральной Азии в качестве геополитического стабилизатора и центра силы на стыке Хартленда и Римленда, наращивающего потенциал для выполнения самостоятельной геополитической функции и придания культурно-исторического импульса развитию в этой части мира.

Демократизация, либерализация, процесс укрепления прав человека, консолидация гражданского общества и рыночные преобразования в Узбекистане в целом соответствуют широко распространенной в мире либеральной парадигме.

Очевидно, что внешнее признание и международное уважение к Узбекистану исходят не только от Москвы и Пекина, но и влиятельного конгломерата государств Запада и нейтральных стран «незапада». С другой стороны, традиционные нормы политического и государственного строительства, национальные, религиозные, этнопсихологические и социально-культурные особенности нашего общества подвергаются критике сторонниками западноцентричных взглядов и устоев. Такая дихотомия свойственна для большинства стран обширного азиатского пространства и в долгосрочной перспективе будет нести в себе определенные риски.

Следует признать оптимальной для Узбекистана стратегию равной приближенности и/или равной удаленности от различных центров силы и внеблоковость, прежде всего в целях сохранения суверенитета, территориальной целостности и максимально возможной политической и экономической независимости.

Регионализм и региональный порядок в Центральной Азии следует рассматривать в качестве серьезного фактора защищенности нашего государства от внешних шоков на базе коллективных региональных подходов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенных нами научных исследований позволяют сделать следующие обобщенные выводы.

Значительное изменение баланса сил в системе международных отношений и рост конфронтационной повестки, диффузия мощи за счет укрепления традиционных ее носителей и возникновение транснационального социального пространства, а также обострение естественных угроз и вызовов ойкумене становятся ключевыми детерминантами трансформации мирового порядка. Существующий глобальный политико-экономический порядок не сохранит свою устойчивость в нынешних формах. Важнейшей характеристикой этого состояния является нарушение многолетнего полустабильного равновесия (semi-stable equilibrium) в системе отношений между взаимозависимыми государствами (негосударственными субъектами) на основе действия легитимных и общепризнаваемых правил, режимов и норм поведения, функционирования организаций/институтов и системы ценностей.

Эволюция и зачастую качественная смена параметров Вестфальской системы диктует необходимость сохранения ее основополагающих и пока безальтернативных принципов суверенитета, баланса сил и государственно-центричности для удержания международной системы от дальнейшей критической хаотизации и совершенствования систем глобального управления.

К настоящему времени преодолен исторический период доминирования либерального международного порядка или «однополярного момента», длившегося тридцать лет после завершения эпохи двухполюсного мира. Международная система находится в точке бифуркации и входит в этап формирования новых моделей миропорядка и полярности, параметры которых будут конструироваться как с участием великих держав, так и под воздействием малых/средних государств, конгломерата негосударственных акторов.

Реалистичным представляется вариант нестабильной многополярности в составе нескольких великих держав (или региональных блоков), связанных посредством гибких связей и сотрудничества в сфере безопасности и экономики. Возрастет роль средних и малых государств, играющих влиятельную и активную роль благодаря своему отдельному и формально равноправному месту в Вестфальской системе, при выстраивании коалиций или блоков. Такая модель сохранит качества переходности в среднесрочной

перспективе и удержится в рамках пост-Вестфальской системы, основные нормы и принципы которой зафиксированы в Уставе ООН и эволюционируют под воздействием глобализации.

Таким образом, нарастающая хаотизация современного мира выражается в неоспоримых изменениях на всех трех уровнях политической организации мира, а именно: а) прослеживаются кризисные явления в регуляции мирополитических процессов посредством глобальных институтов и норм; б) межгосударственные отношения выпадают из структурированной системы с усилением феномена «межправительственных сетей» и все больше обретают самостоятельный или автономный характер; в) национальные социально-политические процессы развиваются нелинейно, в постепенном отрыве от постулируемых Западом идей либеральной демократии и тем самым находятся под воздействием существующих в современном мире различных культурно-цивилизационных и ценностных установок.

2. Изменение баланса сил и кризисные явления на мировом уровне приводят к экстраполяции межгосударственных конфликтов на содержание и продуктивность деятельности международных организаций, которые зачастую становятся заложниками геополитического противостояния мировых держав. Блоковая самоорганизация групп государств вне рамок ООН на платформе взаимно антагонистических региональных и субрегиональных альянсов, клубов и иных форм международного взаимодействия приводит к фрагментации общемирового пространства сотрудничества и согласования интересов, подтачиванию значения ООН в качестве универсального института обеспечения безопасности и развития.

ООН и ее Устав все же сохраняют свою стержневую роль и функцию при поддержании международного порядка. Однако основными проблемными аспектами в связке «нормы-институты» является их фрагментация на политико-географические и культурно-цивилизационные зоны, а также вольная интерпретация норм международного права для достижения собственных интересов и сохранения/расширения влияния в глобальной иерархии. Государства Центральной Азии играют возрастающую и активную роль в формировании важнейших аспектов мирового и регионального порядка через инициирование масштабных инициатив в рамках международного общества.

Негосударственные акторы (конструктивные и деструктивные) в качестве неоднородного и многослойного социально-политического конгломерата превратились в полноценных участников системы международных отношений. Странам региона в процессе укрепления их государственности удалось адаптироваться, купировать или нейтрализовать многоаспектное давление негосударственных акторов на свои социально-экономические и общественно-политические системы.

Мировой порядок подвергается влиянию взаимосвязанных политически мотивированных и естественных (независящих от воли государств) угроз и вызовов нового типа. Их негативная синергия создает современную и динамичную картину в сфере международной, региональной и национальной безопасности. На фоне общемировой турбулентности центральноазиатская система безопасности остается географической и приобретает бинарный характер: опирается на традиционные региональные механизмы и тяготеет к геополитическому плюрализму за счет вовлечения в нее внерегиональных акторов. В пространственно-временном плане, несмотря на сильную внутрирегиональную взаимозависимость, пока нельзя утверждать, что данная система являет собой отдельную и стабильную модель безопасности с учетом ее неконсолидированности и фрагментированности.

3. Регионализм как современный общемировой тренд продолжает выступать в качестве несущей конструкции мирового порядка. Стабильность региональных политических и экономических порядков обуславливает устойчивость миропорядка. Региональное строительство представляет собой ответ мирового сообщества на неоднозначные проявления глобализации.

Текущая положительная динамика в регионе свидетельствует о формировании «нового центральноазиатского регионализма», который носит открытый характер и имеет особые исторические, географические, экономические и культурные особенности. Данный тренд имеет международное значение, если учесть рост турбулентности в евразийском и глобальном измерениях, пертурбации по вектору глобальное – региональное и процессы поиска новых мирополитических (региональных) концепций и моделей отношений.

Научное осмысление процессов регионостроительства позволяет обосновать наличие устойчивого феномена порядка в Центральной Азии.

Регионализм и региональный порядок могут способствовать решению многих застарелых проблем Центральной Азии. Расширение «сложной взаимозависимости», укрепление региональной идентичности и доверия, предотвращение открытых дипломатических и военных конфликтов в регионе отвечают долгосрочным национальным интересам Узбекистана.

4. Государства Центральной Азии в контексте своего международного позиционирования нацелены на решение в основном следующих основных задач: укрепление независимости и суверенитета; обеспечение взаимосвязанности национальных стратегий со сбалансированным внешним курсом; участие в процессе регионализма и сохранение

регионального порядка; достижение эволюционного изменения международного порядка путем продвижения конструктивных глобальных и региональных инициатив.

Вокруг Центральной Азии продолжают укрепляться принципы геополитического плюрализма, а ведущие внешние акторы имеют здесь разнонаправленные и в целом противоречащие друг другу интересы. В то же время глобальные центры силы в различной степени, однако преследуют цель сохранения регионального порядка в Центральной Азии и предлагают собственные модели и концепции регионостроительства.

Внешняя политика Узбекистана приобрела в последние годы доктринальный характер. Одна из основных ее особенностей – приоритет укрепления регионализма. Узбекистан в силу объективных и субъективных факторов укрепляет свою системообразующую роль в регионе и признается в качестве основного драйвера общерегионального сближения.

Недавние события в ближнем и дальнем окружении Узбекистана свидетельствуют, что мировой порядок во всех его измерениях не сохранится в прежних формах и проявлениях. В условиях масштабных общественно-политических и социально-экономических реформ, проводимых по инициативе и под руководством Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева, важнейшими задачами представляются обеспечение наименее болезненного перехода и адаптации к новым правилам и нормам международного поведения, сохранение бесконфликтного баланса интересов и сил крупных держав в Центральной Азии, а также сохранение внутренней безопасности и правопорядка.

Современный мир становится все более взаимосвязанным и взаимозависимым. Любые конфликтные проявления в Центральной Азии и далеко за ее пределами имеют прямое влияние на политическое положение, экономическое и социальное благополучие нашей страны. При этом большинство международных процессов напрямую проецируются на обстановку в республике.

Правильное осмысление текущих мирополитических и региональных процессов является важнейшим условием в ходе планирования и реализации внутренней и внешней политики. Это дает возможность своевременно спрогнозировать, предупредить, а при необходимости пресечь и нейтрализовать возникающие и потенциальные риски, вызовы и угрозы безопасности как внутреннего, так и внешнего характера.

На основе анализа и выводов исследования разработаны нижеследующие рекомендации и предложения, направленные на укрепление международного и регионального порядка, достижение региональных и национальных интересов:

Рассмотрение проблем обострения геополитической ситуации в нашем макрорегионе указывает на необходимость начала диалога о формировании нового порядка в Евразии, который формально и/или неформально должен определить базовые правила и нормы поведения, институты и обязательства, «красные линии» для ныне противоборствующих сторон. Такой порядок с вовлечением в него конкурирующих между собой НАТО и ОДКБ, ЕС и ЕАЭС-ШОС-СВМДА должен в первую очередь принимать во внимание интересы государств постсоветского пространства с внеблоковым статусом.

Новая версия концепции геополитического плюрализма должна учитывать последствия и риски ее реализации с учетом современного и отличного от 90-х годов прошлого столетия баланса сил в регионе. Важно учитывать возросшее влияние на Центральную Азию Китая, Турции, Ирана, Индии, Пакистана и государств мусульманского мира.

Современный вариант Хельсинского процесса может материализоваться в форме Хартии евразийской безопасности.

В складывающейся ситуации для Центральной Азии наиболее разумным и прагматичным является сохранение резистентности (устойчивости) к внешним политическим шокам посредством:

– строгого следования нормам международного права, общепризнанным ценностям и принципам поведения во внешней среде на базе Устава ООН. Сохранение и укрепление ООН-центричности внешней политики является определенной гарантией и защитой от действий противоборствующих в Центральной Азии центров силы;

– сохранения нейтралитета с учетом нарастания блоковых подходов на постсоветском и в целом Евразийском пространстве. Исторический опыт «неприсоединения» в годы холодной войны может быть полезным для государств Центральной Азии в предстоящую эпоху фрагментации политического пространства мира и установления нестабильной многополярности;

– продолжения последовательной работы по «конструированию» регионализма и укреплению регионального порядка в Центральной Азии. Внешнеполитический аппарат нашей страны следует нацелить на систематическое распространение идей, норм, правил, принципов и ценностей регионального строительства для их масштабного внедрения на политическом, социальном и психологическом уровне в Центральной Азии и на международной арене.

Наличие множественных внешних угроз и тлеющих приграничных межэтнических, межхозяйственных и иных противоречий обуславливает потребность в поэтапном формировании элементов автономной

региональной системы безопасности в Центральной Азии без нарушения устоявшегося военно-политического статус-кво и без подрыва роли России. Лейтмотив такой политики – «регионализм в Центральной Азии не направлен против третьих сил и их интересов, а дополняет усилия всех сторон в деле создания общего регионального пространства сотрудничества и безопасности».

В целях перспективного формирования автономной и открытой системы безопасности в Центральной Азии, определения ее базовых принципов, целей, задач и форм реализации следует инициировать проведение регулярных встреч с участием секретарей Советов безопасности, руководителей оборонных ведомств и органов безопасности государств региона по формуле «3 плюс 5».

На начальном этапе данный формат может функционировать как неформальная консультативная платформа с последующим (в среднесрочной перспективе) созданием общих механизмов и институтов сотрудничества с рамках регионального Совета по вопросам обеспечения безопасности. При особой позиции Туркменистана целесообразно предусмотреть для этого государства отдельный статус с учетом его нейтральности.

В целях укрепления геоэкономической субъектности Центральной Азии и адаптации геостратегических интересов Запада в регионе предлагается интенсифицировать процесс расширения взаимосвязанности между нашим регионом и Европой.

Долгосрочная программа может быть реализована в рамках формата «Центральная Азия – ЕС» и в унисон с проектом «Глобальные ворота ЕС» – стратегии, в рамках которой планируется выделить более 40 млрд евро на технологии и инфраструктуру в странах-партнерах Евросоюза.

Подобный проект отвечает национальным интересам всех стран региона и дополняет реализуемую Узбекистаном концепцию взаимосвязанности Центральной и Южной Азии.

Для расширения международных основ регионального порядка и сбалансирования интересов государств Южной Азии целесообразно инициировать проведение регулярного диалога «Центральная Азия плюс Пакистан». Пакистан, будучи ядерной державой и имея важное значение в мусульманском мире, через афганский фактор играет ключевую роль в обеспечении региональной безопасности и реализации стратегии Узбекистана по открытию доступа к портам Индийского океана.

После снятия международных санкций с Тегерана подобный формат может полезен с иранской стороной, что будет способствовать укреплению региональной идентичности Центральной Азии и защите ее интересов на международной арене на базе принципов многосторонности.

Важным в плане создания политико-идеологической и информационной основ регионального сотрудничества может стать запуск центральноазиатского телевидения по аналогии с каналами «Евроньюс» и «Мир». Вещание может вестись одновременно на пяти языках, контент телепередач – формироваться с участием редакторов всех стран региона. Штаб-квартира общерегионального телевидения может дислоцироваться в одной из столиц государств Центральной Азии, финансирование осуществляться на равных долях.

На базе опыта проведения в Ташкенте экспертного форума с участием исследовательских и научно-аналитических структур региона целесообразно создание Экспертного совета по исследованию проблем Центральной Азии под эгидой Международного института Центральной Азии. Исследования можно проводить по вопросам регионального значения в сферах водопользования, охраны окружающей среды, развития торговли и промышленной кооперации, сельского хозяйства, а также гуманитарным отраслям науки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативно-правовые документы и издания методологического значения

1.1. Нормативно-правовые акты Республики Узбекистан

1. Конституция Республики Узбекистан. – Ташкент: Узбекистон, 2003.
2. Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан. Утверждена Законом Республики Узбекистан № ЗРУ-330 от 10 сентября 2012 г.
3. Оборонная доктрина Республики Узбекистан. Утверждена Законом Республики Узбекистан № ЗРУ-458 от 9 января 2018 г. // https://lex.uz/docs/3495906.
4. Указ Президента Республики Узбекистан № 4947 от 7 февраля 2017 г. «О Стратегии действии по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» // www.lex.uz / ru /docs/ 3107042.
5. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-5400 от 5 апреля 2018 г. «О мерах по коренному совершенствованию системы Министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности за реализацию приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности» // lex.uz/docs/ 3611113.
6. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-3654 от 5 апреля 2018 г. «Об организационных мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности Министерства иностранных дел Республики Узбекистан» // http://lex.uz/ docs/3611280.
7. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-60 от 28 января 2022 г. «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022 – 2026 годы» // https://lex.uz/ru/docs/5841077;

1.2. Труды Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева

1. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на первом саммите Организации исламского сотрудничества по науке и технологиям. г. Астана, 10 сентября 2017 г. // http://uza.uz/ru/politics/10.09.2017.
2. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. г. Нью-Йорк, 19 сентября 2017 г. // http://president.uz.
3. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на международной конференции «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания», г. Самарканд, 10 ноября 2017 г. // http://president.uz.

4. Мирзиёев Ш.М. Продвижение интересов Узбекистана на международной арене – основная задача нашего дипломатического корпуса // Одобрение народа – высшая оценка нашей деятельности. – Т.: «Узбекистон», 2018.

5. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на международной конференции по Афганистану: «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие». г. Ташкент, 27 марта 2018 г. // https://mfa.uz/ru/press/news/2018/ 03/14321.

6. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на заседании Совета глав государств-учредителей Международного фонда спасения Арала, г. Туркменбаши, Туркменистана, 24 августа 2018 г. // https://uza.uz/ru/posts/vystuplenie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziye.

7. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на пятом саммите совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, г. Душанбе, Республика Таджикистан, 15 июня 2019 года // https://uza.uz/ ru/posts/vystuplenie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziye0-15-06-2019.

8. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (в режиме онлайн), г. Ташкент, 23 сентября 2020 г. // https://president.uz/ ru/lists/view/3851.

9. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», г. Ташкент, 16 июля 2021 г. // https://president.uz/ru/lists/view/4484.

10. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на третьей Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, 7 августа 2021 г. // https://president.uz/ru/lists/view/4534.

11. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, 21 сентября 2021 г. // https://president.uz/ru/lists/view/4632.

12. Выступление вновь избранного Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественной церемонии вступления в должность на совместном заседании палат Олий Мажлиса, 6 ноября 2021 г. // https://president.uz/ru/lists/view/4743.

13. Мирзиёев Ш.М. Янги Узбекистон стратегияси. – Ташкент: «Узбекистон», 2021.

14. Новый Узбекистан – страна демократических преобразований, больших возможностей и практических дел. Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев ответил на вопросы главного редактора газеты «Янги Ўзбекистон» Салима Дониёрова, 19 августа 2021 // https://yuz.uz/ru/news.

15. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на четвертой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, г. Чолпон-Ата, Кыргызстан, 21 июля 2022 г. // https://president.uz/ru/lists/ view/5360.

II. Монографии, научные сборники и научные статьи

2.1. Монографии, диссертации и авторефераты

1. Аллисон Г. Обречены воевать. – М.: АСТ, 2019.
2. Али-Тарик. Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. – М., 2006.
3. Арон Р. Мир и война между народами. – Nota Bene. – М., 2000.
4. Ауелбаев Б. Центральная Азия–2020: четыре стратегических концепта / Б. Ауелбаев, С. Кушкумбаев, К. Сыроежкин, В. Додонов // Аналитический доклад Казахстанского института стратегических исследований [под редакцией Е. Карина]. – Астана, КИСИ, 2015.
5. Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / Багаева А.В., Бродовская Е.В., Вдовиченко Л.Н. и др.; под общей ред. профессора П.А. Цыганкова. – М.: Горячая линия – Телеком, 2017.
6. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. -М.: РОССПЭН, 2005.
7. Бобокулов И.И. Международно-правовые аспекты обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии: вопросы теории и практики: Дисс. … докт. юрид. наук. – Ташкент: УМЭД, 2010.
8. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт – МОНФ, 1997.
9. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М.Кудюкина. Под общей редакцией Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001.
10. Воронков Л.С. Международные и неправительственные организации в системе международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2018.
11. Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014.
12. Гаджиев К. С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. – М.: Экономика, 2007.
13. Гарбузарова Е. Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах. – М.: «Аспект Пресс», 2020.

14. Гроций Г. О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994.
15. Давыдов Ю. П. Норма против сил. Проблема мирорегулирования. – М.: Наука, 2002.
16. Россия и мир: 2016. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2015.
17. Жданов Н.В. Исламская концепция мирового порядка. – М.: Международные отношения, 1991.
18. Казанцев А.А. Международные сети джихадизма: Центральная Азия, Кавказ, Ближний Восток и Афганистан: монография. – М.: МГИМО-Университет, 2019.
19. Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2016.
20. Кортунов С. В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка // Мировая политика / под ред. С. В. Кортунова. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
21. Кусаинова А. М. Дипломатическая служба как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Республики Казахстан: Дисс. … докт. филос. (PhD). – Астана: Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, 2014.
22. Центральноазиатское LEGO: кто конструирует регион. – Под редакцией С. Кушкумбаева, Алматы, 2016.
23. Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века (на примере евразийского союза): Автореф. дисс. … докт. полит. наук. – Санкт-Петербург: СПГУ, 2016.
24. Лебедева М. М., Боришполец К. П., Иванова Н. А., Чепурина М. А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. – М.: «Аспект Пресс», 2016.
25. Лебедева М., Боришполец К., Иванова Н., Чепурина М. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. – М.: «Аспект Пресс», 2016.
26. Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. – М., 2003;
27. Льюис Б. Ислам и Запад. – М., 2003.
28. Мавланов И. Экономическая дипломатия. – М.: Аспект-Пресс, 2016.
29. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб: Тип. М-ва пут. сообщ., 1895. – Т. 1. – 1985.
30. Мирзоева Ф. Б. Влияние геополитических факторов на безопасность государств Центральной Азии в конце XX – начале XXI вв.: Дисс. … канд. ист. наук. – Душанбе: Таджикский национальный университет, 2021.
31. Миронов В.В. Английская школа международных отношений: формирование и эволюция научного сообщества: Автореф. дисс. … докт. ист. наук. – Томск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», 2019.

32. Оторбаев Дж., Бордачёв Т., Белоус Ю., Жиенбаев М., Королёв А. Железный каркас Евразии: достижения, проблемы и перспективы континентальной связанности // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», сентябрь 2021.

33. Павленко В.Б. Институциональные аспекты глобального управления политическими процессами: Автореф. дисс. … докт. полит. наук. – М.: Российский государственный социальный университет, 2008.

34. Паламаренко Р.Ю. ООН в XXI веке: проблемы реформирования: Автореф. дисс. … канд. полит. наук. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2018.

35. Пулатходжаев З.С. Процессы формирования международной субрегиональной системы в Центральной Азии: Афтореф. дисс. … докт. филос. (PhD) по полит. наукам. – Ташкент, ТГИВ, 2021.

36. Рустами С. Политика Европейского союза в интеграционных процессах в Центральноазиатском регионе: направления, инструменты, ресурсы (на примере Таджикистана): Дисс. … канд. полит. наук. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, 2021.

37. Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики: пер. с англ. – М.: Ин-т Гайдара, 2014.

38. Сакс Дж. Достоинство различия. Как избежать столкновения цивилизаций. – М. Иерусалим, 2008.

39. Семенова Н.К. Международно-политические измерения российско-китайского взаимодействия в энергетической сфере Центральной Азии: Автореф. … канд. полит. наук. – М.: Институт востоковедения Российской Академии наук, 2017.

40. Сербина А.С. Еврорегионы как новые акторы мировой политики. Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность. – Новосибирск: НГУЭУ, 2015. С. 167-195.

41. Сирота Н.М. Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016.

42. Системный подход к изучению международных отношений. Коллективная монография. – Ташкент: УМЭД, 2020.

43. Смоляков В.А. Взаимосвязь внутренней и внешней политики: проблемы теории и методологии: Автореф. дисс. … доктора полит. наук. – Владивосток, 2006.

44. Таджиев Ш. «Мягкая сила» во внешней политике Республики Узбекистан на современном этапе. – Ташкент: УМЭД, 2020.

45. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. – М.: Территория будущего, 2009.

46. Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М., 1991.
47. Торкунов А.В. Современные международные отношения и мировая политика. – М.: Просвещение, 2004.
48. Турсунов А. Конституционные основы внешней политики Республики Узбекистан. – Ташкент: ТДЮИ, 2002.
49. Умаров А. Фактор Афганистана в региональной безопасности Центральной Азии в начале XXI века. Дис. … докт.филос. – Т.: УМЭД, 2017. – 176 с.
50. Хаас Р. Мировой беспорядок. – М.: АСТ, 2019.
51. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.
52. Цыганков П.А. Теория международных отношений // Гардарики. – М., 2007.
53. Чукалова Р.Р. Военно-политическое сотрудничество Республики Казахстан со странами СНГ в свете новых вызовов: Дисс. … доктора философии (PhD) по полит. наукам. – Астана: Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2019.
54. Международные отношения и мировая политика: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Юрайт, 2016.
55. Шаймергенов Т.Т. Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Вероятные сценарии на 10 лет вперед // Шаймергенов Т.Т., Абишева М.А., Рахимжанова А.Ж. и др. – Астана: Библиотека Первого Президента РК – Елбасы. – 2017.
56. Шаклеина Т.А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т. А. Шаклеиной и А. Б. Байкова. – М.: Аспект Пресс, 2013.
57. Шаклеина Т.А. Роль великих держав в структурировании мирополитического пространства в XXI веке // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / под. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: «Аспект Пресс», 2016.
58. Шитова А.В. Роль международных неправительственных организаций (МНПО) в событиях «арабской весны» и последующих трансформационных процессах в Тунисе и Египте (2011-2017 гг.): Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – М.: Институт Африки Российской Академии наук, 2018.
59. Щипков В. Регионализм как идеология глобализма. Монография. – М.: МГИМО-Университет, 2017.
60. Най Дж. С. мл., Кохэн Р.О. Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений: хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М., 2002.
61. Коллектив авторов. Регионализация в Центральной Азии. Стратегия Казахстана. – Алматы: Фонд Ф. Эберта, 2019.

2.2. Научные статьи

1. Абдуллаев Ш.М. Трансформация международной системы и геополитическая идентичность Узбекистана // Международные отношения, Ташкент, 2017, № 70.

2. Абдуллаев Ш.М. К вопросу об историко-культурных и геоцивилизационных взаимосвязях стран Центральной и Южной Азии // Международные отношения. – Ташкент, 2021, № 1-2;

3. Айбекова А. Гражданское общество, НКО в Центральной Азии / А. Айбекова, А.А. Толобек, S. Guo // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история: сб. ст. по материалам VIII Международной научно-практической конференции «Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история», № 2 (6). – М., «Интернаука», 2018.

4. Артюшкин В.Ф., Казанцев А.А., Сергеев В.М. Соотношение сил между великими державами в «Группе 20»: анализ при помощи метода многомерного шкалирования // Полис. Политические исследования. М.: 2021, № 2.

5. Барановский В. Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Пути к миру и безопасности. – М., 2017, № 1 (52).

6. Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. – М., 2003, №7.

7. Бахриев Б.Х. Центральноазиатское направление социально-гуманитарной деятельности негосударственных акторов (на примере Организации Ага Хана по развитию) // Международные отношения, М.: 2019.

8. Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль, 1996, № 2.

9. Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Международные процессы. – Москва, 2003.

10. Бордачев Т. Россия и Китай в Центральной Азии: большая игра с позитивной суммой // Валдайские записки № 50, июнь 2016 г.

11. Бордачев Т. Общество мирового уровня // Россия в глобальной политике // https://globalaffairs.ru/articles/ obshhestvo-mirovogo-urovnya.

12. Бордачев Т. Мораль и реализм внешней политики // Россия в глобальной политике. – М.: 2020, № 1.

13. Бурнашев Р. Новый региональный курс Узбекистана и конструирование Центральной Азии, 2021 г. // Central Asian Bureau for Analytical Reporting // https://cabar.asia/ru.

14. Гаджиев К. Слово в защиту верховенства Вестфальских принципов // Международная жизнь. – М., 2018, № 11.

15. Джаббаринасир Х. Р. Факторы трансформации политического ислама в мировой политике: возникновение насилия и терроризма // Полития. – М.: 2021, №3 (102).

16. Джексон Б.П. Эпоха странных заблуждений // Россия в глобальной политике. – М.: 2018, №6.

17. Дробот Г.А. Роль международных организаций в мировой политике: основные теоретические подходы // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология, 1999, № 1.

18. Доклад ЮНКТАД о мировых инвестициях в 2020 г. Основные тезисы и обзор // Организация Объединенных Наций, 2020 г.

19. Ефремова К.А. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности // Сравнительная политика. – МГИМО, 2017, Т. 8, № 2.

20. Зайцева О.П. Возникновение и развитие межправительственных организаций // Вопросы истории, 1976, № 12.

21. Звягельская И. Взаимосвязанность Центральной и Южной Азии: конференция в Ташкенте оценила вызовы и возможности межрегионального сотрудничества // www.kp.ru/daily/28314.5/4455759.

22. Иманалиев М. Геополитическое значение Центральной Азии в условиях евразийского проектирования // Центральная Азия в условиях глобальной трансформации: Материалы XV Ежегодной конференции КИСИ при Президенте РК по безопасности (г. Астана, 2 июня 2017 г.) / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Астана: КИСИ при Президенте РК, 2017.

23. Казанцев А. Политические трансформации в Узбекистане как фактор региональной стабильности и развития, 8 февраля 2022 г. // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet.

24. Каримова А.Б. Региональное пространство в современной политической организации мира. – М.: Институт востоковедения РАН, 2006.

25. Карпович О., Кондаков С. Центральная Азия: регион геополитической конкуренции или партнёрства? // Обозреватель. – М., 2021.

26. Кортунов А. Неизбежность странного мира. – Российский совет по международным делам, 2016 // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ neizbezhnost-strannogo-mira.

27. Косолапов Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2005, № 6.

28. Кули А., Нексон Д. Как заканчивается гегемония // Россия в глобальной политике. – М., 2020, № 5.

29. Кули А. Как регион приспосабливается к поражению США в Афганистане, 2 сентября 2021 г. // Россия в глобальной политике // https://globalaffairs.ru/articles/ czentralnaya-aziya-posle-usa.

30. Лавров С. Россия – Центральная Азия. 30 лет на пути дружбы и сотрудничества, 5 мая 2022 г. // Российский совет по международным делам // https://russiancouncil.ru/ analytics-and-comments/comments.

31. Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии // Pro et Contra. – М., 2013, № 1-2.

32. Лебедева М.М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2016, № (2(47)).

33. Лебедева М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. – М., 2020, №4.

34. Лебедева М. М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета, 2013, № 3 (28).

35. Малышева Д.Б. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии // Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. – М., 2020, Т. 13, № 2.

36. Махмудов Р. Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии, 2021, № I (L).

37. Махмудова Ф. Роль негосударственных акторов в системе международных отношений и мировой политики // Аналитический обзор. – Ташкент: ИСМИ, 2017.

38. Молдашев К., Нурша Г. Негосударственные акторы в центральноазиатской регионализации. – Регионализация в Центральной Азии. Стратегия Казахстана.

39. Мураталиева Н. Материалы Международной конференции «Проблемы региональной безопасности Центральной Азии после августа 2021 г.» // Фонд А.М. Горчакова и Международный институт Центральной Азии (Узбекистан), 14 декабря 2021 г.

40. Най Дж. Уцелеет ли либеральный порядок? // Россия в глобальной политике, 2017. Т. 15, № 2.

41. Наумкин В.В. Влияние «арабской весны» 2011 г. на глобальную международную систему // Ближний Восток в мировой политике и культуре (избранные статьи, лекции, доклады 2009 – 2011 гг.). – М.: Институт востоковедения РАН, 2011.

42. Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. – М., 2020, № 4.

43. Наумкин В., Кузнецов В. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2020, Том 64, № 6.

44. Неъматов А., Каримов А. Новый Узбекистан – новая модель внешней политики, 1 января 2020 г. // https://isrs.uz/ru/ maqolalar/novyj-uzbekistan-novaa-model-vnesnej-politiki.

45. Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования. – М., 2018, №6.

46. Панченко М.Ю. Понятие «региональный международный порядок»: межпарадигмальный подход // Власть. – М., 2010, № 4.

47. Песцов С.К. Регионализм и система международных отношений // Вестник ДВО РАН, 2005, № 2.

48. Прохоренко И. Новый регионализм: проблема конфигурации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности, 2015, № 2 (49).

49. Рахимов М.А. Новейшая история Узбекистана в системе взаимосвязи региональных и глобальных процессов. Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии: сб. статей / вступ. ст., подгот., отв. ред.-сост. А.К. Аликберов, М.А. Рахимов / Российская акад. наук. Ин-т востоковедения, Ин-т истории АН РУз. – М.: Институт востоковедения РАН, 2018.

50. Саидов А. Триумф внешней политики нового Узбекистана // https://xs.uz/ru/post/triumf-vneshnej-politiki-novogo-uzbekistana.

51. Саква Р. Либеральный интернационализм против консервативного интернационализма // Россия в глобальной политике. – М., 2019, №3.

52. Саква Р. От гегемонии к гармонии? // Россия в глобальной политике. – М., 2019, №5.

53. Саямов Ю. Вестфальский мир и его принципы. Вчера и сегодня // Век глобализации. – М., 2018.

54. Таджиев Ш. Ш. Международная политика: растущие вызовы и новые перспективы // Международные отношения. – Ташкент, 2020, № 1-2.

55. Фоминых А. Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, Т.13, вып. 3.

56. Хуашэн Чж. Мировой порядок: фрагментация, сосуществование или соперничество? // Россия в глобальной политике. – М., 2020.

57. Цыганков П.А. Относительность расхождений и пределы совмещения реализма и либерализма в трактовке вопросов миропорядка // Политическая наука. – М., 2017, спецвыпуск.

58. Цыганков А.П. Эпоха полураспада: от миропорядка к миропереходу // Россия в глобальной политике. – М., 2019. Т. 17, № 2.

59. Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики // Обозреватель, М., 2013, № 9 (284).

60. Шарафиева О.Х. Межтаджикские переговоры как пример урегулирования внутреннего конфликта // Вестник Томского государственного университета, 2013, № 367.

61. Шаукенова З. 30 лет независимости Казахстана // Kazakhstan journal of foreign studies. – Астана, 2021, № 1-2.

62. Чжоу Цзюнь. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-gosudarstv-tsentralnoy-azii-v-mirovoy-politicheskoy-sisteme/pdf.

2.3. Литература на иностранных языках.

1. Acharya A. The Emerging Regional Architecture of World Politics // World Politics, 2007, 59, no. 4, July.

2. Agnew J. Regions on the Mind Does Not Equal Regions of the Mind // Progress in Human Geography, 1999, vol. 23, No. 1.

3. Alexander von Humboldt. Asie Centrale: Recherches sur les Chaines de Montagnes et la Climatologie Comparée, Paris: Gide, 1843.

4. Allison R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // Central Asian Survey, 27, no 2, 2008.

5. Anchoring the World. International Order in the Twenty-first Century. – Essays from the Lloyd George Study Group on World Order. – Edited by Charles A. Kupchan and Leslie Vinjamuri, April 15, 2021.

6. Andonova L.B. Governance entrepreneurs: international organizations and the rise of global public-private partnerships. -Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

7. Arts B. Non-State Actors in Global Governance: Three Faces of Power. – Preprints aus der Max-Planck Projektgruppe Recht der Gemeinschaftsgüter, No. 2003/4. – Max-Planck Projektgruppe Recht der Gemeinschaftsgüter, Bonn, 2003.

8. Balanced geopolitics: international actors in Central Asia // Caspian policy center. – Policy brief, April 2021.

9. Barbieria G. Regionalism, globalism and complexity: a stimulus towards global IR? // Third World Thematics: A Twq Journal, 2019. Vol. 4, no. 6.

10. Barnett M. International Progress, International Order, and the Liberal International Order // The Chinese Journal of International Politics, 2021, Vol. 14, No. 1.

11. Blackwill R.D. and Wright T. The End of World Order and American Foreign Policy // The Council on Foreign Relations' Special Report, No. 86, May 2020.

12. Blair A., Curtis S. International Politics. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

13. Boardman R. Environmental Discourse and International Relations Theory: Towards a Proto-Theory of Ecosation // Global Society: Journal of Interdisciplinary International Relations. Vol. 11, No.1.

14. Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics. – London: Palgrave Macmillan, 2008.
15. Brown S. World interests and changing dimensions of security // World security: challenges for a new century, New York, 1994.
16. Brühl T., Rittberger V. From international to global governance: Actors, collective decision-making, and the United Nations in the world of the twenty-first century // Semantic scholar, 2002.
17. Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. – New York: Colombia University Press, 1977.
18. Burton J.W. Systems, States, Diplomacy and Rules. -Cambridge: Cambridge University Press, I968.
19. Buzan B. and Wæver O. Regions and Powers. The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
20. Buzan B., Little R. International systems in world history: remaking the study of international relations. – Oxford: Oxford University Press, 2000.
21. Calame P. Non-state Actors and World Governance // Forum for a New World Governance Discussion Paper, 2008.
22. Calder Kent E. Super continent: the logic of Eurasian integration. – Stanford: Stanford University Press, 2019.
23. Cimmino J., Katz R., Kroenig M., Lipsky J., Pavel B. A Global Strategy for Shaping the Post-COVID-19 World // Atlantic Council Report, 2020.
24. Civil Society and Confidence Building in Central Asia, the Caucasus and Eastern Europe: Best Practices and Outstanding Needs // Geneva Centre for Security Sector Governance. – Conference proceedings, 23-26 November 2020 DCAF Webinar.
25. Clark I. Globalization and International Relations Theory. – Oxford, 1999.
26. Cooper R. Is there a New World Order? // Prospects for Global Order. – Ed. by S. Sato, T. Taylor, S. Heiva, London, 1993.
27. Copley R. Gregory. Uzbekistan re-emerges as the strategic “Heartland of the Heartland” // Международные отношения. – Ташкент, 2019, №3-4.
28. Cornell S.E., Starr S.F. Modernization and Regional Cooperation in Central Asia: A New Spring? // Silk Road Paper published by the Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, Joint Center, 2018.
29. Cornell Svante E., Starr S. Frederick. Kazakhstan’s Role in International Mediation under First President Nursultan Nazarbayev. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2020.
30. Correa F.G. Human Rights Ltd.: An Alternative Approach to Assessing the Impact of Transnational Corporations on Human Rights. – Human Rights Protection in Global Politics Responsibilities of States and Non-State Actors. – New York: Palgrave Macmillan, 2015.

31. Cui Sh. and Buzan B. Great power management in international society // The Chinese Journal of International Politics, 2016, 9 (2).
32. Deutsch Karl W. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. – N.J.: Princeton University Press, 1957.
33. Dissyukov A. Central Asia Plus Japan Dialogue: From Idea to Implementation // Journal of International and Advanced Japanese Studies, 2019.
34. Ehret C. The Civilizations of Africa: A History to 1800. – Charlottesville: University of Virginia Press, 2002.
35. Evans J.St.B.T., Over D.E., Manktelow K.I. Reasoning, decision making and rationality // Cognition, Vol. 49, Issues 1–2, October–November 1993.
36. Falk R. Revisiting Westphalia, Discovering Post-Westphalia // The Journal of Ethics 6, 2002.
37. Faramani R. R, Moradi H. Uzbekistan: a regional power in Central Asia? Reality or dilemma? // Central Asia and the Caucasus. Vol. 15, Issue, 2014.
38. Finnemore M. and Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization, 52, No. 4, Autumn, 1998.
39. Gilpin R. War and Change in World Politics. – Cambridge: University Press, 1981.
40. Gross L. The Peace of Westphalia, 1648-1948 // American Journal of International Law. Vol. 42: 1, 1948.
41. Grosse R, Gamso J., Nelson R.C. China's Rise, World Order, and the Implications for International Business. – Management International Review, 2021, 61.
42. Grygiel Jakub J. Return of the Barbarians: Confronting Non-State Actors from Ancient Rome to the Present. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
43. Haas E.B. The uniting of Europe: political, social, and economic forces, 1950-1957. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1958.
44. Haas R.N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs, 2008, May/June.
45. Hettne B., Innotai A., Sunkel O. Globalism and the New Regionalism. – London: Palgrave Macmillan, 1999.
46. Hettne B., Innotai A., Sunkel O. Globalism and the New Regionalism. – London: Palgrave Macmillan, 1999.
47. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the rise of regionness // New Political Economy, vol. 5, No 3 (December), 2000.
48. Hoffmann S. Primacy or World Order: American Foreign Policy Since the Cold War. – New York: McGraw-Hill Education, 1980.
49. Hoffmann St. Foreword: Revisiting 'The Anarchical Society'. – Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. – London: Macmillan Press Ltd.

50. Holsti K.J. The State, War, and the State of War. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
51. Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs, 1999. Vol. 78, no. 2.
52. Hurd I. How to Do Things with International Law. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017.
53. Hurrell A. On Global Order: Power, Values, and the Constitution of International Society. – New York: Oxford University Press, 2007.
54. Hurrell A. Regionalism in Theoretical Perspective // Regionalism in World Politics: Regional Organizations and Inernational Order / Ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995.
55. Hurrell A. The regional dimension in international relations theory. The global politics of regionalism. Theory and practice. – Pluto Press, 2005.
56. Ikenberry G. J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. – Princeton: New Jersey, 2001.
57. Ikenberry G. J. Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment By Francis Fukuyama // Foreign Affairs, January/February 2019.
58. Ikenberry G. J. Why the Liberal World Order Will Survive // Ethics and International Affairs, 32, no. 1, 2018.
59. Ikenberry G.J. and Nexon D. Hegemonic Studies 3.0: The Dynamics of Hegemonic Orders. – Security Studies, 2019. Vol. 28, No. 3.
60. Ikenberry G.J. The End of Liberal International Order? // International Affairs, Volume 94, Issue 1, January 2018.
61. Ikenberry G.J. The future of the liberal world order: internationalism after America // Foreign Affairs, 2011, 90: 3.
62. Ikenberry J. A World Safe for Democracy: Liberal Internationalism and the Crises of Global Order. – New Haven: Yale University Press, 2020.
63. Ikenberry J. Institutions, Strategic Restraint, and the Persistence of American Postwar Order // International Security, Winter, 1998-1999. Vol. 23, no. 3.
64. Ikenberry J.G. After Hegemony: Institutions, Strategic Restraint, and the Building of Order after Major Wars. – Princeton: Princeton University Press, 2000.
65. Johns L. The Diverging Theory and Practice of International Law in William R. Thompson, ed., Encyclopedia of Empirical International Relations Theory. – London: Oxford University Press, 2018.
66. Josselin D., Wallace W. Non-State Actors in World Politics. – London: Palgrave Macmillan, 2001.
67. Jukka Aukia. China as a hybrid influencer: Non-state actors as state proxies // Hybrid CoE Research Report. – The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, June 2021.
68. Kaiser K. German foreign policy in transition; Bonn between East and West. – London: New York Oxford U.P., 1968.

69. Kaldor M. New and Old Wars. Organized Violence in a Global Era. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

70. Kang D. East Asia Before the West: Five Centuries of Trade and Tribute. – New York: Columbia University Press, 2010.

71. Kaufman S.J., Wohlforth W.C., and Little R. The Balance of Power in World History. – New York: Palgrave, 2007.

72. Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. – Princeton: Princeton University Press, 1984.

73. Keohane R.O. International Institutions: Can Interdependence Work? // Foreign Policy, Spring 1998, No.110.

74. Keohane R.O. The Promise of Institutionalist Theory // International Security, Summer 1995. Vol. 20, No.1.

75. Keohane R.O. Understanding Multilateral Institutions in Easy and Hard Times // The Annual Review of Political Science, 2020, 23:1–18.

76. Keohane R.O., Nye J. S., Jr. and Hoffmann S. After the Cold War: International Institutions and State Strategies in Europe, 1989-1991. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

77. Keohane R.O., Nye J.S. Transnational Relations and World Politics: A Conclusion // International Organization, 1971, vol. 25, issue 3; Power and interdependence: world politics in transition. – Boston: Little, Brown, 1977.

78. Keohane O. R., Nye S.J. Power and interdependence. – New York: Longman, 2001.

79. Kissinger H. World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. – London: Penguin Books, 2015.

80. Kluver A.R. The Logic of New Media in International Affairs // New Media and Society, no. 4, December 2002.

81. Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. – Princeton: Princeton University Press, 1999.

82. Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign Affairs, 1990/91, vol. 70, no. 1.

83. Kupchan Ch. A. After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity // International Security, Fall 1998, vol. 23, no. 2.

84. Langenhove L.V. Why We Need to 'Unpack' Regions to Compare Them More Effectively // The International Spectator, 2012, vol. 47, № 1, March.

85. Little R. The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

86. Marchetti R. Global Strategic Engagement: States and Non-State Actors in Global Governance. – Lexington: Books-Rowman & Littlefield, 2016.

87. Marrone A., Muti K. Policies and Tools for Dealing with Nonstate Actors. Carnegie Europe, 2019 // https:// carnegieeurope.eu/2019/11/28.
88. Martin L.L. Interests, Power, and Multilateralism // International Organization, Autumn 1992, Vol. 46, No.4.
89. Mearsheimer J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security, 2019, 43 (4).
90. Mearsheimer J. Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. – London: Yale University Press, 2018.
91. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: W.W. Norton, 2014.
92. Miller L.H. Global Order: Values and Power in International Politics. – Abingdon: Routledge, 1985.
93. Mitrany D. A working peace system. – Chicago: Quadrangle Books, 1966.
94. Moita L. A critical review on the consensus around the "Westphalian system" // Janus.Net e-journal of International Relations, 2012, Vol. 3, N 2.
95. Moloney K., Stone D. Beyond the State: Global Policy and Transnational Administration // International Review of Public Policy, 2019, no. 1:1.
96. Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. – Second Edition, Alfred A. Knopf: New York, 1955.
97. Nolte D. How to compare regional powers: analytical concepts and research topics // Review of International Studies. Vol. 36, Issue 4, October 2010.
98. Nye S.J. The paradox of American power. Why the world's only superpower can't go it alone. – New York: Oxford University Press, 2002.
99. Permanyer I. On the Measurement of Gender Equality and Gender-Related Development Levels // Journal of Human Development, March 2008. Vol. 9, No.1.
100. Poling G. and. Glaser B.S. How the U.S. Can Step Up in the South China Sea: The Right Way to Push Back Against Beijing // Foreign Affairs, January 16, 2019.
101. Porter P. The False Promise of Liberal Order: Nostalgia, Delusion and the Rise of Trump. – New York: Polity, 2020.
102. Raymond Aron, as reported in Stanley Hoffmann. Rapporteur of the conference «Conditions of World Order». – Daedalus, 95/2, 1966.
103. Reus-Smit C. Power, Legitimacy, and Order // Chinese Journal of International Politics, 2014, Vol. 7, No. 3.
104. Richmond O.P. Maintaining Order, Making Peace. – New York: Palgrave Macmillan, 2002.
105. Rodrik D., Walt S. How to Construct a New Global Order // Faculty Research Working Paper Series, May 2021. – Harvard Kennedy School.
106. Rolland N. China's Vision for a New World Order // WA: National Bureau of Asian Research, Seattle 2020. – Special Report No. 83.

107. Rosecrance R. Bipolarity, Multipolarity, and the Future // Journal of Conflict Resolution, 1966, vol. 10, no. 3.

108. Rosecrance R.N. The rise of the virtual state: wealth and power in the coming century. – New York, 1999.

109. Rosenau J. N. Global changes and Theoretical Challenges: Towards a Postinternational Politics for the 1990s. – New York, 1989.

110. Rosenau J. N. The Scientific Study of Foreign Policy. – Chino Hills, CA: Nichols Publishing Company, 1980.

111. Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. – Princeton: Princeton University Press, 1990.

112. Rosenau J.N. The Study of World Politics. Theoretical and Methodological Challenges. – New York, 2006. Vol. 1.

113. Rosset D., Svarin D. The Constraints of the Past and the Failure of Central Asian Regionalism, 1991–2004 // Region, 3, no. 2, 2014.

114. Ruggie J.G. Multilateralism: Anatomy of an Institution // International Organization, Summer 1992, no. 3.

115. Ruggie J.G. What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge // International Organization, Autumn 1998, Vol. 52, No.4.

116. Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. Политика США в Центральной Азии 3.0, 18 марта 2016 // https://carnegie.ru/ 2016/03/18/ru-pub-63019.

117. Scholte J.A. Beyond the Buzzword: Towards a Critical Theory of Globalization. – Globalization: Theory and Practice, eds. E. Kofman, G. Youngs. – London, 1996.

118. Scholte J.A. The Globalization of World Politics. – The Globalization of World Politics. An Introduction to International Relations, eds. J. Baylis, S. Smith, Oxford 1998.

119. Schulz M., Söderbaum F. and Öjendal J. Regionalization in a globalizing world: a comparative perspective on forms, actors, and processes. – New York: Zed Books Limited, 2001.

120. Shaw M. Global Society and Global Responsibility: The Theoretical, Historical and Political Limits of "International Society" // Millennium: Journal of International Studies, 1992, no. 3.

121. Shepsle K. Studying Institutions: Some Lessons from the Rational Choice Approach // Journal of Theoretical Politics, 1989, Vol. 1, No. 2.

122. Simmons A. and Goemans H.E. Built on Borders: Tensions with the Institution Liberalism (Thought It) Left Behind // International Organization, 2021.

123. Slaughter A. A new World Order. – Princeton: Princeton University Press, 2004.

124. Slaughter A.-M. International Law and International Relations Theory: A Dual Agenda // The American Journal of International Law, April 1993. Vol. 87, No.2.

125. Spechler M. Regional Non-Cooperation in Central Asia: A Pathology in Economic Developments and Reforms // Cooperation Partner Countries: The Interrelationship Between Regional Economic Cooperation, Security and Stability, Bucharest: NATO, 2001.

126. Spruyt H. The Sovereign State and Its Competitors. – New Jersey: Princeton University Press, 1994.

127. Starr S.F. A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. A Joint Transatlantic Research and Policy Center, 2005.

128. Strange S. The Westfailure System // Review of International Studies, No. 25 (3), 1999.

129. Suarez-Villa L. Technocapitalism: A Critical Perspective on Technological Innovation and Corporatism. – Philadelphia: Temple University Press, 2009.

130. Suchman M.C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches // The Academy of Management Review, 1995. Vol. 20, No. 3.

131. Tanaka A. Is There a Realistic Foundation for a Liberal World Order? // Prospects for Global Order, 1993. Vol. 2.

132. Taylor P. Nonstate Actors in International Politics: from Transregional to Substate Organizations. – Boulder, Colorado – London: Westview Press, 1984.

133. Tenembaum Y.J. International Relations: It's time to revise how we talk about revisionist powers // The Oxford University Politics Blog, November 6, 2012 // https://blog. politics.ox.ac.uk.

134. Tilly C. The Formation of National States in Western Europe. – Princeton: Princeton University Press, 1975.

135. Tourinho M. The Co-Constitution of Order // International Organization 75, Spring 2021.

136. Van Langenhove L. Building regions: the regionalization of the world order. – Farnham, UK: Ashgate Publishing Limited, 2011.

137. Väyrynen R. Models of a New World: towards a Synthesis. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 2019. Vol. 12, no 3.

138. Vayrynen R. Regionalism: Old and New // International Studies Review, 2003. Vol. 5 (1).

139. Vielmini F. Uzbek Communities in Central Asia as Human Connectivity Factor: Elements for a Kin-State Policy. Istituto Per Gli Studi Di Politica Internazionale, 03.02.2021 // https://www.ispionline.it/it/pubblicazione.

140. Walker R. One world, many worlds: Struggles for a just world peace. – London: Lynne Rienner, 1998.
141. Wallerstein I. Foes as Friends? // Foreign Policy, Spring 1993, no. 90.
142. Walt S. M. Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security, Vol. 9, No. 4, 1985.
143. Walt S.M. The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy. – New York: Farrar Straus & Giroux, 2018.
144. Waltz K. The Emerging Structure of International Politics // International Security, Fall 1993. Vol. 18, no. 2.
145. Waltz K. Theory of International Politics. – New York: McGraw Hill, 1979.
146. Weiss J.C. and Wallace J.L. Domestic Politics, China's Rise, and the Future of the Liberal International Order // International Organization, 2021.
147. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // The American Political Science Review, June 1994. Vol. 88, No.2.
148. Wendt A. Why a World State is Inevitable // European Journal of International Relations, 2003, 9, no. 4.
149. Willetts P. Pressure Groups in the Global System. – London: Pinter Pub Ltd, 1983.
150. Wolfers A. The Actors in World Politics. – Wolfers A., ed. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. – Baltimore, Md: Johns Hopkins Press, 1962.
151. Ziring L., Riggs R.E., Plano J.C. The United Nations: International Organization and World Politics, 3rd ed. – Orlando, Fl.: Harcourt College Publishers, 2000.

III. Материалы из сети Интернет

1. A Free And Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision. State Department of the USA, November 4, 2019 // https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf.
2. Acharya A. After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order // https://www.cambridge.org/core/ journals/ethics-and-international-affairs/article.
3. Bohr A. Regional Cooperation in Central Asia: Mission Impossible? // Helsinki Monitor 14, no. 3, 2003 https://doi.org/10.1163/157181403322684735.
4. Buranelli F.C. Central Asian Regionalism or Central Asian Order? Some Reflections // Central Asian Affairs. Online Publication, 28 June 2021 // https://brill.com/view/journals/caa/ 8/1/article-p1_1.xml?language=en.
5. China's National Defense in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China, July 2019 // http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html.

6. COVID-19: Potential Implications for International Security Environment – Overview of Issues and Further Reading for Congress, October 5, 2021 // https://crsreports. congress.gov/product/pdf/R/R46336; Annual Threat Assessment of the US Intelligence Community // Office of the Director of National Intelligence, April 9, 2021.

7. Faisal M. Asia and Competing Visions of Regional Order: Free and Open Indo-Pacific and Belt and Road Initiative // Strategic Studies, Institute of Strategic Studies, Islamabad, January 27, 2021 // https://issi.org.pk/asia-and-competing-visions-of-regional-order-free-and-open-indo-pacific-and-belt-and-road-initiative.

8. Fung C.J. and Shing-Hon Lam. China Already Leads 4 of the 15 U.N. Specialized Agencies—and Is Aiming for a 5th // Washington Post, March 3, 2020 // http://washingtonpost.com/ politics/2020/03/03.

9. Gardels N. Planetary Politics When the Nation-State Falters // Noema Magazine, September 3, 2021 // https://www.noemamag.com/planetary-politics-when-the-nation-state-falters.

10. Hutson N., Marsha McGraw Olive. Uzbekistan rising as Central Asian integration catalyst, Feb 8, 2021 // https://eurasianet.org/perspectives-uzbekistan-rising-as-central-asian-integration-catalyst.

11. Hayrapetyan A. What Are the Hindrances to the Study of Regionalism? // https://www.e-ir.info/2020/10/02/ what-are-the-hindrances-to-the-study-of-regionalism.

12. Interim National Security Strategic Guidance. Renewing America's Advantages // https://www.whitehouse.gov/ wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf.

13. Joint Communiqué: 17th EU-Central Asia Ministerial Meeting, Dushanbe, 22/11/2021 // https://eeas.europa.eu/ headquarters/headquarters-homepage/107666.

14. Joseph S. Nye Jr. No, the Coronavirus Will Not Change the Global Order //Foreign Policy, April 16, 2020 // http://foreignpolicy.com/2020/04/16/coronavirus-pandemic-china-united-states-power-competition.

15. Kazantsev A., Medvedeva S., Safranchuk I. Between Russia and China: Central Asia in Greater Eurasia // Journal of Eurasian Studies, 2021.

16. Kissinger H. Henry Kissinger on the Assembly of a New World Order // Wall Street Journal, August 29, 2014 // www.wsj.com/articles/henry-kissinger-on-the-assembly-of-a-new-world-order-1409328075.

17. Krapohl S., Vasileva-Dienes A. The Region that Isn't: China, Russia and the Failure of Regional Integration in Central Asia // Asia Europe Journal, 18, no. 3, 2019 // doi:10.1007/s10308-019-00548-0.

18. Maria A. Blackwood Central Asia: Background and U.S. Relations September 24, 2021 // Congressional Research Service // https://crsreports.congress.gov.

19. Ministers in Security Council Stress Need to Adapt, Reform Ancient United Nations Structures, as Multilateralism Erodes under Weight of Multiple Challenges // https://www.un.org/press/en/2021/sc14513.doc.htm.

20. Morris L.J. Time to Speak Up About the South China Sea // RAND Corporation, March 20, 2019 //http://rand.org/ blog/2019/03/time-to-speak-up-about-the-south-china-sea.html.

21. National Security Strategy of the United States of America, December, 2017 // https://trumpwhitehouse.archives. gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf.

22. Paasi A. The Region, Identity, and Power // Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2011, vol. 14, no. 1.

23. Petri P.A. and Plummer M.G. East Asia decouples from the United States: Trade war, COVID-19, and East Asia's new trade blocs // https://www.piie.com/publications/working-papers/east-asia-decouples-united-states-trade-war-covid-19-and-east-asias-new.

24. Piccone T. China's Long Game on Human Rights at the United Nations // Brookings Institution, September 2018 // http://brookings.edu/research/chinas-long-game-on-human-rights-at-the-united-nations.

25. Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference, February 19, 2021 // https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19.

26. Renewing America's Advantages. Interim National Security Strategic Guidance // https://www.whitehouse.gov/ wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf.

27. Resolution A/RES/73/266 adopted by the General Assembly on 22 December 2018; Resolution A/RES/73/27 adopted by the General Assembly on 5 December 2018.

28. Richard Haass. The Pandemic Will Accelerate History Rather than Reshape It // Foreign Affairs, April 7, 2020 // http://foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07/ pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it.

29. Russel D.R. and Berger B. Navigating the Belt and Road Initiative // Asia Society Policy Institute, June 2019, 7 // http://asiasociety.org/sites/default/files/2019-06/Navigating the Belt and Road Initiative_2.pdf.

30. Strategic autonomy for Europe – the aim of our generation. Speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank, 28 September 2020 // https://www.consilium.europa. eu/en/press/press-releases/2020/09/28.

31. Summary of major themes and points of discussion over the course of seminars. Korea and Japan in Central Asia // Davis Center of Russian and Eurasian Studies at Harvard University // https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/korea-and-japan-central-asia.

32. The Yearbook of International Organizations. Union of International Organizations // https://uia.org/yearbook.

33. The 2022 National Security Strategy, The White House, Washington, October 12, 2022 // https://www.white house.gov/wp-content/uploads/2022/10.

34. Wright T. Prepared Testimony to the Senate Armed Services Committee. Hearing on Global Security Challenges and Security, March 2, 2021 // https://www.armed-services. senate.gov/hearings/21-03-02-global-security-challenges-and-strategy.

35. Yusupov A., Keskin O. В Туркменистане отмечают 26-ю годовщину международного признания нейтралитета страны // https://www.aa.com.tr/ru.

36. Акматалиева А. Центральная Азия и Южная Корея: в поисках возможностей для наращивания сотрудничества // Central Asian Bureau for Analytical Reporting // https://cabar.asia/ru/tsentralnaya-aziya-i-yuzhnaya-koreya-v-poiskah-vozmozhnostej-dlya-narashhivaniya-sotrudnichestva.

37. Байдаров Е. Центральноазиатская интеграция в контексте единого культурно-цивилизационного пространства // https://carnegieendowment.org/2013/09/09/ru-pub-52896.

38. Байден объявил о завершении "эпохи бесконечных войн" для США // https://ria.ru/20210921/bayden-1751180509.html.

39. Блинкен заявил о завершении эры, пришедшей на смену холодной войне, 4 апреля 2022 г. // https://tass.ru/ mezhdunarodnaya-panorama/14277423.

40. Блинкен рассказал о темах переговоров с Китаем в Анкоридже // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/ 10942439.

41. Боррель призвал Евросоюз реагировать на «вакцинную дипломатию» России // https://ria.ru/20210711/ borrel-1740770830.html.

42. В Астане прошла первая консультативная встреча глав государств Центральной Азии, 15 марта 2018 г. // https://cis.minsk.by/news/8979/v-astane-prosla-pervaa-konsultativnaa-vstreca-glav-gosudarstv-centralnoj-azii.

43. В Китае заявили, что США и Запад не могут выражать мнение всего мира // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10942689.

44. Вторая встреча министров иностранных дел в формате «Центральная Азия и Китай» // https://mfa.tj/ru/ main/view/7786.

45. Выступление министра иностранных дел Республики Узбекистан Абдулазиза Камилова на мероприятии по случаю Дня ООН // https://www.mfa.uz/ru.

46. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина на онлайн-саммите глав государств Китая и государств Центральной Азии, 25 января 2022 г.

47. Выступление Президента Казахстана К. Токаева на Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, г. Туркменбаши, 6 августа 2021 г. // https://www.akorda.kz/ru/ vystuplenie-prezidenta-kazahstanana-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-672341.

48. Выступление Президента К.К.Токаева на IV Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, г. Чолпон-Ата, 21 июля 2022 г. // https://www.akorda.kz/ru/ vystuplenie-na-iv-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-2163148.

49. Выступление Президента Кыргызской Республики С. Жапарова на четвертой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, г. Чолпон-Ата, Кыргызстан, 21 июля 2022 г. // http://www.president.kg/ru/ sobytiya/22976.

50. Выступление Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова на Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, Аваза, 6 августа 2021 г. // https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/535.

51. Выступление Президента Туркменистана Сердара Бердымухамедова на Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, г. Чолпон-Ата, Кыргызстан, 21 июля 2022 г. // https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/64981.

52. Выступление Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова на Международной конференции «Политика мира и доверия – основа международной безопасности, стабильности и развития», Ашхабад, 11.12.2021 г. // http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/ 45990.html.

53. Выступление Секретаря Совета безопасности Российской Федерации Н.П.Патрушева на IX Московской международной конференции по безопасности, 24 июня 2021 года // http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3013.

54. Геополитический плюрализм США в Евразии себя изжил – Foreign Affair // https://regnum.ru/news/polit/ 3499461.html.

55. Глава государства Касым-Жомарт Токаев принял участие в расширенном заседании коллегии МИД, 18 ноября 2021 года // https://www.akorda.kz/ru -18105730.

56. Глава МИД Китая призвал не допустить войны в странах Центральной Азии, 11 января 2022 г. // https://ria.ru/20220111/voyna-1767258808.html.

57. Глава МИД КНР: санкции Вашингтона против Пекина дестабилизировали ситуацию в мире // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10943307.

58. Глава МИД ФРГ призвала не допустить зависимость Центральной Азии от России, 10 января 2022 г. // https://ria.ru/20220110/zavisimost-1767185352.html.

59. Глава Республики Казахстан выступил на Саммите ООН по продовольственным системам, 24 сентября 2021 года // https://www.akorda.kz/ru 238167.

60. Глобальные вопросы повестки дня. Мир и безопасность // https://www.un.org/ru/global-issues/peace-and-security.

61. Декларация о союзнических отношениях между Республикой Узбекистан и Республикой Казахстан, 6 декабря 2021 г. // https://uza.uz/ru/posts/326819.

62. Директор ИСМИ рассказал об основных подходах стратегии Президента Узбекистана, 28 апреля 2022 г. // https://vzglyad.uz/2022/04/28.

63. Дынкин А.А. Примаковские чтения 2021 // https://www.imemo.ru/news/events/text/primakovskie-chteniya-2021.

64. Дэн Хао. Трансформация Центральной Азии под влиянием внешних и внутренних факторов – китайская экспертная оценка, 20 апреля 2021 // https://www.caa-network.org/archives/21730.

65. Еремина Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии: прогноз на 2022 год // https://eurasia.expert.

66. Жозеп Боррель: Мы активно работаем над созданием более прочного, широкого и современного партнерства с пятью странами Центральной Азии, 14.11.2022 // https://www.eeas.europa.eu/delegations/uzbekistan.

67. Заявление министров иностранных дел государств Центральной Азии и Российской Федерации о стратегических направлениях сотрудничества, 15 ноября 2020 г. // https://mfa.uz/ru/press/news/2020; Совместное заявление по итогам четвертой встречи глав МИД стран Центральной Азии и России по ситуации в Афганистане, 16 июля 2021 г. // https://mfa.tj/ru/main/view/8301.

68. Заявление министров иностранных дел государств Центральной Азии и Российской Федерации о стратегических направлениях сотрудничества, 15 октября 2020 г. // https://mfa.tj/ru/tashkent/view/6533.

69. Изимов Р. Чему учат нас уроки о демократии в Кыргызстане? 21 марта, 2022 // https://www.caa-network. org/archives/23810/chemu-uchat-nas-uroki-o-demokratii-v-kyrgyzstane.

70. Интервью Министра иностранных дел Республики Узбекистан А.Х.Камилова телеканалу «Россия 24» // https://mfa.uz/ru/press/news/2021/intervyu-ministra-inostrannyh-del-respubliki-uzbekistan-ahkamilova-telekanalu-rossiya.

71. Интервью Министра иностранных дел Республики Узбекистан Абдулазиза Камилова главному редактору газет «Правда Востока» и «Янги Ўзбекистон» // https://mfa.uz/ru/press/news/2021.

72. Интернет и соцсети в начале 2021 года – главные цифры // https://vc.ru/marketing/221601-internet-i-socseti-v-nachale-2021-goda-glavnye-cifry.

73. Инфографика: Торговля Узбекистана со странами Центральной Азии за декабрь 2021 года, 24 января 2022 г. // https://review.uz/post.

74. Иран проводит учения на границе с Азербайджаном и обвиняет его в «повторении угроз Израиля» // https://www.bbc.com/russian/news-58769643.

75. Исследование: СМИ Запада не оценили миротворческую роль России в Казахстане // https://ria.ru/ 20220203/issledovanie-1770690103.html.

76. К 2050 г. изменение климата может вынудить 216 миллионов человек переселиться в другие районы своих стран // Пресс-релиз Всемирного банка // https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2021/ 09/13/climate-change-could-force-216-million-people-to-migrate-within-their-own-countries-by-2050.

77. К. Токаев. Турбулентность в Евразии не замедлит прогресс Казахстана // National Interest, 5 апреля 2022 г. // https://the-steppe.com/novosti.

78. Коммюнике Международной конференции по обеспечению безопасности и устойчивого развития в Центральной Азии под эгидой ООН, Самарканд, 10-11 ноябрь 2017 г. // https://unrcca.unmissions.org/ru.

79. Концепция внешней политики Кыргызской Республики. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 11 марта 2019 г. УП № 37 // http://cbd.minjust. gov.kg/act/view/ru-ru/430045.

80. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан № 280 от 6 марта 2020 г. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000280.

81. Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента Республики Узбекистан № 332 от 27 января 2015 г. // https://mfa.tj/ru/ main/view/988.

82. Лавров выступил против навязывания странам Центральной Азии «модели развития и поведения», 27 ноября 2019 г., г. Бишкек // https://eurasia.expert.

83. Лавров жестко высказался о военных базах США в Центральной Азии, 31 марта 2022 г., Китай // https://uz.sputniknews.ru/20220331.

84. Лавров С. О праве, правах и правилах // Газета "Коммерсантъ" №109/П от 28.06.2021 // https://www. kommersant.ru/doc/4877702.

85. Лаумулин М. Внешняя политика РК: достижения и перспективы // https://strategy2050.kz/ru/news/vneshnyaya-politika-rk-dostizheniya-i-perspektivy.

86. Лебедева М.М., Маркетти Р. Нестабильность на Ближнем Востоке и упадок Вестфальской системы. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» // https://ru.valdaiclub.com/files/13082.

87. Лисоволик Я. ВРЭП: ключевая веха в развитии мегарегионализма// Международный дискуссионных клуб «Валдай» // https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vrep-klyuchevaya-vekha-v-razvitii-megaregionalizma.

88. Макрон выступил за диалог с РФ и построение новой архитектуры безопасности // https://tass.ru/ mezhdunarodnaya-panorama/10745605.

89. Манифест. «Мир. XXI Век» // https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_other_events.

90. Махмудов Р. Как выстраивается политика Узбекистана в новых реалиях Афганистана? 30 августа, 2021 // https://www.caa-network.org/archives/22144/kak-vystraivaetsya-politika-uzbekistana-v-novyh-realiyah-afganistana.

91. Медведев А.Н. Новый политический аттракцион: американские горки в Ашхабаде // Независимая газета, 30 января 2017 г. // https://www.ng.ru/dipkurer/2017-01-30/ 11_6915_ashabad.html.

92. МИД Узбекистана: Транскаспийский коридор поможет интеграции тюркских стран // https://moscow-baku.ru/news/politics/mid_uzbekistana_transkaspiyskiy_koridor_pomozhet_integratsii_tyurkskikh_stran.

93. Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2026 года. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 12 октября 2021 г. УП №435 // http://www.president.kg/ru/sobytiya/20898.

94. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 31 октября 2018 г. УП № 221 // https://www.gov.kg/ru/programs/8.

95. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. Утверждена постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 декабря 2016 года, № 636 // https://untj.org/dcc/files/Strategic%20Framework/2020.

96. Новости ООН. Всемирный банк: изменение климата обернется массовой внутренней миграцией // https://news.un.org/ru/story/2021/09/1409822.

97. О заседании министров иностранных дел Диалога «Индия-Центральная Азия» // ИСМИ при Президенте Республики Узбекистан // https://isrs.uz/ru.

98. Паниев Ю. На Генассамблее ООН стартует неделя высокого уровня // https://www.ng.ru/world/2021-09-20/ 6_8256_un.html.

99. Первый комитет Генассамблеи ООН принял резолюцию РФ и США по киберсфере // https://tass.ru/ politika/12838251.

100. По данным Еврокомиссии, ЕС выделила 1,1 млрд евро для развития сотрудничества с ЦА в 2014-2020 гг., включая более 454 млн евро на региональные программы, в сферах устойчивого развития и региональной безопасности // https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files.

101. По итогам Первого Народного Курултая принята Резолюция, 26 ноября 2022 г. // https://www.president.kg/ ru/sobytiya/23869.

102. Полный текст Совместного заявления глав государств Центральной Азии и Китая по случаю 30-летия установления дипломатических отношений // http://russian. news.cn/2022-01/26/c_1310440618.htm.

103. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики», 21 декабря 2021 года, город Душанбе // https://mfa.tj/ru/main/view/9389.

104. Президент Гурбангулы Бердымухамедов выступил по цифровой системе на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 23 сентября 2021 г. // http://www.turkmenistan.ru/ ru/articles/45843.html

105. Президент Садыр Жапаров: В ближайшие пять лет государственная политика будет направлена на построение нового Кыргызстана, повышение доверия и единства граждан // http://www.president.kg/ru/sobytiya/ 21492.

106. Президент Садыр Жапаров: Проект строительства ж/д магистрали «Китай-Кыргызстан-Узбекистан» станет одним из альтернативных и важных звеньев Центрально-Азиатского участка Евразийской железнодорожной сети // http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/20229.

107. Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года // https://www.un.org/ru/ documents/decl_conv/conventions/torture.shtml.

108. Резолюция ЭКОСОС ООН № 1296 (XLIV). 23.05.1968 г. // http://www.un.org/ru/ecosoc/docs/1968resolu tions.shtml.

109. Речь Президента Туркменистана Сердара Бердымухамедова на торжественной церемонии инаугурации, 19 марта 2022 г. // http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/ 46159.html.

110. Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 16 октября 2022 года // https://russian.news.cn/special/cpc20/index.html.

111. Совместное заявление глав государств Центральной Азии и Китая по случаю 30-летия установления дипломатических отношений по итогам онлайн саммита Глав государств, 25 января 2022 г. // http://russian.news.cn/ 2022-01/26/c_1310440618.htm.

112. Совместное заявление Консультативной встречи глав государств Центральной Азии, г. Ташкент, 29 ноября 2019 г. // https://www.un.int/uzbekistan/news.

113. Совместное Заявление по итогам Консультативной встречи Глав государств Центральной Азии, г. Туркменбаши, 6 августа 2021 г. // https://turkmenportal.com/ blog/38734.

114. Совместное заявление Консультативной встречи глав государств Центральной Азии, 21 июля 2022 г., г.Чолпон-Ата, Кыргызстан // https://cis.minsk.by/news/23848.

115. Совместное заявление Президентов России и США по стратегической стабильности // http://kremlin.ru/ supplement/5658.

116. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии, 4 февраля 2022 г. // http://kremlin.ru/ supplement/5770.

117. Совместное заявление Соединенных Штатов Америки, Узбекистана и Казахстана о запуске инициативы «Центрально-Азиатское инвестиционное партнёрство», 7 января 2021 г. // https://mift.uz/ru/news.

118. Страны Центральной Азии и США отметили успех формата "C5+1", 5 мая 2021 г. // https://tass.ru/ mezhdunarodnaya-panorama/11307235.

119. Стратегия Соединенных Штатов в Центральной Азии на 2019-2025 годы: укрепление суверенитета и экономического процветания // https://uz.usembassy.gov/ru/ united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity-ru.

120. Считаем недопустимыми шаги по насаждению тоталитаризма в мировых делах // https://www.kommersant. ru/doc/4802278?from=four_mir.

121. США заявили, что не ищут конфликта с КНР, но будут отстаивать в диалоге свои принципы // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10942491.

122. Тельманов Д. Частные военные действия: чем занимаются ЧВК по всему миру // https://www.gazeta.ru/ army/2021/07/11/13721258.shtml.

123. Токаев заявил о поддержке решения Г. Бердымухамедова провести внеочередные выборы президента, 14 февраля 2022 г. // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13701973.

124. Толипов Ф. Эмансипация Центральной Азии: эклектика, синтетика и органика регионализма // В Ташкенте обсудили перспективы сотрудничества стран Центральной Азии // Central Asian Bureau for Analytical Reporting // https://cabar.asia/ru/v-tashkente-obsudili-perspek tivy-sotrudnichestva-stran-tsentralnoj-azii.

125. Тюркское сотрудничество и внешняя политика Турции в Центральной Азии. Интервью // https://caa-network. org/archives/21201.

126. Узбекистан и Казахстан – государства-союзники // https://president.uz/ru/lists/view/4809.

127. Укрепление регионального и международного сотрудничества в целях обеспечения мира, стабильности и устойчивого развития в Центрально-Азиатском регионе, 25 июня 2018 г. // https://www.un.int/uzbekistan/fr/news.

128. Устав Организации Объединенных Наций // http://www.un.org/ru/documents/charter/index.shtml.

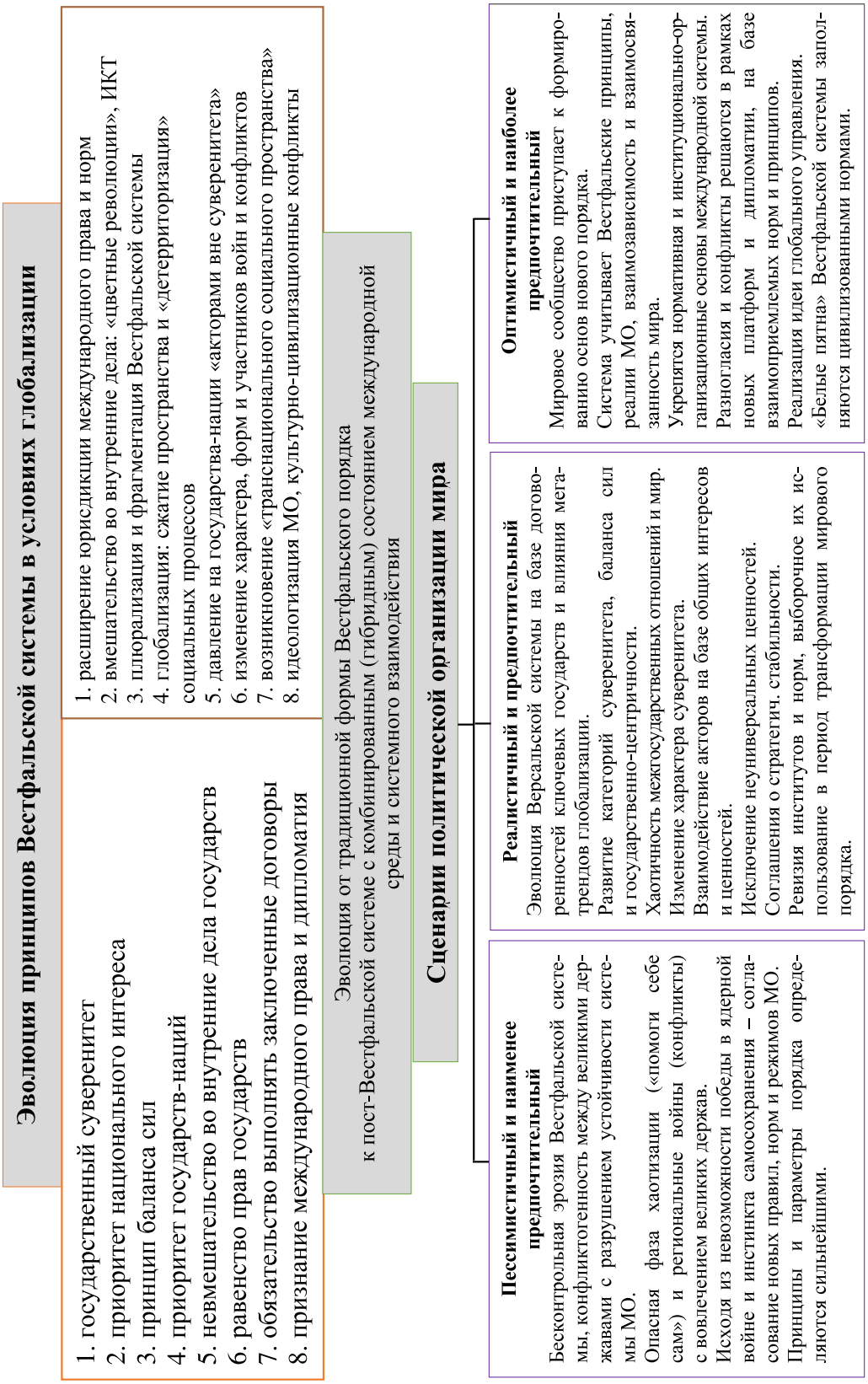
129. Участие И. Рахмона в четвертой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, 21 июля 2022 г., г. Чолпон-Ата, Кыргызстан // https://mfa.tj/ru/main/ view/10726.

130. Участие Н. Назарбаева в Рабочей (консультативной) встрече глав государств Центральной Азии, 15 марта 2018 г. // https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/ meetings_and_receptions.

131. Халк Маслахаты Туркменистана принял историческое решение на 30-летнюю перспективу, 11 февраля 2022 г. // https://tdh.gov.tm/ru/post/30209.

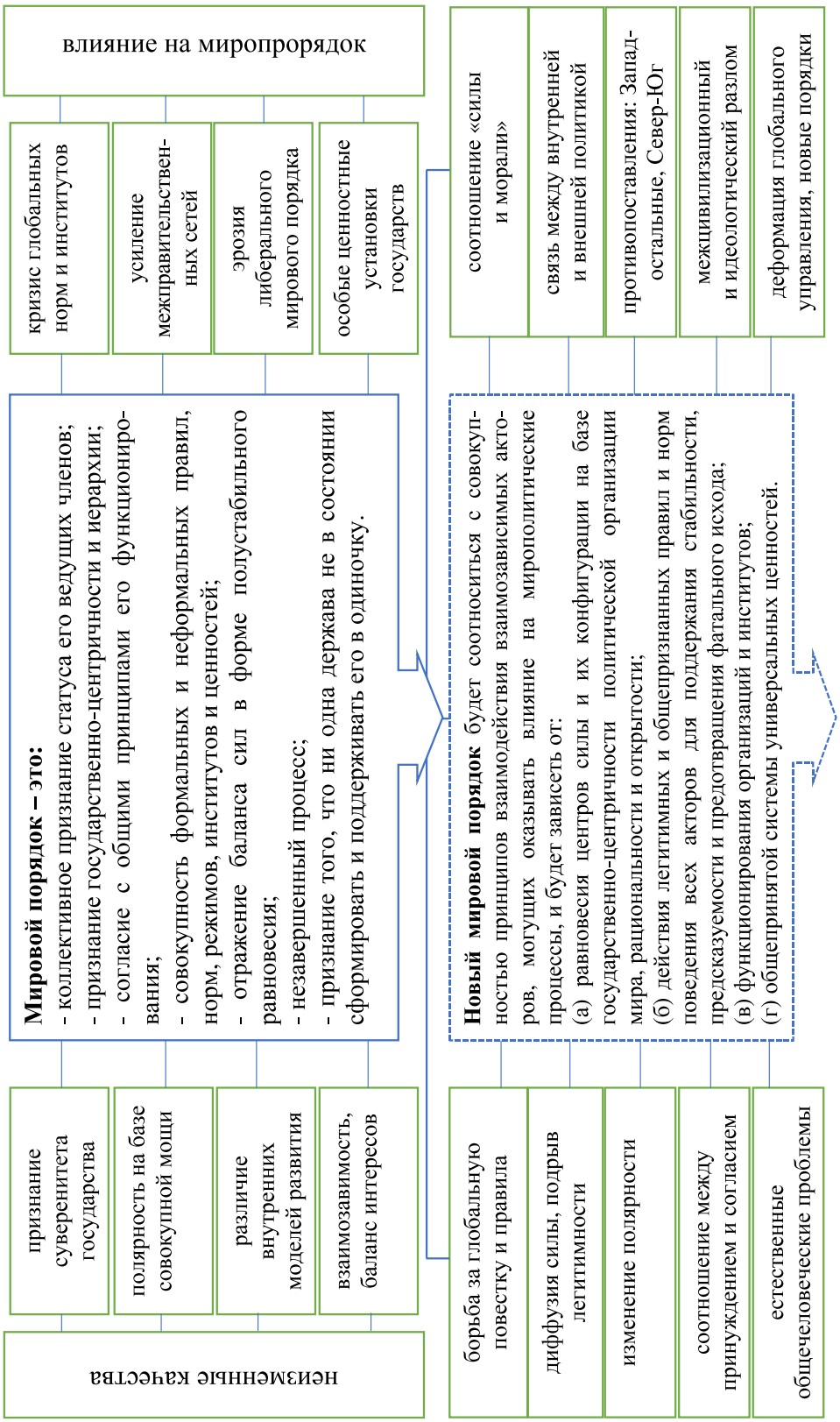
132. Цели в области устойчивого развития // https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals
133. Центральная Азия и Китай: новая эпоха отношений // 26 января 2022 г., «Жэньминь жибао» онлайн // http://russian.people.com.cn/n3/2022/0126/c31521-9949693.html.
134. Чеботарев А. Особенности новой концепции внешней политики Казахстана // Central Asian Bureau for Analytical Reporting, 23 апреля 2020 г. // https://cabar.asia/ru.
135. Чжан Хэнлун. Стратегия постпандемического восстановления мировой экономики: роль институтов развития // https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/strategiya-postpan demicheskogo-vosstanovleniya.

Приложение № 1

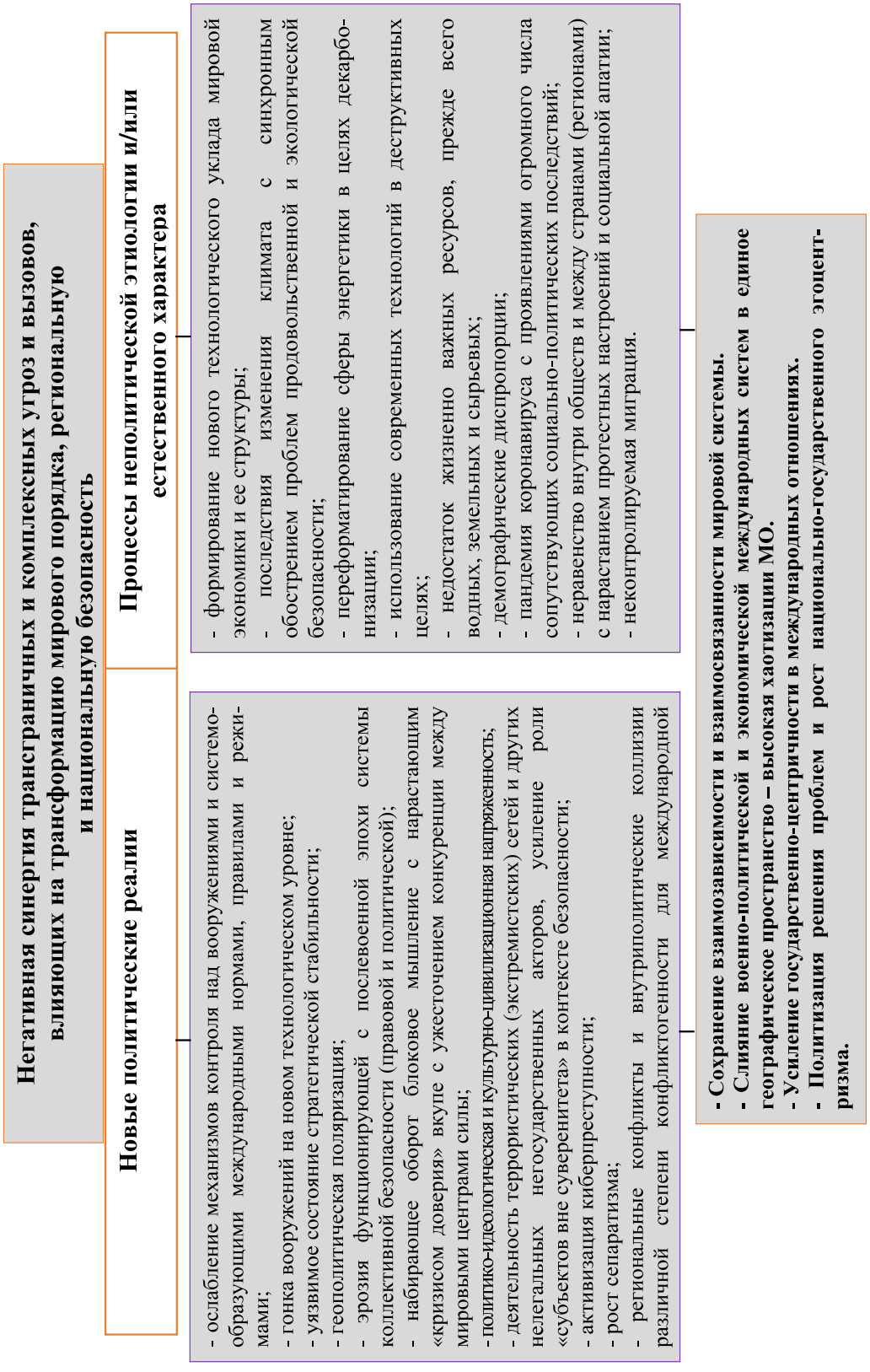


Приложение № 2

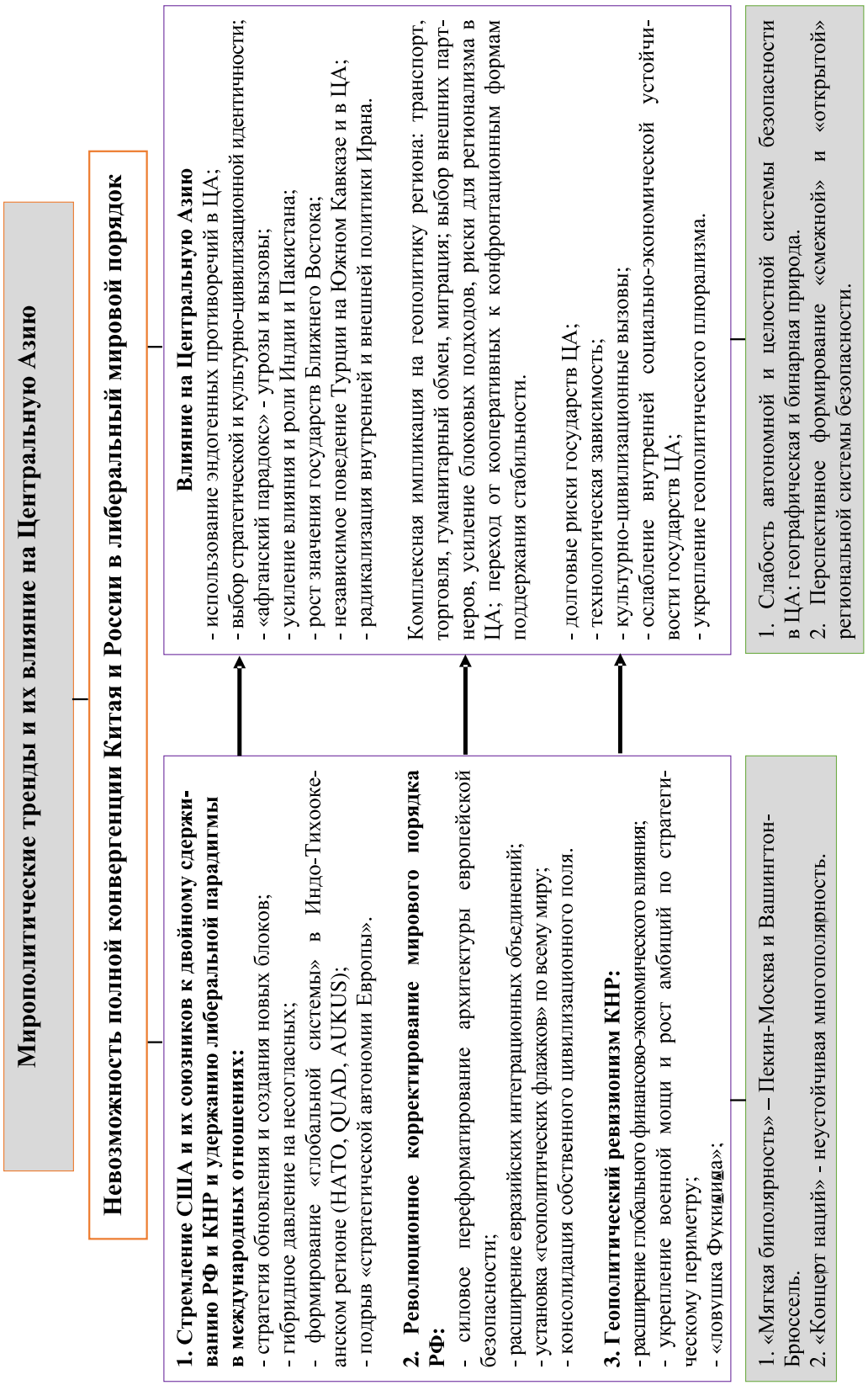
Трансформационная модель мирового порядка



Приложение № 3



Приложение № 4



Приложение № 5

Использованные в монографии сокращения:

АБР – Азиатский банк развития;
АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии;
АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион;
БОМКА – Программа ЕС по содействию управления границами в Центральной Азии;
БРИКС – Межгосударственный неформальный институт сотрудничества стран с крупной развивающейся экономикой – России, Бразилии, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики;
ВБ – Всемирный банк;
ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения;
ВТО – Всемирная торговая организация;
ГА ООН – Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций;
ГБАО – Горно-Бадахшанская автономная область;
ГМО – Генно-модифицированные организмы;
ДРСМД – Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности;
ЕАЭС – Евро-Азиатский Экономический Союз;
ЕС – Европейский союз;
ЗНПО – Зарубежные неправительственные организации;
ИБР – Исламский банк развития;
ИГИЛ – Исламское государство Ирака и Леванта (международная террористическая организация);
ИНОГЕЙТ – Программа межгосударственной транспортировки нефти и газа в Европу;
ИРП – Исламская Республика Пакистан;
ИРИ – Исламская Республика Иран;
КАДАП – Программа ЕС по предотвращению распространения наркотиков в Центральной Азии;
ЛАГ – Лига арабских государств;
МВФ – Международный валютный фонд;
МЕРКОСУР – общий рынок государств Южной Америки, экономическое и политическое соглашение между Аргентиной, Уругваем, Бразилией, Парагваем и Венесуэлой;
ММПО – Международные межправительственные организации;
МНПО – Международные неправительственные организации;
МО – Международные отношения;

МФСА – Международный фонд спасения Арала;
НАТО – Организация Североатлантического договора;
НАФТА – Североамериканская зона свободной торговли;
НПО – Неправительственные организации;
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе;
ОДКБ – Организация договора о коллективной безопасности;
ОИС – Организация исламского сотрудничества;
ОМУ – Оружие массового уничтожения;
ООН – Организация Объединенных Наций;
ОПОП – Китайский инфраструктурный проект «Один пояс – один путь»;
ОТГ – Организация тюркских государств;
ОЦАС – Организация Центрально-Азиатского сотрудничества;
ОЭС – Организация экономического сотрудничества;
ПВО – Противовоздушная оборона;
ПРО – Договор об ограничении систем противоракетной обороны;
РАТС – Региональная антитеррористическая структура ШОС;
РИК – Неформальный диалоговый формат в составе России, Индии и Китая;
СВМДА – Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии;
СНВ-3 – Договор между Россией и США о дальнейшем взаимном сокращении арсеналов развернутых стратегических ядерных вооружений;
СНГ – Содружество независимых государств;
Совбез ООН – Совет Безопасности Организации Объединенных Наций;
СПЕКА – Специальная программа ООН для экономик Центральной Азии;
СУАР КНР – Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая;
ТАПИ – Планируемый магистральный газопровод из Туркменистана в Афганистан, Пакистан и Индию;
ТРАСЕКА – Проект транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия;
ЦА – Центральная Азия;
ЦАЭС – Центральноазиатское экономическое сообщество;
ЦАРИКЦ – Центральноазиатский региональный информационно-координационный центр по борьбе с незаконным оборотом наркотиков;
ШОС – Шанхайская организация сотрудничества;
ЧВК – Частная военная компания;
ЭКО – Организация экономического сотрудничества;
ЭКОСОС – Экономический и Социальный Совет ООН;

ЭПШП – Китайский инфраструктурный проект «Экономический пояс Шелкового пути»;

ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по образованию, науке и культуре;

ЮНКТАД – Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию;

AUKUS – трёхсторонний оборонный альянс, образованный Австралией, Великобританией и США.;

CASA-1000 – Международный энергетический проект по транспортировке электроэнергии из Центральной в Южную Азию;

C5+1 – Формат встреч пяти государств Центральной Азии с США.;

G 7 – «Группа семи» – Неформальный международный клуб, объединяющий Великобританию, Германию, Италию, Канаду, Францию, Японию и США.;

G 20 – «Группа 20», «Двадцатка» – Клуб правительств и глав центральных банков государств с наиболее развитой и развивающейся экономикой;

QUAD – Четырёхсторонний диалог по безопасности между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе;

5 G – пятое поколение мобильной связи, действующая на основе стандартов телекоммуникаций.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УНИВЕРСИТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ДИПЛОМАТИИ

Ш.Ш. Таджиев

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Монография

Издательство «in Science»
Республика Узбекистан, г. Ташкент,
Мирзо Улугбекский р-он, ул. Паркентская, д. 51.
(+998) 99-006-61-10,
info@inscience.uz, https://inscience.uz/